

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855317 3

*QCA
Moskvitya

МОСКВИТЯНИНЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

7693

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВЪЕМЫЙ

М. Погодинымъ.

1855.

ТОМЪ IV.

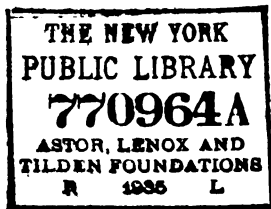

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1855.

19

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва. Сентября 27-го дня, 1855 года.

Ценсоръ И. Безсомыкинъ.

МОСКВИТЯНИНЪ

1855.

№ 13 и 14. ЮЛЬ. КН. 1 и 2.

СЛОВА И РЪЧИ,

ПРОИЗНЕСЕННЫЯ ВЫСОКОПРОЕСВЯЩЕННЫМЪ

ИННОКЕНТИЕМЪ,

АРХИЕПИСКОПОМЪ ХЕРСОНСКИМЪ И ТАВРИЧЕСКИМЪ.

РЪЧЬ,

произнесенная въ Одесскомъ Кафедральномъ Соборѣ, Марта 25-го 1855 г. предъ совершеиіемъ, въ Великій Пятокъ вечеромъ, таинства Елеосвященія, въ память бомбардированія Одессы въ Великую Субботу 1854 г. флотомъ непріятельскимъ.

Къ чему мы приступаемъ въ настоящій часъ?—къ совершеиію св. таинства Елеосвященія.

Но, развѣ мы подвержены какому-либо недугу, ибо оно совершается надъ болящими?

А развѣ можетъ кто-либо сказать, что онъ не подверженъ никакому недугу? — Кто изъ насъ во-первыхъ здравъ совершенно духомъ и безъ всякихъ язвъ въ своей совѣсти? *Аще беззаконія нааршиш, Господи, кто постытъ*¹, — такъ воинопть самые праведники, что же сказать о насъ грѣшникахъ?—Посему для всѣхъ насъ необходимъ елей милосердія Божія.

¹ Псал. СХХІХ, 3.

Многіе ли могутъ похвалиться и совершеннымъ здравіемъ тѣлеснымъ? Ахъ, это здравіе такъ обманчиво, что яныя за минуту до своей кончины нисколько не чувствуютъ того, что внутри ихъ уже господствуетъ смерть, какъ это явствуетъ изъ такъ называемыхъ внезапныхъ смертей, коя, сами въ себѣ, безъ сомнѣнія, не были внезапны, а естественно проросли изъ предварительнаго, и, можетъ быть, давняго разстройства силъ тѣлесныхъ.

Посему таинство Елеосвященія, къ коему приступаемъ мы теперь, какъ врачевство недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ, ни для кого не излишне. Совершенно не нужно было бы оно развѣ только для того первобытнаго, неповрежденнаго еще, тѣла человѣческаго, которое имѣли наши прародители въ раю— до своего грѣхопаденія; хотя и тамъ, къ поддержанію его въ состояніи безсмертія, уготовано было Промысломъ Божиимъ и внѣшнее средство — древо жизни.

Кромѣ сего, какъ показываетъ опытъ, для многихъ изъ насъ и предъ концемъ нашея жизни, на самомъ одрѣ смертномъ, не окажется возможности, по разнымъ причинамъ, сподобиться принять сіе великое таинство изъ рукъ Св. Церкви. Будемъ же, братія мои, приступать къ нему ежегодно въ сей великій и святой день, когда самое пречистое тѣло Спасителя нашего, по снятіи его со креста, помазано было муромъ и вонями отъ праведныхъ Іосифа и Никодима.

Мы сами, впрочемъ, при всемъ желаніи освященія свыше, не дерзнули бы на столь важное и небывалое досель въ сей день священнодѣйствіе, если бы не были приведены къ тому—не нашимъ произволеніемъ, а, можно сказать, самымъ Промысломъ Божиимъ—посредствомъ чрезвычайныхъ событій, совершившихся надъ нами въ Великую Субботу прошедшаго года. Кто изъ насъ можетъ забыть эту сугубо-великую и въ полной мѣрѣ страстную для насъ субботу, когда въ продолженіи цѣлаго дня, какъ на Голгоѣ, содрогалась подъ нами земля, трепеталъ надъ нами воздухъ, когда смерть видимо носилась по стогнамъ нашего града?

Тогда, и не хотящимъ надлежало помышлять не только о спасеніи своей жизни, но и о христіанскомъ приготовле-

ниі себя къ смерти. Предвидя сіе, мы, послѣ великопостнаго говѣнія, и послѣ самага причащенія тѣла и крови Господней, не почли за излишнее обратиться съ вѣрою и молитвою и къ таинству Елеосвященія, яко благодатному напутію къ безбѣдному прохожденію смертоносныхъ опасностей, намъ предстоявшихъ.

Вѣра и упованіе наше не посрамились: мы испытали надъ собою такое дѣйствіе заступленія свыше, которое привело въ радостное изумленіе всѣ края Россіи. Но, если грозившая намъ опасность прешла для насъ безбѣдно; то должна ли вмѣстѣ съ симъ прейти и память о ней, тѣмъ паче о помощи Божіей, тогда надъ нами видимо явленною? Нѣтъ, эта память должна остаться навсегда—въ душевную отраду намъ и въ поученіе родамъ грядущимъ.

Для сей—то именно—святой цѣли, по благословенію святѣйшаго правительствующаго сѣнода, имѣемъ отсель служить ежегодное совершеніе таинства Елеосвященія, теперь нами предначатаго.

Крестъ Господень и Плащаница, предъ коими оно должно совершаться, содѣлаются для насъ такимъ образомъ памятникомъ не только всемірнаго искупленія рода человѣческаго отъ грѣха и смерти, но и благодатнаго избавленія града нашего отъ лютаго нападенія на него въ сіи самыя святыя дни злочестивыхъ иноплемениковъ.

Принми же, богоспасенный градъ Одесса, новое благочестивое учрежденіе сіе съ тою живою вѣрою и благоговѣніемъ, кои подобаютъ градамъ богоспасаемымъ! Притекай спѣшно каждый годъ на совершеніе сего таинства, оставляя для сего всѣ житейскія заботы твои, какъ бы онѣ важны ни казались. Ибо здѣ, въ это время будетъ ожидать тебя Богъ, благодѣтель и спаситель твой; здѣсь и въ это время будешь ты являть предъ Нимъ твою признательность за прошедшую и твое упованіе на Его будущую помощь, которая, судя по твоему мѣстоположенію, не разъ можетъ оказаться снова необходимою для тебя! Когда, съ теченіемъ времени, новыя поколѣнія будутъ вопрошать, что значить *служеніе сіе*¹, не со-

¹ Исх. XII, 26.

вершаемое въ сей день по другимъ странамъ Отчества, тогда отцы и матери, въ изясненіе происходящаго, пусть подобно древнимъ Израильтянамъ, повѣдаютъ чадамъ своимъ, что это благодарственное воспоминаніе великой милости Господней, яже *покры*¹ градъ и дома наши отъ разрушительнаго дѣйствія ужасныхъ перуновъ огней непріягельскихъ.

Внемля сему повѣствованію, да научаются и весь роды грядущіе—любити и боятися Господа Бога своего, вѣрно хранить заповѣди Его, на Него—прежде и паче всего—уповати, и въ Немъ искати спасенія своего—въ день лють!—Аминь.

С Л О В О,

*произнесенное въ Одесскомъ Кафедральномъ Соборѣ, въ день Пасхи,
Марта 27-ю 1855 года.*

Христось воскресе!

Памятуете ли, возлюбленные, какъ мы срътали нынѣшній день въ прошедшемъ году? Срътали и тогда съ радостію; ибо свѣтлый праздникъ, во славу воскресшаго Господа, не могъ не быть радостенъ для христіанина: но это духовное веселіе сильно было возмущено тогда и помрачилось отъ страха всеобщихъ смертныхъ опасностей, потому что грозная туча, нашедшая на насъ въ самый великій пятокъ, продолжала еще висѣть тогда надъ нами, и никто не могъ думать, что она, вмѣстѣ съ постомъ, уже прошла совершенно и не возвратится болѣе.

При воспоминаніи о всемъ этомъ, какъ не возблагодарить Господа, который попустилъ придти на насъ въ прошедшемъ году столь тяжкому искушенію, но вмѣстѣ съ тѣмъ даровалъ намъ и силы перенести его благодушно: *наказул*, наказалъ насъ, яко Отець, за грѣхи наши, *смертиже не предаде* насъ².

Нынѣ другое! Надъ нами нѣтъ уже прежней грозы и

¹ Исх. XII, 27.

² Псал. CXVII, 18.

страховъ; посему намъ можно бы вполне предаться радости и веселію о торжествѣ воскреснаго Спасителя нашего. Но есть и нынѣ, какъ сами въдаете, причина, уменьшающая нашу радость и заставляющая растворять оную иногда слезами сокрушенія. Ибо, тогда какъ мы радостно возглашаемъ здѣсь: *Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертью смертью поправъ*,—въ это самое время тысячи братій нашихъ полагаютъ въ нашей же странѣ души свои въ жестокихъ битвахъ со врагами. Вѣруемъ и надѣемся, что они, не вздыхая, а охотно приносятъ себя въ жертву для блага отечества: но, намъ можно ли, среди радости нашей, забыть ихъ мученическое положеніе, ихъ раны и кровь?

Посему радость о воскресеніи Господнемъ должна принять у насъ нынѣ другой характеръ. Сообразно чрезвычайнымъ и горестнымъ обстоятельствамъ нашимъ, уже не прилично было бы сей радости сопровождаться у насъ какими-либо чувственными увеселеніями и разсыаніемъ мірскимъ, какъ это бывало прежде.—Вмѣсто сего, должна взять верхъ сила благочестія христіанскаго, должно усугубиться посещенію храмовъ Божіихъ, увеличиться молитвамъ, открыться усердію къ вспоможенію бѣднымъ и къ прочимъ св. дѣламъ набожности христіанской.

Помолимся Воскресшему, да даруетъ, подвижающимся за имя Его и за благо отечества, братіямъ нашимъ духа вѣры, терпѣнія и мужества; да благословляются подвиги ихъ и да вѣнчаются побѣдою надъ врагами; да усладятся благодатию Его послѣднія минуты тѣхъ, коимъ суждено пасть жертвою брани, да отпустятся имъ вольныя и невольныя грѣхопаденія ихъ, и да обрящутъ души ихъ успокоеніе въ царствіи небесномъ.

Помолимся и о западныхъ противникахъ нашихъ, кои торжествуютъ нынѣ свою пасху въ единъ день съ нами, да, озаренные свыше, узрять и познаютъ, за кого они постыдно ратуютъ, кому безразсудно приносятъ въ жертву свою жизнь, и, познавши все сіе, да престанутъ быть противу насъ союзниками враговъ Креста Христова!

Помолимся наконецъ за сихъ самыхъ враговъ, то-есть,

злосчастныхъ поклонниковъ лжепророка, да вникнуть и уразумѣють, что если временное спасеніе державы ихъ зависить уже не отъ Магомета и алкорана, а отъ силы и искусства народовъ христіанскихъ; то тѣмъ паче вѣчное спасеніе душъ ихъ не можетъ быть обрѣтено ими нигдѣ болѣе, какъ токмо подъ сѣнію Креста Христова.

Простимъ всѣмъ и вся воскресеніемъ и всѣхъ обьемемъ желаніемъ имъ спасенія и молитвою, да прославится такимъ образомъ въ насъ благодать воскресшаго Госнода, Который положилъ душу Свою для спасенія всего рода человеческого, и воскресъ для блага всѣхъ падшихъ сыновъ Адама.—Аминь.

НАСТАВЛЕНІЕ,

сказанное въ Одесскомъ Кафедральномъ Соборѣ, Апрѣля 8-го 1855 г., Сестрамъ Крестовоздвиженской общины попеченія о раненыхъ воинахъ, по изреченіи или клятвеннаго обѣта на свое служеніе.

Не знаемъ, что теперь на сердце у васъ, по изреченіи вами священнаго обѣта вашего; а мы всѣ, взирая на васъ, радуемся и благодаримъ Господа за то, что въ такое краткое время нашлось у насъ столько душъ, способныхъ, оставивъ все, посвятить себя сердобольному служенію недугующимъ защитникамъ отечества. Кто можетъ не чувствовать ихъ важныхъ и кровавыхъ заслугъ отечеству? Кто не желаетъ отъ всей души уврачеванія ихъ ранамъ, облегченія ихъ страданій? По сему-то мы не усомнимся сказать, что многіе изъ зрящихъ теперь на васъ ублажаютъ вашу участь, и готовы были бы тотчасъ стать на вашемъ мѣстѣ и раздѣлить вашъ обѣтъ, еслибы разныя обстоятельства не отнимали у нихъ возможности къ тому.

Отъ васъ Господь устранилъ всѣ подобныя препятствія; вамъ дано достигнуть того, что у многихъ, по необходимости, осталось въ одномъ благомъ желаніи: вы, а не другіе, примете на свои попечительныя руки героевъ Альмы и Севастополя!

Уразумѣйте же, возлюбленныя, святую высоту вашего призванія! Вы исходите на служеніе болящимъ не отъ себя токмо однихъ, а отъ лица всего отечества; вы должны потрудиться не для обыкновенныхъ больныхъ, а для тѣхъ, кои сами подвизались для отечества до того, что полагали за него, и слѣдственно за всѣхъ насъ, самую жизнь свою. Покажите же имъ — вашимъ усердіемъ, вашимъ самоотверженіемъ, вашимъ сердобріемъ, — какъ высоко ставить отечество подобныя подвиги, какъ много уважаетъ раны своихъ мужественныхъ защитниковъ, какъ готово къ удовлетворенію ихъ нуждамъ! А между прочимъ при каждомъ удобномъ случаѣ возвѣщайте имъ, что св. Церковь молится усердно и всегда будетъ молиться о нихъ, — живыхъ и умершихъ, — что Благочестивѣйшій Государь прилежно печется и будетъ печись не токмо объ ихъ участи, но и о положеніи ихъ присныхъ, — что по всѣмъ краямъ Россіи прославляютъ ихъ мужество и удивляются ихъ подвигамъ, — что наконецъ кровь ихъ пролита не напрасно, вбо гордый врагъ униженъ и началъ уже помышлять о постыдномъ бѣгствѣ изъ земли нашей.

Само собою разумѣется, что на поприщѣ дѣятельности вашей васъ ожидаетъ не радостное зрѣлище. Предъ вами, какъ нѣкогда предъ Пророкомъ, разовѣется такой свитокъ бытія человѣческаго, въ коемъ вписано почти одно *рыданіе*, *жалость* и *горе* *. Но можетъ ли это удивить васъ и привести въ уныніе? — Развѣ вы не знаете заранѣе, что исходите не на праздникъ и торжество, не на вечерю мира и веселія, а на страшное поле войны, — послѣ жестокихъ битвъ, гдѣ естественно все обрызгано кровію, все обожжено огнемъ. Ваше уже дѣло будетъ уменьшить, сколько возможно, число страданій, вздоховъ и слезъ; ваше дѣло будетъ внести отраду и упованіе даже туда, гдѣ готово водвориться отчаяніе; ваше, наконецъ, дѣло будетъ пролить капли утѣшенія христіанскаго на самое возгданіе отходящихъ изъ сей жизни.

И если вы успѣете въ семъ святомъ подвигѣ, (а при по-

* Іез. II, 10.

мощи Божіей почему не успѣтъ?); если даже только начнете его какъ должно; то будьте увѣрены, скоро все приметъ въ очахъ вашихъ другой видъ: мрачныя обитатели бользни и скорбей обратятся для васъ въ священныя мѣста душеусладительнаго служенія Богу и челоуѣчеству: среди стоновъ бользенныхъ начнутъ слышаться умиленные воздыханія молитвенныя; взоры страждущихъ съ невыразимою благодарностію будутъ обращаться къ вамъ; въ собственномъ сердцѣ вашемъ откроется источникъ неизглагоманныхъ утѣшеній и радости о Дусѣ святъ, такъ что вы не промѣняете челоуѣколюбныхъ трудовъ вашихъ ни на какія блага міра. Не такъ ли именно находятъ себѣ отраду, а потому съ такою готовностію нисходятъ съ неба въ нашъ больничный міръ, Ангелы Божіи, конхъ вы будете подражателями и, можно сказать, сотрудицами?—Ибо если гдѣ, то среди подобныхъ мѣстъ скорби и страданій, она всегда присуши и дѣйствуютъ невидимо.

Что и какъ вамъ дѣлать, уже означено въ самомъ объѣмѣ вашемъ: собственное сердце доскажетъ вамъ то, чего не можетъ обнять никакое наставленіе. Помните, между прочимъ, что у недугующихъ собратій вашихъ не одно тѣло болящее, а и душа, по всей вѣроятности, не свободная отъ раи совѣсти. Поелику же безсмертная душа въ челоуѣкѣ стократъ важнѣе его бреннаго тѣла; то, способствуя врачеванію тѣлесному, не оставляйте безъ вниманія и помощи христіанской и души болящей. Оздравѣвшая душа всегда благотворно дѣйствуетъ и на немощи тѣлесныя.

Не забывайте, что изъ находящихся на вашемъ попеченія не всѣмъ дано будетъ возвратиться съ одра бользни къ жизни земной. Да не отыдетъ никто изъ таковыхъ въ вѣчность, безъ опіама вашей молитвы и безъ того благодатнаго напутія, конмъ Св. Церковь обыкла сопровождать *туда* всѣхъ чадъ своихъ!

Въ подкрѣпленіе собственнаго духа вашего, взирайте чаще на крестъ Христовъ, который возложенъ теперь на перси ваши, не для украшенія какого-либо тѣлеснаго, а именно для того, чтобы, когда цужно, вы тотчасъ могли

находить въ немъ укрѣпленіе вашему духу и оживленіе вашему сердцу.

Обращайтесь мыслями своими и къ Пречистой Матери Распятаго Господа, которая не напрасно именуется матерію всѣхъ скорбящихъ. Предъ Нею,—въ семь чудотворномъ ликъ Ея,—произнесенъ вами сейчасъ обѣтъ клятвенный: Она такимъ образомъ содѣлалась и спорушницею вашей вѣрности и вашего усердія. Можетъ ли послѣ сего оставить Она васъ безъ помощи, и не подать вамъ, когда будетъ нужно, вразумленія и подкрѣпленія, отрады и покоя душевнаго?

Чтобы имѣть вамъ какъ бы нѣкій чувственный залогъ таковаго благодатнаго союза съ Нею, примите отъ меня по изображенію сего чудотворнаго лика Ея.

А мы не престанемъ сопровождать васъ нашими молитвами и при первомъ случаѣ, если дастъ Господь, поспѣшимъ быть личными свидѣтелями вашихъ трудовъ и соутѣшиться вашею вѣрою и самоотверженіемъ на пользу страждущихъ отъ ранъ своихъ защитниковъ отечества.—Аминь.

РѢЧЬ,

произнесенная на Щеголевской батарее, 14-го Мая 1855 года, при освященіи новыхъ батарей Одесскихъ.

Долго ли освящать намъ страшныя орудія смерти и истребленія?—Мечу Божій, доколь будешь същи и не увидиши почити въ ножны твоя?... Увы, бѣдный родъ человѣческій! какъ, не много уразумѣлъ ты, въ продолженіи цѣлыхъ семи тысячъ лѣтъ, тайну и цѣль бытія твоего на земли, и какъ мало приблизился ты къ своему высокому предназначенію!— Увы, святая Вѣра Христіанская, такой ли черной неблагодарности надлежало ожидать тебѣ отъ собственныхъ сыновъ твоихъ за тѣ благодѣянія, какими ты ущедряла ихъ досель и видимо превознесла надъ всѣми прочими народами!

Въ самомъ дѣлѣ, братія мои, что значитъ, что образованнѣйшіе изъ народовъ запада съ такимъ упорствомъ хотятъ продлить, вопреки явныхъ пагубныхъ пачьреній самаго Промыс-

ла Божія, существованіе въ Европѣ — среди собственныхъ нѣдръ своихъ, этой дикой орды магометанской, коея бытіе такъ недавно еще почиталось отъ всѣхъ за признакъ гнѣва небеснаго, которая и нынѣ не можетъ иначе существовать, какъ кровію и слезами подручныхъ ей народовъ, — что, говорю, значить это, какъ не то, что сіи такъ называемые, образованные народы, въ ослѣпленіи гордости и себялюбія совершенно забыли совѣсть и человѣчество, и потому ихъ выгоды земныя, и то большею частію мнимыя, а не дѣйствительныя, несравненно важнѣе для нихъ всѣхъ слезъ и всей крови страждущаго отъ магометанскаго ига человѣчества?

Что значить, далѣе, — что эти народы, именуясь христіанскими, продолжаютъ проливать кровь свою за непримиримыхъ враговъ христіанства, жертвуютъ жизнію избранныхъ сыновъ своихъ для того токмо, чтобы продлить тиранское владычество сихъ враговъ надъ подобными имъ народами христіанскими, — что значить все сіе, какъ не то, что для нихъ святая Вѣра наша престола уже быть религіею ихъ души и содѣлалась однимъ празднымъ и ничего не значащимъ именемъ, которое какъ бы даже тяготитъ ихъ собою?

Если кто при семъ радуется, то развѣ одинъ духъ злобы, который искони привыкъ возставлять брата на брата, сына противъ матери. Если кто при семъ торжествуетъ, то развѣ одинъ Магометъ, въ глубинахъ адовыхъ, видя, какъ падающая и оставляемая самими мусульманами, злочестивая хоруговъ его подымается изъ праха и поддерживается въ силъ кровію христіанъ.

Среди сихъ превратныхъ мнзній, сужденій и дѣйствій, среди сей постыдной измѣны человѣчеству и христіанству, какъ отрадно видѣть, что есть еще на земли народъ, который, пребывъ вѣрнымъ Богу отцевъ своихъ, всегда готовъ забыть всѣ выгоды и расчеты, и по первому, такъ сказать, зову и требованію, выйти на служеніе Господу, на защиту правъ бѣдствующаго человѣчества, на исполненіе надъ царствами и народами судебъ предвѣчныхъ! — Еще отраднѣе сказать, что единственный на земли народъ сей есть ты, Богомъ возлюбленное отечество! Ты, православная Россія!..

Въ самомъ дѣлѣ, что побудило тебя съ Боговнчаннымъ, теперь уже не на земли токмо, а и на небеси, Монархомъ твоимъ, изыти на единоборство едва не противу цѣлаго свѣта, какъ не единое чистое и святое желаніе смирить безумную гордость враговъ креста Христова и защитить отъ ихъ неслыханныхъ угнетеній бѣдствующихъ собратій твоихъ. Почивая на лаврахъ, тобою стяжанныхъ, ты могла бы, подобно другимъ державамъ, предаться собственнымъ выгодамъ и расчеатамъ, забывая бѣдное положеніе собратій твоихъ, презирая вопли и стоны страждущаго человѣчества: но ты не поступила такимъ образомъ, и для славы Божіей, мужественно отвергла собственный покой твой. О, Великій Правитель вселенныя на забудеть сего подвига чистой любви и этой великой жертвы твоей! Благодарное человѣчество воздастъ тебѣ, яко же ты воздашь ему, бѣдствующему и уничиженному! Самый лукавый и злобствующій теперь Западъ, по разсвѣтніи слѣпоты его и безчувствія (ибо и у него по временамъ бывають очи и сердце) не замедлитъ признать великость твоего святаго Подвига.

Да, братія мои, мы стоимъ теперь на верху высоты всемирной, стоимъ одни—предъ лицомъ Бога и человѣковъ; все прочее произвольно возлюбилу славу и выгоды человѣческія паче воли Божіей, и потому произвольно унизило себя предъ Богомъ и человѣками. Будемъ ли послѣ сего дивиться, что эта великая и святая стража Божія, на которую вышли мы такъ веледушно, требуетъ отъ насъ напряженія всѣхъ нашихъ силъ и средствъ? Будемъ ли дивиться, что среди сей всеобщей измѣны христіанству, единому православному Отечеству нашему, какъ некогда Симону Киринейскому на пути къ Голгоѣ, пришлось возложить на себя и повести крестъ Христовъ? Кому же и *братіея со змѣемъ и ашлы ео*, какъ не *жени обложенной въ солнце?*¹

Это великое и святое предназначеніе твое, Россія, — въ сонмѣ царствъ земныхъ! Если оно исполняется не въ такомъ видѣ, въ какомъ бы желалось нашей недалъновидности человѣческой; то это новое доказательство, что въ семъ случаѣ

¹ Апок. XII, 1, 7.

дѣйствуютъ не мудрость и расчеты человѣческіе, а предраспоряженіе свыше; ибо, какой Ангелъ судьбъ назначалъ когда-либо самъ себѣ образъ дѣйствій своихъ—а не принималъ его всецѣло отъ престола Вседержителя?

И будьте увѣрены, братія мои, предопредѣленное свыше исполнится во всей силѣ! Кто бы ни поддерживалъ позорное знамя Магомета, ему суждено изветшать и обратиться въ прахъ отъ самаго времени: съ какимъ бы самоотверженіемъ ни старались переливать собственную кровь въ одряхлѣвшій составъ мусульманства, для его обновленія и укрѣпленія,—юное чрезъ то можетъ потерять силу и бодрость, а старое и помертвѣвшее пребудеть устарѣлымъ и мертвымъ. Исламу не существовать болѣе въ томъ видѣ, какъ онъ, ко вреду человѣчества, существовалъ болѣе четырехъ вѣковъ; это видятъ и признаютъ единодушно не только враги, но и друзья его, а первое всего—это ясно виднѣтъ, вполне чувствуетъ и невольно признаетъ—онъ самъ.

И когда все сіе сбудется и исполнится, то за кѣмъ останется святая честь—все это предвидѣть, взвѣснить и провозвѣстить въ слухъ свѣта, какъ не за прозорливымъ Монархомъ Всероссійскимъ, который, по совершеніи на земли служенія Своего, отшелъ въ нѣдра вѣчности, какъ Ангелъ возвращающійся изъ земнаго посольства?

Съ сей-то высоты взирайте, братія мои, вмѣстѣ со св. Церковію, на брань настоящую. Если она представляетъ горькую и темную сторону—въ явной измѣнѣ человѣчеству и кресту Христову народовъ западныхъ; то она же являетъ собою и сторону крайне свѣтлую и отрадную—особенно для насъ, сыновъ православной Россіи; ибо, при семъ случаѣ, предъ лицомъ всего свѣта и во всей силѣ, обнаружилась крѣпость Вѣры и непоколебимость груди Русской. Враги наши, совокупившись во едино, мнили низвести Россію невольно съ той высоты, на которую она возведена Богомъ; а между тѣмъ, Богу такъ извѣдшву, они доселѣ разоблачили только свою слабость и обнаружили нашу недоступность ихъ кознямъ и усиліямъ.

Взирая такимъ образомъ на васъ, храбрые воины, мы ви-

димъ въ васъ уже не простыхъ токмо, хотя мужественныхъ, ратниковъ; видимъ не обыкновенныхъ, хотя неутомимыхъ, защитниковъ отечества,—нѣтъ, мы усматриваемъ въ васъ болѣе всего этого: предъ нами вы, яко видимые совершители невидимыхъ судебъ Божіихъ,—яко исполнители того, чего въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій такъ пламенно ожидали народы Востока, что составляло вѣру и упованіе ихъ мучениковъ и страдальцевъ... Послѣ сего, что можетъ вамъ показаться тяжкимъ въ вашихъ подвигахъ? На что не рѣшится ваше мужество? До чего не прострется самоотверженіе?

Господи и Владыко царствъ и народовъ, аще, посланный тобою, Ангелъ истребитель еще не пожалъ всего числа жертвъ, предназначенныхъ къ истребленію, то да снидетъ сила Твоя и на сіи орудія смерти, и на тѣхъ, коимъ предлежитъ дѣйствовать ими: ибо мы увѣрены, что они будутъ дѣйствовать, какъ подобаешь читателямъ пресвятаго и страшнаго имени Твоего! А если въ беднахъ премудрости и милосердія Твоего обрѣтается какое-либо средство—ускорить концемъ брани и пришествіемъ вождельнаго мира, то да останутся, о Всеблагій, безъ дѣйствія и сіи страшныя орудія и ихъ мужественные служители, о чемъ послѣднемъ, по христіанской любви къ челоѣчеству, они первые умоляютъ благость Твою вмѣстѣ съ нами!—Аминь.

Р ъ ч ь ,

произнесенная въ Одесскомъ кафедральномъ Соборѣ, при возложеніи крестовъ на сестеръ Крестовоздвиженской общины попеченія о раненыхъ воинахъ, 12-го Іюня 1855 года.

• Два чувства рождаются въ душѣ нашей при взглядѣ на васъ, новозбранныя сестры милосердія! Увеличеніе общества вашего и круга вашихъ дѣйствій естественно заставляетъ предполагать, что и число требующихъ сѣрдобольнаго призрѣнія православныхъ воиновъ нашихъ не умалется, а возрастаетъ быстро: мысль горькая и потрясающая! За то можно ли не радоваться духомъ, взирая, съ какимъ усердіемъ

исходите вы на многотрудное служеніе ваше недужнымъ защитникамъ Отечества, по первому извѣстію о нуждѣ въ томъ? Истинно-христіанская готовность ваша на сей подвигъ служить для насъ несомнѣннымъ доказательствомъ той отрадной истины, что если злоба челоувчская неусыпающа въ нанесеніи вреда и ранъ; то любовь христіанская еще неусыпаемѣ въ обязаніи и уврачеваніи оныхъ.

Благодареніе Богу, не разъ уже мы нѣмѣли утѣшеніе слышать, что предшественницы ваши подвизаются усердно, сообразно своему благотворному назначенію, что онѣ, при помощи Божіей, перенесли даже благодушно не малое искушеніе въ посѣтившемъ ихъ недугъ, и что надъ ними сбылось святое замѣчаніе Апостола, что *скорбь терпѣніе содѣлываетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамить*¹.

Подобнаго терпѣнія скорбей и происходящаго отсюда благоуспѣшія ожидаемъ мы и отъ васъ, возлюбленныя о Господѣ сестры! И почему не ожидать намъ сего? Развѣ вы воодушевлены не тѣмъ же благимъ и животворнымъ духомъ Христовымъ? Развѣ ваши обѣты произнесены теперъ не предъ тѣмъ же Евангеліемъ, запечатлѣны не тѣмъ же, страшнымъ и великимъ, именемъ Божіимъ? Развѣ наконецъ вы лобызали не тотъ же самый Крестъ Христовъ и не Его, подобно вашимъ предшественницамъ, воспріями на рамена свои?

О, низпасть съ сей святой высоты значило бы тоже, что упасть съ неба!... Да сохранить Господь всѣхъ насъ отъ подобныхъ паденій! Для васъ предохранить себя отъ того тѣмъ легче и удобнѣе, что вы будете находиться не среди прохлады и успокоенія, не среди радостей и веселія, а среди скорби и слезъ, среди стона и воздыханій.—Если о болящихъ тѣломъ вообще сказано у Апостола, что *страдацій плотию перестають грѣшить*²; то и о васъ, кои будете служить страдающимъ плотию, должно сказать, что вы, по самому мѣсту и роду занятій своихъ, далѣе другихъ отъ искушеній и соблазновъ мірскихъ. О, болѣзни и смерть не то, что мы и слабыя

¹ Рим. V. 3—5.

² 1 Петр. IV, 1.

слова наши: это великіе и самыя краснорѣчивыя наставники въ вѣрѣ и добродѣтели!

Скорѣе можете угрожать вамъ другою врагъ — уныніе и малодушіе, яко имѣющимъ ходить и дѣйствовать, можно сказать, среди мрака и сѣни смертной. Но, за то сколько и средствъ у васъ, возлюбленныя, противъ всякаго уныніа и всѣхъ видовъ малодушіа?... Не со всѣми ли вами молитвы и благословеніе Св. Церкви? Не о васъ ли забота и материнское попеченіе Августѣйшей Учредительницы Христолюбиваго общества вашего? Не съ вами ли, надъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ челолюбія, будутъ труждаться и служители здравія тѣлеснаго, то-есть, врачи искусные, и служители здравія духовнаго, то-есть, духовные отцы и пастыри опытные? Не на всѣхъ ли васъ наконецъ возложенъ крестъ Христовъ—это непобѣдимое оружіе Христіанина? И вамъ унывать? И вамъ малодушествовать?—Пить, возлюбленныя, укрѣпляемыя вѣрою, воодушевляемыя любовію, окрыляемыя упованіемъ жизни вѣчной, вы будете имѣть столько духа и твердости, чтобы спасти отъ малодушіа, ободрять и одушевлять всѣхъ вѣранныхъ попеченію вашему, когда они будутъ поникать подъ тяжестію тѣлесныхъ страданій.

Грядите же съ миромъ въ путь вашъ, и дайте намъ скорѣе услышать о благословенныхъ трудахъ вашихъ, дабы мы могли возблагодарить за васъ Господа, который какъ Единъ полагаетъ на сердце наше сѣмена намѣреній чистыхъ и благихъ, такъ Единъ же даетъ имъ силу расти и приходитъ въ зрѣлость.—Аминь.

С Л О В О,

сказанное при посѣщеніи Крыма, въ Александроневскомъ Симферопольскомъ соборѣ, Іюня 23-го 1855 г.

Во время послѣдняго посѣщенія мною вашего города, подъ конецъ прошедшаго года, я бесѣдовалъ съ вами, если помните, хотя отечески, но съ нѣкоторою суровостію, какъ того требовали тогдашнія обстоятельства ваши: и признаюсь, хотя суровость сія была дѣломъ не моего какого-либо про-

швола, а слѣдствіемъ необходимости; но, не смотря на то, не разъ сожалѣлъ я о ней, и, если бы возможно было, возвратилъ бы назадъ сказанное: ибо кто же, — выразился подобно Ап. Павлу¹ — кто же будетъ доставлять вамъ отраду и радовать васъ среди настоящихъ скорбей вашихъ, если мы еще будемъ васъ печалить и сурово обращаться съ самыми ранами вашими? Посему-то, говорю, я пенялъ на себя самого за васъ, и прилежно смотрѣлъ за тѣмъ, что произойдетъ съ вами впоследствии: не будете ли вы *пожертвы печалію*² и уныніемъ, не придете ли еще въ большее смущеніе; или, опомнившись отъ страха, взойдете въ духъ мужества и упованія, который я старался внушить вамъ, и начнете мыслить и дѣйствовать, какъ можно и должно было ожидать отъ жителей города, столь почтеннаго, отъ людей, кои всегда извѣстны были за усердныхъ сыновъ Отечества. Благодареніе Богу, надъ вами—и весьма скоро,—произошло послѣднее; и сбылись во всей силѣ слова Ап. Павла, который говоритъ, что *печаль яже по Бозъ*,—а другой мы не хотѣли и производить, — *покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣлываетъ*³.

Воздремавъ, по слабости человѣческой, на краткое время, подобно мудрымъ дѣвамъ въ Евангеліи, вы весьма скоро пробудились, спѣшно наполнили свои свѣтильники елеемъ милосердія, и не медля вышли бодрственно во срѣтеніе жениху. Я разумѣю подъ симъ то, что вы такъ скоро послѣ того начали дѣлать и доселѣ такъ постоянно и усердно дѣлаете для уязвленныхъ на брани воиновъ нашихъ. Помните ли, какъ я призывалъ васъ къ сему Бугоугодному подвигу? Какъ указывалъ вамъ на полную возможность и ближайшую удобность для васъ, по самому мѣстоположенію города вашего, отличиться въ семъ родѣ человѣколюбія предъ лицомъ цѣлаго Отечества? Теперь вижу, что вы вполне поняли мои слова, и уразумѣли это преимущество вашего мѣстоположенія, уразумѣли, и признаюсь, содѣлали еще болѣе, нежели

¹ 2 Кор. II, 2.

² 2 Кор. II, 7.

³ 2 Кор. VII, 10.

сколько можно было требовать отъ васъ. — Что теперь весь городъ вашъ? Это не городъ, а одна пространная лечебница, у коей почти столько же отдѣленій, сколько въ городѣ домовъ. Конечно, все это представляетъ изъ себя печальное явленіе, свидѣтельствующее о множествѣ жертвъ настоящей брани; но вмѣстѣ съ симъ — съ вашей стороны — это составляетъ умилятельное торжество любви христіанской. Куда ни помотришь, вездѣ видишь слѣды этой любви. Тамъ напр. было мѣсто главнаго управленія здѣшняго края: теперь тутъ главная лечебница. Тамъ былъ домъ наукъ и образованія юношества: теперь тутъ лечебница. Здѣсь и здѣсь обитали начальники, главные и не главные: теперь во всѣхъ этихъ домахъ помѣщаются болящіе воины. Подобное произошло и съ частными домами: самыя лучшіе и удобнѣйшіе добровольно отданы самими хозяевами подѣ лечебницы. Гдѣ покоилась роскошь, тамъ успокоивается теперь отъ своихъ ранъ мужество и доблесть. Въ похвалу вашу довольно сказать, что число призрѣваемыхъ въ недугѣ защитниковъ Отечества во градѣ вашемъ не разъ равнялось почти числу его жителей!

И какъ хорошо и по христіански совершается у васъ это святое дѣло челолюбія! Какъ будто лечуемыхъ у васъ было не дѣяныя тысящи, а нѣсколько десятковъ. Кромѣ вещественнаго успокоенія страждущихъ и заботы о ихъ немоощномъ тѣлѣ, съ ними обращаются у васъ, какъ всегда должно поступать съ людьми и христіанами, то-есть, преподавая имъ не одиъ снѣди и питія цѣлебныя, но внушая имъ терпѣніе и вѣру, возбуждая надежду на Спасителя и Его всемогущество, распространяя надѣ одромъ ихъ благоуханіе молитвы, согрѣвая ихъ теплотою любви, напутствуя въ самыя врата вѣчности тайнствами св. Церкви и упованіемъ жизни вѣчныя. Достоинно всякаго одобренія и то, что все сіе дѣлается не для однихъ своихъ, а и для самыхъ враговъ нашихъ, кои жребіемъ войны пали къ намъ въ плѣнъ. Найдя такой, неожиданный для нихъ, призоръ и благотворительность, многіе изъ нихъ благословляютъ свою участь, спасую ихъ отъ явной смерти.

Смотря на все сіе, я радуюсь сугубо и благодарю Бога не за васъ токмо, но и за себя; ибо союзъ духовныхъ пастырей съ пасомыми таковъ, что они не могутъ ни страдать, ни радоваться порознь, а испытываютъ то и другое вмѣстѣ и нераздѣльно. Теперь вы исполнили свой долгъ любви къ Отечеству, какъ подобаеть истиннымъ сынамъ его; подаля прекрасный примѣръ всѣмъ прочимъ городамъ, и близкимъ и дальнимъ; вознаградили съ лихвою свое прежнее — не малодушіе, ибо его на самомъ дѣлѣ не было, а смущеніе и верѣшительность. Да будетъ же за сіе отъ всѣхъ насъ благодареніе Господу! Ибо безъ Его тайнаго благодатнаго дѣйствія на нашу душу и сердце, мы, какъ свидѣтельствуеть св. Павелъ, не можемъ и помыслить, тѣмъ паче сдѣлать чего-либо истинно добраго¹.

Послѣ сего, возлюбенные, всѣмъ намъ остается пожелать молитвенно двухъ вещей, — во-первыхъ скорѣйшаго окончанія брани, столь неправедно противъ насъ воздвигнутой, а во-вторыхъ, чтобы священный огонь любви и челоуѣколюбія, разгорѣвшійся у васъ въ такое чистое и яркое пламя, не угасалъ, а горѣлъ въ сердцахъ вашихъ всегда, и производилъ тоже самое, что теперь, доколь въ томъ будетъ нужда. Зная васъ и вашу доброту душевную, мы нисколько не сомнѣваемся, что, при помощи Божіей, такъ именно и будетъ съ вами. Ибо, если защитники Севастополя не престанутъ стоять и умирать за насъ; то намъ ли престать служить имъ, чѣмъ только можетъ, и возливать елей на ихъ кровавыя раны?—Аминь.

С Л О В О ,

произнесенное въ Севастополь, въ лагерной, что на сѣверномъ укрѣпленіи, церкви, Іюня 25-го, 1855 года.

По всему лицу земли Русской нѣтъ ни одного сына Отечества, который бы въ настоящее время не привѣталъ постоянно мыслію своею съ вами, мужественные защитники

¹ 2 Кор. III, 5.

Севастополя, который не скорбѣлъ бы вашими скорблями, не болѣзновалъ вашими ранами, равно какъ не радовался бы о вашихъ успѣхахъ, не хвалился вашею твердостью и мужествомъ. Тѣмъ паче мнѣ, какъ духовному пастырю страны сей, хотя и недостойному, невозможно не присутствовать всегда съ вами духомъ, вѣрою, молитвою, и не раздѣлять отъ души всего, что происходитъ съ вами — и радостнаго и печальнаго.

По сему-то въ прошедшемъ году, не смотря на то, что городъ вашъ былъ посѣщенъ мною непосредственно предъ тѣмъ, я, — при первой вѣсти о вторженіи къ вамъ враговъ — немедленно посѣщилъ сюда, дабы раздѣлить съ вами самые первые дни опасности; и если, при всѣхъ усиліяхъ, не успѣлъ достигнуть тогда до васъ, то потому, что всѣ пути къ вамъ были уже пресѣчены врагами. Видя сіе, я, подобно птицѣ, кружащейся вокругъ занятаго кѣмъ-либо гнѣзда ея, долго странствовалъ по разнымъ мѣстамъ вокругъ вашего города; и не прежде оставилъ здѣшній полуостровъ, какъ совершенно увѣрившись, что самая главная опасность для васъ уже прошла, что всѣ, беззащитныя въ вашемъ городѣ, мѣста укрѣплены достаточно, и вы можете съ доброю надеждою стать противу враговъ.

Какъ потомъ дорога была намъ каждая вѣсть о васъ! Съ какимъ усердіемъ принимали мы, съ какимъ нетерпѣніемъ слушали всякаго, кто появлялся изъ вашего города! Сколько разъ съ своей стороны мы покушались оставить свое мѣстопребываніе и всѣ дѣла, и, такъ сказать, бѣжать къ вамъ, чтобы собственными глазами видѣть ваше многотрудное положеніе, и раздѣлить съ вами наши чувства и ваши опасности!

Наконецъ, давнее желаніе наше исполнилось! Благодареніе Богу, мы теперь среди васъ: видимъ ваше лице, слышимъ вашъ голосъ, можемъ осязть васъ руками нашими! Въ семъ случаѣ, прежде всякаго слова, мы желали бы братски обнять всѣхъ васъ и облобызать каждого тѣмъ святымъ лобзаніемъ, которое Ап. Павелъ препосылалъ сущимъ въ отдаленіи, возлюбленнымъ ученикамъ и братьямъ своимъ о Христвѣ.

Да, возлюбленные, безпримѣрнымъ мужествомъ противъ враговъ и долготерпѣніемъ вашимъ, вы давно вышли и вознеслись изъ рѣда людей и воиновъ обыкновенныхъ:—видимо приблизились къ знаменитому сонму древнихъ поборниковъ земли Русской; содѣлались не только любезными, но и священными для всѣхъ сыновъ Отечества. Вы — слава Россіи, утѣшеніе ея Монарха, радость св. Церкви, предметъ удивленія для самыхъ враговъ и всего свѣта!

Какъ же намъ послѣ сего не радоваться о васъ духомъ? Какъ не благодарить за васъ Бога? Какъ не желать вивстить всѣхъ васъ въ сердце своемъ?

Посѣщая въ прошедшемъ году, предъ наступавшею бурей, городъ вашъ, и полагая — предъ лицомъ и въ виду враговъ—основаніе вашего храма св. Владимира, я позволилъ сказать себѣ тогда, что скорѣе не останется камня на камнѣ въ горахъ здѣшнихъ, нежели уступится врагамъ нашимъ эта колыбель Русскаго православія. Благодаря вашему безпримѣрному самоотверженію, слабыя слова мои исполнились, какъ нѣкое пророчество. Уже лице многихъ горъ и холмовъ окрестныхъ измѣнилось совершенно; а вы одни и тѣже — тверды и неизмѣнны! Уже цѣлая Галлія и Британія и весь мусульманскій востокъ облеклись чернымъ покровомъ печали о падшихъ здѣсь сынахъ своихъ; а вы одни и тѣже — тверды и неизмѣнны! Уже врагу ожесточенному не разъ оскудѣвали и люди и оружіе; а вы одни и тѣже — тверды и неизмѣнны!

Можно ли во всемъ этомъ, при всемъ вашемъ мужествѣ, не примѣтить съ благоговѣніемъ и знаменія надъ вами силы Божіей и благословенія свыше? Кто, какъ не Онъ, поразилъ неожиданною слѣпотою надменную гордыню враговъ нашихъ, да не познаютъ, въ самомъ началѣ вторженія, и вашей готовности къ браши и слабости вашихъ силъ и стѣнъ? Кто, какъ не Онъ, умудрилъ юныхъ защитниковъ вашихъ въ немногіе дни воздвигнуть и совершить въ защиту града вашего то, на что въ другое время потребовались бы цѣлые годы? Кто, какъ не Онъ, послалъ въ союзники вамъ эту ужасную бурю, которая разразилась надъ врагами губитель-

нве всякой битвы? Кто наконецъ, какъ не Онъ, отнялъ слѣ у большей части разженныхъ стрѣль вражійхъ и заставилъ ихъ праздно и безвредно для васъ падать на землю? Не Онъ же ли подалъ и вамъ тогъ духъ мужества и долготерпѣнія, коему удивляются теперь все и вездѣ? Падемъ же, братія мои, предъ симъ престоломъ благодати, и скажемъ словами Царя-пророка: *не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему даждь славу*¹; ибо безъ Твоей всеильной помощи какъ возмogli бы мы совершить то, что совершенно досель во славу пресвятаго имени Твоего и ко благу Россіи?

Стойте-жь, возлюбленные, стойте непоколебимо на той святой высотѣ, на которую возвелъ и поставилъ васъ самъ Господь! Продолжайте неослабно великое и священное служеніе ваше Церкви и Отечеству! Довершайте то, что начато вами такъ достолавно и продолжено досель такъ безпримѣрно! Помните, что за вами—Россія, предъ вами—потомство, надъ вами—Богъ и Его всесвятый промыслъ! Не забывайте, что вами сдѣлано уже гораздо болѣе того, что остается сдѣлать. Еще одно, другое поприще времени и терпенія; еще одна, другая побѣда;—и врагъ со стыдомъ долженъ будетъ возвратиться вспять. О, какъ тогда воскликнетъ и восплещетъ отъ радости вся Россія! Какъ отрадно будетъ тогда во всю жизнь на сердцѣ у каждаго изъ васъ! Тогда во всей силѣ сбудется и надъ вами слово Спасителя: *жена, егда раждаетъ, скорбь имать, яко прииде годъ ея: егда же родить отроча, ктому не помнитъ скорби за радость, яко родися человекъ въ міръ*².

О, великъ будетъ этотъ, имѣющій родиться, среди настоящихъ трудовъ и скорбей вашихъ, человекъ въ міръ! И на чель его будетъ написано: святая и православная Россія не боится на земли никого, кромѣ Бога, Единаго Бога!—**Аминь.**

¹ Пс. СХІІІ. 9.

² Іоан. ХVІ, 21.

С Л О В О,

сказанное въ Севастопольскомъ Николаевскомъ Соборѣ, во время бомбардированія сего города непріятелями, Іюля 26-го, 1855 г.

Не смотря на эти неумолкающіе удары громовые, мы таки съ радостію исходимъ предъ васъ, братія, для втораго и послѣдняго собесѣдованія съ вами.... Ибо, долголи намъ быть у васъ?—По самому образу настоящей жизни и роду занятій вашихъ здѣсь, мы должны оставить васъ, дабы дать вамъ болѣе досуга и удобности къ великому дѣлу нашему. А между тѣмъ, можно ли было вчера—за одинъ разъ высказать все, что было у насъ на душѣ?... Послѣ столькихъ опасностей, вами перенесенныхъ, и посреди столькихъ новыхъ опасностей, вамъ непрестанно угрожающихъ, вы—по необходимости—кажегесь намъ такими людьми, кои уже какъ бы не принадлежатъ нашему міру, и съ коими, по тому самому, нельзя довольно наговориться.

Но, о чемъ будемъ бесѣдовать? Найдите, если угодно, для сего предметъ вы сами; только не требуйте, братія мои, чтобы мы начали учить васъ и наставлять чему-либо. Ахъ, теперь, какъ сами видите, время уже не учить и учиться, а творить изученное и дѣйствовать, время—молиться и, если нужно, умирать, какъ подобаетъ христианину и истинному сыну Отечества!

Если бы впрочемъ для кого-либо потребно было вразумленіе, то мы вѣруемъ, что вашъ наставникъ теперь и учитель—самъ Духъ святой, который никогда не оставляетъ истинно вѣрующихъ безъ необходимыхъ для нихъ, тайныхъ озареній въ ихъ сердцахъ, тѣмъ паче не можетъ оставить безъ сего васъ, кои за Вѣру и Отечество полагаете свои души. Внимайте сему Божественному Наставнику, выну глаголющему въ нашей совѣсти, исполняйте вѣрно внушаемое Имъ;—и вы, какъ увѣряетъ возлюбленный ученикъ Христовъ, не потребуете, да кто учитъ вы¹.

Что касается до насъ, коимъ выпалъ рѣдкій жребій—быть свидѣтелями нашего безпримѣрнаго положенія, и ко-

¹ I Іоан. 11, 27.

ниъ, по всей вѣроятности, не представится подобнаго, крайне-поучительнаго случая въ другой разъ; то мы погрѣшили бы не только противъ самихъ себя, но и противъ всѣхъ будущихъ слушателей нашихъ, если бы не постарались понять и изучить твердо всю вашу, такъ великую и такъ громогласную, проповѣдь Севастопольскую.

Да, братія мои, все, происходящее у васъ здѣсь, я называю не иначе, какъ *проповѣдію всемірною*, которая произносится только на землѣ, а слагается не на землѣ, а на небѣ! Ибо, кто изъ самыхъ первыхъ и дѣятельныхъ виновниковъ и распорядителей настоящей брани можетъ сказать, что происходящее здѣсь совершается не по другимъ причинамъ, а по его волю, и окончится, когда и какъ ему угодно? Нѣтъ, къ вамъ — сюда простираетъ теперь взоры вся вселенная; отсюда ожидаютъ рѣшенія своей судьбы цѣлыя царства и народы; — но никто не вѣдаетъ и не можетъ сказать, что выйдетъ наконецъ изъ этихъ молній и громовъ, коими, какъ некогда Синай¹, окруженъ столько времени вашъ городъ. Въ качествѣ земныхъ посредниковъ при семъ великомъ дѣлѣ явятся, безъ сомнѣнія, и, можетъ быть, не одинъ Моисей и Ааронъ, но самыя скрижали новаго политическаго завета сойдутъ съ неба; написанныя *перстомъ Божиимъ*².

И смотрите, какъ для выслушанія этихъ новыхъ откровеній небесныхъ — сведены сюда — къ вамъ, какъ на юдоль Юсафатову³, едва не всѣ народы! Что всего неожиданнѣе, — соединяемые общею враждою къ намъ, здѣсь явились, яко братія, тѣ народы, кои досель не могли равнодушно слышать имени одинъ другаго. Никто изъ нихъ не расположенъ слышать о путяхъ Промысла Божія, тѣмъ паче подчиниться имъ; каждый водится собственными выгодами и дѣйствуетъ по своимъ страстямъ; всѣ, подобно строителямъ столпа Вавилонскаго, говорятъ громко: *сотворимъ себѣ имя*⁴!

¹ Исх. XIX, 18.

² Исх. XXXI 18.

³ Ion. III, 12.

⁴ Быт. XI, 4.

И однакоже, посредствомъ всѣхъ сихъ, столь разнообразныхъ и такъ, по видимому, самостоятельныхъ дѣйствователей видимо совершается—и совершится!—чуждое для нихъ, единое великое дѣло Божіе.

Подробности сего дѣла покажетъ всему свѣту время; но сущность его видна уже теперь: это окончательное паденіе магометанства! это рѣшительное возстаніе отъ униженія и рабства—православнаго Востока! это грозное обличеніе и кровавый урокъ невѣрію и закоренной гордыни Запада!

Да, братія мои, *есть*, какъ замѣчаетъ Премудрый, *есть время всякой вещи подѣ небесемъ*¹! Было время за четыре вѣка предѣ симъ,—когда, въ наказаніе неправдъ человѣческихъ солнцу восточнаго Православія предлежало—на известное время — сокрыться съ горизонта политическаго и уступить свое мѣсто луни Магометовой; и ничто не могло остановить заходенія солнца и восхожденія луны. Теперь, когда эти грѣхи и неправды омыты цѣлыми вѣками слезъ и крови, настало другое время — исчезновенія луны Магометовой и восхожденія снова солнца восточнаго Православія; и ничто не остановитъ сего исчезновенія и сего восхода.

Тщетно Британія, Галлія, Сардинія — явно, и едва не весь прочій Западъ — тайно, по нерасположенію къ намъ, возстаютъ противъ дѣла Божія, и, вопреки своихъ выгодъ истинныхъ, вопреки долга и чести, объявляютъ себя защитниками мнимо-гонимыхъ нами мусульманъ. Въ семъ—то и познается и обнаружится предѣ цѣлымъ свѣтомъ сила Премудрости Божіей и немоць и недалководидность мудрости человѣческой, что, соединенныя противу насъ въ пользу мусульманства, державы будутъ дѣлать одно, а выходить будетъ другое, противное; потому что ихъ усилія и возбужденныя ими потрясенія къ поддержанію издыхающаго магометанства лишатъ его и послѣдняго останка силъ и ускорятъ совершенное паденіе и смерть. Какъ это можетъ быть, подумаетъ кто либо?—Такъ же, какъ человѣкъ, совершенно

¹ Екклес. III, 1.

истощенный въ силахъ отъ болѣзни или долгихъ лѣтъ, еще продолжаетъ жить и дышать, если его оставляютъ въ покоѣ и не принуждаютъ дѣлать усиленныхъ движеній или принимать сильныхъ лекарствъ; а въ противномъ случаѣ, онъ отъ самаго напряженія силъ впадаетъ въ безчувствіе и подвергается смерти. Такъ же точно, какъ изветшавое и долунаклоненное зданіе, не троганное, продолжаетъ на удивленіе всѣхъ стоять на своемъ мѣстѣ, а сильно тронутое, хотя бы то было для опоры или поновленія нѣкоторыхъ частей, тотчасъ теряетъ равновѣсіе и обращается въ развалины. Таково, по суду всѣхъ, самыхъ друзей и защитниковъ ея, нынѣшнее положеніе державы мусульманской: для нея вредоносны всѣ усиленные движенія, кои заставляютъ ее дѣлать, — пагубны всѣ сильныя и изысканныя врачевства, коими думаютъ спасти ее отъ смерти. Подобно разстающимъ съ жизнью и кончающимъ свое бытіе, для сей державы необходимъ былъ только совершенный покой и безмолвіе; но, по неразумнью или неискренности своихъ друзей, она, какъ бы въ наказаніе свсего всегдашняго буйства, не будетъ имѣть при концѣ своемъ и сего утѣшенія.

Видите теперь, что совершается у насъ и къ чему вы призваны, возлюбленные! Не малое что-либо и даже не просто человѣческое происходитъ здѣсь, а выходитъ изъ-подъ печати ¹ въковая тайна Промысла Божія; приходитъ въ исполненіе надъ царствами и народами единъ изъ великихъ судовъ Божіихъ; рѣшается, на долго рѣшается, судьба Востока и Запада, а можетъ быть, и всего свѣта. Цѣлые вѣка прошли въ ожиданіи настоящихъ событій, и цѣлые вѣка будутъ выражать собою ихъ послѣдствія. О, есть за что пролить вамъ кровь свою, какъ она ни драгоценна для насъ! Есть ради чего принести въ жертву свою жизнь, какъ она ни важна и невознаграждима!

И примѣтите, съ какимъ благоприличіемъ и съ какою, можно сказать, трогательностію избрано свыше самое мѣсто этой новой борьбы добра со зломъ, этого спора страстей и

¹ Апок. VI, 1.

злобы человеческой съ судьбами правды Божіей. Огнь настоящей брани возгарался и могъ разгорѣться въ разныхъ мѣстахъ; но разгорѣлся и сосредоточился во всепожирающее пламя именно у васъ и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ колыбель нашего Православія, на томъ мѣстѣ, гдѣ Отечество наше срътилось нѣкогда и вступило навсегда въ духовный союзъ съ православнымъ Востокомъ. Симъ самымъ Промысль Божій явно показалъ, что у него заранѣе все расчитано и опредѣлено. Симъ самымъ Россія поставлена, можно сказать, въ необходимость — стоять за сіе мѣсто, какъ за святыню и драгоценность. Симъ самымъ врагу, при всей его надменности, какъ бы заранѣе сказано: до сего, только до сего!—дойдеш и не преjdeши!

Послѣ таковыхъ чрезвычайныхъ распоряженій Промысла Божія о судьбѣ настоящей брани, какъ иначе назвать васъ, братія мои, какъ не ратниками Божіими, какъ не воинствомъ Иеговы, какъ не исполнителями судебъ вышнихъ? Такъ смотритъ на васъ вся Россія; такъ смотрятъ на васъ, повсюду всѣ, вѣрующіе въ управленіе нашего міра не случаемъ слѣпымъ, а премудрымъ Промысломъ Божіимъ: такъ взирайте, возлюбленные, и вы сами на свое дѣло, взирайте со смиреніемъ и преданностію, но и съ вѣрою живою и упованіемъ твердымъ. — Если, по сему, къ кому, то къ вамъ можно отнести во всей силѣ слово Евангелія: *цмѣйте въру Божію*¹; и *ничтоже не возможно будетъ вамъ*². Если кому, то вамъ принадлежитъ оное всеуспокоительное обѣщаніе: *вамъ же и власи главнїи изочтени суть*³, такъ что ни одинъ изъ нихъ не упадетъ безъ воли Отца небеснаго. Наконецъ, если кто, то каждый изъ васъ всякой день можетъ и долженъ повторять самъ себя: *буди въренъ до смерти, и дамъ ти вѣнецъ живота*⁴!

Кто не видитъ и не понимаетъ, что вы непрестанно находитесь предъ лицомъ смерти? Не легко должно быть это

¹ Марк. XI, 23.

² Мѣт. XVII, 20.

³ — — X, 30.

⁴ Апок. II, 10.

для чловѣка чувственнаго, облеченнаго въ плоть и кровь. Но для чловѣка внутренняго, для дѣла спасенія, такое положеніе, какъ ваше, соединено съ величайшими преимуществами. Сколько бы обыкновеннымъ путемъ надобно было идти, чтобы достигнуть до той высоты самоотверженія христіанскаго, гдѣ, какъ заповѣдуетъ Евангеліе, приносится въ жертву Богу и ближнему все, самая жизнь! Вы за одинъ, такъ сказать, полетъ души вознеслись на эту святую высоту любви и самоотверженія: ибо мы увѣрены, что каждаго изъ васъ поставила въ среду столькихъ опасностей не одна необходимость службы, но и любовь къ Отечеству. И повелію предъ вами всегда опасности и смерть; то предъ вами же постоянно отверсты врата рая; надъ вами, подобно какъ надъ древними исповѣдниками Вѣры, вѣну несутся вѣнцы небесныя. О, если Царь земной умѣетъ награждать заслуги и труды достойныхъ слугъ Отечества; то у Царя ли Небснаго не станеть средствъ воздать сторицею за пожертвованіе для Него вашей жизни?

Но, братія мои, да будетъ позволено мнѣ привести вамъ на память одно слово Апостола, которое всегда смущало меня и заставляло бояться за васъ. *Аще кто и подвизается, говорить онъ, не вѣнчается, аще незаконно, подвизатися будетъ¹.* Кто можетъ подвизаться и терпѣть болѣе васъ? Это признаеть весь свѣтъ. Но, изъ словъ Апостола явствуетъ, что можно оказать самыя большіе подвиги и не быть увѣнчаннымъ вѣнцемъ небеснымъ. Когда? Если подвизаются не законно, не какъ должно и не какъ угодно Господу. Надобно посему, непременно надобно вамъ узнать, кто въ нашемъ подвижническомъ положеніи подвизается, какъ должно, и потому достоинъ вѣнца небснаго.

Такимъ образомъ подвизается тотъ, кто не подвергаетъ себя опасности и смерти, безъ видимой нужды, по единой неразумной отвагѣ, или столь же непростительной безопасности, забывши, что жизнь война принадлежитъ не ему, а Отечеству. Тотъ, кто сражается и умираеть не по-языче-

¹ 2 Тим. II, 5.

ски, а по-христіански, то есть, одушевляясь въ принесеніи на жертву своей жизни не однимъ отвращеніемъ ко врагу и желаніемъ себѣ успѣха и отличія, а болѣе чувствомъ долга къ Царю и Отечеству, тѣмъ паче къ Вѣрѣ и св. Церкви. Тотъ, кто переходитъ въ другой міръ съ чувствомъ смиренія и покаянія, а не съ надменіемъ и безчувствіемъ душевнымъ, не призвавъ на себя даже въ минуту опасности смертной, милосердія Божія. Тотъ наконецъ, кто, находясь предъ лицомъ смерти, заранѣе изгоняетъ изъ своей души всѣ помыслы нечистые и всѣ пожеланія плотскія.— О всѣхъ, кои мыслятъ и дѣйствуютъ противнымъ образомъ,— горько, но должно сказать,— что они, при всемъ ихъ мужествѣ и самоотверженіи, подвизаются не какъ должно, и потому не могутъ пріять на главу свою того вѣнца, который былъ уготованъ имъ за ихъ подвигъ.

Хотите ли знать прямую и ближайшую причину сего? Она въ томъ, что въ царствіе Божіе не можетъ внийти *имъ что-же скверно*¹. Таково существо сего царства: и ужели вы первые захотите внести туда за собою что-либо нечистое? Такимъ образомъ оно престало бы быть царствомъ Божіимъ, царствомъ свѣта и правды. Напротивъ, имѣя въ виду чистоту его и святость, вы по тому самому потщитесь быть чистыми и оправданными — чрезъ вѣру и покаяніе.

Когда мы напоминаемъ вамъ о нуждѣ въ покаяніи, то само собою разумѣется, что мы не требуемъ отъ васъ тѣхъ дѣйствій и принадлежностей покаянія, коими сопровождается сіе таинство въ обыкновенномъ его видѣ. И ваше покаяніе, какъ и всякое истинное, должно быть соединено съ неизмѣннымъ отвращеніемъ отъ грѣха и рѣшимостію вести жизнь богоугодную: но отъ васъ, въ минуту смертныхъ опасностей, не требуется ни продолжительныхъ молитвъ, ни обыкновенныхъ въ семъ случаѣ пощеній, ни даже церковной исповѣди. *Бже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!* вотъ ваша молитва! — *Бже числа согрѣшихъ, Господи, помилуй мя!* вотъ ваша исповѣдь! *Пресвятая Богородице, спаси мя! Ангеле храни-*

¹ Апок. XXI, 27.

тело, сохрани мя! вотъ ваши молебны!—*Святителю Христовъ, Николае, буди ми помощникъ! Святителю Митрофане, не остави мене!* вотъ ваши акаѳисты! Трудно ли, когда угодно, дѣлать все сіе—для кого-либѣ? а этого въ нашемъ положеніи, — когда то дѣлается отъ души,—достаточно для всякаго.

Но, говоря такимъ образомъ, я, вопреки сказанному мною въ началѣ, непримѣтно обращаюсь прелѣ вами въ наставника. Простите, возлюбленные, сему избытку ревности по вашему спасенію!—и какъ бы не явилась она у васъ теперь? Вы ежечасно подвергаетесь ради насъ опасностямъ и, можно сказать, умираете за насъ, а мы не примемъ труда подумать и позаботиться о томъ, чтобы эта—великая—жертва, какова жизнь ваша, была вполнѣ благопріятна Господу, и чтобы вы не подверглись опасности лишиться вѣнца небснаго, предназначеннаго вамъ за ваше самоотверженіе? — О, если бы нужно было, то мы,—Богъ свидѣтель,—готовы уступить каждому изъ васъ часть собственнаго спасенія!

За симъ, братія мои, предаемъ васъ и судьбу вашу въ руку Господа и всемогущей благодати Его. О, да будетъ и преизбудеть Она на каждомъ изъ васъ! Съ радостію поспѣшимъ на свиданіе съ вами паки, коль скоро откроется къ тому хотя малая удобность. Если же суждено свыше—не срѣтаться намъ болѣе въ этой земной юдоли; то молимъ Господа о единомъ—да будемъ сподоблены взаимнаго свиданія тамъ, гдѣ нѣтъ болѣе ни печали, ни воздыханій, и гдѣ срѣтившіеся никогда уже не разлучаются. Въ заключеніе, вмѣсто взаимнаго прощальнаго слова, повторимъ слова Св. Павла: *аще живемъ, Господеви живемъ, аще же умираемъ, Господеви умираемъ: аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмь*¹. —
Аминь.

¹ Рим. XIV, 8.

РѢЧЬ,

произнесенная въ Одесской Успенской единовѣрческой церкви, по возвращеніи изъ Севастополя, Іюля 17-го 1855 года.

Послѣ некраткой разлуки, мы опять теперь съ вами! Между тѣмъ, давнее желаніе наше, благодареніе Богу, исполнилось: мы посѣтили нашъ много-страдальный Севастополь; видѣли городъ, исполненный героевъ и мучениковъ; смотрѣли вблизи на купину, горящую и негарающую; слышали громы, не уступающіе звукомъ своимъ, можетъ быть, Сунайскимъ, но гораздо губительнѣе ихъ; ибо эти громы, не какъ Божіи, поражаютъ безъ разбору всѣхъ и каждаго. Боже мой, что это за необыкновенное и ужасное положеніе!... Это не городъ, а пространная пещь Вавилонская, разженная не седмицею, а семьдесятъ кратъ, въ коей находятся не три отрока, а цѣлая многочисленная рать наша. Представьте дванадцать нынѣшнихъ поприщъ земли, въ видѣ звѣзднаго полукруга, простертыхъ отъ одного до другаго края залива морскаго; вообразите, что это протяженіе земли, въ поприще шириною, содѣлалось огнедышущимъ, такъ что день и ночь извергаетъ изъ себя огонь, жупель и смерть. И подъ этимъ огнедышущимъ вѣщемъ нашъ многострадальный Севастополь!... И такое мученическое положеніе сего города продолжается не дни и недѣли, а уже едва не цѣлый годъ! — Подлинно, если есть *скорбь вселя*, о коей можно сказать, *якоже не была отъ начала міра досель*¹; то это скорбь и тѣснота Севастопольскія! О! если-бы и въ семь случаевъ сбылись онія утѣшительныя слова Спасителя: *яко избранныхъ ради прекратятся дніе оны*²!

И ужели нѣтъ таковыхъ на пространствѣ святой земли Русской? Кто бы и гдѣ бы вы ни были, души чистыя и избранныя, спѣшите на помощь отечеству: се ваше время и вашъ часъ!... Не медлите вознести молитвы ваши ко пре-

¹ Мат. XXIV, 21.

² Мат. XXIV, 22.

столу благодати, да пошлется скорѣе на землю Ангель мира, имѣющій заключить *студеноцъ бездны*¹, изъ коего столько времени исходитъ вражда и пагуба!...

По столь необычайной тѣснотѣ и озлобленію, продолжающимся при томъ столь долгое время, естественно, братія мои, что мы ожидали увидѣть въ защитникахъ осаждаемаго города хотя мужество, но дошедшее до крайности и истощенія; предполагали найти хотя пламенное желаніе продолжать стоять противу враговъ, но безъ твердой надежды отстоять защищаемое. И что же насъ встрѣтило тамъ? Терпѣніе — безъ конца, мужество — безъ всякъ предѣловъ и условий, самоотверженіе всецѣлое, упованіе полное и непоколебимое. Да, братія мои, благодареніе Богу, тамъ есть военачальники, не уступающіе духомъ древнимъ великимъ поборникамъ земли Русской, — такіе военачальники, кои способны и достойны были бы предводить не человѣческими токмо бранями, а и *Господними!*...² Тамъ есть простые войны, кои умѣютъ дѣйствовать не однимъ оружіемъ вещественнымъ, а и духовнымъ, то-есть, вѣрою и молитвою. Тамъ нашли мы такое презрѣніе смерти, такую любовь къ отечеству, такую преданность въ волю Божию, что, вмѣсто того, чтобы поучать чему-либо слушавшихъ насъ, мы сами учились у нихъ великой наукѣ жить и умирать за Вѣру и Отечество.

Трогательнѣе всего было посѣщеніе тѣхъ храминъ, въ коихъ возлежать многочисленныя сонмы уязвленныхъ на брани воиновъ нашихъ. Грустно было смотрѣть на это множество жертвъ вражды человѣческой, на этотъ бдльшую частію цвѣтъ воинства, пожатый и обезображенный огнемъ и мечемъ!... Но, какъ отрадно было вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть и замѣтить, что эти герои переносятъ свои страданія, съ безпримѣрнымъ терпѣніемъ и благодушіемъ, что на лицахъ ихъ выражается не скорбь и ропотъ, а довольство собою и самоуспокоеніе: каждый самымъ взоромъ своимъ,

¹ Апок. IX. 1.

² Сир. XLVI. 4.

кажется, говорить вамъ: я исполнилъ свой долгъ! Отечество должно быть довольно мною! Когда я возвѣщалъ имъ, что Севастополь нашъ стоитъ и, Богъ дастъ, устоитъ; что кровь ихъ посему пролита не напрасно, ибо гордость враговъ унижена; что по всѣмъ краямъ Россіи хвалятъ и прославляютъ ихъ дѣянія и удивляются ихъ мужеству; что благочестивѣйшій Государь готовитъ имъ награды и успокоеніе; что св. Церковь молится за нихъ—живыхъ и умершихъ, и благословляетъ ихъ труды и подвиги:—о, какъ свѣтлѣли тогда ихъ взоры, какъ воспламенялось блѣдное лице, какъ порывались они выразить, имъ свойственнымъ языкомъ, чувство преданности Царю и Отечеству! Среди тысящей страдающихъ отъ недуга не было ни единого, который пожалѣлъ бы о своей рукѣ или ногѣ, коихъ лишился; но сколько такихъ, кои отъ всей души сожалѣли о томъ, что имъ нельзя снова разить враговъ! И отъ врачующихъ не разъ имѣлъ утѣшеніе слышать я, что, не смотря на ихъ внушенія воставшимъ отъ недуга—идти еще на отдыхъ и покой, или даже возвратиться на время къ роднымъ,—выздоровливающіе просили, какъ милости, немедленно возвратитъ ихъ подъ стѣны Севастополя для его защиты.

Не удивитесь посему, братія мои, если мы отъ лица защитниковъ Севастополя предложимъ вамъ одно прошеніе—о томъ, что когда вы услышите о геройской кончинѣ кого-либо изъ нихъ: то пожелайте молитвенно вѣчнаго покоя и милосердія Божія почившему; но не смущайтесь духомъ и не приходите отъ того въ горестъ и уныніе: иначе вы возмутите симъ душу почившаго героя, который давно возложилъ земную жизнь свою, какъ жертву, на алтарь отечества. Не тревожьтесь въ подобномъ случаѣ и за судьбу самой брани и отечества: будьте увѣрены, что вмѣсто единого героя явится на его мѣсто нѣсколько подобныхъ, кои были не такъ извѣстны потому только, что почившій долженъ былъ стоять выше ихъ.

Чего же, спросите наконецъ, ожидать намъ въ будущемъ? Скоро ли конецъ брани? Есть ли надежда на успѣхъ? Не слѣдуетъ ли готовиться къ новымъ лишеніямъ и жертвамъ?

Будущее, братія мои, какъ всегда, такъ и нынѣ, въ рукахъ Божіихъ: потому самому, что оно не въ рукахъ человѣческихъ, а въ десницъ Господней, мы можемъ имѣть добрую надежду на успѣхъ. Ибо Господь всемогущъ и праведенъ, а наше дѣло правое, и мы не желаемъ зла самымъ врагамъ нашимъ.

Впрочемъ о томъ, что будетъ, мы можемъ гадать и судить уже по тому, что было и есть. Какихъ врагами нашими не употреблено противу насъ усилій и средствъ! И много ли успѣли они въ своихъ замыслахъ, въ продолженіи столь долгаго времени?—Одинъ городъ, на краю отдаленнаго отъ сердца имперіи полуострова, стоитъ доселѣ какъ скала, о которую сокрушаются всѣ силы и всѣ надежды вражій. Великъ-ли былъ бы ущербъ Отечеству, если бы и не устояла какимъ-либо образомъ сія твердыня? Ибо вмѣсто единой ихъ можетъ быть воздвигнуто десять. Но и сего нѣтъ, и, дасть Господь, не будетъ, какъ показало недавнее отчаянное нападеніе на насъ враговъ. Къ чему готовились едва не цѣлый годъ, то въ нѣсколько часовъ обратилось къ пагубѣ и стыду враговъ нашихъ.

Возблагодаримъ же Господа за то, что Онъ, хотя по недовѣдомымъ судьбамъ своимъ допустилъ возстать на насъ сей неправедной и жестокой брани, но въ то же время видимо облекъ воинство наше силою свыше, и препослалъ ему духа мужества и долготерпѣнія, коимъ невольно удивляются самые враги; возблагодаримъ, говорю, за все сіе Господа и усугубимъ молитвы наши къ престолу благодати Его, да не будемъ и впредь оставлены благословеніемъ и помощію небесною. А чтобы молитвы наши были благопріятны Господу, то присовокупимъ къ нимъ наше покаяніе и смиреніе: ибо не напрасно сказано: *близъ Господь сокрушенныхъ сердцемъ и смиренныхъ духомъ спасеть!*¹.—Аминь.

¹ Псал. XXXIII, 19.

ЦВѢТОКЪ НА МОГИЛУ

забвеннаго К. Н. Батюшкова.

Не стало я еще поэта!
Дней Александровыхъ пѣвецъ,
Умершій заживо для свѣта,
Сошелъ въ могилу наконецъ...

Быль вѣкъ поэзіи счастливой,—
То пышный былъ ея разцвѣтъ;
Вѣнчанный лавромъ и оливой,
Ей Царь давалъ и жизнь и свѣтъ.

И въ этотъ вѣкъ почившій нынѣ,
Благословляя свой удѣлъ,
Какъ лебедь при своей кончинѣ,
Подъ мирной сѣнью сладко пѣлъ.

Но небеса покрылись тучей,
И свѣтъ души его угасъ,
Какъ гаснетъ свѣтъ звезды падучей
На тверди въ полуночный часъ.

Свѣтъ возвращенъ душѣ, но тщетно,—
Дни вдохновенія прошли,
Онъ въ пѣсняхъ думы намъ завѣтной
Не высказавъ, сошелъ съ земли.

Какъ Тассъ, еще невоплощенный
Въ душѣ носилъ онъ идеалъ,
Какъ Тассъ, недугомъ пораженный,
Съ собой его онъ въ небо взялъ.

Друзья, не плачьте о поэтѣ,
Онъ, между ангелами тамъ
Витая въ невечернемъ свѣтѣ,
Съ улыбкой взоръ склоняетъ къ вамъ

И вѣрный своему служенью,
Быть можетъ, въ предразсвѣтнѣй часъ
Носясь надъ вами легкой тѣнью,
На пѣсни вызываетъ васъ.

Для дольняго отжившій свѣта
И въ горній воспаривши міръ,
Онъ ждетъ на вызовъ свой отвѣта,
Ждетъ пѣсни златострунныхъ лиръ.

Ихъ звуки, вздохъ, двѣ—три слезинки,
Скатившихся на гробъ пѣвца —
Вотъ лучшіе по немъ поминки
Сроднившихъ въ жизни съ намъ сердца!

П О Л Е.

«Ся глагола о снхъ отъ книгъ, а не о себѣ
сказавшу. Аще кто мударь, тѣмъ инако
протокуеть, ми противу не вѣщаетъ, класме
бо женьци, но класосбиратели».

Пам. Росс. Слов. XII в. стр. 116.

Въ извѣстныхъ досель славянскихъ памятникахъ первое, сколько мы знаемъ, упоминаніе о полѣ или судебномъ поединкѣ относится къ XII-му столѣтію; но это упоминаніе принадлежитъ не намъ, а соплеменникамъ нашимъ Чехамъ. Въ Чешскомъ правѣ Кунрата Оты 1189 г. «*Duellum*» или «*kiu*» допускается въ тяжбахъ съ иноземцами: «*Duellum, quod in vulgari dicitur «kiu», non habeant, nisi ad extraneos.*» Этотъ законъ Оты въ XIII-мъ столѣтіи былъ подтвержденъ для Чеховъ королемъ Премысловъ Отокаромъ I-мъ въ 1222 и 1229 годахъ и княземъ Олдрихомъ Бречиславскимъ въ 1237 г. (1). У насъ въ Россіи въ первый разъ ясно упоминаются такіе поединки въ XIII-мъ столѣтіи, и тоже по случаю сношеній съ иноземцами; но у насъ въ такихъ сношеніяхъ «поле» или поединки судебные рѣшительно запрещаются. Въ договорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригюю въ 1229 г. говорится объ этомъ такъ: «Русину же нѣльзѣ позвати Нѣмцича на поле въ Смоленскѣ, ни Нѣмцичю въ Ригѣ и на Готскомъ берегѣ или Нѣмечкый гость битися въ Руси межи собою мѣди и сулицами: князю то не надобѣ и никакому Русину, а правятся сами по своему суду» (2).

(1) «*Dějiny národu českého*» — Палацкаго. Часть II. стр. 327, — на которой приведенъ законъ Оты, и 296, гдѣ указано время этого закона.

(2) Русс. Достопамят. Ч. II. стр. 255, 256.

Такія указанія памятниковъ и вообще употребленіе судебныхныхъ поединковъ въ средніе вѣка въ Германіи заставили изслѣдователей этого предмета думать, что поле заимствовано Славянами отъ Пыицевъ. Таково мнѣніе замѣчательнаго между славянскими учеными Чеха Палацкаго и нашихъ—Каченовскаго и Калайдовича. Палацкій въ своей исторіи Чехіи говоритъ объ этомъ дѣль такъ: «Právní sauboj čili sedání (meč, Куј) byl obyčej z ciziny do Čech uvedený a dle Kunratowych práw původne jen s cizinci užívány, аčkoli později zvlášte ve XIV století, zobecněl i mezi paubými Čechy nad míru» (1). Каченовскій тоже говоритъ: «можно показать, что они (судебные поединки) перешли къ намъ отъ Германскихъ народовъ еще до появленія Татаръ въ Европѣ» (2). Калайдовичъ равнымъ образомъ ведетъ ихъ отъ Норманновъ (3). У трехъ изслѣдователей этого предмета, какъ видимъ, сущность мнѣнія объ источникѣ происхожденія поединковъ судебныхныхъ у Славянъ одинакова; разница только въ осторожности догадокъ касательно времени происхожденія сего обычая. Тогда какъ Палацкій, имѣя для себя указаніе закона Оты (XII ст.), относитъ обычай къ нѣмецкимъ и считаетъ его восторжествовавшимъ у Славянъ не ранѣе XIV-го столѣтія, Калайдовичъ, имѣя, изъ твердыхъ, одно указаніе Мстиславова договора (XIII ст.), и Каченовскій, ничего не имѣя, кромѣ древнихъ нѣмецкихъ и позднѣйшихъ русскихъ указаній, возводятъ его ко временамъ Ярослава и далѣе.

По приведенныя нами постановленія Кунрата Оты и Мстислава Смоленскаго, по нашему мнѣнію, ни для другихъ Славянъ ни для насъ не опредѣляютъ еще ни источника ни времени происхожденія судебныхныхъ поединковъ или поля. Въ самыхъ уже законахъ Оты и Мстислава видно, что обычай поля у Чеховъ и у насъ существовалъ прежде сихъ законовъ. Кунратъ Ота въ XII ст. запрещаетъ Чехамъ употреб-

(1) «Dejiny národu Českého» Ч. II. стр. 327.

(2) «Записки и труды О. И. и Др.» Ч. I. стр. 51.

(3) «Русскій Историч. Сборникъ О. И. и Др.» Кн. 4, въ которой помѣщено разсужденіе К. О. Калайдовича о поединкахъ.

лять посидники, *«разъѣзъ только съ иностранцами»*; следовательно Чехи употребляли ихъ до сего времени и не съ иностранцами, т.-е. между собою. Мстиславъ Смоленскій въ XIII столѣтіи не дозволяетъ своимъ Смольянамъ вызывать нѣмецкихъ гостей *на поле въ Смоленскъ*; следовательно Смольяне до сего времени имѣли обычай дѣлать такіе вызовы. И такъ откуда и когда явилось у насъ поле?

Попоймимъ то обстоятельство, что сила національныхъ преданій у юныхъ самобытныхъ народовъ всегда слишкомъ упорна и не позволяетъ въ бытъ сихъ народовъ войти чему бы то ни было чуждому, если оно, вошедши, не можетъ тотчасъ же органически сростись съ коренными, самобытно возникшими и существующими основами народнаго духа и жизни. Законъ этотъ въ Русской исторіи слишкомъ ясно доказать свою вѣрность, и мы не имѣемъ права забывать его при изслѣдованіи настоящаго предмета. И такъ, не признавши за окончательныя ни указаніе законовъ Оты, ни Мстиславова договора, мы тѣмъ не менѣе въ славянскихъ источникахъ должны искать прежде всего указаній на время и причины происхожденія нашего поля: ибо, повторимъ, относительно древней, вѣрной себѣ Руси нѣтъ возможности думать, чтобы Нѣмцы могли дать намъ форму какого-нибудь процесса жизни, если бы духъ и бытъ народа не имѣлъ въ себѣ основъ этаго процесса.

Обратимъ сперва вниманіе на время и причины появленія у Славянъ обычаевъ аналогически-сходныхъ съ полемъ. Мы говоримъ о судахъ Божіихъ, одною изъ формъ которыхъ было и поле. Другія формы судовъ Божіихъ, «огонь или горячее желѣзо» и «вода», являются у Славянъ ранѣе XIII вѣка. Не говоря уже о «правдозвѣстномъ пламени» и «свято-чудной водѣ», упоминаемыхъ въ древней Чешской пѣснѣ о судѣ Любуши, въ которыхъ Палацкій справедливо видитъ предметы, готовые сдѣлаться, если уже не сдѣлавшіеся, орудіями суда Божія, укажемъ на наши Русскія свидетельства. Русская Правда въ статьяхъ, если и дополнительныхъ, то не позже XII столѣтія, говоритъ о «желѣзѣ» и «водѣ». Такъ въ статьѣ «о сверженнѣ» читаемъ: «искавше ли послуха, и не-

нагъзуть, ли истецъ начнетъ головою клепати: то имъ правду жельзо. Тако же и во всѣхъ тяжахъ, въ талбѣ и въ поклепѣ, оже не будетъ лица (явной улики): тогда дати ему жельзо изъ неволи»⁽¹⁾. Равнымъ образомъ въ статьѣ «о гуннѣ»: «а ты тяжи вси судятъ послухы свободными. Будеть ли послухъ холопъ, то холопу на правду не вылазити; но оже хоцеть истецъ или именьти, а рка тако: по сего рѣци емлю тя, во язъ емлю тя, а не холопъ, емлетъ и на жельзо»⁽²⁾. Наконецъ въ Р. П. есть прямая статья «о жельзномъ»: «кто въ чемъ емлетъ на жельзо по свободныхъ люднн рѣци....., аже не ожжется, то про муки не платити ему, но одно жельзное, кто будетъ ялъ». ⁽³⁾. О водѣ тоже упоминаетъ Р. П.: «ожели мене (полугривны искъ), то на воду»⁽⁴⁾. Проповѣдникъ XIII столѣтїа Серапионъ въ одномъ изъ своихъ въ высшей степени любопытныхъ словъ тоже говоритъ о рѣшенїи судебныхъ дѣлъ водою: «Правила Божественная повелѣвають многими послухы осудити на смерть челоуѣка. Вы же воду послухомъ постависте и глаголете: аще утопати начнетъ, неповинна есть, аще ли поплövetь, волхвовъ есть. Не можетъ ли дьяволъ, видя ваше маловѣрье, подержати, да не погрузится, дабы въврещи въ душегубство? Яко оставльше послушьство боготворенаго челоуѣка, идосте къ бездушну естеству, къ водѣ, прїясте послушьство на прогнѣванье Божїе»⁽⁵⁾. Самый Мстиславовъ договоръ 1229 года упоминаетъ о жельзѣ и допускаетъ его въ крайнихъ случаяхъ: «Русину нѣльзѣ имати Нѣмчина на жельзо», говоритъ онъ, «тако же и Нѣмци Русина; аже возлюбитъ самъ своего волею, то ни его воля»⁽⁶⁾.

Послѣ этихъ указанїй на древнее существованїе формъ Судовъ Божїихъ аналогическимъ съ полемъ, нельзѣ, кажется,

(1) Р. Достоп. Ч. II. стр. 17.

(2) Тамъ же стр. 62.

(3) Тамъ же стр. 63, 64.

(4) Тамъ же стр. 17.

(5) Твор. Св. Отц. Годъ 1-й. Кн. 3. Приб. стр. 202.

(6) Рус. Достоп. ч. II. стр. 255.

исследователя уврекнуть въ безотчетномъ увлеченіи и обречь его на бесплодность труда, если онъ позволить себѣ занятіемъ отыскиваніемъ указаній на обычай поль или чего-либо родственнаго имъ на Руси ранѣе XIII вѣка. Конечно, Русская Правда не говоритъ о поль, Мстиславъ его запрещаетъ. Но Р. П. противъ ли судовъ Божіихъ вообще и Мстиславъ противъ ли поля, какъ обычая новаго и не славянскаго? Вотъ вопросъ, отъ разрѣшенія котораго зависитъ дальнѣйшее движеніе нашего изслѣдованія. Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ о желѣзъ можно уже заключать, что Мстиславъ Смоленскій, согласно съ Русскою Правдою, не противъ судовъ Божіихъ вообще, какъ обычая новаго и притомъ нѣмецкаго, не согласнаго съ духомъ вѣрованій и обычаями Славянъ, а противъ одной только формы этого суда—поединка. Доищемся причины этого нерасположенія, и посмотримъ, заключается ли она въ анти-славянскомъ, т.-е. нѣмецкомъ духѣ этой формы суда, или въ чемъ иномъ. Въ XIII столѣтіи нѣмецкіе гости въ Новгородѣ требовали, чтобы близъ ихъ домовъ не было боевъ палицами, могущихъ вести къ дракамъ и ссорамъ цѣлыхъ общинъ: «неистовая забава, въ коей люди бьются дрекольемъ, не должна быть терпима на улицъ между дворами нѣмецкими, чтобы Россіане и Нѣмцы не имѣли повода къ ссорамъ»⁽¹⁾. Слѣдовательно бои вели къ дракамъ. Изъ этого намекъ уже можно догадаться о мысли законодателей нашихъ касательно поля, но она будетъ еще яснѣе, если укажемъ свидѣтельства, что и поединки судебные, не менѣе потышныхъ боевъ, вели къ нарушенію общаго мира и согласія. Черногорскій судебникъ 1798 г. говоритъ, что, когда кто-нибудь, во существовавшему изъ древности въ Черногоріи обычаю, вызывалъ другаго на поединокъ (мейданъ) изъ мести или просто изъ удали, то часто случалось, что поединники созывали на помощь къ себѣ и, когда вокругъ завязывался бой, удалялись⁽²⁾. И въ нашемъ Судебникѣ Царя Ивана Васильевича предписывается, чтобы поручники или секунданты

(1) И. Г. Р. т. III. пр. 224.

(2) Г. Полова Путешеств. въ Черногорію стр. 145 и 291.

при тяжущихся и рывающихъ тяжбу полемъ были безоружны, равно какъ и вообще постороннимъ зрителямъ стоять у поль недозволялось ⁽¹⁾. И такъ легкое воспламенение общихъ дракъ изъ поединковъ побуждало, какъ намъ кажется, нашихъ законодателей сколь возможно сдерживать обычай сихъ поединковъ не только во внутреннихъ, но и во внешнихъ, гдѣ было нужно, сношеніяхъ. Оно же заставляло единоплеменныхъ намъ Славянъ разрывать такіе поединки въ тѣхъ сношеніяхъ, гдѣ объ миръ заботиться было не возможно. Такъ Русскіе, твердые по своему положенію и численному превосходству, сносясь съ Нѣмцами по мирнымъ торговымъ дѣламъ и дорожа этимъ миромъ, въ XIII столѣтіи писали о поединкахъ: «Князю то не надобъ и никакому Русину». Напротивъ Чехи, при враждебномъ натискѣ на нихъ Нѣмцевъ, дорожа болѣе внутреннимъ, домашнимъ согласіемъ, и не заботясь о сомнительномъ и непрочномъ мирѣ съ Нѣмцами, еще въ XII столѣтіи писали о поединкахъ, что они разрываются, но только въ сношеніяхъ съ иностранцами ⁽²⁾.

И такъ «поле» могло существовать ранѣе XIII в., ибо существовали аналогическія съ нимъ «железо» и «вода». Оно могло существовать тѣмъ съ болѣею вѣроятностью, что

⁽¹⁾ Акт. Истор. т. I. стр. 156.

⁽²⁾ См. выше законъ Оты и договоръ Мстислава Смоленскаго.

Въ нашей исторической литературѣ есть готовое мнѣніе о томъ, что во время Русской Правды были уже въ употребленіи поединки. Таково мнѣніе Болтина, М. Евгенія, Калайдовича, Успенскаго и др. Всѣ они видятъ упоминаніе о нихъ подъ словомъ «розбой» въ статьѣ Р. Пр.: «Оже безъ вины убить мужа», и въ предыдущей. Признавая весьма вѣроятнымъ существованіе обычая судебныхъ поединковъ *въ обществѣ* современномъ Русской Правдѣ, мы не видимъ упоминанія о семъ обычай *въ законѣ* Русской Правды о «розбоѣ». Не вдаваясь въ подробнѣйшій разборъ вышеупомянутой статьи Р. П., замѣтимъ, что въ ней говорится объ убійствѣ «въ пиру» или «безъ всякія свады», слѣдовъ, здѣсь нѣтъ въ ней судебного поединка. Незабвенный Исторіографъ нашъ видитъ въ этой статьѣ тоже простое убійство.

имѣло съ вышеуказанными формами однѣ и тѣ же основы. Суды Божіи вообще были приложеніемъ язычески-религіозныхъ вѣрованій и развивавшихся изъ нихъ обычаевъ народа къ учрежденіямъ юридическимъ. Такъ было не только въ Германіи, но и у Славянъ. Предъ Любушей Чешской на ступенихъ ея трона мы видимъ «пламень правдозвѣстный» и «святочудную воду» ⁽¹⁾. Если это еще не самое испытаніе огнемъ и водою, то уже основаніе для него. Огонь и вода, будутъ ли они реальныя проявленія божества, или символы его, или его атрибуты — во всякомъ случаѣ священны и ихъ лично вручить обвиняемому, чтобы дѣйствіемъ ихъ онъ доказалъ свою правду. Такъ дѣйствительно мы и видимъ: несмотря на различіе мѣста и времени испытанія огнемъ, у Славянъ постоянно въ основаніи этого обычая лежитъ вѣрованіе въ язычески-священное значеніе огня и воды. У западныхъ Славянъ язычниковъ кумиръ Бѣльбога держалъ въ рукѣ своей кусокъ священнаго желѣза, которымъ производилось испытаніе. Въ такомъ случаѣ кусокъ сей брали изъ руки его, раскаляли на стоявшемъ предъ кумиромъ жертвенникѣ, и, по совершеніи испытанія, опять влагали въ руку Бѣльбога ⁽²⁾. Самое христіанское законодательство, принимая обычаи судовъ Божіихъ, о которыхъ І. Христосъ не училъ, дѣлало въ этомъ случаѣ ни-что иное, какъ замѣненіе, болѣе или менѣе близкое, языческихъ обрядовъ, употребившихся при такихъ судахъ, обрядами христіанскими. У Сербовъ, въ христіанское время, призванный къ испытанію желѣзомъ долженъ былъ предъ дверьми церковными вынуть изъ огня желѣзо, снести его до алтаря и положить тамъ ⁽³⁾. Равнымъ образомъ испытаніе водою, производилось ли оно холодною, или горячею водою, — явно обличаетъ свой языческій характеръ. Укажемъ для ясности на испытаніе холодною водою, какъ оно совершалось во времена христіанскія. Предъ испытаніемъ дѣлали *заклинанія* надъ холодною

⁽¹⁾ Палацкаго *Dějiny Česk.* Ч. I. стр. 214.

⁽²⁾ Примѣч. издат. Русской Правды 1799 года.

⁽³⁾ Палацкій. *Dějiny Čes.* Ч. II. стр. 328.

водою и освящали ее; потомъ обвиняемаго бросали въ нее связаннаго, и если онъ погружался на дно, то объявляли невиннымъ, если же всплывалъ на поверхность воды, виновнымъ ⁽¹⁾. Напоминая здѣсь снова замѣчаніе о переводѣ при «судахъ Божіихъ» языческихъ обрядовъ на христіанскіе, укажемъ на Густынскую лѣтопись, которая въ XVII в. говоритъ: «отъ сихъ единому нѣкоему богу на жертву людей топаху, ему же и до нынѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память творять: въ день пресвѣтлаго Воскресенія Христова, собравшеся юніи и игратоще, вметають челоувѣка въ воду.. По ивыхъ же странахъ не вкидають въ воду, но токмо водою обливають, но одиначе тому же бѣсу жертву сотворляють ⁽²⁾.» Здѣсь, очевидно, погруженіе на дно, какъ принятіе погружаемаго богомъ, и самое заклинаніе церкви надъ водою назначенною для испытанія, ясно говоритъ о языческомъ происхожденіи обряда. Изъ сказаннаго мы видимъ, что железо и вода сдѣлались орудіемъ, такъ называемаго, суда Божія, какъ атрибуты языческаго богопочтенія. Если теперь эти атрибуты (жельзо и вода) были не единственные, если у бога языческаго могли быть *палица* или *мечъ*, то что мѣшало языческому судѣ вручить ихъ обвиняемому, чтобы онъ доказалъ ими свою невинность подѣ покровительствомъ Бога, которому принадлежитъ это оружіе?

Ничто дѣйствительно не мѣшало. По свидѣтельству Прокопія (VI в.) «Славяне чтуть одного Бога, *производителя молніи, господа сей вселенной*» ⁽³⁾. По древнимъ преданіямъ Литовцевъ, этотъ богъ молніи Перунъ живетъ въ великолѣпномъ замкѣ, при выѣздѣ изъ котораго первое дѣйствіе его обнаруживалось на деревѣ: онъ *разсчепывалъ обыкновенно зелѣный дубъ* ⁽⁴⁾. Этому Перуну, по нашей Густынской лѣтописи, «яко Богу жертву приношаху и огонь неугасимый съ дубоваго дре-

⁽¹⁾ Изд. Русской Правды 1799 г. ср. Свидѣт. Серапіона (XIII ст.) о пытаніи водою.

⁽²⁾ Ипат. лѣт. (П. С. Л. т. II) въ прибавл. стр. 257.

⁽³⁾ De bello Goth. III. 14. Мемор. popul. p. 28.

⁽⁴⁾ Нарбутъ у Касторскаго стр. 54.

«я неперестанно палиху» (1). Кромъ того нашъ Сварогъ, какъ древнѣйшее божество, есть богъ оружія металлическаго подобно Египетскому Фтасъ, — и самое оружіе, имъ покровительствуемое, есть замѣна древнѣйшихъ *палищъ*: «по немъ (Еремїи) Феоста, иже и Соварога нарекоша Егуптяне: царствующу сему Феостъ въ Егуптв... спадоша клещъ съ небесъ, нача ковати оружье, преже бо того *палицами* и каменемъ бляхуся» (2). Наконецъ, на древней Литовской монетѣ Перунъ держитъ въ одной рукѣ стрѣлы, въ другой *палицу* или *трость* (3). Итакъ, по свидѣтельству древнихъ памятниковъ, *палица*, какъ и вообще оружіе, была принадлежностью языческаго служенія Перуну. Эта палица и битвы ею еще въ древности перешли и въ народъ. Вотъ какъ говорятъ объ этомъ лѣтописи. Густынская лѣтопись подъ 990-мъ годомъ разказываетъ, что когда въ Новгородѣ идолъ Перуна сверженъ былъ въ Волковъ, то «единъ нѣкто человекъ верже на него палицею, онъ же, взявъ *палицу*, верже нею на мость и уби тамо мужей килка (нѣскольکو) Порази же слѣпотою Новгородцевъ, яко *оттолъ* въ сіе время даже до нынѣ (Густ. лѣт. пис. въ XVII вѣкѣ), въ коеждо лѣто на томъ мосту люди собираются и, *раздѣльшися на двое извоюще, убиваются*» (4). Можно бы еще думать, не о кулачныхъ ли бояхъ говорить это свидѣтельство, но Русскій Временникъ, какъ бы поправляя Густынскую лѣтопись, разказываетъ такъ: «въ то время вшелъ бѣ въ Перуна бѣсъ. Онъ же, плыва сквозъ великій мость, *верже палицу* свою и рече: *на семъ мя помилуютъ Новгородскія дѣти, ея же, прибавляетъ лѣтописецъ, и нынѣ безумнїи людїе убивающесея, утѣху творятъ бѣсомъ*» (5). Правда, Русскій Временникъ, какъ и Густынская лѣтопись, писанъ въ XVII столѣтїи; можно бы и отвергнуть его показанїе объ обычаяхъ Новгородцевъ биться палицами и притомъ въ честь Перуна; предъ

(1) Густ. Лѣт. (П. С. Р. Л. т. II, въ прибавл.) стр. 257.

(2) П. С. Р. Л. т. II. Иват. л. стр. 5.

(3) Нарбутъ у Касторскаго стр. 58.

(4) П. С. Л. т. II. приб. стр. 258, 259.

(5) Русск. Врем. Ч. I. стр. 52.

нами примѣръ Татищева, который обвинилъ летописцевъ въ сложениі разсказа о происхожденіи боевъ отъ палицы Перуновой, и все дѣло, какъ нельзя проще (sic), объяснилъ тою долбней, которою, по его разсказу, ударили въ Новгородъ свергаемыхъ съ моста, и которую Грозный велѣлъ повѣсить на городскихъ воротахъ ⁽¹⁾. Но у насъ есть много указаній, которыя говорятъ о языческомъ обычаѣ битвъ палицами очень сильномъ и очевидно язычески-древнемъ. М. Кирилль въ 1227 году между прочими постановленіями, сдѣланными имъ на Владимірскомъ Соборѣ вмѣстѣ съ епископами Новгородскимъ, Ростовскимъ, Переяславскимъ и Полотскимъ, говоритъ слѣдующее: «пакы же увѣдѣхомъ бесовская еще дѣржаще обычая треклятыхъ Еллинъ (т.-е. язычниковъ—форма рѣчи слишкомъ извѣстная) въ Божественныя праздники позоры нѣкакы бесовскыя творити, съ свистаніемъ и съ кличемъ и съ выплемъ, сзывающе нѣкы скарѣдныя пьяница, и бьющеса дрѣколѣемъ до самыя смерти и възимающе отъ оубиваемыхъ порты». ⁽²⁾ Въ XIII-мъ же вѣкѣ Готландскіе Нѣмцы, договариваясь съ Новгородомъ о дѣлахъ торговыхъ и о сношеніяхъ по нимъ, требуютъ слѣдующаго: «Неистовая забава, въ коей люди бьются дреколѣемъ, не должна быть терпима на улицѣ между дворами нѣмецкими, чтобы Россіиане и гости не имѣли повода къ ссорамъ» ⁽³⁾. Эту-то безъ сомнѣнія игру вспоминалъ и летописецъ, когда, разсказывая о битвѣ Даніила Галицкаго съ Ятвягами, говоритъ: «и Ят-вази съ сулицами гонишась на поли подобно игръ». ⁽⁴⁾

⁽¹⁾ Татищевъ. Кн. III. прим. 581.

⁽²⁾ Рус. Дост. Ч. I. стр. 115.

⁽³⁾ И. Г. Р. т. III. стр. 244. Въ проэктѣ этого договора Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ въ 1270 г. это мѣсто читается такъ: «Inter curias theuthonicorum in platea non debet esse pugna vel percussio cum fustibus qui dicuntur velen, quia de hujusmodi ludo insolito ab antiquis in loco predicto, posset oriri discordia inter hospites et ruthenos.» Андреевскій о дог. Новогор. съ нѣм. гор. и Готл. въ 1270 г. стр. 28, примѣч. 91.

⁽⁴⁾ Тамъ же. Т. IV. пр. 102.

Так. обр. со времянь языческаго служенія Перулу хранился на Руси обычай битися палицами или палками, хотя бы то до смерти, и народъ былъ на сторонѣ этого обычая. Весьма вѣроятно, что этотъ обычай и порывался стать юридическиль учрежденіемъ, или, если бы, по примѣру Пѣмцевъ, вошло въ русскую жизнь подобное учрежденіе, обычай этотъ готовъ былъ подложить подъ чужую форму свои основы ⁽¹⁾. Но Русская Правда ничего не говорила о рѣшеніи тяжбъ битвами. Мстиславовъ договоръ прямо говоритъ: «Русину нѣльзѣ позвати Пѣмцича на поле въ Смоленьскѣ... и нѣмечскый гость битися въ Руси межи собою мѣци и сулицами». Духовенство наше, чуждое духа лести міру и его обычаямъ, коль скоро они несогласны съ духомъ любви и кротости христіанской, еще открытѣе возставало противъ боевъ палицами, даже и потѣшныхъ. М. Кирилль въ своихъ правилахъ опредѣлялъ на Владимірскомъ соборѣ (XIII в.): «аще кто изъобращеться по сихъ правилѣхъ бещенъе творя, да изгнани боудоуть отъ святыхъ Божиныхъ церквъ, а оубниени да боудоуть прокляти въ сии вѣкъ и въ боудоущи. Аще нашему законоположенію противятся, то ни приношения о нихъ примати. рекше просфоуры и коутыи, ни свѣчи. Аще и оумреть, то надъ нихъ неходать черъи и слоужбы за нихъ да нетворять, ни положити ихъ близъ Божиныхъ церквъ. Аще которыи погъ дерзнетъ что створити надъ ними, да боудеть чюжь своего сана». ⁽²⁾. Если такъ говорило наше духовенство объ игрѣ, то что должно было оно сказать о прямомъ вызовѣ на битву съ цѣлію убійствомъ доказать свою правду въ той увѣренности, что и христіанскій Богъ поможетъ убить врага, какъ помогаль богъ язычскій? Но, прежде чѣмъ отвѣтимъ на этотъ вопросъ, посмотримъ, что на западѣ сдѣлали въ это время и по этому случаю правительство и церковь.

Вся Европа приняла обычай, такъ названныхъ, судовъ

⁽¹⁾ Въ Мстиславомъ договорѣ, правда, упоминаются мечи и сулицы, но въ немъ упоминаются Пѣмцы и Русскіе.

⁽²⁾ Рус. Дост. Ч. I. стр. 115.

Божіихъ. Законы Салическихъ Франковъ, Англо-Саксовъ, Датчанъ и т. д. ихъ признавали. Западная церковь не устояла противъ напора этого обычая: Папы и помѣстные соборы одобрили ихъ, обстановивъ только форму такого судопроизводства формами христіанскими. Такъ железо, опредѣленное для испытанія, освѣщали чтеніемъ особливыхъ молитвъ, кропили его освященною водою и хранили въ опредѣленныхъ на то церквахъ, въ которыхъ и испытаніе производили со многими предварительными обрядами, какъ-то: присужденный къ испытанію долженъ былъ три дни довольствоваться сухояденіемъ; потомъ, по отслушаніи литургіи, причаститься Св. Тайнъ. и послѣ въ церкви отводимъ былъ къ тому мѣсту, гдѣ, обыкновенно, производилось испытаніе, окроплялся отъ священника освященною водою при чтеніи молитвъ, особо на то положенныхъ ⁽¹⁾. Равнымъ образомъ при испытаніи холодною водою доказательство начиналось обыкновенно обѣдею, при чемъ обвиняемаго приобщали Св. Тайнъ, потомъ, по окончаніи заклинанія и освѣщенія холодной воды, бросали его въ оную связаннаго ⁽²⁾. Наконецъ, при битвахъ оружіемъ, готовившійся къ бою «говѣлъ, по обычаю, и принималъ Св. Тайны въ самый день битвы, прослушавши съ благоговѣніемъ литургію» ⁽³⁾. По входѣ на арену, бойцы, «выслушавши увѣщанія священника, произносили на Святомъ Евангеліи клятву», что идутъ на бой за правое дѣло ⁽⁴⁾. При боѣ присутствующіе держали въ рукѣ голубую палицу съ серебрянымъ или золотымъ крестомъ ⁽⁵⁾.

Подъ вліяніемъ такихъ учрежденій и у Славянъ, ближайшихъ къ западной Европѣ, напр. у Чеховъ обычай по-демъ вершить дѣла, досель сдерживаемый законами Кун-

⁽¹⁾ Принѣч. къ Р. Пр. изд. 1799 г. См. у Успенскаго «Опытъ повѣст. о древностяхъ Русскихъ.» Харьковъ. 1818. Ч. II. стр. 494.

⁽²⁾ Тамъ же стр. 495.

⁽³⁾ Статья изъ «Revue des deux Mondes», перев. въ Москв. 1854 г. N 9. Отд. III. стр. 23.

⁽⁴⁾ Тамъ же стр. 29.

⁽⁵⁾ Тамъ же.

рата Огы, Премысла Отокара I-го и Ольдриха Бречиславскаго, въ XIV вѣкѣ официально получилъ свою самобытную силу и со всеми малѣйшими подробностями опредѣленъ былъ законами страны. До насъ дошелъ «Řád práwa zemského w Čechach», законодательный памятникъ, писанный между 1348 и 1355 г. (1). Въ сорока пунктахъ, изъ которыхъ состоитъ этотъ памятникъ, подробнѣйшимъ образомъ описаны и предписаны всѣ обряды и условія, касающіеся производства судовъ поединками или, по чешскому выраженію, «забоемъ правнымъ» (2). Такимъ образомъ въ XIV вѣкѣ при содѣйствіи западнаго правительства и церкви обычай судебныхъ битвъ всюду торжествовалъ свою побѣду. Что же было у насъ?

Въ концѣ XV вѣка мы видимъ отдѣльныя, мѣстные упоминанія о полѣ, на примѣръ въ Псковской судной грамотѣ, въ договорахъ Москвы съ Рязанью: «или поле ся коньчало, а то коньчати», а въ другомъ: «а которые дѣла суженые, или поле ся не коньчалося, а то кончатъ» (3). Ясно, что обычай не исчезалъ, что онъ держался въ употребленіи по мѣстамъ и склонялъ на свою сторону отдѣльныя правительства, но общаго закона, его признающаго, еще не было. Иначе впрочемъ и быть не могло: ибо дѣйствовалъ еще духъ Русской Правды, по мѣстамъ измѣняемый княжими уставами; новаго общаго постановленія, кромѣ Ярославова, для раздробленной Руси до Юанна III еще быть не могло. Общимъ было только постановленіе митрополита всея Руси, и вотъ что писалъ въ 1410 году М. Фотій, обращая свою рѣчь къ Новгородцамъ: «Еще же и сему наказаю: аще, который человекъ позовется на поле да приидеть къ которому попу причаститись, ино

(1) «Wybor z Literatury České.» Прага. 1845 г. стр. 610—626. См. о немъ не много у Палацкаго «Dějiny. Česk.» Ч. II. стр. 297.

(2) Приводить этотъ въ высшей степени любопытный для нашего дѣла памятникъ здѣсь не удобно и не мѣсто. Но мы будемъ пользоваться имъ для сравненія его постановленій съ нашими постановленіями о полѣ.

(3) С. Г. и Д. Ч. I. гр. 36 и 65.

ему святого причастья нѣтъ, ни цѣлованія крестнаго; а которой попь дастъ ему святое причастье, тотъ поповства лишень. А кто утепетъ, лѣзши на поле, погубитъ душу, по Великаго Василя слову душгубецъ именуется, въ церковь не входитъ, доры не приѣмлетъ, ни Богородицына хлѣба, *причащенія жь святаго не приметъ осмиацать лѣтъ; а убитого не хороните, а который попь похоронитъ, тотъ поповства лишень*» (1).

Наконецъ, съ перемѣною, начавшеюся въ законодательствѣ Русскомъ въ исходе XV вѣка, мѣстный обычай поля получилъ въ Россіи оффиціальное общее значеніе. Въ уставной Бѣлозерской грамотѣ 1488 года судебный процессъ въ денежныхъ искахъ дозволяется вести *до поля*, хотя въ самомъ законѣ, допускающемъ эту форму суда, видно желаніе законодателя заставить тяжущихся мировую сдѣлку предпочесть поединку: «а досудятъ намѣстники и тѣпы о рубль до поля, а *восхотятъ ся помирити*, и они дадутъ намѣстникомъ *гриацу* и съ тѣпы и съ доводчики *за всѣ пошшины*; а будетъ выше рубли или ниже, и намѣстники на нихъ емлютъ по тому же розчету. *А побьются на поля, и намѣстники велитъ на виноватомъ истцово доправити, а на себя велитъ взяти противень противу истцова*» (2). Наконецъ въ 1497-мъ году Іоаннъ III-й Судебникомъ своимъ окончательно призналъ для всего Московскаго государства обычай поля и опредѣлилъ условія его въ статьяхъ: «о судѣ городскомъ», «о послушествѣ» и «о полевыхъ пошлинахъ» (3). Въ этомъ законѣ правительство теперь утверждало весь процессъ поля, постепенно сформировавшійся въ мѣстныхъ обычаяхъ, и передало эту вновь признанную для всего Московскаго государства форму суда XVI-му вѣку, вѣку полнаго и послѣдняго торжества полевого процесса. Такимъ образомъ, желая представить полную картину поля на Руси, мы прямо обратимся къ памятникамъ XVI-го столѣтія, дополняя ихъ, гдѣ можно, памятниками предшествующими.

(1) Акт. Арх. Эксп. т. I. стр. 426.

(2) Акт. Ар. Эк. т. I. стр. 95.

(3) Акт. Истор. т. I. N 105.

Полеми или судебнымъ поединкомъ, по Судебнику царя Ивана Вас. 1550 г., могъ быть рѣшенъ всякій процессъ, въ которомъ ищя и отвѣтчикъ не могли представить ясныхъ доказательствъ и, въ то же время, не хотѣли признать доказательствъ противной стороны. Заемное дѣло отъ рубли, бой или оскорбленіе и увѣчые, поджогъ, душегубство, разбой и даже тяжбы о поземельномъ владѣніи — вотъ предметы, тяжбу о которыхъ, по законамъ Ивана IV, какъ и по закону дѣда его, дозволялось рѣшать полемъ ⁽¹⁾. Въ подобныхъ случаяхъ не только ищя и отвѣтчикъ имѣли право полемъ доказывать свою невинность, но и свидѣтели той и другой стороны могли доказывать, всякому оспаривающему, правдивость своихъ показаній также полемъ ⁽²⁾. Въ этомъ случаѣ свидѣтели бились не только съ свидѣтелями же, но и съ самимъ отвѣтчикомъ ⁽³⁾. Для болѣе живаго представленія дѣла вышшемъ изъ драгоценныхъ по простотѣ и живости тогдашняго языка актовъ юридическихъ двѣ тяжбы, происходившія въ XVI-мъ столѣтіи ⁽⁴⁾. Въ 1530 году игумень Никольскаго Корельскаго морастыря Зосима явился въ судъ съ слѣдующею жалобою на сосѣднихъ крестьянъ: «жалоба ми, господине, на того на Останьку... да на Дашилу... да на Марка: дѣлялось, господине, сего лѣта, за недѣлю Оспожина заговѣйна въ недѣлю (въ воскресенье), — съль есми, господине, на тони, на морю, рыбы ловить, и тотъ, господине, Мошалака, пришедь своими товарищи, да меня, господине, съ тони сбиль да отняль, господине, у меня два невода да двѣ лотки; а цѣна, господине, двумъ неводамъ да двумъ лоткамъ полтора рубля.» Когда судья обратился къ отвѣтчикамъ и, послѣ изслѣдованія дѣла и осмотра представленной игумномъ «крѣпи» на тонию, спросилъ: «а у васъ крѣпи есть ли на ту тонию и кому то вѣдомо, что вы шестой

(1) Акт. Ист. т. I, N 153, статьи 11, 12. Ср. Тамъ же N 105 стр. 153, 154.

(2) Акт. Ист. т. I. N 153 ст. 15.

(3) Тамъ же ст. 16.

(4) Вообще судныя акты XVI ст., напеч. въ Ак. Эксп., Акт. Ист. и Акт. Юридическихъ, богаты упоминаніями о полѣ.

годъ на той тони ловите?» — отвѣтчики заговорили: «крѣпи, господине, у насъ на ту твою нѣтъ, а вѣдомо, господине, сусѣдомъ нашимъ Солжаномъ всей волости, что мы на той тони шесть лѣтъ ловимъ, а въ томъ, господине, крестъ цѣлуемъ, и на поле съ нимъ битися лѣземъ, и съ иконою идемъ.» За тѣмъ спрашиваютъ игумва: «ты крестъ цѣлуешь ли, и на поле съ ними битися лѣзешь ли, и съ иконою идешь ли?» Игумень отвѣчалъ: «крестъ, господине, цѣлую, и на поле съ ними битися лѣзю, и съ иконою иду.» «И писались, записано въ актѣ, обоимъ истцы за поле (1)» Вотъ еще процессъ, въ которомъ за одно съ отвѣтчиками дѣйствуютъ свидѣтели и зазывъ на поле достигаетъ огромныхъ размѣровъ. Въ 1534 году слуга Отрапонтова монастыря Еска Ларивоновъ началъ тяжбу съ соседними крестьянами Есюнинской волости о томъ, что они, «перелѣзши за межю», на монастырской землѣ «лѣсы сѣкутъ, и пашни пашутъ, и сѣна косятъ три годы.» Отвѣтчики, разумется, стали доказывать, что земля, о которой идетъ рѣчь, принадлежитъ къ волости. Та и другая сторона представили свидѣтелей. При первомъ же показаніи свидѣтели монастырскіе разошлись съ свидѣтелями волостными, и потому послѣдніе заключили свою рѣчь такъ: «дай намъ, господине, съ ними въ томъ Божию правду. цѣлуемъ, господине, крестъ да лѣземъ съ ними на поле битися.» Судья спрашиваетъ монастырскихъ свидѣтелей: «а въ съ ними лѣзете ли на поле битися?» Они отвѣчаютъ: «цѣлуемъ, господине, крестъ да лѣземъ съ ними о томъ на поле битися.» За тѣмъ начинаются новые допросы и указаніе межей, и всякій разъ, какъ одна сторона недовольна словами или дѣйствіями другой, раздается просьба: «дай намъ, господине, съ ними въ томъ Божию правду, цѣловавъ крестъ (или цѣлуемъ крестъ), да лѣземъ съ ними на поле битися» (2). Такъ въ первой половинѣ XVI столѣтія обычай поля торжествовалъ свою побѣду надъ запрещающимъ его доселѣ властью правительства! Любопытно по суднымъ актамъ XIV, XV и XVI

(1) Акт. Юрид. N 18.

(2) Акт. Юрид. N 20.

столетій слѣдитъ развитіе на Руси судебнаго процесса, и убѣждаться, что Судебнику Іоанна III-го принадлежитъ официальное утвержденіе поля въ Московскомъ государствѣ. При Дмитривъ Ивановичъ Донскомъ, напр., тяжущіеся о земль говорятъ: «тѣ, господине, Сенькины старожильцы послушествуютъ лживо; а отводятъ, господине, тотъ лугъ митрополичъ безмежно. Дай намъ, господине, съ ними *цѣлованье*: мы, господине, *цѣлуемъ животворящій крестъ на томъ, что тотъ лугъ на рѣцѣ на Шекснѣ митрополичъ изстарини Спаскаго села*» (1). При сынѣ же Іоанна III-го Василіѣ Ивановичѣ въ подобныхъ тяжбахъ читаемъ уже: «Дайте, господине, намъ съ ними Божью правду, цѣловавъ крестъ, да лѣземъ съ ними на поле битися» (2).

Такъ какъ поле, по желанію тяжущихся, допущено было при всѣхъ почти искахъ, при чемъ ищелми и отвѣтчиками могли бытъ лица всякаго пола, возраста и состоянія, то законъ о полѣ дозволялъ лицамъ, которымъ по ихъ положенію было неудобно, или которые сами не хотѣли лично биться на полѣ, выставлятъ за себя наемныхъ бойцовъ или, по тогдашнему выраженію, «наймитовъ». Вотъ какъ пишетъ объ этомъ Судебникъ 1550 года: «А противъ послуха отвѣтчикъ будетъ старъ или малъ, или чѣмъ увѣченъ, или попъ или чернецъ, или черница, или жонка, и тому противъ послуха наймитъ, а послуху наймита нѣтъ. А которой послухъ чѣмъ будетъ увѣченъ безъ хитрости, или будетъ въ послухѣхъ попъ или чернецъ или черница или жонка: и тѣмъ наймита нанати вольножъ» (3). Новгородскіе и Псковскіе законы въ своемъ мѣстномъ правѣ исключали въ XV столѣтіи изъ положенія о наймитахъ только женщинъ. Такъ въ Новгородской записи 1477 г., согласно съ Псковскою судною грамотою, читаемъ: «жонки съ жонкою присужати поле, а наймиту отъ жонки не быти ни съ одну сторону» (4). Чешское право XIV столѣтія

(1) Иванова «Опис. Госуд. Арх.» стр. 206.

(2) Тамъ же, стр. 218.

(3) Акт. Ист. т. I. N 153 ст. 17. Ср. N 105 ст. «о послушествѣхъ».

(4) Акт. Арх. Эксп. т. I. стр. 80.

говорить тоже о подставныхъ бойцахъ, допуская ихъ къ битвѣ для лицъ не прямо прикосновенныхъ къ дѣлу и для лицъ слабыхъ по возрасту. Такъ, если при обвиненіи въ убійствѣ не находится самъ убійца, а другой за него, въ такомъ случаѣ тотъ изъ тяжущихся, кто хочетъ, можетъ имѣть за себя поручителя и вмѣсто себя выставить его къ битвѣ ⁽¹⁾. За сироту также бьется другой его пріятель (prietel), при чемъ самъ сирота долженъ стать врьдъ «шранками», держа мечъ и щитъ; защитникъ его беретъ этотъ мечъ изъ его рукъ и бьется за него со врагомъ ⁽²⁾. За мужняя женщина пользуется правомъ прислги; за то вдова и панна отъ 18-ти лѣтъ и выше можетъ сама биться со врагомъ «въ шранкахъ округлыхъ, къ тому приготовленныхъ, съ мечетъ и щитомъ» ⁽³⁾. Вообще законодательство старалось уравновѣсить силы тяжущихся и по этому постановило довольно подробно опредѣленія о бойцахъ: «А битися на полѣ бойцу съ бойцомъ, или не бойцу съ небойцомъ, а бойцу съ небойцомъ небитися; а похочеть не боецъ съ бойцомъ на полѣ битися, нно имъ на полѣ битися. Да и во всякихъ дѣлѣхъ бойцу съ бойцомъ, а небойцу съ небойцомъ, или бойцу съ небойцомъ, по небойцовъ волю, на полѣ битися по тому же ⁽⁴⁾. Или: «а бой полщикомъ давати ровень ⁽⁵⁾».

Уравнивая внѣшнія средства тяжущихся, ихъ силу и искусство, правительство старалось уравнивать и внутреннее значеніе ихъ, по крайней мѣрѣ народъ самъ требовалъ этого уравниенія. Такъ въ одномъ изъ судебныхъ дѣлъ читаемъ: «И Иванъ да Юрій Луневы, да Митя Игнатовъ такъ рекли: *мы, господине, съ ними на поле битися не лъземъ; а поставятъ, господине, противъ насъ дѣтей боярскихъ, и мы, господине, противъ дѣтей боярскихъ битися лъземъ*» ⁽⁶⁾. Въ Чешскомъ правѣ XIV-го ст. подробно были опредѣлены права лицъ

⁽¹⁾ Řad. Pr. Zem. § 31.

⁽²⁾ Ibid. § 53.

⁽³⁾ Ibid. §§ 38, 39, 40.

⁽⁴⁾ Акт. Ист. N 153 ст. 14.

⁽⁵⁾ Тамъ же, ст. 13.

⁽⁶⁾ Иванова «Описан. Государ. Арх.» стр. 218, 219. Дѣло 1503 г.

на рѣшеніе тяжбы битвою. Равный по рожденію съ своимъ противникомъ, поць съ попомъ, владыка съ владыкою, должны были биться; низшій же съ высшимъ могъ биться только тогда, когда этого хотѣлъ самъ высшій, въ противномъ случаѣ высшему по рожденію предоставлялось право доказывать свою невинность присягою надъ крестомъ ⁽¹⁾. Самое оружіе назначалось у Чеховъ полевщикамъ по ихъ происхожденію и гражданскимъ правамъ: люди благородныя бились *мечами со щитами*; люди низкаго класса — *палками (kuji) со щитами великими*. «А то изстародавна уставлено, замѣчаетъ Земское Право Чѣшское въ XIV столѣтіи, что для такой битвы не употребляются мечи» ⁽²⁾.

Такимъ образомъ обычай судебныхъ битвъ, допущенный закономъ, образовалъ на Руси особый родъ бойцевъ—наймитовъ, предлагавшихъ по найму свои услуги тяжущимся. Извѣстія о нихъ, къ сожалѣнію, весьма немногочисленны, но въ общей картинѣ поля и ихъ характеръ нѣсколько обозначается.

И такъ возвратимся къ общему изображенію поля. Когда «обои истцы имались за поле», начинались приготовленія къ нему. Ищца и отвѣтчикъ, если не хотѣли биться сами, отыскивали искусныхъ бойцовъ. Отыскивать ихъ было, кажется, не трудно, потому-что, промышляя своимъ искусствомъ, наймиты сами знали, кажется, когда, кому и гдѣ присуждено поле. Притомъ они по самому ремеслу своему стояли въ близкихъ связяхъ и конечно сношеніяхъ съ другимъ классомъ лицъ, предлагавшимъ свои услуги полевщикамъ или желавшимъ полемъ рѣшить свою тяжбу. Этотъ другой классъ составляли ворожен. Хотя поле носило названіе суда Божія или «Божьей правды», но языческая суевѣрная основа его была и въ XVI столѣтіи свѣжа въ памяти народа, и явно брала перевѣсъ надъ христіанскимъ значеніемъ, приданнымъ полю; по этому тяжущіеся, сказавши въ судъ: «дайте намъ Божью правду, цѣловавъ крестъ да лѣземъ съ ними на поле битися», и поцѣловавши крестъ, чувствовали нужду вмѣстѣ

⁽¹⁾ «Řad Pr. Zemského» §§ 54. 36.

⁽²⁾ Ibid. § 37.

съ наймитомъ и въ ворожеѣ. Пр. Максимъ Грекъ разсказы-
ваетъ объ этомъ слѣдующее: «Повельно убо оружіи разсуди-
тися тяжбѣ, възыскуется отъ обою добробраненъ полевщикъ,
възыскуется отъ обидящаго и чародѣй ворожея, ижъ возмо-
жетъ дѣйствомъ сатанинскимъ пособити своему полевщику»⁽¹⁾.
Самыя мѣста судебныхъ битвъ и доселѣ еще удержали свое
древнее названіе поль или полей: укажемъ въ Москвѣ на церковь
Троицы въ поляхъ, близъ Владимірскихъ воротъ, на Никольской
улицѣ.⁽²⁾ Въ Троицкомъ посадѣ мѣстомъ битвъ было сперва про-
странство передъ монастырскими воротами, а въ 1560 г. указано
для нихъ новое мѣсто въ селѣ Клементьевѣ (нынѣ часть по-
сада Сергіева)⁽³⁾. Въстѣ съ тяжущимися къ бою являлись:
1) Окольнічій, 2) Дьякъ и 3) Недѣльщикъ⁽⁴⁾. Немедленно по
прібытіи, эти представители правительства спрашивали истца
и отвѣтчика: «кто за ними стряпчіе и поручники (секунданты)?»
Указаннымъ поручникамъ дозволялось стоять у поля, но
безъ всякаго оружія⁽⁵⁾. Между-тѣмъ около поля стекалось
много народа, неприкосновеннаго къ тяжбѣ: тутъ были и
праздныя зрители, и бойцы, и ворожеи⁽⁶⁾. Правда, законъ
постоянно отстранялъ отъ поля лицъ неприкосновенныхъ

-
- (1) Максима Гр. «Слово о неизглаголанномъ Божиємъ промыслѣ,
благостижъ и челоуколюбіи, въ томъ же и на лихоимствующи-
щихъ.» По ркп. библ. Троиц. Лавр. л. 177.
- (2) Н. Г. Р. т. IX. прим. 268 стр. 95. «Троица у старыхъ полей»
построена во второй половинѣ XVI в.
- (3) Ак. А. Эксп. т. I. 278. Кромѣ того у насъ въ Россіи множе-
ство мѣстечекъ, селъ и деревень носятъ названіе майдановъ
или мейдановъ,—восточное слово, которымъ переведено наше
«поле», и которое доселѣ въ этомъ же смыслѣ употребляется
Сербами и Болгарами. Пр. П. А. Безсонова.
- (4) Акт. Истор. т. I. N 105 ст. «о полевыхъ пошлинахъ.» Ср.
также N 153, ст. 10.
- (5) Ср. Судебникъ 1497. ст. «о полев. пошлинахъ» и Судебн.
1550 г. ст. 13.
- (6) См. Судебн. 1550 г. ст. 13; Максима Гр. вышеупомянутое
слово. Стоглава гл. 41. вопр. 17. Ак. Ист. т. I стр. 252.

или недолженствующихъ быть прикосновенными къ дѣлу. Въ Судебникъ 1497 г. говорилось: «а которые имуть опричные (посторонніе) у поля стояти, и окольникему и діяку тѣхъ отслати прочь; а не пойдутъ опричные люди прочь, и окольникему и дьяку на тѣхъ вельти истцово доправити и съ пошлинами, да вельти ихъ дати на поруку да поставити передъ Великимъ Княземъ». Судебникъ 1550 г. говорилъ еще строже: «а которые опричные люди не пойдутъ, и имъ тѣхъ огсылати въ тюрьму». Не смотря на такія запрещенія, мы видимъ у поля постороннія лица: такъ о волхвахъ и чародьяхъ, бывающихъ у поля, самъ Царь Ив. Вас. въ 1551 г. жалуется Собору Епископовъ; о нихъ же онъ пишетъ въ наказъ Берсеневу. Предъ начатіемъ боя недѣльщикъ отводилъ тяжущимся опредѣленное пространство, и, кажется, обносилъ его веревкою, за что получалъ онъ опредѣленную плату, которая носила названіе «вязчего». Въ Судебникъ 1550 г. читаемъ: «да недѣльщику вязчего четыре алтына безъ дву денегъ» (¹). Герберштейнъ тоже говоритъ объ особенномъ чиновникѣ, который объ тяжущіяся стороны ставитъ въ опредѣленныя закономъ границы и все приготовляетъ къ поединку. Такого чиновника Герберштейнъ называетъ: «veston» (²). У Чеховъ еще въ XIV столѣтіи мѣсто судебныхъ поединковъ называлось: «šranku», — словомъ заимствованнымъ изъ нѣмецкаго (schranken, границы) (³). По назначеніи границъ боя начинался и самый бой. У насъ на Руси вообще не видно той многосложной обрядности, какою обставлено было поле у соплеменныхъ намъ Чеховъ. Тамъ обвинитель еще заранее получалъ отъ правительства особаго наставника (řečník rowodow), который училъ его всѣмъ приемамъ обращенія съ судьями и съ противникомъ, говоря ему: «Слышишь! когда ты будешь входить въ «šranku», ступи сперва правою ногою, а потомъ лѣвою; а когда дойдешь до пановъ (судей и чинов-

(¹) Акт. Ист. N 153. ст. 11.

(²) *Her. M. comment.* «Est autem veston, qui ambas partes praescriptis conditionibus ad duellum committit.»

(³) «*Řád Pr. zemskehо*» § 12.

никовъ), поклонись имъ, ставши на правое колено, и правою рукою возьми правый конецъ своей полы, чтобы ударить ею своего врага, когда прикажутъ паны» ⁽¹⁾. Равнымъ образомъ и обвиненный получалъ такого же наставника, который училъ его: «Слышишь! когда ты пойдешь въ «ѣганку», ставъ напередъ лѣвую ногу, а потомъ ужь правую, и, когда придешь предъ пановъ, поклонись имъ на лѣвое колено; потомъ лѣвою рукою бери конецъ лѣвой полы твоего платья и держи его, но не ударяй имъ своего противника и не вставай, пока не будетъ сказано» ⁽²⁾. Далѣе у Чеховъ обвинитель говорилъ, по предписанію закона, противнику слѣдующую формулу: «Слышишь, Петръ (или другое имя)! Я доказываю, что ты мой врагъ: ты убилъ Яна (или другое имя), моего брата (оттуда-то родомъ), убилъ ты его на ровной дорогѣ, безъ всякаго права... Я хочу это доказать моею жизнью противъ твоей жизни, какъ имѣю на это право земское и какъ научили меня паны» ⁽³⁾. На это обвиненный долженъ былъ, по предписанію закона, отвѣчать: «Слышишь, Янъ или Яковъ! Что ты меня обвиняешь, будто я сдѣлалъ то-то... въ томъ я передъ тобою невиненъ; это я хочу доказать моею жизнью противъ твоей жизни и проч.» ⁽⁴⁾. Повторяемъ, у насъ не видно предъ полемъ такой многосложной обрядности, занятой, можетъ быть, отъ Нѣмцевъ. Но и у насъ, какъ у Чеховъ, предъ полемъ назначалась присяга, и, если эта присяга не была, какъ у Чеховъ, окружена множествомъ формальностей, несоблюденіе которыхъ лишало присягающаго права битвы и тяжбы и тѣмъ какъ бы насильно ослабляло обычай битвы, то у насъ всегда оставалась возможность тяжущимся миролюбивою сдѣлкою у присяги окончить дѣло ⁽⁵⁾. Если мира не хотѣли, начиналась битва. Обыкновенное оружіе для нея

⁽¹⁾ Ibid. § 13.

⁽²⁾ Ibid. § 14.

⁽³⁾ Ibid. § 17.

⁽⁴⁾ Ibid. § 18.

⁽⁵⁾ Ibid. § 22. Ср. наше: «хочетъ съ послухомъ на поле лѣзеть, или ставъ у поля, у креста на цѣлованья ему, или безъ цѣлованья, дать; а вини въ томъ отвѣтчику и пошлннъ полевыхъ убитыхъ вѣтъ.» Ак. Ист. т. I, N 155. ст. 16.

были «дубина» и «ослопъ», между тѣмъ какъ на самомъ полевицкѣ былъ «доспѣхъ». Языческая основа этого обычая выразилась у насъ въ самомъ оружїи, обыкновенно деревянномъ ⁽¹⁾. У Чеховъ, кромѣ деревяннаго оружїя (kíu), употреблялось металлическое — мечи и щиты, между тѣмъ какъ самъ полевицкѣ былъ одѣтъ легче нашего — въ сукнѣ и погавицахъ ⁽²⁾. При открытіи битвы начинали дѣйствовать тѣ сатанинскіе пособники, къ которымъ еще заранѣе обращались тяжущіеся, и о которыхъ Царь Иванъ Васильевичъ говорилъ Московскому Собору 1551 г.: «и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ поученій пособіе имъ творятъ: кудесы быютъ, и въ аристотелевы врата и въ рафли смотрятъ и по звездамъ и по планетамъ глядають и смотрятъ дне и часовъ» ⁽³⁾, — и о которыхъ потомъ изданъ наказъ Берсеневу: «и у полъ бы чародѣи не были; а которые безчинники, забывъ страхъ Божїи, учнутъ къ полямъ чародѣи приводити, и въ томъ на нихъ доведутъ и обличены будутъ достопѣрными свидѣтели, и тѣмъ быти отъ Царя и Вел. Князя въ великой опалѣ, по градскимъ законамъ, а отъ святителей имъ же быти въ духовномъ запрещенїи, по священнымъ правиламъ. ⁽⁴⁾ Большихъ подробностей о самомъ ходѣ битвы мы въ своихъ памятникахъ не имѣемъ. Знаемъ, правда, что полевицкѣ, т.-е. бьющійся, могъ покинуть свой процессъ и по началу битвы: наймитъ могъ не достоятъ всего урока ⁽⁵⁾, нищя и отвѣтчикъ, если бились сами, могли убѣжать ⁽⁶⁾. Не

⁽¹⁾ Суд. 1497 года: «доспѣху и дубинѣ и ослоповъ стрдичимъ и поручникомъ у себя не держати». Тоже Судебн. 1550 г. ст. 13. Ослопъ см. въ слов. Конст. Еписк. Самсона 920 г. въ «Die ältest. Denkmähler der Böhm. Sprg.» Шафарика и Шалацкаго. Ослопъ употребл. въ Иркут. губер. въ значенїи палицы. Областн. Словарь Акад. Наукъ.

⁽²⁾ Řád Prava Zemsk. § 22.

⁽³⁾ Стоглавъ, гл. 41 вопр. 17.

⁽⁴⁾ Акт. Ист. т. I. стр. 252.

⁽⁵⁾ Акт. Ист. т. I. стр. 154.

⁽⁶⁾ Акт. Юрид. N 17, стр. 35, «Якушъ на первой срокъ у поля стать былъ да отъ поля сбѣжалъ не вѣдетъ кудѣ.»

знаемъ, могъ ли у насъ кто изъ бьющихся, въ случаѣ усталости, просить себѣ отдыха. У Чеховъ въ XIV еще столѣтіи это было возможно; въ такомъ случаѣ находившіеся при битвѣ чиновники влагали между бойцами рогатину или рогатку (sochor), чтобы одинъ боецъ не бросился врасплохъ на другаго ⁽¹⁾. Равнымъ образомъ не знаемъ, въ чемъ состояло окончательное торжество побѣдителя надъ противникомъ. У Чеховъ, по Праву XIV ст., побѣдитель ущемлялъ голову обезсиленнаго противника между своими колѣнами, и это было послѣднимъ дѣломъ боя ⁽²⁾. Послѣ этого онъ благодарилъ судей и, если былъ король, самого короля за право битвы и давалъ росписку, что болѣе уже не будетъ мстить своему врагу ⁽³⁾. У насъ, кажется, побѣдитель тогда только признавался побѣдителемъ, когда повергалъ противника на землю своими яростными ударами. На это указываетъ выраженіе законовъ нашихъ о побѣжденномъ: «а на убитомъ истцово доправить.» Слово: «убитый» здѣсь не имѣетъ собственнаго значенія, потому-что далѣе законъ говоритъ о взысканіяхъ съ него; оно вообще означаетъ поверженнаго на землю, лежащаго какъ убитый, хотя бывали случаи дѣйствительныхъ убійствъ во время поля и вообще дѣло не обходилось безъ кровопролитія. М. Фотій пишетъ Новгородцамъ: «а кто утѣпетъ (убьетъ), лѣзши на поле, погубить душу, по Великого Василія слову душегубецъ именуется.. а убитого не хороните...» ⁽⁴⁾ Самъ царь Иванъ Васильевичъ говоритъ на соборѣ 1551 года: «и на поле биютца и кровь проливають» ⁽⁵⁾. И такъ побѣжденный или, по тогдашнему выраженію, «убитый» признавался виноватымъ. Начиналась расплата: виноватый платилъ прежде всего полевья пошрины. Пошлины эти, по судебнику 1497 года, были раздѣлены; законодательство принимало въ расчетъ три случая: «если досудятся до поля, а у поля нестоявъ помирятся»,

(1) Rad. Pr. Zemsk. § 25.

(2) Ibid. § 26.

(3) Ibid.

(4) Ак. Ар. Эк. т. I. стр. 426.

(5) Стогл. гл. 41, вопр. 17.

«если у поля стоявъ помирятся», и если «побиются на полѣ.» Въ послѣднемъ случаѣ вся отвѣтственность падала на виноватаго, т.-е. на побѣжденнаго. Онъ платилъ во-первыхъ чиновникамъ правительства, бывшимъ всегда при полѣ, т.-е. Окольничему, Дьяку и Недѣльщику. Окольничему — полтина; кромѣ того ему принадлежалъ доспѣхъ побѣжденнаго, оцѣненный, по Судебнику 1550 года, въ три рубля (ст. 11); Дьяку — четверть рубля, и Недѣльщику полтина же; кромѣ того, такъ-какъ недѣльщикъ на мѣстѣ битвы все устраивалъ для нея, обносилъ веревкою мѣсто, наблюдалъ за исполненіемъ должныхъ условий, то ему принадлежала и особая пошлина — «вязчее» въ четыре алтына ⁽¹⁾. Кромѣ того бралась пошлина въ казну, въ судную избу съ рубля по гривнѣ. Такая пошлина называлась избною ⁽²⁾. Тоже подтвердилъ и Судебникъ 1550 года. Этимъ кончалось поле, т.-е. самая битва, но не кончались еще его послѣдствія.

Такъ какъ поле было однимъ изъ актовъ слѣдственнаго судопроизводства и имъ открывали только правду или вину ищени или отвѣтчика, то оказавшійся виноватымъ передавался судьямъ для окончательнаго заключенія по дѣлу, для наказанія и взыскація, или, говоря языкомъ того времени, «убитый былъ въ казни и продажн боярину и дьяку» ⁽³⁾ въ столицѣ, а въ областяхъ «волостелю» ⁽⁴⁾ и его тіуну ⁽⁵⁾. Эти судьи (бояринъ или волостель) производили уже надъ виноватымъ окончательную расправу. Въ дѣлахъ, гдѣ обвинителю должно было дать личное удовлетвореніе, на пр. въ займѣ, въ побояхъ, испцу отдавали то, что ему слѣдовало, и кромѣ того столько же взыскивали съ виноватаго въ пользу судей. Судебникъ 1497 года говоритъ объ этомъ такъ: «а побіются на полѣ въ заемномъ дѣлѣ или въ бою, и боярину съ дѣшомъ

⁽¹⁾ Суд. 1497 г. ст. «о полевыхъ пошлинахъ.» Ср. Суд. 1550 г. ст. 12.

⁽²⁾ Судебн. 1550 г. ст. 11.

⁽³⁾ Судебникъ 1497 г. ст. «о полевыхъ пошлинахъ.»

⁽⁴⁾ Акт. Ар. Эк. том. III. стр. 77.

⁽⁵⁾ Тамъ же т. I. стр. 114. 116. 121.

взяти на убитомъ противень противу исцею (кроме полевыхъ пошлинъ окольникову, дяку и недельщику, которыя относились къ самой битвѣ и ея процессу)»⁽¹⁾. Въ дѣлахъ, гдѣ виноватый, кроме личнаго удовлетворенія своему обвинителю, долженъ былъ отвѣтствовать предъ правительствомъ, какъ оказавшійся виновнымъ противъ безопасности общественной, на пр. въ поджигательствѣ, душегубствѣ, разбоѣ, воровствѣ, судьи, на основаніи полевого доказательства, должны были присуждать «казнь», т.-е. наказаніе, и въ такомъ случаѣ, до окончательнаго рѣшенія дѣла, по общей формѣ судопроизводства, или отдавали виноватаго на поруки до востребованія, или, если не было порукъ, кидали его въ тюрьму⁽²⁾.

Изъ представленныхъ свѣденій о полѣ, какъ оно производилось, можно ясно видѣть, что правительство, допустивши поле своими законами и тѣмъ какъ будто ставши ниже истиннаго понятія о правдѣ Божіей, въ сущности дѣла дѣйствовало весьма благоразумно. Не предоставляя глубоко положившаго свои корни еще въ древней жизни обычая поля самоуправной воли народа, правительство, такъ сказать, взяло его за себя, ввело въ возможно правильныя границы и цѣною пошлинъ и отвѣтственности стѣснило его до того, что всегда могло его уничтожить какъ уже свое собственное учрежденіе.

Дѣйствительно допущенный законами и въ первой половинѣ XVI-го столѣтія повсюду восторжествовавшій обычай поля въ самомъ торжествѣ своемъ носилъ зародышъ своего паденія. При тяжести пошлинъ и строгости отвѣтственности за проигранное поле, недобросовѣстные производители суда увидѣли въ немъ средство благовидно приобретать деньги; по этому стали назначать поле даже и тамъ, гдѣ можно было вершить дѣло инымъ образомъ. Въ это время противъ всѣхъ современныхъ злоупотребленій возвышалъ свой голосъ Пр. Максимъ Грекъ, и вотъ что писалъ онъ о полевои судопро-

⁽¹⁾ Суд. 1497 г. Акт. Ист. N 105. ст. «о полевыхъ пошлинахъ.»

⁽²⁾ Судебн. 1497 г. ст. «о полевыхъ пошлинахъ» и Судебн. 1550 года ст. 12. Сравни Уставныя Грамоты областей въ первой половинѣ XVI столѣтія.

изводствъ: «Гдѣ у лагынмудреныхъ обрѣщеша сѣцевъ образъ неправедна суда, якоужь нынѣ дерзаемъ есть у насъ Православныхъ, сотворшему насъ Богу Праведному и страшному Судии крѣпцъ завѣщающему и глаголющу: правъ и правдою праведное испытуети и да не приѣмши лица на судъ, но при двою или трѣхъ послуехъ да станетъ всяка рѣчь; сирѣчь судити правдою, а не по мздѣ; не приѣмши лице на судъ, сирѣчь ниже аще нищъ есть и убогъ обидѣя, да не пощадишь его; якоужь и индѣ повелѣваетъ, глаголя: не помилуетъ убога на судъ, аще повиненъ есть, ниже богата обидѣющаго оправдать мзды ради, занеже рече, судъ Божій есть. Сіе Божіе праведное повелѣніе отринувше, иже у насъ *властелии и судіи, желаніемъ користованія, аще и весь градъ представетъ вопиющъ и свидѣтельствующъ на обидѣвшаго, никакоже внемлютъ имъ; но оружіи и бранными множайшими велѣтъ разсудитися обидѣющему и обидимому, и иже аще множайшими бранными побѣдитъ, той правъ судится у нихъ, аще обидѣвъ будетъ. Оле неприкладнаго нашего преслушанія и преступленія и Божественнаго повелѣнія и суда! Како напрасно безъ ума клятвъ Божиимъ подлагаемъ себе, аще не можемъ глаголяи Божій Пророкъ: прокляти уклоняющагося отъ заповѣдей Твоихъ.» И далѣе: «котораго образа злобы не превосходятъ сѣцево наше злое умышленіе; ни въ самѣхъ невѣрныхъ ни въ видѣхомъ ни въ слышаномъ таковъ беззаконенъ обычай, но или достовѣрными свидѣтели, или клятвою у нихъ разрешается всяка тяжба... *Користованія бо для неправеднаго, заключаетъ Пр. Максимъ, и лихоимства несъитнаго умысли самъ сѣцево богомерзко судилище»* (1). Правда, голосъ Пр. Максима въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, не имѣлъ рѣшительнаго и открытаго вліянія на Правительство; но тѣмъ не менѣе онъ, какъ и всегда, тайно дѣйствовалъ на умныхъ друзей Максима и въ глубинѣ души признаваемъ былъ Гроз-*

(1) Пр. Максима Грека «Слово о неизглаголанномъ Божіемъ промыслѣ, благодати жъ и челоуколюбіи, въ томъ же и на лихоимствующихъ.» По ркп. библ. Троиц. Лавр. Сл. 49. л. 177 и на обор.

нымъ и М. Макаріемъ ⁽¹⁾. Въ Судебникъ 1550 года Грозный призналъ полѣ и постановилъ для него обширные законы, но вотъ что самъ онъ въ слѣдующемъ 1551 году говоритъ о полѣ на Соборѣ Московскомъ: «Нѣцѣли, иже не претяжутца, и поклепавъ крестъ цѣлуютъ или образы Святыхъ, и на полѣ биютца и кровь проливаютъ. И въ тѣ поры волхвы и чародѣи отъ бѣсовскихъ поученій пособіе имъ творятъ... и, на тѣ чарованія надѣяся, поклепча и ябедникъ не миритца, и крестъ цѣлуютъ, и на полѣ биютца и, поклепавъ, убиваютъ» ⁽²⁾. Чтожь сдѣлалъ М. Макарій и его соборъ? Они посовѣтовали царю запретить чародѣйства при полѣ и съ своей стороны положили на чародѣйниковъ и принимающихъ ихъ запрещеніе по церковнымъ правиламъ ⁽³⁾, и попросили только царя не присуждать къ полю священниковъ и иноковъ, а довольствоваться обыскомъ ⁽⁴⁾. Читая эти слова трехъ современниковъ, слишкомъ высоко стоявшихъ надъ своимъ временемъ, ясно видишь, какъ имъ видна вся отживающая уже свое время неправда полевого процесса, и какъ въ то же время они подчинены еще обычаю времени и, въ душѣ сочувствуя другъ другу, боятся открыто подать другъ другу руки на борьбу съ слишкомъ древними привычками народа.

Какъ бы то ни было, но полѣ вмѣстѣ съ торжествомъ клонилось къ своему паденію. Съ 1556-го года, сколько намъ извѣстно, начались мѣстные его отмишенія. Такъ въ уставной Двинской грамотѣ этого года читаемъ уже: «а судить имъ (намѣстникомъ) и сыскивати во всякихъ дѣльхъ и управа шннати безъ полѣ» ⁽⁵⁾. Въ Судной грамотѣ удѣльнаго князя Вла-

⁽¹⁾ Мы не имѣемъ еще полной біографіи пр. Максима и не опредѣлили значенія этого мудраго мужа для Руси XVI столѣтія. Между тѣмъ, если послѣ сочиненій пр. Максима прочесть Стоглавъ и другіе законоподательные церковные и гражданскіе памятники того времени, вліяніе пр. Максима слишкомъ явно.

⁽²⁾ Стогл. гл. 41. вопр. 17.

⁽³⁾ Тамъ же. Отвѣтъ на вопр. 17.

⁽⁴⁾ Стогл. гл. «о святит. судѣ.» и Акт. Арх. Эксп. т. I стр. 221.

⁽⁵⁾ Акт. Ар. Эк. т. I стр. 272.

дміра Андреевича крестьянамъ замосковной Вохонской волости тоже вмѣсто поля предписывается присяга по жребію: «а ищя пошлется на послухи въ заемномъ дѣлѣ безъ кабалы, или въ каковъ дѣлѣ ни буди, и послухи, ставъ межъ себя порознь, иные молвятъ въ исцовы рѣчи, а иные въ исковы рѣчи не молвятъ, и которые молвятъ въ исцовы рѣчи, а попросятъ съ ними послуси поля, которые (не?) молвятъ въ исцовы рѣчи, *ио имъ присуживати цѣлованья съ жеребья* (1). Подобныя отгнѣнія составляли мѣстныя привилегіи той или другой области: такъ и въ уставной Двинской грамотѣ и въ уставной Вохонской мы прямо встрѣчаемъ выраженіе: «се язъ пожаловалъ есми»; и во второй грамотѣ замѣчено, что она касается только нѣкоторыхъ случаевъ суда: «о которыхъ дѣлѣхъ въ сей грамотѣ указу не написано, и тѣ дѣла вершити *по Судебнику*» (2). Вотъ почему въ другихъ Уставныхъ мы видимъ поле продолжающимся въ 1560, въ 1580, въ 1590 даже году, какъ наприм. въ селахъ Троицкаго монастыря (3). Но примѣръ областей, сознавшихъ невыгоду или неправду поля и получившихъ себѣ судныя грамоты съ дозволеніемъ «судити и управу чинити безъ поль», не могъ не дѣйствовать на другія области, и ко времени Уложенія обычай, кажется, погасъ самъ собою.

КАКЪ БЫЛЪ ОНЪ.

Апрѣля 29 дня
1855 г.

Р. С. Въ предложенномъ изслѣдованіи мы имѣли въ виду поле, какъ одинъ изъ актовъ древняго судебного процесса. По этому мы выдѣлили изъ нашего изслѣдованія *поединки*, въ смыслѣ самоуправнаго расчета между оскорбленнымъ и оскорбителемъ. Въ основѣ такихъ поединковъ лежатъ уже начала личности и чести, тогда какъ поле имѣетъ другія

(1) Тамъ же, стр. 280.

(2) Тамъ же, стр. 282 столб. 2.

(3) Акт. Ар. Эк. т. I, стр. 278, 372, 420.

основанія. Мы не отрицаемъ древности поединковъ у Славянъ: ибо у Сербовъ напр. *майданъ* имѣеть болѣе характеръ личной мести, чѣмъ суда Божія; притомъ и у насъ въ Россіи въ XVI столѣтіи *поле* имѣеть иногда то же значеніе ⁽¹⁾; но отдѣляемъ, какъ сказали, такіе поединки отъ поля по ихъ смыслу и происхожденію. Собственно противъ такихъ поединковъ частыя и рѣшительныя запрещенія начинаются у насъ съ Петра Великаго, — и въ этомъ смыслѣ поединокъ мы соглашаемся назвать, согласно съ Палацкимъ, обычаемъ принятымъ Славянами отъ Нѣмцевъ.

(1) Такъ М. Данилъ въ одномъ изъ своихъ словъ, приведа заповѣдь Спасителя о незлобін и немстительности и указавъ ученіе Св. Апостола Павла о томъ же, говоритъ: «Ты же не точію симъ не повинувшися, но ни слышати сихъ не хочещи, но, *себе отмщаа, сваршился, поля сътворяши, убиваещи.*» Сборн. М. Данила Ркп. М. Д. А. N 197, л. 406. Здѣсь кстати напоминть о варяжскомъ влідніи на нашу древнюю исторію.

УМНЫЕ ШПИОНЫ.

Какъ во всякомъ военномъ городѣ, въ Севастополь пріяты мѣры предосторожности противъ людей подозрительныхъ. Солдатамъ и матросамъ приказано наблюдать за тѣми, кто ходитъ, высматривая и разспрашивая. Они исполняютъ это съ большимъ усердіемъ, и имъ вездѣ мерещатся французскіе шпионы. Сгдѣтъ являться въ невиданной здѣсь формѣ—и ужъ за вами слѣдятъ, подходитъ унтеръ-офицеръ и спрашиваетъ: «позвольте узнать, вы изъ какихъ? Пожалуйте въ штабъ!»—Всего больше достается разнымъ курьерамъ, которые, по пріѣздѣ въ Севастополь, тотчасъ пускаются въ осматриваніе его пораженныхъ бомбами улицъ, подходятъ къ бастионамъ, разспрашиваютъ, сколько орудій?—а ужъ тутъ какъ есть и выросъ изъ земли солдатъ или матросъ: «позвольте узнать, ваше благородіе, вы чего тутъ ходите?—пожалуйте къ батареинному командиру!»—И его благородіе волей-неволей долженъ идти подъ пулями въ блиндажъ командира. Иногда взявшему васъ унтеръ-офицеру вдругъ вздумается представить своего плѣнника въ Главный штабъ на Инкерманъ—и его ведутъ 6 верстъ горами. Но не только пріѣзжіе, не только гусарскіе и уланскіе мундиры попадаютъ въ штабъ или къ батареиннымъ командирамъ,—нѣтъ, этого не избѣгаемъ и мы, живущіе здѣсь постоянно и носящіе довольно известную форму. Одного моего пріятели брали 6 разъ; меня брали 3 раза. Вотъ послѣдній случай:

У подножія Малахова кургана, по сію сторону, стоитъ одинокая церковь, построенная Бѣлостоцкимъ полкомъ, который здѣсь квартировалъ нѣсколько лѣтъ. Эта церковь вся разбита выстрѣлами. Изъ четырехъ колоннъ, поддерживающихъ фронтонъ, остались только двѣ; другія двѣ сбиты и лежатъ у крыльца въ обломкахъ; но фронтонъ держится, и

образъ на немъ, представляющій Бога Саваоѳа, окруженнаго ангелами, уцѣлѣлъ, и подь нимъ можно прочесть слова: *вниду въ домъ Твой и поклонюся ко храму святому Твоему.* Крестъ на крышѣ также уцѣлѣлъ. Больше всего пострадала эта церковь въ приступъ съ 5 на 6 іюня. Все поле вокругъ нея осталось усыяннымъ ядрами и картечью. Кое-гдѣ, между камнями, до сихъ поръ валяются французскія шапки разныхъ цвѣтовъ. Даже и внутри церкви на полу видны кучи ядеръ и гранатныхъ осколковъ. Прежде, подь защиту этихъ развалинъ сносили убитыхъ, но со времени потери Камчатскаго редута это мѣсто стало весьма опасно для носильщиковъ, по причинѣ близости непріятельскихъ иштурныхъ. Мнѣ давно хотѣлось снять любопытную Блостоцкую церковь, но русскій человекъ собирается долго. Когда было это такъ просто и безопасно, я не шелъ; пришлось отправиться тогда, когда пули около церкви стали летать цѣлыми роями. Впрочемъ я рассчитывалъ идти за домиками, которыми покрытъ правый склонъ кургана, и съѣсть гдѣ-нибудь въ окнѣ, чтобы меня никто не видалъ и не тревожилъ. Я переѣхалъ черезъ бухту, прошелъ Корабельную, и благополучно пробрался между домиками къ такому мѣсту, откуда церковь открывалась въ надлежащемъ видѣ. Я сталъ рисовать, никакъ не думая, что за мною кто-нибудь наблюдаетъ. Но только что я наложилъ первыя черты, какъ сзади послышались шаги: кто-то крался по камнямъ—и я увидѣлъ передъ собой матроса, какъ обыкновенно въ одной рубашкѣ и въ форменной шапкѣ съ цыфрой экипажа.

«Вы чтѣ тутъ дѣлаете, ваше благородіе?»

— Рисую вотъ эту церковь!

«Вы чтѣ, инженеры что ли?»

— По формѣ видишь, что я не инженеръ, а изъ штаба.

«Здѣсь планы списывать не позволено: пожалуйте къ баттарейному командиру!»

— Погоди немного: ты дѣлаешь свое дѣло, дай мнѣ добавить свое, а послѣ пойдемъ куда хочешь!

«Извольте!»

Онъ сталъ обокъ, а я продолжалъ рисовать. Разъ десять пролетали черезъ насъ бомбы, которыя не могли меня не тревожить, потому что производили сильный шумъ, между тѣмъ какъ были невидимы, и всякій разъ казалось, что они летятъ прямо на насъ. Я выражалъ мои опасенія матросу. «Нѣтъ, это не сюда, говорилъ онъ, слушая бомбу: это въ бухту по кораблямъ... а вотъ это по Владимирской церкви!» —И онъ ни разу не ошибся.—Я кончилъ работу, и мы пошли вверхъ по горѣ, изрытой траншеями и загроможденной турами, по какимъ-то извилистымъ коротенькимъ корридорчикамъ, гдѣ повсюду лежали и сидѣли солдаты и матросы цѣлыми кучами, кто въ рубашкѣ, кто въ шинели, кто въ курткѣ. Иные шли передъ нами, неся на штыкахъ манерки, налитыя водой или щами. Къ краю, направо, видѣлись амбразуры и орудія; въ нихъ было еще тѣснѣе; безпечные русскіе люди сидѣли какъ нарочно противъ самыхъ щитовъ, на пригоркахъ, совершенно открытыхъ пулямъ. Я не узналъ Малахова кургана, котораго не видалъ съ февраля: все было загорожено, изрыто. Оставались кое-гдѣ небольшія площадки. Я прошелъ то мѣсто, гдѣ когда-то рисовалъ *Корниловъ крестъ*: ни тѣхъ землянокъ, ни креста, ничего не было видно. Очертаніе амбразуръ и мерлоновъ, примыкавшихъ къ тому мѣсту — все это передвинулось, измѣнилось. Я бы не нашелъ дороги къ башнѣ, и запутался бы въ лабиринтъ земляныхъ корридоровъ, если бы у меня не было провожатаго. Но вотъ она, та самая башня—я не замѣтилъ въ ней никакой перемѣны. Мнѣ указали на лѣстницу, ведущую внизъ, — лѣстницу, по которой я когда-то спускался. Здѣсь была въ то время канцелярія адмирала Истомина, а теперь ее смѣнилъ блиндажъ командира линіи, капитана 1 ранга Керна, котораго матросы называютъ Кéринъ. Онъ уже былъ предуведомлень обо мнѣ, и послѣ нѣсколькихъ словъ просилъ извинить ошибку, а я просилъ прежде всего воды, потому что уморился путешествіемъ въ гору, въ шинели, въ 25 градусовъ жару. Онъ далъ мнѣ воды и прекраснаго вина, и пригласилъ меня дожидаться чаю. Немного погода пріѣхалъ адъютантъ командующаго 3 корпусомъ, ротмистръ С*. Мы

говорили, разумеется, о военныхъ дѣйствіяхъ. С* разсказалъ свою поѣздку съ генераломъ Веймарномъ на Чоргунъ для рекогносцировки, и встрѣчу съ Сардинцами, которые къ удивленію не открыли огня, хотя были менѣе чѣмъ на выстрѣль. Когда мы напились чаю, Кернъ предложилъ намъ обойти бастионъ и осмотрѣть тѣ мѣста, на которыхъ былъ самый упорный бой въ приступъ съ 5-го на 6-е. Мы пошли. Я давно не слышалъ пуль, и признаюсь, первые ихъ свисты на этотъ разъ были мнѣ очень неприятны. (Когда я рисовалъ и послѣ шелъ на курганъ, перестрѣлки не было, покрайней мѣрѣ я не слышалъ ни одной пули). Я поспѣшно проходилъ площадки; въ траншеяхъ держался ближе къ валу, но это было не долго: минутъ черезъ 10 я забылъ объ опасности, а еще черезъ 10 мнѣ уже нравились эти веселые свисты, — истинная поэзія бастионовъ... Когда мы шли, впереди насъ, въ траншеяхъ, упала граната и убила трехъ человекъ. Ихъ тотчасъ понесли внизъ. Пришлось шагать черезъ свѣжія капли крови, которыя падали съ носилокъ. Это здѣсь такое обыкновенное дѣло.... Кернъ довелъ насъ до праваго склона кургана, откуда было видно мѣсто, до котораго доходилъ неприятель, засѣвъ въ домики, разсыпанные по скату. Теперь все это разбито и разломано съ умысломъ. Тутъ мы простѣлись съ добрымъ начальникомъ 4-й линіи. Онъ далъ намъ двухъ провожатыхъ, потому что мы должны были идти по разнымъ дорогамъ. Мнѣ вздумалось зайдти еще на минуту къ церкви и провѣрить рисунокъ. Спустившись внизъ, я опять устроился между двумя домиками. Мой бравый проводникъ, матросъ 44-го экипажа Яковлевъ, досталъ откуда-то доску, и сдѣлалъ изъ нея родъ скамьи, меньше нежели въ минуту. Замѣтивъ, что ветеръ иногда подымаетъ листы бумаги, онъ клалъ на нее небольшіе камешки. Наконецъ, уладивъ все, помѣстился самъ на камнѣ сбоку, но ему не сидѣлось: минутъ черезъ 5 онъ всталъ и вышелъ изъ-за домиковъ впередъ на луговину, гдѣ безпрестанно шмыгали пули, распѣвая на разные голоса. Иная гудѣла какъ струна, тонкимъ, приятнымъ звукомъ; другая пѣла густой октавой, и казалось, летѣла тихимъ, важнымъ полетомъ, вѣроятно сдѣ-

лавъ рикошетъ; третья высвистывала быстро и тутъ же закапывалась въ землю или вшивалась въ глиняную стѣнку какого-нибудь домика. Такихъ двѣ влѣпились въ хатку, находившуюся отъ меня по лѣвую руку, и влѣпились такъ глубоко, что я никакъ не могъ ихъ достать. Четвертая мяукала какъ кошка; иная, ударясь въ твердую почву, дѣлала рикошетъ, а иногда и два, и улетала дальше, вертясь и дребезжа. Вотъ двѣ просвистѣли въ перегонки и шлепнулись въ камень. Сколько я ни отзывалъ матроса назадъ — толку не было; онъ возвращался, но черезъ минуту торчалъ опять за домиками, и поглядывалъ направо и налево, самъ не зная зачѣмъ.

— Ну смотри, чтобы тебѣ не досталось!

«Ничего, ваше благородіе! Мы привыкли!» отвечалъ онъ, какъ-будто бы привычка избавляла его отъ опасности: «Съ 5-го на 6-е ихъ тутъ поболь пролетѣло, да и то Богъ хранитъ, а это что!»

— А ты былъ здѣсь съ 5 на 6?

«Гдѣ же мнѣ больше быть? У втораго орудія мой землякъ Исаковъ комендоромъ, и я тутъ стою...»

— А въ какомъ часу вы увидали Французовъ?

«Да передъ свѣтомъ, только было еще темно; а Исаковъ-то и говорить: поверни-ка орудіе-то влево, да пусти-ка по низу! а впереди-то, изволите знать, овражикъ: намъ его, каторжнаго, и не видать! Какъ пустили одну-то по низу, — бомба-то и разорвись надъ нимъ, — намъ его и видно стало, и закишѣлъ онъ, Боже мой, какъ червь! Керинъ-то нашъ и говорить: валяй, ребята, валяй! Мы и пошли пускать! 1-й и 2-й бастіонъ смекнули тоже дѣломъ, и ну жарить картечью. Онъ увидалъ, что дѣло-то плохо, и полѣзъ прямо; такъ и лѣзетъ, такъ и лѣзетъ, какъ муравья! А мы такъ и жаримъ, такъ и жаримъ; да не прошибешь его, проклятаго, все лѣзетъ! И проскочило его ужъ много въ Корабельную, а въ Корабельной у насъ магазей, для складовъ, значить пустая, да еще хатки матросскія, тоже пустыя. Онъ въ эти хатки и въ магазей-то и засѣлъ, и ну пострѣливать изъ

окошекъ. Орётъ что-то по своему и не сдается, оглашенный. Гляжу: скачетъ какой-то адмиралъ, не помню, то ли Хрулевъ, то ли другой какой, пехотный! Только это не Хрулевъ: у Хрулева страя лошадь.—Ребяты, впередъ! И ну его штыками выковыривать изъ хатъ! Такъ въ иной-то хаткѣ 5, въ иной 2, а въ иной одинъ проклятый лежитъ. Тутъ ужь ему стало не въ могуту — онъ выскочилъ и бѣжать! А мы-то картечью, картечью! Много его положили! Такую постелю устлалъ! Это все были охотники, ваше благородіе; ихъ было 8 тысячъ, а въ другой разъ онъ хочетъ послать ихъ 80 тысячъ: говорить, что теперича онъ три дни будетъ отдыхать, три дни палить, и три дни, говорить, буду идти на Севастополь—тамъ ужь чья возьметъ!»

— А что такое было на другой день, съ 6-го на 7-е?—спросилъ я у матроса.

«На другой-то? На другой онъ опять пошелъ съ лѣстницами, съ веревками, съ крюками. Онъ закидываетъ веревку съ крюкомъ, а мы ему еще свой трапъ подаемъ, чтобъ ловчѣе было лѣзть; а какъ влѣзетъ въ амбразуру—мы его аншпугомъ по головашкѣ: ну, и катится какъ гѣрбузь! Чтò смѣху-то было! Много его тогда положили! Тысячъ 50, по крайности класть!»

Матросъ могъ быть безконеченъ въ разсказахъ, но мои работы кончились. Я просилъ его провести меня по возможности безопасно, и мы пошли между хатъ. Пули провожали насъ довольно далеко, почти до Владимирской церкви. Въ Аполмоновой балкѣ Яковлевъ нашелъ мнѣ двойку, и я благополучно перенесся на Коварну.

Н. В.

1855, 19 іюня. Севастополь

СЕВАСТОПОЛЬСКІЯ ПИСЬМА.

... Въ дополненіе къ прошлому моему письму, посылаю вамъ очеркъ всѣхъ осажденныхъ линій южной стороны, какъ онѣ представляются съ фрегата Коварны, стоящаго у Сѣверной балки, въ сѣверной половинѣ бухты. Рисуя, я долженъ былъ переходить съ мѣста на мѣсто, потому что окинуть все линіи вдругъ невозможно. Въ натурѣ онѣ идутъ огромнымъ полукругомъ. Разумется, все это сдѣлано *приблизительно вѣрно*; виденъ только порядокъ размѣщенія батарей; разстояній не спрашивайте. Красные треугольнички показываютъ мѣста, гдѣ находятся строенія. Чтобы видѣть все линіи вдругъ, сложите бумажки одну съ другой рядомъ, по нумерамъ. Я помѣстилъ здѣсь главныя изъ бастіоновъ и батарей; кое-какія (можетъ быть около 5) пропустилъ, по ихъ незначительности. Непрiятельскія поставилъ только тѣ, которыя хорошо видны. Но у нихъ батарей необыкновенное множество. На иныхъ крепостныя и морскія орудія; на другихъ (и такихъ болѣе) полевья.

Неволью перехожу опять къ вашему прежнему вопросу... Вся мѣстность, которую намъ надо пройти, дабы вытѣснить непрiятеля и имѣть успѣхъ—изрыта глубокими траншеями. Это ничто иное какъ сѣтъ безконечныхъ земляныхъ корридоровъ, рововъ, ямъ. Большая часть этихъ корридоровъ обстрѣливается съ боковъ полевыми батареями. Положимъ, что наши войска, (встрѣчаемая огнемъ скрытаго врага), дошли до перваго ряда траншей и выбили изъ него непрiятелей; — спустились въ ровъ — выдержали направленный по нимъ картечный огонь полевыхъ батарей, перебрались на ту сторону рва — и чувствуютъ себя еще въ силахъ идти далѣе — но тутъ новый

рядъ траншей, откуда сыплются градомъ убійственныя штуцерныя пули; бомбы и гранаты, пускаемыя съ отдаленныхъ батарей, рвутся въ нашихъ колоннахъ.... но мы дошли и до второй линіи, и изъ нея выбили непріятеля—перешли черезъ ровъ, и несмотря на потерю, все еще можемъ идти впередъ.... но вотъ 3-я линія траншей.... Судите-же, какія нужны физическія силы для нашихъ людей—перелзть эти безконечныя рвы, и въ тоже время биться.—Все это не фантазіи: мы имѣемъ планы непріятельскихъ траншей, гдѣ выставлено все, почти до послѣдней пушечки. Стало-быть вы видите, что нельзя не задуматься и соваться вдругъ. Перевѣсь осажденныхъ передъ наступающими въ минуту штурма невбродятенъ: въ приступъ съ 5-го на 6-е іюня Французы и Англичане потеряли, вмѣстѣ, до *одиннадцати* тысячъ, а мы только 535 человекъ! Для нѣкотораго понятія о томъ, какъ ведутся траншеи, посылаю вамъ при семъ чертежъ непріятельскихъ траншей передъ 5-мъ бастіономъ, снятый мною довольно давно. Теперь многое измѣнилось, батарей прибавилось и траншей также, чуть не вдвое. И это только противъ 5-го бастіона! А вы можете увидѣть по тѣмъ бумажкамъ, какую незначительную точку занимаетъ 5-й бастіонъ на всей линіи — имѣющей вѣрныхъ 10 верстъ въ длину! Не знаю, ясно ли наконецъ вамъ, почему мы осторожно двигаемся и больше выжидаемъ нападеній, чѣмъ предпринимаемъ ихъ сами. Ясно-ли, что тутъ и Суворовъ и Наполеонъ не сдѣлали бы ничего особеннаго....

24-го октября прошлаго года, чуть-чуть не были они разбиты; они удержались на волоскѣ.... Черезъ нѣсколько дней явилась Канроберова батарея — и рядомъ съ ней другія, занявъ то мѣсто, откуда мы сдѣлали счастливое наступленіе. ..

Теперь у насъ тихо. Съ недѣлю назадъ ходилъ на вылазку съ Греками ихъ майоръ Хрисовелли; онъ поднялъ тревогу на всей 3-й и 4-й линіи, вырѣзалъ Французовъ въ одной траншеи и разрушилъ ихъ ложементы. У Грековъ нѣтъ пощады: они обыкновенно рѣжугъ всѣхъ, кто попадается, кричить онъ или не кричить *пardonъ*.

Все говорятъ о бомбардировкѣ, даже предсказываютъ се завтра. О прошлой бомбардировкѣ мы знали заранее.

Въ письмѣ къ Шевыреву о кончинѣ Нахимова (написанномъ на-скоро и вдругъ) есть кое-какія невѣрности. Если печатать, то печатайте свое, а его предупредите. — Спущенные у Англичанъ флаги не подтвердились. Кажется, вздоръ. — У насъ жарко: который день все 30 градусовъ въ тѣни, но кажется обыкновенно, какъ бы и въ Россіи въ жаркіе дни.

Лагерь на Инкерманѣ.
1855. Юля 12.

Не сбылися предсказанія
Перебѣзчиковъ-плутовъ:
Нѣтъ еще *брандированія*
Съ непріятельскихъ валовъ.

Все какъ прежде въ Севастополѣ...
Были вылазки на дняхъ —
Много нехристей ухлопали
Въ ихъ же балкахъ и во рвахъ.

Ходятъ ялики и ботики
Къ Графской пристани... а я
Также роюсь въ библіотекъ,
Хоть отъ бомбъ тамъ нѣтъ житья.

Часовыхъ я слышалъ жалобы,
Что дней пять тому одна
Просадила тамъ двѣ *палубы*
И разбила три окна.

Иногда хожу подъ реями
И люблюсь, какъ въ дали
Дремлетъ берегъ съ батареями,
Спать на рейдѣ корабли.

Сладко брезжутъ звѣзды вѣчныя
 И луна изъ-за холмовъ
 Озаряетъ купы млечныя
 Неподвижныхъ облаковъ....

Тихо... только что-то слышится
 Въ этой жертвой тишинѣ:
 Врагъ недремлющій копышется,
 Роетъ мину въ сторонѣ.

Вотъ за дальнею траншейкою
 Огонекъ во тьмѣ блеснулъ —
 И взвилась ракета змѣйкою,
 Въ небѣ слышенъ свистъ и гулъ....

Вотъ вамъ рѣшмы, и довольно курьозныя. Онѣ пришли ко мнѣ сегодня на зарѣ, когда я собирался въ лагерь; въ лагерь я ихъ записалъ. И такъ у насъ тихо, т.-е. перестрѣлка обыкновенная. Я припомнилъ случившееся со мной происшествіе на Малаховомъ вскорѣ послѣ приступа, и сдѣлалъ изъ этого небольшую статью для Москвитянина. Взгляните, годится ли. Она написана больше для того, чтобы представить образецъ здѣшней матросской рѣчи, понятій и разсужденій. Генераловъ они обыкновенно зовутъ адмиралами; лѣстницу иногда называютъ трапъ; полъ—палуба, не иначе. Посылаю вамъ также портретъ Нахимова. —

На дняхъ я видѣлъ необыкновеннаго 10-ти-лѣтняго мальчика. Стоитъ объ немъ разсказать. Это въ числѣ чудесъ Севастополя.—На одной изъ баттарей, примыкающихъ къ 4-му бастіону, именно на баттарей лейтенанта Забудскаго, находился матросъ 37-го экипажа Тимофей Пищенко комендоромъ орудія; кокорникомъ (подающимъ кокорѣ, картузы) былъ при немъ 10-ти-лѣтній сынъ его Николай Пищенко, или, какъ тамъ звали его, Николка. Служба ихъ обоихъ на баттарей началась съ 5-го октября прошлаго года; 27-го марта нынѣшняго года Тимофей Пищенко былъ убитъ; Николка остался безъ должности, но все-таки жилъ на баттарей; мать его была также ранена, въ городѣ, шгуцерной

пулей, и лежала больная, и потому взять его не могла. Мальчикъ отъ нечего дѣлать бѣгалъ по другимъ сосѣднимъ батареямъ, и между прочимъ забѣжалъ на Шварцовъ редуть, гдѣ увидалъ 9 небольшихъ мортиръ. Возвратясь на свою батарею, онъ сталъ проситься на Шварцовъ редуть, чтобы стрѣлять тамъ изъ мортиръ. Забудскій отпустилъ его, и мальчикъ, явсь къ командиру Шварцовой батареи, лейтенанту Ханжаглу (Шварць былъ раненъ), просилъ у него позволенія стрѣлять изъ маленькихъ мортиръ. Командиръ батареи далъ ему выстрѣлить изъ одной мортиры, и потомъ найдя, что онъ очень ловокъ и расторопенъ, отдалъ въ его распоряженіе все 9 мортиръ, подъ надзоромъ стараго мастера. Матросъ былъ убитъ 9 июля, и съ тѣхъ поръ до нынѣ мальчикъ управляетъ одинъ этими мортирами, самъ заряжаетъ ихъ, стрѣляетъ и послѣ выстрѣла тотчасъ бѣжитъ на банкетъ взглянуть, какъ легла пущенная изъ мортиры граната; если не вѣрно, то подвинетъ мортиру вправо, или влѣво, подсыпаетъ въ зарядъ пороху, или убавляетъ, и вообще дѣлаетъ все что нужно. Конечно ему прислуживаютъ солдаты.—Я просилъ прислать ко мнѣ этого мальчика на фрегатъ, въ томъ самомъ костюмѣ, въ какомъ онъ находится при мортирахъ, и онъ былъ у меня 3-го дня. Я снялъ съ него портретъ во весь ростъ, и въ слѣдующій разъ пришлю вамъ. Какъ жаль, что все это пропадаетъ такъ, что у насъ нѣтъ иллюстрацій. Французы помѣщаютъ всякой вздоръ, всякую бездѣлицу. Художественный Листокъ нашъ—*теперь* печатаетъ Силистрійскіе виды! А какой мастеръ рисовать Тимъ. Мнѣ сказывали, что на 2-мъ N есть также мальчикъ, уже награжденный медалью за храбрость. Я постараюсь разузнать и объ немъ.—Съ Пищенко я говорилъ довольно много, пока онъ у меня былъ. Онъ очень боекъ и примѣтливъ. Мнѣ хотѣлось изобразить его съ фитилемъ, и я велѣлъ принести нашъ фрегатскій фитиль. «Нѣтъ, это не такой», сказалъ мальчикъ.—А нельзя ли сдѣлать изъ палки? спросилъ я.—«Нѣтъ, не сдѣлаешь, отвѣчалъ онъ: тутъ винты.» И онъ объяснилъ мнѣ, почему нельзя скоро сдѣлать.—Зайдя ко мнѣ въ каюту, онъ увидѣлъ штуцеръ и тотчасъ сказалъ,

что это англійскій штуцеръ. Штуцеръ въ самомъ дѣлѣ былъ англійскій.

На дняхъ у насъ на Сѣверной была свадьба. Это считаютъ здѣсь рѣдкостью и говорятъ какъ о чудѣ. Эта свадьба третья со времени осады. Скоро будетъ четвертая: офицеръ Охотскаго полка былъ влюбленъ пять лѣтъ въ одну дѣвицу въ Вольнской губерніи, она отвѣчала ему сомнительно, но теперь прѣехала сюда — и онъ женится. Замѣчу вамъ, что всѣ женщины живутъ здѣсь на Сѣверной сторонѣ. Въездъ въ Севастополь имъ запрещенъ еще покойнымъ губернаторомъ (Нахимовымъ). Новый (Памфиловъ) не измѣнилъ покаместъ ничего изъ постановленій Нахимова.

Прилагаю при семъ подлинную записку лейтенанта Ханжаглу о мальчикѣ Пищенко. Я писалъ частію по ней, частію по рассказамъ мальчика.

Вашъ душевно Н. Б.

1856, іюля 19.
Фрегатъ Коварна.

ЗУРНА. Закавказскій альманахъ. Изданіе *Е. А. Вердеревскаго*. Тифлисъ. Въ типографіи Канцеляр. Намѣстн. Кавк.—1855 г. in-8°. 375 стран.

Прежде всего читателей вѣроятно удивитъ нѣсколько названіе Закавказскаго альманаха: что такое *Зурна*? спросать они вѣроятно. Какъ названіе, такъ и цѣль самаго изданія удовлетворительно разрѣшается предисловіемъ издателя. «Зурною—говоритъ издатель—въ Грузіи собственно называется духовой инструментъ, играющій господствующую роль въ туземномъ грузинскомъ оркестрѣ; но какъ «во всѣхъ языкахъ *цѣлое*—часто получаетъ названіе отъ одной изъ «своихъ частей, то и грузинскій народный оркестръ получилъ названіе отъ господствующаго въ немъ инструмента.—и сказать *зурна* «—въ Грузіи значитъ назвать цѣлый оркестръ, употребляемый туземцами при всѣхъ торжественныхъ процессіяхъ, при всякомъ маломъ и большомъ, домашнемъ и общественномъ праздникѣ. Этотъ оркестръ составляется изъ коротенькихъ рожковъ на подобіе кларнетовъ, (собственно—*зурна*), изъ *дайры*—бубна, *диплитито*—барабановъ, *чонгури* или *чанури*—скрипки, *ствѣра*—дудки и т. д.»

И такъ вотъ что такое значитъ «Зурна», названіе весьма удачно выражающее содержаніе альманаха, во-первыхъ закавказское, во-вторыхъ—чисто литературное: не статей ученыхъ, а статей литературныхъ должны мы ожидать, судя по заглавію—и въ этомъ случаѣ мы не ошибемся, — но касательно мѣстности содержанія, мы ошиблись бы нѣсколько въ ожиданіяхъ, если бы повѣрили заглавію. Самъ издатель впрочемъ предуведомляетъ объ этомъ въ своемъ предисловіи. «Первый закавказскій альманахъ названъ *Зурною* не потому.—говоритъ онъ,—чтобы въ этомъ литературномъ оркестрѣ преобладалъ *исключительно* элементъ туземный, какъ *зурна* въ туземной музыкѣ: по многимъ причинамъ нельзя было допустить исключительности въ этомъ отношеніи. Но назвать *зурною* первый Зака-

★

казскій литературный сборникъ казалось приличнымъ въ особенности потому, что можно допустить нѣкоторое сходство между «грузинскою зурною и первымъ литературнымъ сборникомъ, издаваемымъ въ Грузіи: и зурна и нашъ альманахъ—дѣти Азіи.»

Съ этой точки зрѣнія мы и должны смотрѣть на альманахъ и готовы извинить, если, по выраженію же издателя, настоящій Тифлисскій литературный оркестръ на первый разъ покажется нѣсколько *зурноватъ*.» Все *зурноватое* мы извиняемъ охотно, — лишь бы оно было настоящее зурноватое: оно можетъ имѣть интересъ мѣстный; и потому, признаемся, мы съ большимъ удовольствіемъ прочли бы нѣкоторыя статьи Зурны, если бы онѣ были изложены съ меньшими претензіями на литературность. Интересенъ коротенькій рассказъ графа Стенбока «Ага Мухаммедъ Шахъ въ Шушь» — но и этому очерку, историческому по своему предназначенію, вредятъ претензіи на драматизмъ и еще болѣе претензіи на восточный колоритъ. «Като и Ана», повесть будущей грузинской писательницы, — самая повесть—признаемся опять откровенно, насъ заинтересовала менѣе, чѣмъ отрывки изъ автобіографіи писательницы, приведенные издателемъ въ предувѣдомленіи къ повести. Вотъ что говоритъ авторъ предувѣдомленія: «Не мѣсто здѣсь—говорить онъ, «да и не наше дѣло говорить о достоинствахъ и недостаткахъ повести. «Немудрено, что недостатки будутъ замѣчены въ достаточномъ количествѣ—но мы убѣждены, что, во всякомъ случаѣ, они будутъ искуплены двумя большими достоинствами произведенія: его неоспоримой оригинальностью и его многое извиняющимъ значеніемъ «перваго опыта *первой въ Грузіи женщины, рѣшившейся писать для печати и притомъ писать не на природномъ своемъ языкѣ*. «Намъ даже кажется, что самая повесть, о которой идетъ рѣчь, «какъ бы она ни была интересна, все-таки должна уступить въ занимательности одному тому факту, что *явилась (какая бы то ни было) повесть писательницы Грузинки*. Этотъ фактъ важенъ и интересенъ самъ по себѣ: въ немъ, по нашему мнѣнію, цѣлая исторія «новѣйшаго періода жизни и быта Грузіи. Въ немъ—живое олицетвореніе и свидѣтельство того огромнаго шага на поприщѣ *Европеизма*, который совершили въ Грузіи все слои и оба пола общества, подъ вліяніемъ цивилизаціи, принесенной въ эту страну русскими, что бы ни толковали пристрастные и озлобленные враги наши.. Наконецъ, въ этомъ фактѣ видимъ мы кое-что и еще болѣе значительное и утѣшительное: мы видимъ въ немъ самостоятельное, независимое проявленіе *народнаго* въ Грузіи сочувствія къ темъ

«новымъ началомъ, какія съ благотвельной цѣлю прививаются къ «ней умственнымъ и нравственнымъ вліяніемъ Россіи.»

Съ этой точки зрѣнія готовы и мы смотрѣть на литературную дѣятельность грузинской писательницы, готовы признать и важность того факта, что Грузинка рѣшилась писать для печати, и всю, же важность другого факта, что на нее подѣйствовала европейская цивилизація, но мы желали бы, чтобы цивилизація подѣйствовала на нее своими существенными сторонами, а не сторонами одного только вѣшняго лоска своего. Чтобы пояснить мысль нашу, нѣсколько несходную съ мыслию автора предувѣдомленія, восторгающагося успѣшной прививкой цивилизаціи, — мы обратимъ вниманіе на то, что будущая писательница, какъ рассказываетъ она въ своей біографіи, воротясь въ Грузію послѣ долгаго отсутствія, слишкомъ легкомысленно радуется, что «Въ какую знакомую улицу ни загляну чтобы узнать когда-то виданный домикъ, — взоры мои встрѣчаютъ высокое и красивое зданіе; на мѣстѣ «прежнихъ чердаковъ или саклей—стоятъ дома прекрасной архитектуры, съ Европейскимъ убранствомъ: по галлереймъ бѣгаютъ «разфранченныя лакеи; сквозь окна показываються завѣски и цвѣты; «подъ цвѣтами красуются высокія вазы, по стѣнамъ и на потолкахъ «видны раззолоченныя канделябры, лампы и люстры. Изъ каждой «улицы—слышатся звуки фортепіано».... Это—радость дикаго или радость ребенка, которому показали хорошую игрушку. Для насъ дороже этой радости достоинство, съ которымъ писательница говорить: «По происхожденію я самая *православная* Грузинка, одной «изъ незамѣтныхъ вѣтвей древняго и замѣтнаго дерева, которое уже «въ теченіе двухъ вѣковъ приносить плоды на пользу отечества, «расширяетъ блаженныя корни до дна земли, высоко раскидываетъ «молодые побѣги».... Мы думаемъ, что сознаніе общаго между Грузинками и нами православія принесетъ плоды несравненно болѣе зрѣлые, чѣмъ роскошь цивилизаціи: думаемъ также, что многое въ патріархальныхъ нравахъ Грузіи, равно какъ и въ патріархальныхъ нравахъ православной Россіи—лучше и выше мишурной цивилизаціи, съ какою угодно точки зрѣнія, съ нравственной ли или съ поэтической. Вѣроятно и самъ авторъ предувѣдомленія, такъ наклонный повидимому увлекаться и живо чувствовать, понимаетъ, что ни галлерей, по которымъ бѣгаютъ разфранченныя лакеи, ни люстры, ни канделябры—ни что подобное не стѣитъ той высокой поэзіи, которая заключается вотъ въ этомъ напримѣръ впечатлѣніи дѣтства его Грузинки: «Рожденіе перваго дитяти, выпрошеннаго у Творца

«молитвами моихъ родителей, привело ихъ въ восхищеніе. Я помню какъ впоследствии въ домъ нашъ не одинъ разъ объ этомъ разсказывали. Сосѣдки наши вѣзжали къ отцу моему въ высокую, вѣсковую башню, похожую на древніе баронскіе замки, приветствовали его радостными восклицаніями: поздравляемъ,—говорила онъ—Богъ не оставилъ дома добраго дворянина безъ наследницы. Всевышній подарилъ вамъ дочь на 50-лѣтнемъ вашемъ возрастѣ. Отецъ мой сталъ на колѣна и вознесъ теплую молитву о спасеніи третьей жены.»—Цивилизація дѣло конечно хорошее—и мы сочувствуемъ существеннымъ плодамъ ея, можетъ быть, столь же живо, какъ и ты, которые винятъ насъ въ какомъ-то враждебномъ отношеніи къ ней—но цивилизація хороша, когда она достается не изъ мутныхъ источниковъ. Авторъ предувѣдомленія вѣроятно понимаетъ также, что первоначальныя чтенія его Грузинки выше по смыслу и благотельнѣе по влиянію, чѣмъ послѣдующія, цивилизованныя, въ родѣ Монте-Кристо и другихъ переводныхъ повѣстей. Изъ сочиненій русскихъ писателей, она знакома только съ «Горѣ отъ ума» и съ романомъ Лажечникова «Ледяной домъ», стало быть, съ одною только хорошею вещью, ибо романъ Лажечникова—произведеніе талантливое, но фальшивое. Тутъ еще, значить, не изъ чего приходитъ въ восторгъ отъ влиянія цивилизаціи. Цивилизація—хороша въ существенномъ, а не въ лоскѣ и роскоши, хороша, когда она даетъ ясно сознать то единое, что есть на потребу души человеческой, хороша наконецъ тогда, когда не подрываетъ связей чловѣка съ его корнями, съ почвой, съ прошедшимъ. Опять повторимъ, дали ли Грузинкѣ цивилизованныя чтенія ту высоту взгляда, которую получала она изъ первоначальныхъ и изъ источника коренныхъ своихъ основъ? «Въ первый разъ—говоритъ она въ одномъ изъ отрывковъ автобіографіи, приводимыхъ г. Вердеревскимъ,—попала мнѣ въ руки Библия, которая была кажется и больше и тяжелѣ меня... «Она была напечатана мелкими славянскими буквами, но несмотря на это, я усердно и съ наслажденіемъ ее читала, и ни одна книга никогда не служила столько къ моему душевному успокоенію, какъ Библия. То поражали меня въ ней творческія занятія Создателя до дня Его отдохновенія, то интересовалъ образъ жизни чловѣка до пришествія Христа Спасителя; то приводила въ умиленіе преданность Богу Царя Давида и кротость его передъ жестокостью Саула. Помню, что въ это время умъ мой былъ встревоженъ страшными недоумѣніями. Читая о жизни библейскихъ царей, я такъ живо себя ихъ представляла, что мнѣ казалось, будто я ихъ когда-то знала и

«видела. При этомъ я вспомнила, что Грузины покойниковъ не называютъ умершими, а зовутъ *гардацвалебуил*; *гардацвала* значитъ «перемѣниться, или изъ одного вида перейти въ другой; слѣдовательно языкъ нашъ прямо указываетъ, что умершіе—сутъ только *перемѣнившіеся*, перешедшіе изъ одного вида въ другой.» Вообще мы находимъ, что авторъ предувѣдомленія слишкомъ *цивилизованно* взглянулъ на автобіографію будущей грузинской писательницы, слишкомъ обрадовался ея цивилизаціи и просмотрѣлъ въ такомъ увлеченіи черты болѣе дорогія и болѣе самобытныя. Во всякомъ случаѣ, отрывки автобіографіи—должны обратить на себя вниманіе читателей. Не говоримъ о прочихъ статьяхъ, кои всѣ читаются съ удовольствіемъ, а именно: Тифлисскій мушкетеръ, драма М. Щ-на; Ревазъ Годобредидзе, имеретинская легенда, Н. Дункель-Веллингъ; Лозы любви, Кистинское преданіе, г. Цискарова; Осетинская Сафо (изъ воспоминаній объ Осетіи), г. Н. Берзенова; Оборванецъ, пшавская быль, кп. Эрнстова; Ночь передъ свадьбой, драматическая шутка, гр. В. А. Соллогуба.

Перейдемъ къ прочимъ статьямъ. Резко отдѣляется здѣсь статья Г. Г. Г. «Воспоминанія о Брюловѣ».—Этой прекрасной статьёй, важной и относительно художества вообще и подробностями о великомъ художникѣ нашемъ, мы займемся особенно. «Гри сцены» отличаются своею простотою, искренностью и нѣкоторой мелодичностью. Въ альманахъ являются также и «Пѣсни невѣсты» г. Кержака-Уральскаго, напечатанныя уже и въ нашемъ журналѣ—пѣсни, которыя мы напечатали, какъ напечатали бы всякую повѣсть, проникнутую здравой и зрѣлой мыслию, зная недостатки ея въ художественномъ отношеніи, — напечатали цѣликомъ, уважая опять-таки здравую мысль и настоящее чувство, хотя хорошо видѣли, что нѣкоторыя, какъ напримѣръ написанная quasi русскимъ размѣромъ, по формѣ своей неудачны,—въ другихъ умное мышленіе переходитъ въ резонерство, а чувство въ сладкую приторность. Стихи г. Кержака-Уральскаго подверглись поэмванію въ журналахъ. Но это—плодъ жизни и душевнаго опыта, а не желчи и насильственнаго, вымышленнаго раздраженія; послѣдняя же изъ этихъ пѣсней, возвышается до истиннаго, поэтическаго лиризма во взглядѣ и въ выраженіи, лиризма, изъ высшихъ источниковъ котораго голосъ, къ сожалѣнію, рѣдко слышится въ нашей литературѣ. Перечитывая эти стихи въ альманахѣ, мы остались при томъ же мнѣніи: они—плодъ мысли зрѣлой и чувства настоящаго, плодъ разумнаго опыта сердца: они вызываютъ мыслящаго человека на мысль, заставляютъ съ собой спорить или соглашаться,

вызывают на ответы — и жалка кажется критика, въ которой серьезные и серьезно рѣшаемые вопросы встречаются смѣхомъ, похожимъ на смѣхъ одного известнаго лица въ «Невскомъ проспектѣ». Если повѣсти—за дѣльную мысль прощаемъ мы промахи въ формѣ, небрежности художественнаго выполненія—то почему же за это самое достоинство не простимъ мы такихъ же недостатковъ лирической поэмѣ, связанной, также какъ повѣсть, единствомъ содержанія, единствомъ мысли, — когда такъ явно мысль, и притомъ мысль добытая жизнью, составляетъ главную задачу поэмы? Позволимъ же мы себѣ остановиться на произведеніи г. Кержака—Уральскаго: напечатанное въ альманахѣ, оно стало уже нѣкоторымъ образомъ не нашимъ, — забавите всего то, что стихи кажется и встрѣчены по смѣяніемъ рецензентовъ потому только, что напечатаны у насъ: въ альманахѣ они прошли благополучно, потому, должно быть, что рецензентъ Современника не счелъ нужнымъ читать всего альманаха, а ограничился выписками изъ шутки графа Соллогуба, довольный, что эта шутка представляетъ пищу его «сатирическому уму». Оно и прекрасно — и рецензенту легче и почтенной публикѣ тѣхъ господъ, для сваренія желудка которыхъ служатъ медицинскимъ пособіемъ рецензіи петербургскихъ журналовъ, (по собственнымъ «признаніямъ» сихъ послѣднихъ) — гораздо забавите.

«Пѣсни невѣствъ» г. Кержака—Уральскаго касаются одного изъ тѣхъ жизненныхъ вопросовъ, которые болѣе или менѣе тревожатъ всякую эпоху, но въ особенности тревожатъ нашу эпоху; онѣ касаются брака, т.-е. взаимнаго сожитія двухъ лицъ, соединенныхъ на жизнь и на смерть. Известно, какъ рѣшался этотъ вопросъ въ нашу тревожную эпоху — и помнится вѣроятно многимъ опредѣленіе брака въ видѣ такого страшнаго афоризма: «Бракъ есть совершенная роскошь, когда людямъ и можется и хочется жить вмѣстѣ, и добровольное насиліе жить вдвоємъ, когда хочется жить врознь». Знаемъ мы — да вѣроятно знаютъ хорошо и читатели, что этотъ ядовитый парадоксъ вызванъ — можетъ быть страдальческимъ процессомъ души, если не оправдывающимъ, то нѣсколько смягчающимъ его жесткость, — но что такой парадоксъ представляетъ собою безотраднѣйшую крайность отрицанія, что онъ противорѣчитъ сущности природы человѣческой, которая въ бракѣ, т.-е. въ освященіи вѣчнаго нерасторгаемаго союза — выразила одну изъ высшихъ ступеней своихъ, одно изъ наиболѣе свойственныхъ ей требованій — это очевидно. Вся замѣны, предлагаемая на мѣсто брака различными произвольными ученіями — такъ несостоятельны и такъ мало

отвѣчаютъ гармоніи природы человѣческой тѣмъ уже самымъ, что показываютъ явно самое наглое невѣріе въ нее, такъ мало удовольствовались бы и желаніямъ мужчины и желаніямъ женщины, что лучшимъ опроверженіемъ имъ служить всегда—нерѣдкое къ сожалѣнію приложеніе къ практикѣ. Но нашъ вѣкъ, спеціально въ погибель натуръ, стремящихся къ высшимъ цѣлямъ—изобрѣлъ еще возраженіе противъ брака, основанное на прозаизмѣ постоянныхъ отношеній мужчины и женщины, освященныхъ закономъ и общежитіемъ (мы беремъ вопросъ исключительно только съ человѣческой точки зрѣнія). Едва ли это возраженіе не болѣе погубило правильныхъ отношеній, чѣмъ возраженія съ точки зрѣнія грубыхъ инстинктовъ... Съ этой стороны отчасти беретъ вопросъ и г. Кержакъ-Уральскій.

Авторъ «Пѣсенъ невѣствъ», по нашему мнѣнію, тѣмъ въ особенности оригиналенъ, что не паритъ въ облакахъ, не строитъ идеальныхъ утопій, а хочетъ видѣть поэзію идеи въ обыденныхъ ея проявленіяхъ: надъ идеализмомъ заоблачнымъ онъ остроумно подшучиваетъ, какъ надъ «вѣчнымъ поцѣлуемъ»: онъ знаетъ и говоритъ, что

сказки чудныхъ фей,
Мой другъ, оставлены для маленькихъ дѣтей.

Онъ заранѣе въ весьма мало лестныхъ чертахъ изображаетъ прозаизмъ обыденныхъ отношеній: здѣсь пожалуй онъ даже нѣсколько и одностороненъ, потому—что беретъ изъ всѣхъ обыденныхъ обстановокъ жизни—самую холодную и пустую, обстановку свѣтскую; пожалуй даже онъ и слишкомъ скептикъ, но вѣдь не даромъ же «премудрыхъ вѣка онъ читалъ», не даромъ же начинается онъ свои пѣсни неутишительнымъ положеніемъ:

Въ нашъ вѣкъ, проникнутый девдизмомъ,
Бракъ, учрежденъ христіанъ,
Слыветъ подъ часъ анахронизмомъ.

Тѣмъ еще замѣчательнѣе его взглядъ, что онъ выросъ въ противорѣчій съ такими положеніями, выразившимися не разъ въ самыхъ завлекательныхъ формахъ,—тѣмъ и выше заслуга, что «проядя путь тернистый, всѣхъ романтическихъ страстей», онъ вынесъ здоровый взглядъ на нихъ, выразившійся рѣзко, но вѣрно въ двухъ ловкихъ стихахъ:

Всѣ утопическія связи
Полны безумства, часто... грязи.

тѣмъ наконецъ болѣе правъ имѣеть онъ сказать свое слово о вѣ-просѣ, что, переживши до сѣихъ поръ заблужденія вѣка—ибо не переживши, и не дошелъ бы онъ до такого смѣлаго ихъ разоблаченія, онъ вынесъ однако изъ жизни столько свѣжести, вѣры въ душу, вѣры въ женщину, чтобы искренно обратиться къ ней съ словами:

Мой свѣтлый лучъ! мой ангелъ чистый!

столько душевнаго цѣломудрія, чтобы не оскорблять дѣтскаго слуха разсказомъ лѣтописи заблужденій. Человѣкъ, который является съ такимъ яснымъ сознаніемъ прожитаго и съ такою вѣрою въ жизнь, человѣкъ, отъ лица котораго говорить авторъ поэмы, — стоитъ конечно того, чтобы его выслушали съ уваженіемъ, вниманіемъ и участіемъ. Сдѣлаемъ же это, вмѣсто того чтобы смѣяться надъ нимъ.

Этотъ человѣкъ видимо прошелъ много въ жизни, много видѣлъ, много перечувствовалъ: въ предостереженіяхъ его замѣтно такое опытное сердцеведеніе, которое воспитано строгимъ мышленіемъ и выстрадано жизнью, — въ порывахъ чувства искренняго и сознательнаго слышенъ голосъ сердца, на который

Славянь семейное начало
Всегда полнѣе отвѣчалъ...

Но этотъ человѣкъ уже не юноша, который въ обладаніи любимымъ предметомъ видитъ одно только обладаніе и ничего болѣе — пусть этотъ созрѣвшій въ борьбѣ съ жизнью человѣкъ любить и глубже, и пламеннѣе юноши, пусть онъ и чувствуетъ, — не говорить только, но чувствуетъ какъ Лермонтовскій Арбенинъ:

Все что осталось мнѣ отъ жизни, это — ты,
Созданье слабое, но ангелъ чистоты.
Твои слова, улыбка, взоръ, дыханье....
Я человѣкъ, пока они мои...
Безъ нихъ нѣтъ для меня ни мысли, ни любви,
Ни чувства, ни существованья...

но тяжелые опыты разбили въ немъ беззаботную преданность впечатлѣніямъ жизни, развили невольную подозрительность въ отношеніи къ другимъ и къ самому себѣ: на основаніи этихъ-то опытовъ, подъ влияніемъ этой-то тяжелой подозрительности, того враждебнаго духа, который, какъ говоритъ Арбенинъ — трагическое выраженіе этого типа людей:

Меня увоситъ въ бурю прежнихъ дней,
Стираетъ съ памяти моеи
Твои слова, улыбку, взоръ волшебный....

на основаніи, еще болѣе этого, — сознаниа общихъ въ себѣ чертъ съ «дѣтьми того же суетнаго вѣка» — человѣкъ, отъ лица котораго говорить поэтъ, предупреждаетъ, предостерегаетъ избранную имъ женщину.

А жизнь не сказка, и за первымъ поцѣлуемъ,
Мы съ жизнью за одно тебя разочаруемъ.
Увидишь ты, что прежній твой женихъ
Не отличается отъ множества другихъ
Дѣтей того же суетнаго вѣка;
Что онъ не *ange*, а только не калѣка.
Что тотъ же онъ какъ все мы всякій день,
Что любить книгу онъ, сигару, сонъ и лѣнь,
Бываетъ молчаливъ, а иногда и скученъ,
Что иногда съ тобой нехоти неразлученъ,
А иногда угрюмъ, запретя въ кабинетъ
И до тебя ему какъ будто дѣла нѣтъ....

Предостереженія относительно другихъ людей, враговъ супружескаго счастья, повторяемъ, отличаются глубокимъ и выстраданнымъ сердцевѣденіемъ. Не знаемъ, что нашли рецензенты смѣшнаго въ требованіи такого человѣка, чтобы избранная имъ и его въ свою очередь избравшая женщина, не дѣлалась ни съ кѣмъ кромѣ его

Тѣмъ, что со дня вѣнчанья я считалъ моею
Собственностью полной, вѣчной, нераздѣльной....

Неужели *дѣлежъ* всего этого съ подругами, кажется имъ законнѣе? Мы, признаемъ, не видимъ ничего смѣшнаго въ этихъ требованіяхъ и въ искреннемъ душевномъ способѣ ихъ выраженія:

Мужъ твой — другъ твой вѣчный, а не двухдѣльный!
Каждое сомнѣнье, каждый твой вопросъ,
Каждый мигъ блаженства или припадокъ слезъ
Самъ дѣлить хотѣлъ бы, самъ на все отвѣтить,
Вся твои тревоги вѣчнымъ сердцемъ встрѣтить.

Да какъ же иначе-то? готовы мы спросить въ простотѣ души и удивляясь только тому, что такіа вѣжныя, законныя и такъ поэтически-простоудушно выраженныя требованія встрѣчаются посмѣяніемъ. Этотъ полный раздѣлъ бытія нравственнаго и физическаго, жизни въ свѣтлыхъ и обыкновенныхъ ея явленіяхъ, эта жизнь вдвоемъ, чувствовавіе вдвоемъ — составляетъ, какъ намъ кажется, существо брака, т.-е. религіознаго союза съ женщиною: эти требованія съ радостію привѣтствовали мы въ «трехъ письмахъ» посреди велико-лѣпной обстановки итальянской природы, — ихъ же привѣтствуемъ

и въ «Пѣсняхъ невѣсть» посреди обстановки совершенно домашней, прозаической.

Не знаемъ, идти ли намъ вслѣдъ за г. Кержакомъ-Уральскимъ. Мы такъ хорошо изучили тактику петербургскихъ рецензій, что заранѣ готовы предсказывать въ отношеніи къ этимъ разсужденіямъ или величественное молчаніе, или замѣтку *между прочимъ*, что «Москвитиниъ (въ такомъ-то N), недовольный тѣмъ, что напечаталъ разъ «Пѣсни невѣсть» г. Кержака-Уральскаго, вторично подарилъ публику ихъ перепечаткою»... Но именно потому, что всѣ подобныя замѣтки мы знаемъ наизусть, и потому еще, что твердо убѣждены въ необходимости толкованій о самыхъ простыхъ вещахъ и разъясненій самыхъ простыхъ понятій въ наше время — мы рѣшаемся *перепечатывать*.

Изображеніе друга иного рода, другаго пола, на счетъ котораго предупреждаетъ поэтъ — дышетъ ювеналовскою правдою и безпощадностью:

Ранняя усталость, нѣсколько талантовъ,
Званіе новинковъ, лоскъ присяжныхъ франтовъ,
Нѣжная забота—объ одномъ себѣ,
Рабская покорность жизни и судьбѣ,
Но въ рѣчахъ насмѣшка, заученный ропотъ,
Сердце въ немъ угасло, вмѣсто сердца *опытъ;*
А его умшка только напряженъ
На слова соблазна для невинныхъ женъ.

Въ этомъ изображеніи, въ которомъ равно уловлены черты рѣзкія и черты необыкновенно тонкія, какъ въ подчеркнутыхъ нами стихахъ — сатира доходитъ до художественности, и такова отъ начала до конца 4-я пѣсня.

Еще глубже сердцевленіе автора открывается въ анализѣ внутренней болѣзни, той болѣзни, которая зарождается отъ того, что человекъ попускаетъ овладѣть собою злымъ духамъ, болѣзни, которую, по замѣчанію автора,

Умный нашъ народъ
Прозвалъ давно *змѣею подкольной*.

Анализъ здѣсь поистинѣ выстраданъ: самъ поэтъ не скрываетъ этого и снова появляется отраженіе того же типа, котораго трагическій исходъ начерталъ Лермонтовъ въ своемъ необъятномъ, коношески порывистомъ, но гениальномъ произведеніи, — опять Арбенинъ, преслѣдуемый своимъ внутреннимъ врагомъ, тревожимый подозритель-

ностью—слѣдомъ многой и бурной жизни. Не подражая Лермонтову, поэтъ невольно впадаетъ въ этотъ Арбенинскій тонъ:

Передо мной исчезла жизни цѣль,
И какъ морякъ безъ карты и компаса
Я поплылъ въ даль... Стремнины, скалы, мель
Меня страшили меньше часъ отъ часа...
И равнодушень сталъ я ко всему.
И лишь одно: въ страстяхъ полузабвенье
Доступно стало сердцу моему,
И думалъ въ нихъ найти я наслажденье;
Но я тоски въ страстяхъ не утопилъ,
Я скуку тяжкую въ забвеньи не разсвѣляю...
*А сколько любящихъ и бодрыхъ юныхъ силъ
Я на пути безсмысленно разсвѣляю!*...
Чтожь, если ты, души моей дитя,
Въ забвѣнну счастья встрѣтишь также скуку?
Что, ежели она наложить на тебя
Свою тяжелую, карающую руку?
Тебѣ свободы менѣе чѣмъ мнѣ,
Тебѣ нельзя какъ мнѣ пуститься въ море
Житейскихъ бурь: въ домашней тишинѣ
Должна ты скрыть томительное горе,
И тутъ, въ тоскѣ душевной пустоты
Различныя цѣлительныя средства
Придумывать невольно будешь ты;
*И дѣются къ тебѣ: разсвѣланность, кокетство,
Непостоянство вкусовъ и затѣй....
А вслѣдъ за ними, чредою неизбѣжной
Невидимо войдутъ въ твой бытъ мятежной,
Забвеньи долга.... мужа.... и дѣтей.*

Да—это онъ, это нашъ старый знакомецъ, который

Странствовалъ... игралъ... былъ молодъ и трудился,
Постигъ друзей, коварную, любовь....

который говоритъ:

Любилъ я часто, чаще ненавидѣлъ,
А болѣе всего страдалъ .

которому прошедшее отравляетъ настоящее, который на свою бѣду,
на свою погибель:

Все перечувствовалъ, все понималъ, все узналъ...

которому страшна самая чистота его Нины, — ибо онъ знаетъ, что
въ «огромной книгѣ жизни» она «прочла одинъ заглавный листъ» и
передъ нею «открыто море счастья и зла...» Да — это все онъ же

нашъ старый знакомецъ — и невольно задается вопросъ, что если и на голосъ его тревожнаго сердца

Славянь семейное начало
Всегда полнѣе отвѣчало...

какъ полнѣе отвѣчало оно на голосъ сердца, писавшаго Онѣгина и въ то же время мечтавшаго о

поэмѣ пѣсенъ въ двадцать пять

съ мирнымъ семейнымъ характеромъ? Что, если *русская* душа невѣдомаго избранника таила въ себѣ отрицаніе самаго отрицанія? Вотъ вопросъ, который естественнымъ процессомъ возникалъ для насъ изъ поэмы г. Кержака-Уральскаго, представляющей одной стороною своей столь самобытное, прочувствованное и пережитое отраженіе Лермонтовскаго отрицанія, шагомъ дальше.

Прекрасна до высокаго лиризма послѣдняя, 9-я пѣсня, въ которой, отрѣшась отъ произвольной и тѣсной рамки жизни, возносится она къ непреложнымъ, вездѣ и всегда одинаково возвышеннымъ и глубокимъ нравственнымъ идеаламъ, проливающимъ на жизнь сѣтъ такой поэзіи, котораго не дастъ рефлексія.

О Боже! Ты на насъ возрѣлъ неслѣпымъ окомъ,
И въ милосердіи отеческомъ, высокою
Намъ повѣлялъ: на жизненномъ пути
Рука съ рукой дозрѣбный срокъ пройти,
Ты сочеталъ въ одно двѣ жизни, два созданья,
Дѣлъ воли, дѣлъ души и два самосозанья,
И заповѣдалъ намъ Твой Божескій заветъ:
«Ни здѣсь, ни въ небесахъ для васъ разлуки нѣтъ».

Достоиннымъ образомъ выраженное сознаніе высочайшаго изъ учевій, къ которому стремились и стремятся мудрецы и поэты! Вотъ—единственный выходъ для рефлексіи, единственная опора для живущаго внутри насъ Гамлета: съ точки утвержденія на этой опорѣ возможенъ только становится поворотъ къ живому чувству, къ непосредственности, къ сознанію идеальнаго въ самой жизни... Но пока, рефлексія только сознаетъ свою несостоятельность, молится объ уничтоженіи самой себя—высшій актъ, до котораго она можетъ достигнуть. Этимъ высокимъ моментомъ торжества духа заканчивается поэма:

«Внимаемъ мы и вѣруемъ завету:
«Но Боже, слабы мы, принадлежимъ мы свѣту,
«Въ которомъ слабо все безъ помощи Твоей.

Возьри же как отецъ на насъ Твоихъ дѣтей.
 О *благахъ суетныхъ* молиться мы не смѣемъ.
 Все отъ Тебя, что въ жизни мы имѣемъ,
 Покорны мы, къ чему бы ни привелъ
 Твой Божескій, премудрый произволъ:
 Что хочешь дай, что хочешь отними Ты,
 Пошли печаль, всѣ радости возьми Ты,
 Пусть въчю чужды намъ улыбка и пиры,
 Пусть слезы нашъ удѣлъ. Но лучшіе дары,
 Дары неглвные: *миръ внутренній душевный*
Не дай утратить намъ средь суеты *вседневной,*
Не дай намъ ослабѣть взаимностью сердець,
Въ стремленьи къ истинѣ, небесный нашъ Отецъ,
Не дай невѣрія въ могущество молитвы,
И давь борьбу, не дай намъ пасть средь битвы,
Чтобъ не сознали мы въ послѣдній смертный часъ,
Что взоръ свой благостный Ты отвратилъ отъ насъ.

Повторимъ, что рѣдко слышался въ нашей литературѣ въ последнее время такой возвышенный голосъ возвышеннаго чувства. Мы старались показать въ разборѣ нашемъ, изъ какого душевнаго процесса этотъ голосъ поднялся. Не станемъ винить поэта, что въ строю его вдохновенія не слышно еще той *душевности*, которая въ состояніи изображать не утопическіе идеалы, пролить поэзію на самое простое въ дѣйствительности. Важно въ самыхъ утопіяхъ автора — стремленіе осмыслить свои мечтательные идеалы идеалами коренными, народными: но богатство народнаго созерцанія таково, что не дается рефлексіи, что рефлексія можетъ заимствовать изъ него только рѣзкую, разсудочную сторону: ошибка автора въ созданіи 6, 7 и 8 пѣсни заключается именно въ томъ, что онъ свое, личное хочетъ облечь въ формы кореннаго, свое купленное слить съ непосредственнымъ — и выходитъ иногда *дѣло не подходящее*.

Это впрочемъ единственный почти недостатокъ (кроме нѣкоторыхъ неловкихъ стиховъ и излишняго обилія резонерства) въ произведеніи, по одному которому можно, кажется, безошибочно ждать отъ автора серьезной дѣятельности, и которое конечно гораздо значительнѣе по содержанію многихъ повѣстей и романовъ, потребляемыхъ для успѣшнѣйшаго пищеваренія.

Самую капитальную и замѣчательную статью въ альманахѣ, какъ мы сказали, составляютъ «Воспоминанія о Брюловѣ» Г. Г. Г. Авторъ коротко зналъ нашего великаго художника — и самъ при томъ — такой тонкій и глубокой знатокъ и цѣнитель изящнаго, такъ

вѣрно понимаетъ художническую натуру вообще и такъ мастерски опредѣляетъ характеристическія свойства художнической натуры Брюлова, что небольшая статья его представляетъ двойной интересъ, по отношенію къ личности Брюлова и по отношенію къ искусству вообще. Авторъ принадлежитъ притомъ къ числу немногихъ вѣрующихъ и притомъ сознательно вѣрующихъ въ возможность самобытнаго русскаго искусства.

Авторъ познакомился съ Брюловымъ въ Римѣ, въ 1822 или 23 году. «Живо помню—разсказываетъ онъ,—какъ однажды, по случаю семейнаго у насъ праздника, родители мои придумали устроить «домашній спектакль. — Такъ-какъ брать мой и я не имѣли почти «случая упражняться въ отечественномъ нашемъ языкѣ, — то положено было сыграть піесу русскую и именно *Недоросля* Фонъ-«Визина.

«Въ то время находилось въ Римѣ нѣсколько русскихъ художниковъ, пріобрѣтшихъ въ послѣдствіи громкую извѣстность. Оба «брата Брюловы, Тонинъ, Басинъ, Щедринъ, Гальбергъ, Габерцетель «приняли участіе въ нашемъ семейномъ торжествѣ и распредѣлили «между собою роли комедіи». — Брюловъ (мы сокращаемъ нѣсколько «разсказъ автора) — нарисовалъ декорачію для этого спектакля. «Онъ «изобразилъ небольшую пріемную деревенскаго помѣщичьяго дома «временъ Екатерининскихъ. Въ этой веселенькой, такъ сказать *гар-*«*монической* комнаткѣ, все было въ характеръ тогдашней эпохи и «тогдашняго быта; на стѣнахъ портреты домовладѣльца и его су-«пруги, писанные по модѣ и во вкусъ того времени; кокушка съ «тирями, ширмы, картина, изображающая различные плоды, между «ковнями красовался большой вареный морской ракъ. — Въ углубленіи, «сквозь окна и двери, вырѣзанныя въ холстѣ, выказывался помѣщичій «русскій дворъ, украшенный неизбѣжной голубятней и хлѣвомъ для «свиней, которымъ такъ справедливо гордится *Тарасъ Скотининъ*. «Все это было въ полномъ свѣтѣ и отгнѣялось кое-гдѣ мастерскими «полутонами и отблесками. Такихъ декорачій на театрахъ не бы-«ваетъ. Тутъ изобразилась цѣлая характеристическая картина, — «стройная, остроумная и насмѣшливая, какъ повѣсть Гоголя.»

Замѣчательно, что Брюловъ былъ, какъ всякій истинный художникъ, артистомъ многостороннимъ — потому что и въ исполненіи своей роли отличился, по словамъ автора «Воспоминаній», не менѣе какъ и въ созданіи обстановки, перещеголялъ даже всѣхъ другихъ исполнителей, хотя комедія вообще — какъ и слѣдуетъ ожидать, «была «представлена съ одушевленіемъ, съ отгтыками, съ истиной и съ

«согласіемъ, какихъ могутъ достигнуть только настоящіе артисты, люди съ тонкимъ умомъ и художественнымъ чувствомъ.» Въ это время, Брюловъ, какъ и другіе поименованные художники, находился въ Римъ, въ качествѣ пенсіонера нашей Академіи для совершенствованія своего таланта и для изученія тѣхъ великихъ образцовъ, которыми изобилуетъ вѣчный городъ. «И точно—замѣчаетъ авторъ статьи — никто не усвоилъ ихъ себѣ лучше Брюлова, при чемъ однако онъ не утратилъ своей оригинальности, личнаго своего характера. *Все, чего онъ достигалъ изученіемъ, какъ бы добавлялось къ своему собственному достоянію, но никогда не мѣнялъ онъ собственныхъ мыслей на приобретенныя.*» Замѣчательная черта всякой истинно великой художнической природы, будетъ ли то натура Пушкина, Брюлова или Мейербера!

Обстоятельства сблизили потомъ короче автора «Воспоминаній» съ геніальнымъ живописцемъ. Брюловъ сдѣлался невольною причиною одного печальнаго и трагическаго событія...

«Шумъ поднялся ужасный, и общая молва укоряла Брюлова. Мы отправлялись тогда въ Гротта-Феррата. Чтобы выпутать несчастнаго виновника печальной исторіи изъ затруднительнаго положенія, мы увезли Брюлова на дачу. Онъ чувствовалъ, что уединеніе посреди чудесъ природы и тихой, правильной жизни уважаемаго всеми семейства, успокоитъ смятеніе его духа и возстановитъ его добрую славу въ общественномъ мнѣніи»

«Гротта-Феррата, въ 20 миляхъ отъ Рима, замокъ средних вѣковъ, съ большими квадратными и зубчатыми башнями; къ замку прислоняется монастырь бавиланскихъ монаховъ, совершающихъ богослуженіе на греческомъ языкѣ, котораго, однакожъ, сами не понимаютъ. Тутъ находится церковь, къ которой примыкаетъ знаменитая капелла, украшенная фресками Domenico Zampieri, прозваннаго Доменикиномъ. Я описывать ее не стану. Любители великихъ произведеній знаютъ ее наизусть, прочіе же только найдутъ, что я отдаляюсь отъ своего предмета. Замокъ, обложенный свѣржи мрачнымъ тѣмнымъ камнемъ, внутри отделанъ со всеми удобствами современнаго быта и совершенно отдаленъ отъ монастыря.»

«У входа въ замокъ тянется двойной рядъ огромныхъ чинаръ, освѣняющихъ фонтанъ или водохранилище съ нѣсколькими бассейнами, къ которымъ сходятся красавицы крестьянки, величаво придерживающія надъ головою выпуклые, изъ красной мѣди, сосуды (амфоры).»

«За этой аллеей входимъ въ густой лѣсокъ, изобилующій зем-

«ляником; через него лежитъ путь къ Фраскати и ко всѣмъ великолѣпнымъ вилламъ, столь извѣстнымъ туристамъ. Удаляясь отъ замка, по другому направленію доходишь до Тускулумъ, до Маринио, до Каstellъ Гандольфо, до Альбано, до Риміа, до Монте-Каво, до Ронка ди Пена и до многихъ другихъ мѣстъ, столь поразительныхъ своею красотой, что они обращаютъ эту мѣстность въ обитель благословенную, въ рай земной, такъ, что и одно воспоминаніе о нихъ вѣчно свѣтится въ душѣ, отрадно озаряя самыя смрачныя минуты жизни.... Не слишкомъ удаляясь отъ замка, и слѣдуя вдоль монастырскихъ садовъ и прекрасныхъ разсадниковъ оливковыхъ деревьевъ, можно спуститься въ глубокой оврагъ, по которому журчитъ и вьетсл свѣтлое теченіе рѣки Мараны. Сколько разъ, взявъ съ собою краски и складные стулья, ходили мы вмѣстѣ съ Брюловымъ вдоль прозрачно бѣгущей зыби.—и тутъ мы останавливались и выбирали предметомъ для изученія—онъ какъ профессоръ, я какъ ученикъ,—то старую хату, то Мадонну, врезанную въ стволъ стараго дуба, или-же тѣ прекрасныя, широкіе листья, въ видѣ зонтиковъ, которые наклонялись надъ Мараною. Иной разъ мы останавливались передъ красивымъ водопадомъ у вдавшагося въ берегъ залива: небольшой потокъ, окруженный густою растительностію, быстро несся и распадался бѣлою пѣной и сверкая серебристой пылью, низвергался съ утеса на мелкій прибрежный гравій, обсаженный чудными, живучими растеніями. Во время знойныхъ лѣтнихъ дней это мѣсто такъ и манило къ купанью. Воображеніе Брюлова, еще полное недавнихъ академическихъ этюдовъ, вызывало повсюду нимфъ и пастуховъ Феокрита. Я слѣдилъ за нимъ съ трудомъ, такъ какъ познанія мои по этой части ограничивались одними *Selecta ad usum Delphini*..

«Но во время этихъ прогулокъ онъ посвящалъ меня въ тайны красокъ и колорита; онъ объяснялъ мнѣ то, что я видѣлъ не понимая, что я чувствовалъ и не могъ себѣ объяснить. — *Однажды, рисовывая цѣлую группу тѣхъ прекрасныхъ листьевъ, которые распускаются надъ водой, онъ опредѣлилъ такъ вѣрно, и вѣрнью и кистью, цвѣта, тѣни, отблески, прозрачность и всѣ тысячи мелкихъ прелестей природы, онъ все такъ осязательно объяснилъ какъ физикъ, живописецъ и поэтъ, что этотъ урокъ былъ для меня настоящимъ откровеніемъ. Съ того времени я понялъ, что въ очарованіи, внушенномъ природой, таится не только безсознательное впечатлѣніе, но что оно заключаетъ въ себѣ много поучительнаго для ума.»*

Вторая черта истинно творческого, гениального таланта—творчество сознательное. Много толковали о томъ, что талантъ творить бессознательно, много даже примѣровъ приводили тому, что произведения бываютъ выше личности производителей. Но это фальшивое мнѣніе происходитъ отъ того, что не вглядываются надлежащимъ образомъ въ производящія личности. Многимъ удивительно кажется, какимъ образомъ человекъ, гораздо меньше чѣмъ они ученый и образованный, творить гениальное, что человекъ, котораго часто слышатъ они говорящимъ вещи для нихъ странныя, вещи, которыхъ они въ книгахъ не читали, а между тѣмъ говорящій ихъ съ твердымъ убѣжденіемъ, не допускающимъ даже возраженій, рѣшается *своей* авторитетъ ставить выше другихъ авторитетовъ—и сколько обвиненій въ безмерномъ самолюбіи, въ невѣжествѣ, даже въ тупости пониманія падало и падаетъ на гениальныхъ людей за ихъ простодушіе! Гений тѣмъ-то и гений, что небольшое имъ прочитанное наводитъ его на самобытную разработку многого, чего не дастъ многимъ многое чтеніе: самыя ошибочныя мысли гениальныхъ людей поучительны, потому что онѣ давы ихъ натурою, образовались подъ ихъ оригинальнымъ угломъ зрѣнія,—и мы совершенно раздвѣляемъ съ авторомъ статьи—его сознаніе, что уроки Брюлова были для него откровеніемъ. Нечего доказывать того, что великій живой художникъ—великій авторитетъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ; что онъ воспитываетъ своихъ судей, а сначала даже ихъ не имѣетъ, ибо то новое, что вноситъ онъ въ миръ искусства, онъ разъясняетъ своими же созданіями: но кромѣ специально дѣла—мысль великаго художника, какъ великой личности, брошенная даже вскользь на предметъ ему посторонній—поучительна. Въ своемъ же дѣлѣ—онъ дѣйствуетъ непременно сознательно, иначе онъ не творецъ, а мастеровой или копіистъ. Великій творческій талантъ предполагаетъ, какъ *conditionem sine qua non*, и великій многообъемлющій умъ. Превосходнымъ примѣромъ сознательнаго творчества гения служить то, что далѣе разсказывается о Брюловѣ.

«При этомъ случаѣ — продолжаетъ разсказывающій — онъ мнѣ разсказалъ, что когда онъ былъ въ Петербургской академіи, назначено было задачей для состязанія изображеніе Нарцисса, глядящагося въ воду. *Состязатели видѣли въ подобной задачѣ только случай для анатомическаго этюда и тѣмъ довольствовались.* Но Брюловъ чувствовалъ потребность *вышкунуть глубже въ свой предметъ.* До того времени онъ не видывалъ еще положенія прилекательнаго Строгановскаго сада на Черной рѣчкѣ. Частенько

★

«правлялся онъ туда помечтать подь тѣнью ветвистыхъ деревьевъ, кое-гдѣ проникнутыхъ солнечными лучами и отраженныхъ въ воду. *Тутъ угадывалъ онъ ту нѣгу, которою упоенъ воздухъ южныхъ климатовъ*; тутъ онъ постигалъ и первобытную Грецію, и «удивленіе юноши, пораженного и восхищенного собственнымъ своимъ изображеніемъ, и всю языческую прелесть его превращенія. Эти мечтанія отразились и въ картинѣ. Художникъ показалъ отливъ «солнечныхъ лучей между листьями, всю разнообразную игру свѣта и тѣни (clair-obscur) и прозрачность отблесковъ въ тѣни, на тѣлѣ «молодаго красавца. Слетѣвшій съ дерева листокъ держался надъ «гладкой поверхностью воды, не возмущая ея яснаго зеркала.»

Изъ этого разсказа, наглядно представляющаго процессъ сознательнаго творчества — выводится еще третья черта творческой натуры: способность видѣть особенность каждаго предмета, его видовыя отличія тамъ, гдѣ другіе видятъ только родъ — и соединенная съ нею способность видѣть особенность предмета не въ ея рѣзкости, выдвинутости, угловатости, — а въ общей гармонической связи съ цѣлымъ рядомъ явленій. Одну только *общую* сторону видятъ въ предметъ пошлость, одну только рѣзко-особенную — копировка; особенность живую, такъ сказать органическую, съ жизнью неразрозвенную — творчество. Здѣсь же встрѣчаемъ мы намекъ на способность творчества угадывать, т.-е. быстрее, синтетичнѣе и цѣльнѣе схватывать, по аналогіямъ или контрастамъ, истинную сущность предметовъ даже отдаленныхъ, до которыхъ анализъ добирается по частно и помаленьку.

Между тѣмъ всѣ эти черты гениальной натуры сначала, пока не доказаны онѣ цѣлымъ рядомъ живыхъ созданій — кажутся какими-то рѣзкостями, угловатостями, уклоненіями или заблужденіями самолюбія. Здѣсь опять не можемъ не остановиться и не замѣтить мимоходомъ, что болѣею частію самолюбіе гениальныхъ натуръ высказывается въ дѣлахъ чисто житейскихъ (какъ у Байрона, у Пушкина), высказывается подчасъ въ смѣшныхъ, но всегда наивныхъ, оригинальныхъ и достолюбезныхъ чертахъ. Въ собственномъ же ихъ дѣлѣ высказывается не самолюбіе — а спокойное сознаніе людей съ словомъ и властію.

«Такое уразумѣніе своего предмета — продолжаетъ авторъ — въ «наше время было бы вовсе не изумительно; но въ 1819 или «1820 г. оно было истинно гениальной чертой, — такъ *что пораженные и даже нѣсколько ошеломленные профессора просто «ничего не поняли. Тонкое и вѣрное художественное чутье по-казалось имъ предосудительной самонадѣянностью, оскорбляю-*

щей их почтенныя привычки. Но такъ какъ, при томъ, достоинство рисунка было несомнѣнно, то они назначили Брюлову, прозванному ими маленькимъ Наполеономъ (название, въ то время совсѣмъ «не лестное!»), если нешибаюсь, третій призъ. Желающіе прослѣдить всѣ произведенія Брюлова въ теченіи цѣлой его жизни, замѣтятъ во многихъ изъ нихъ слѣдъ его размышленій въ Строгановскомъ саду»

Разставшись съ Брюловымъ, авторъ не видался съ нимъ до 1830 года, когда опять возвратился въ Римъ.

«Страсть моя къ рисунку и живописи возрасла еще болѣе, въслѣдствіе приобретенныхъ мною понатій; это я старался выказать «предъ Брюловымъ, и его дѣйствительно поразила новость моихъ композицій. Онъ смѣялся надъ моею неопытною и смѣлою въ предпріятіяхъ, но уважалъ мое рвеніе, и по вечерамъ, когда, по обычаю, нашъ семейный кружокъ группировался за круглымъ столомъ, загроможденнымъ бумагой, красками, кистями и карандашами, — онъ вдругъ принимался развивать мои помыслы и «дѣлилъ изъ нихъ чудеса.»

Почемъ знать даже — можетъ быть въкоторые изъ этихъ чужихъ ученическихъ помысловъ, перейдя чрезъ горнило художническаго сознанія, пошли въ дѣло, выросли въ законченные, полные образы? Припомнимъ—что въкоторые, даже совершеннѣйшія драмы Шекспира выросли изъ грубыхъ продуктовъ комедіантовъ, что Россини упрекали въ заимствованіяхъ. Припомнимъ наивныя слова Мольера: *je prends mon bien où je le trouve.*

«Въ игривости воображенія онъ былъ неподражаемъ, и потому «каждый вечеръ у нашего круглаго стола создавалось или одно «большое, или нѣсколько мелкихъ артыстическихъ произведеній. «Въ нихъ заключались то впечатлѣнія прогулки, то фантазіи «разнаго рода: романтическія или классическія, смотря по настроенію души; или же иллюстраціи прочтеннаго, воспоминанія о Россіи, имѣвшей поэтическую прелесть отдаленности, «воспоминанія дѣтства или просто проба новаго способа от«дѣлки. Часто лицо, нарисованное безъ мысля, вело къ смѣлой «импровизаціи, гдѣ являлось множество лицъ и принадлежностей, «какими художникомъ неожиданныхъ. Вдругъ, напримѣръ, по «среди отдаленнаго пейзажа выходитъ изъ-подъ карандаша какой-«нибудь франтикъ, кокетливый, отпускающій остроты — и все это «необыкновенно быстро и вѣрно.

«Чудны были эти вечера! Чудно было то время!»

Сколько въ этихъ немногихъ, проникнутыхъ правдою одушевленіемъ и симпатіею строкахъ — намековъ на совершенно домашнія тайны художественной дѣятельности, намековъ интересныхъ и въ высокой степени поучительныхъ. Какъ много напримѣръ эти — *воспоминанія о Россіи, имѣвшей поэтическую прелесть отдаленности* — говорить о свойствахъ художественскихъ натуръ видѣть вещи лучше издали, чѣмъ вблизи, какъ напоминаютъ они слова Гоголя: «*Русь, Русь, вижу тебя изъ моего прекраснаго, чуднаго далека, тебя вижу*», какъ освѣжаютъ они замѣчаніе Ж. Ж. Руссо на счетъ этого свойства его природы въ Confessions, замѣчаніе, впервые кажется сдѣланное этимъ писателемъ. Съ другой стороны, эти образы, возникающіе какъ бы случайно — но самою рельефностью своею указывающіе на свою долгую жизнь въ душѣ художника.... Да, «чужды были эти вечера откровеній», скажемъ мы съ даровитымъ, чувствующимъ и мыслящимъ авторомъ «Воспоминаній.»

«Днемъ искусство принимало серьезный характеръ: вмѣсто фантазій являлись этюды. Въ портретистикѣ преимущественно Брюловъ былъ силенъ и сталъ на ряду съ первѣйшими художниками. «Уже своими этюдами, рисованными въ С.-Петербургской Академіи, онъ показалъ себя опытнымъ рисовальщикомъ; онъ зналъ превосходно анатомію костей и мускуловъ, и потому, карандашъ его «сознательно и смѣло владѣлъ, такъ сказать, человѣческимъ тѣломъ; кизгибы, сокращенія и всякаго рода трудности были ему ни почемъ; вѣрность рисунка давала самымъ фантазіямъ его тотъ характеръ простоты, который принадлежитъ этюдамъ, снятымъ съ натуры. «Между тѣмъ по внутреннему настроенію своему, онъ былъ колористъ. Любимые его художники были: Тиціанъ, Поль Веронезъ, Веласкецъ, Мурилло, Ванъ Дикъ, Рембрандтъ и Рубенсъ. По мнѣнію Горвальдсена, послѣ Рубенса первый колористъ Брюловъ. «Если его занимало какое-нибудь лицо, то въ немъ зарождалось «непреодолимое желаніе срисовать его, и онъ предлагалъ портреты: «кому веласкецовскій, кому тиціановскій, — и выполнялъ обѣщанія; «когда же писалъ серьезно, то общалъ брюловскій.»

Строки — опять въ высшей степени замѣчательныя. Способность легко усвоивать себѣ чужую манеру, способность работать артистически въ этой манерѣ — способность, развитіе которой въ себѣ есть крайній предѣлъ таланта кописта, — творцемъ употребляется только на этюды, но существуетъ въ немъ несомнѣнно и существуетъ въ несравненно высшей степени чѣмъ въ копистѣ.

«Основательность его таланта, пронзительный умъ, *хотя не красивый воспитаніемъ, но созрвшій размышленіемъ и чтеніемъ* (какъ умъ Шекспира, какъ умъ Пушкина — замѣтимъ мы отъ себя), «даютъ характеръ исключительности его гению, опередившему къ свою эпоху. Всѣ признавали его превосходство. Завистниковъ и соперниковъ было много, но если на него нападали, то эти нападенія не касались ещности, а сводились къ какимъ-нибудь прищадлежностямъ внѣшнимъ, постороннимъ самому искусству.

«Въ то время Брюловъ написалъ много портретовъ, изъ которыхъ самыя замѣчательныя: портретъ моей матери съ тремя меньшими братьями, портретъ графа М. Ю. Вельгорскаго, и много другихъ; также нѣсколько граціозныхъ картинъ изъ итальянской жизни, множество альбомныхъ акварелей, (страсть къ альбомамъ была всеобщая), въ томъ числѣ замѣчательны: мечта невесты, мечта новицятки въ монастырь, и еще нѣсколько видоизмѣненной той же идеи. Въ этомъ послѣднемъ родѣ, доведенномъ Брюловымъ до мелочной миниатюрной отчетливости, онъ лучше всего выказывалъ свой характеръ, свою фантазію.»

Вотъ наконецъ авторъ «Воспоминаній» приближается къ эпохѣ полного развитія гения Брюлова.

«Знаменитость — справедливо замѣчаетъ онъ — такъ же какъ и благородство, налагаетъ нѣкоторыя обязанности. Не сомнѣваясь въ достоинствѣ своего таланта и въ сочувствіи немногихъ истинныхъ любителей искусства, онъ захотѣлъ подѣйствовать такъ же и на массы публики и сдѣлаться извѣстнымъ, громкимъ. Зная, что размеры картины — обстоятельство важное въ глазахъ большинства, «что картина саженная предпочтется аршинной и вершковой, онъ рѣшился написать большую картину. Стоило только приготовить большой холстъ, избрать обширный сюжетъ, — въ остальномъ затрудненія не было. Поездка его къ Помпеи и опера Паччини: «Послѣдній день Помпеи» (l'ultimo giorno di Pompei), бывшая тогда въ большомъ ходу въ Италіи, и впоследствии затерянная, кроме одного дуэта, уцѣлѣвшаго въ репертуарѣ любителей музыки, доставили ему эффектный сюжетъ, который онъ вздумалъ представить не такъ, какъ онъ представлялся на театральной сценѣ.

«По тогдашнимъ понятіямъ, необходимо было для важныхъ картинъ избирать предметы, освященные авторитетомъ Библии или древней исторіи.—Въ этомъ смыслѣ Помпеи не много проитворщица общепринятымъ понятіямъ.»

Опять замѣчательная черта, свойственная всемъ истинно творческимъ талантамъ: некоторая робость въ приемѣ, или лучше сказать осторожность, проистекающая изъ свойства мѣры, гармоніи, стройности — лежащей въ натурѣ гениальнаго человека. Метеоры мысли, кометы художествъ смѣло разбиваютъ старыя формы; гений работаетъ сначала въ техъ формахъ, которыя онъ засталъ: одинъ ранѣе, другой позднѣе выбивается изъ этихъ формъ, — но дѣло въ томъ только, что это — такъ и подтверждается множествомъ примѣровъ. Въ старой манерѣ гений выбираетъ непременно живую сторону, въ сюжетахъ, имѣющихъ авторитетъ, такой сюжетъ, который подѣйствителенъ. Такъ и здѣсь, сюжетъ выбранный Брюловымъ имѣлъ большое преимущество предъ другими древними сценами: «несомнѣнную дѣйствительность, о которой свидетельствуютъ улицы и памятники, сохранившіеся досель въ такомъ совершенномъ видѣ, какъ будто они представляются намъ сейчасъ же послѣ страшнаго происшествія, или же нарочно были закупорены весьма тщателью, чтобы передать отдаленному потомству вѣрнѣйшія свѣдѣнія о языческой образованности. — Сюжетъ Помпеи соединялъ фантазію новой романтической школы со строгими этюдами почтеннаго классицизма; въ немъ можно было выказать себя и колористомъ и рисовальщикомъ; противоположность яркаго вулканическаго пламени и блѣднаго свѣта молніи обѣщала новый, восхитительный эффектъ.»

Иначе это и быть не можетъ. У гениальныхъ натуръ — созерцаніе не разорванное, а цѣльное:нося въ себѣ будущее они однако видятъ связь этого будущаго съ прошедшимъ: чувствуютъ, что послѣдній шагъ прошедшаго ведетъ къ настоящему, что этого шага миновать нельзя, но нельзя на немъ и остановиться. Слѣпой бунтъ противъ формъ не въ натурѣ творческой. Мѣрно, осторожно, сознательно идетъ впередъ гений — отъ Руслана и Людмилы — обработки единственнаго живаго, что онъ засталъ, единственнаго такого, въ чемъ, не оскорбляя старыхъ формъ, освященныхъ Аріостовымъ именемъ, можно выказать новые художественные эффекты, постепенно доходить до «Бориса Годунова», — отъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Дикашки», обработки опять-таки единственнаго живаго въ направленіи историческихъ романовъ, до «Мертвыхъ Душъ», отъ «Сосіато» до «Роберта и Гугенотовъ», отъ «Гита-Андроника» до «Гамлета», гений только осмыслить послѣдній шагъ стараго, — выкинуть, такъ сказать, весь сокъ изъ стараго и покажетъ наглядно необходимость перехода къ новому, уловивши въ старыхъ формахъ совершенно новые

эффекты, последніе, которые могутъ быть ими даны и которые связываютъ ихъ какъ звѣнья въ общую историческую цѣпь съ новыми формами. Дѣятельность метеоровъ прямо напротивъ начинается съ слѣпаго разрушенія формъ, прямо съ «Кромвеля», прямо съ положенія «Le beau c'est le laid» — и какъ метеоръ исчезаетъ въ воздухъ. «И память его погибѣ съ шумомъ», или, какъ говоритъ Гораций: *Vis consili expers, mole gruit sua.*

«Въ восторгъ отъ своего сюжета, Брюловъ смѣло приступилъ къ дѣлу и вскорѣ готовъ былъ планъ композиціи. Но, по мѣрѣ того, какъ дѣло подвигалось впередъ, щекотливость художника къ чловѣку съ хорошимъ вкусомъ все болѣе и болѣе его беспокоила. «Онъ вполне чувствовалъ, что сильныя контрасты и кризисы хотя бы и будутъ имѣть вѣрнѣйшій успѣхъ у народа, но что люди утонченнаго вкуса упрекнутъ его за то, что оставляя центръ — сферу настоящаго искусства, онъ бросился въ периферію—сферу діорамы къ декорации, и между прочимъ за то, что въ цѣломъ нѣтъ единства. «Интересъ, возбуждаемый всеобщимъ бѣдствіемъ, представленнымъ въ малыхъ размѣрахъ картины Мартена, — очень понятенъ; здѣсь «представляется только общій эффектъ происшествія, не стѣсняя «свободы зрителей создавать и угадывать подробности; но въ огромныхъ размѣрахъ картины Брюлова, надо было окупить недостатокъ «единства особеннымъ интересомъ множества отдѣльныхъ сценъ, «связанныхъ общемою опасностію при засыпающемъ ихъ пеплѣ, и «слабою надеждою на спасеніе. Надо было подобрать разнообразныя и трогательныя эпизоды, понятныя съ перваго взгляда; словомъ, надо было, какъ сказалъ Вальтеръ-Скоттъ, сдѣлать больше «чѣмъ картину: сдѣлать поэму, написанную кистью и не требующую «никакихъ объясненій. И, въ самомъ дѣлѣ, всякій пойметъ съ перваго раза эту длинную улицу, разделяющую всю картину на двѣ «различныя массы.... Мчащаяся колесница роняетъ на дорогу свои «обломки; ось сломалась и опрокинутый чловѣкъ силится удержать «испуганныхъ лошадей, тутъ же молодая женщина, упавшая безъ «чувствъ на мостовую, и при ней прекрасный ребенокъ, вызывающій «глубокое чувство состраданія. Двое другихъ людей бѣгутъ въ «противную сторону, скрываясь подъ однимъ плащомъ отъ жгучаго «пепельнаго дождя; ихъ задерживаетъ испугъ дѣтей. Группа матери «и двухъ дочерей, стоящихъ на козлахъ и остолебенныхъ отъ «страха, взята съ вырытыхъ въ Помпей трехъ скелетовъ, найденныхъ именно въ позѣ, представленной на картинѣ. Христіанитъ, съ «кадиломъ и свѣточемъ, показанъ дѣтальнымъ и отважнымъ, между

«Тѣмъ какъ лице жреца языческаго выражаетъ испугъ и недоумѣніе. «Группа на лѣстницѣ и въ дверяхъ дома содержитъ тонкія красоты: «изъ нихъ главная — молодая дѣвушка, въ изнеможеніи роняющая «сосудъ съ головы; рядомъ видѣнъ прекраснѣйшій этюдъ спины. «Скупой, собирающій въ эту минуту свое золото, можетъ быть, «нѣсколько утрированъ. Но живописецъ съ ящичкомъ красокъ, за- «пятыи необыкновеннымъ зрѣлищемъ, вѣрно представляетъ артиста. «На правой сторонѣ видна сцена сыновней любви: двое юношей «тащатъ стараго, безсильнаго отца; всѣ три лица поражаютъ и си- «лою рисунка, и смѣлостію колорита. Рядомъ съ ними Плиній Млад- «шій (описавшій изображенное Брюловымъ происшествіе) умоляетъ «изнемогающую мать сдѣлать еще послѣднее усиліе для своего спасенія. «Въ глазахъ и жестахъ матери читается желаніе видѣть спасеннымъ «сына и безпокойство о томъ, что она затрудняетъ его бѣгство.

«Нельзя не замѣтить стараніе Брюлова представить величіе «материнскаго самоотверженія. Старуха и юноша составляютъ, безъ «сомнѣнія, самую трогательную часть этого большаго произведенія, «столь богатаго выразительными эпизодами. Съ другой стороны, «должно сознаться, что группа новобрачныхъ есть неумѣстная при- «дѣлка; конь, взвившійся на дыбы подъ своимъ всадникомъ, вставленъ «только для равновѣсія линій въ правой и лѣвой группахъ; что «падающія статуи мало увеличиваютъ отчаянность положенія, а ме- «жду тѣмъ противорѣчатъ вкусу, и что, вообще, картина много бы «выиграла, если бы закрыты верхній правый уголъ и такимъ обра- «зомъ оставить то, что внушила главная идея, безъ тѣхъ принадле- «жностей, которыя должно счесть плодами утомленнаго духа худо- «жника.

«Въ самомъ дѣлѣ, для развлеченія и успокоенія себя послѣ «сильныхъ впечатлѣній главнаго сюжета, Брюловъ обращался къ «предметамъ болѣе граціознымъ, болѣе близкимъ его нѣжной и «сладострастной натурѣ. Въ одну изъ такихъ-то минутъ онъ нали- «салъ ту прелестную женщину, съ явными признаками беременности, «которая сидитъ у окошка, окруженнаго виноградомъ, подымаетъ «пальцами маленькую дѣтскую рубашонку и всматривается въ нее «съ выраженіемъ той любви, которая уже готовится для буду- «щаго ребенка. Въ этомъ восхитительномъ произведеніи Брюловъ «выразилъ весь прелести своего ума и сердца, а вмѣстѣ съ тѣмъ «показалъ свое знаніе моделировки и тонкое неподражаемое иску- «ство въ употребленіи полутоновъ. Это настоящая природа, только

«природа въ лучшемъ видѣ, украшенная искусвѣйшимъ направлениемъ и отраженіемъ свѣта»

Какъ въ этомъ разборѣ одного изъ главныхъ произведеній Брюлова, въ тонкой оцѣнкѣ достоинствъ художника и въ тонкомъ же пониманіи недостатковъ, такъ и впоследствии въ общемъ взглядѣ— авторъ является однимъ изъ рѣдкихъ знатоковъ искусства; но нельзя не видать, что такое глубокое пониманіе развито въ немъ Брюловымъ же. Геніальные таланты воспытаваютъ себя судей и развиваютъ въ нихъ критическій тактъ.

«Сколько мнѣ извѣстно — продолжаетъ рассказывающій — ни одинъ художникъ при жизни не пользовался такою славою, какъ Брюловъ, когда онъ написалъ картину Помпеи.

Въ Италіи она произвела неизмеримый энтузіазмъ. Во всѣхъ городахъ, гдѣ только картина была выставлена, давали празднества въ честь артиста, писали для него стихи, носили его по улицамъ съ музыкой, букетами цвѣтовъ и факелами. Въ театрѣ la Scala публика привѣтствовала его громкими восклицаніями. Вездѣ его принимали и угощали такъ, какъ генія признаннаго, торжествующаго и популярнаго.

«На выставкѣ въ Луврѣ. *Послѣдній день Помпеи* получил одобреніе истинныхъ знатоковъ, но такъ—какъ въ Парижѣ во все время вѣдывается политика и у французовъ мнѣніе общественное склонилось въ это время на сторону Польши, то русскому, даже геніальному артисту, тамъ было не мѣсто; оттого французскіе журналы отозвались о Брюловѣ слишкомъ строго и несправедливо.

«Съ тѣхъ поръ Брюловъ ненавидѣлъ Францію и французовъ....» За что вѣроятно, добавимъ мы, многіе винили великаго художника въ непомерной раздражительности самолюбія, тогда какъ тутъ больше участвовала раздражительность художческаго чувства: иначе какъ съ ненавистью, художникъ не могъ относиться къ странѣ и народу, у которыхъ политическія симпатіи или антипатіи входятъ въ оцѣнку произведеній искусства: если даже не политика, а вообще безвкусіе французовъ, народа самаго антипоэтическаго въ свѣтѣ, было причиною холоднаго пріема произведенія Брюлова, то и въ этомъ, по нашему мнѣнію, болѣе правдоподобномъ случаѣ, отвращеніе художника было совершенно основательно.

«Будучи тогда въ Петербургѣ,—говоритъ далѣе авторъ «Воспоминаній» — я получалъ во множествѣ экземпляровъ итальянскую брошюру, написанную съ цѣлю показать и объяснить красоты картины Брюлова. Я раздавалъ многимъ эту брошюру;

770964A

«томъ она была переведена на русскій языкъ и приготовила пуб-
«лику въ отечествѣ артиста къ достойному принятію великаго ху-
«дожественнаго произведенія.

«Въ 1835 г. я встрѣтилъ Брюлова въ Аѳинахъ. Онъ оставался
«здѣсь, покинувъ общество нѣсколькихъ литераторовъ и артистовъ,
«предпринявшихъ было составленіе живописнаго и ученаго сочи-
«ненія о Востоку, по приглашенію одного щедрого любителя наукъ
«и художествъ. Предпріятіе это, однако жъ, почему-то не приво-
«дилось въ исполненіе, а впослѣдствіи и совсѣмъ рушилось. Въ то же
«время злокачественная желтая лихорадка сильно развилась въ Аѳи-
«нахъ и особенно свирѣпствовала между Баварцами, недавно при-
«бывшими съ королемъ Оттономъ, и еще не свыкшимися съ клима-
«томъ Греціи. Пришельцы умирали какъ мухи, и вскорѣ Брюловъ
«такъ же едва не сдѣлался жертвою страшной эпидеміи. Въ это
«время обнаружилъ онъ черту характера, свидѣтельствовавшую, что
«ему не были чужды чувства признательности. На одрѣ болѣзни
«сдѣлалъ онъ духовное завѣщаніе, по которому, въ случаѣ смерти,
«предоставлялъ все свое имущество и всѣ произведенія отцу моему.
«Жестокая болѣзнь, однакоже, не отняла у искусства одного изъ
«лучшихъ его представителей. Брюловъ выдержалъ болѣзнь и сталъ
«медленно поправляться. Оставляя въ это время Грецію, я пригласилъ
«его, выздоравливающаго, съ собою на бригъ Семистокль, подъ
«командою капитана Корнилова отправившейся въ Константи-
«нополь, и вскорѣ мы вышли въ Архипелагъ. Время было прекрас-
«ное, тихое. Тинось, Парось и другіе очаровательные острова Архи-
«пелага приводили насъ въ восхищеніе. Воздухъ, море, небо, впе-
«чатлѣнія прекраснѣйшей природы, — все это соединилось вмѣстѣ,
«чтобъ вдохнуть въ нашего художника здоровье и хорошее распо-
«ложеніе духа. Брюловъ былъ необыкновенно оживленъ и веселъ во
«все время нашего путешествія. Здѣсь нарисовалъ онъ свой аква-
«рельный портретъ вмѣстѣ съ портретами моими, капитана и всѣхъ
«офицеровъ брига. Между тѣмъ плаваніе наше значительно замед-
«лилось въ Дарданеллахъ совершенно противнымъ вѣтромъ и про-
«тивнымъ теченіемъ. Множество судовъ всѣхъ націй неподвижно
«оставались въ проливѣ уже цѣлые одиннадцать дней, ожидая вѣтра
«попутнаго. Это обстоятельство послужило поводомъ къ проявленію
«новой замѣчательной черты гениальнаго художника: его проница-
«тельности. *Не имѣя никакого понятія о мореходномъ искусствѣ,*
«но обладая огромной наблюдательностью, Брюловъ замѣтилъ,
«что въ томъ мѣстѣ Дарданелль, гдѣ проливъ дѣлаетъ ново-

фронтъ, огибалъ берегъ — стремленіе воды, хотя и противное намъ, самую быстротою своею образуетъ на нѣкоторомъ протяжении обратное теченіе вблизи самаго берега. Кроме того конь замѣтилъ еще, что въ моментъ захожденія солнца, въ проливѣ водворяется, минутъ на пять, совершенное безвѣтріе. И этотъ великому художнику пришло въ голову, что для выхода за поворотъ пролива, на попутное теченіе, стоило бы только нашему бригу попасть на эту узкую прибрежную полосу, и пользуясь вечернимъ пятиминутнымъ шпилемъ, добраться по этой полосѣ до попутнаго стремленія. Замѣчаніе свое Брюловъ сообщилъ капитану брига. Капитанъ согласился съ возможностью такого маневра, но въ тоже время не рѣшался привести его въ исполненіе, основательно опасаясь неудачи, послѣдствіемъ которой былъ бы стыдъ для русскаго экипажа передъ лицомъ многочисленныхъ иностранныхъ свидѣтелей неудачной его попытки. Но Брюловъ настаивалъ и не ослабѣвалъ въ своихъ убѣжденіяхъ и доказательствахъ до тѣхъ поръ, пока не уговорилъ почтеннаго хозяина брига попробовать счастья. Бригъ тронулся по направленію къ берегу, и въ тоже время сотни любопытныхъ глазъ и десятки зрительныхъ трубъ устремились на насъ со всѣхъ судовъ, которые въ теченіе 11 дней раздѣляли съ нами невольную неподвижность и бездѣйствіе. Очевидно было, что никто не понималъ такого маневра и всѣ почти стали его безразсудствомъ. Каково же было всеобщее изумленіе, когда, попавъ на струю прибрежнаго стремленія, нашъ бригъ весьма ловко проскользнулъ по ней до поворота пролива — и вышелъ на болѣе широкое мѣсто, гдѣ уже могъ по немногу двигаться впередъ съ помощію искуснаго лавированія... Громкіе аплодисменты приветствовали насъ со всѣхъ кораблей, — и Брюловъ торжественно принялъ на свой счетъ эту почесть, которой впрочемъ никто у него и не оспоривалъ... Тотъ же маневръ другимъ судамъ не удался потому, что они пропустили пять минутъ штиля, составлявшаго существенное условіе успѣха.

«Разсказанный случай доказываетъ въ Брюловѣ наблюдательность и проницательность необыкновенныя, и эти качества въ немъ тѣмъ были удивительнѣе, что принадлежали человѣку далеко не высшаго образованія.»

Для насъ этотъ фактъ подтверждаетъ только ту мысль, что гений есть нечто всестороннее, что взглядъ гениальнаго человѣка дорогъ даже и тогда, когда не касается собственно ему принадлежащаго дѣла. Несомнѣнно для насъ также и то, что Брюловъ торжество-

валъ въ эту минуту быть можетъ болѣе, чѣмъ тогда, когда на рукахъ носили его въ Италиі за Помпею. Геніальные люди геніальны во всемъ, за что они возьмутся съ твердою увѣренностью; они сами сознаютъ это,—но въ этихъ случаяхъ, сознание ихъ нерѣдко переходитъ въ самолюбіе: увѣрены мы также, что основа этого самолюбія почти всегда справедлива, хотя провленія не всегда такъ удачны, какъ въ рассказанномъ о Брюловѣ случав. Но возвратимся къ «Воспоминаніямъ.»

«Плаваніе наше окончилось прибытіемъ въ Буюкъ-Дерѣ, гдѣ мы и поселились. Я расположился не только въ одномъ домѣ, но даже въ одной комнатѣ съ Брюловымъ. Въ это время, общество въ Буюкъ-Дерѣ готовилось къ домашнему спектаклю; разучивали «l'Ours et le Pacha. Брюловъ съ радостью принялся за декорации такъ ревностно занялся ими, что даже не торопился осмотрѣть Константинополь и дѣйствительно не видалъ его до тѣхъ поръ, пока не раздвѣлялся съ декорациями.—Одно изъ этихъ случайныхъ торопливыхъ произведеній кисти великаго художника можетъ называться торжествомъ (chef-d'œuvre) декорационнаго искусства,*и до сихъ поръ сохраняется въ домѣ Австрійскаго посольства, гдѣ въ то время былъ устроенъ театръ.»

«Послѣ декораций—Брюловъ принялся за изученіе Константинополя, въ которомъ все приводило его въ восхищеніе; въ особенности гречанки и армянки останавливали на себѣ вниманіе. По цѣлымъ днямъ Брюловъ не оставлялъ Константинопольскихъ улицъ и базаровъ и только поздними вечерами возвращался въ нашу общую комнату. Тутъ онъ обыкновенно, ложась въ постель, бралъ какую-нибудь книгу, но рѣдко читалъ ее, а по большей части принимался болтать о томъ, о семъ, *прихотливо переходя отъ великаго до пошлаго, но во всѣхъ своихъ замѣчаніяхъ оставаясь оригинальнымъ. Часто, говоря о религіи, Брюловъ выказывался пламеннѣйшимъ христіаниномъ, восторгаясь отъ идеи Откровенія, и потомъ вдругъ начиналъ разсуждать о самыхъ ересьныхъ сценахъ уличной жизни Константинополя.»*

Жальемъ, что авторъ не сберегъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», хотя отрывковъ изъ этихъ вероятно глубокихъ бесѣдъ и интересныхъ наблюденій.—Но за то, онъ сохранилъ слѣдующій любопытный—и въ жизни художниковъ—вердкій фактъ:

«По временамъ въ это время иногда читалъ онъ Карамзина, и послѣдствіями этого чтенія были сначала многочисленныя разсужденія о возможности существованія русской національной живописи,

«потомъ первая идея будущей картины *Осада Пскова*. Идея этой картины создавалась въ его фантазій мгновенно, вдругъ, и во всей полнотѣ; «въ Буюкъ-Дерѣ рассказывалъ онъ мнѣ всѣ подробности и даже «дѣлалъ эскизы картины, и если бы въ это время принялся онъ писать ее, — то картина вышла бы изъ рукъ его, какъ некогда Мишера изъ головы Юпитера: въ полномъ величїи. Но впоследствии онъ подвергнулъ первоначальную мысль свою многочисленнымъ «измѣненїямъ, и потому-то, когда черезъ нѣсколько лѣтъ, посѣтилъ «я его петербургскую мастерскую, — онъ показалъ мнѣ *осаду Пскова* не иначе, какъ послѣ предварительныхъ и какъ бы извинительныхъ предисловіи и объясненїи, будто заранѣе боясь, что я «не узнаю въ его произведенїи той идеи, зарожденїи которой я былъ «свидѣтелемъ еще въ Буюкъ-Дерѣ.»

Припомнимъ въ подтвержденїе факта, что Пушкинъ рассказывалъ своимъ друзьямъ о созданной имъ во время прогулки сценѣ между Самозванцемъ и Мариною, но не думаемъ, чтобы въ рассказываемомъ случаѣ измѣна художника своей первоначальной идеи произошла только отъ того, что онъ принялся работать не въ то мгновенїе, въ которое идея его посѣтила. Авторъ «Воспоминанїи» справедливо замѣчаетъ, что явленїе это довольно обыкновенно, если идея посѣщаетъ художника прежде чѣмъ онъ изучилъ подробности — и въ этомъ случаѣ *подробности* будутъ мѣшать развитїю *идеи*, — но бываетъ еще и то, что колоссальная идея не выполнима, потому что сама-по-себѣ еще смутна, что представляетъ агрегатъ, изъ котораго выйдетъ нѣсколько идей, менѣе колоссальныхъ, но за то болѣе определенныхъ и выполнимыхъ. Смутное лирическое чувство не есть еще ясная идея художника, отчетливая, стройная, отвлеченная отъ всѣхъ другихъ.

«Зиму провели мы въ другомъ Константинопольскомъ предмѣстїи, въ Перв. живя по прежнему въ одной общей комнатѣ. Здѣсь «Брюловъ видимо скучалъ и тяготился посреди оффиціального дипломатическаго міра; не рѣдко искалъ онъ развлеченїя въ шумныхъ «удовольствїяхъ, и возвращался домой въ искусственно-развеселенномъ расположенїи духа. Въ такомъ состоянїи, Брюловъ никогда «не былъ въ самомъ дѣлѣ *веселъ*, какъ другїе; напротивъ того, онъ «дѣлался строптивъ, угрюмъ и непрїятель въ обществѣ.

«Вскорѣ пришелъ изъ Россїи вызовъ Брюлова въ Петербургъ, «въ званїе профессора Академіи.

«Лестное это назначенїе не вполнѣ однакожь его обрадовало — «честолюбїе его было, конечно, удовлетворено, — но, въ то же время,

онъ боялся, что профессорскія обязанности будутъ стѣснительны для свободы его творчества; тѣмъ не менѣе—вскорѣ мы проводили его въ Одессу.

«Послѣ того, я совершенно потерялъ его изъ вида,—и только черезъ нѣсколько лѣтъ, и то на самое короткое время, видѣлъ я великаго художника и его мастерскую, въ Петербургѣ, какъ уже ни говорено мною выше—Но воспоминанія о Брюловѣ никогда не изгладятся изъ моей памяти, и драгоценнымъ залогомъ ихъ до сихъ поръ остается у меня около 30 превосходныхъ его рисунковъ, сдѣланныхъ имъ еще въ Гротта-Феррата, въ цвѣтущую эпоху его развитія.—Любопытенъ способъ,—присовокупляетъ авторъ въ выноску,—которымъ знакомые Брюлова пріобрѣтали его рисунки. «Сдѣлайте мнѣ то-то или это—обыкновенно говаривалъ Брюловъ, обращаясь къ кому-нибудь съ просьбою,—а я вамъ за это нарисую что-нибудь въ альбомъ. Разумѣется, что за такую плату всякій старался дѣлать для художника все, что ему было угодно.»

Этимъ оканчиваются собственно «Воспоминанія» о Брюловѣ. Далѣе слѣдуетъ взглядъ автора на развитіе таланта Брюлова, на его достоинства и недостатки—взглядъ, какъ сказали уже мы, показывающій въ авторѣ «Воспоминаній» рѣдкаго знатока изящнаго, воспитаннаго при томъ Брюловымъ же — и за тѣмъ взглядъ автора на возможность русскаго національнаго искусства, взглядъ, котораго основы, вѣроятно, родились тоже подъ вліяніемъ бестѣдъ въ Буюкъ-Дере. Не имѣя права выписывать всего, отсылаемъ читателей къ самой статьѣ, за которую усердно благодаримъ автора. Что еслибы побольше являлось такихъ «воспоминаній» о лицахъ, дорогихъ нашему народному сознанію!

Въ заключеніе скажемъ объ альманахѣ, что изданіе его отличается изящною простотою, и что часть выручаемой за него суммы назначается въ пользу раненыхъ нижнихъ чиновъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса.

ДЦ. ГРИГОРЬЕВЪ.

ЖУРНАЛИСТИКА.

ЗАМѢЧАНІЯ ОБЪ ОТНОШЕНІИ СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКИ КЪ ИСКУССТВУ.

Нашъ взглядъ на каждый журналъ въ отдѣльности, на общее направленіе дѣятельности, на общія достоинства и недостатки каждаго, выражался довольно часто и довольно ясно, иногда даже съ нѣкоторою рѣзкостью, понятною впрочемъ, какъ мы имѣли удовольствіе замѣтить, — даже многимъ изъ нашихъ противниковъ, разумется тѣмъ изъ нихъ, для которыхъ литература вообще стоитъ выше ихъ личныхъ симпатій и антипатій къ тому или другому направленію. Кроме того, множество общаго во всѣхъ другихъ журналахъ, общаго, высказывающагося иногда очень ясно, не смотря на видимыя, и повидимому даже враждебныя различія между ними, такого общаго, которое всѣ различныя ихъ направленія отталкиваетъ одинаково отъ какого-либо изъ нашихъ положеній и заставляетъ высказываться враждебно съ большею или меньшею энергіею, съ большею или меньшею откровенностью, съ большею или меньшею послѣдовательностью, — это общее, несомнѣнно существующее, убеждаетъ насъ въ томъ, что въ сущности мы имѣемъ дѣло только съ однимъ и притомъ безличнымъ антагонистомъ, котораго положенія, разсѣянныя по разнымъ статьямъ журналовъ, приводятся всѣ къ одному знаменателю, какъ приводятся къ одному же знаменателю и наши. Когда можно вести честную полемическую борьбу съ положеніями, т. е. когда положенія выходятъ на борьбу ясно обозначенныя, — тогда скучно толковать о томъ, что такая-то книжка такого-то журнала бѣдна содержаніемъ, и между тѣмъ вало передавать это самое бѣдное содержаніе. Необходимость говорить о такомъ скудномъ содержаніи вводитъ часто въ другую еще болѣе печальную необходимость — толковать какъ будто о дѣлѣ, о томъ, что въ сущности есть или невинное литературное бездѣлье, надъ которымъ слегка только можно посмѣяться въ назиданіе публики, а не авторовъ, вѣроятно увѣренныхъ въ важномъ значеніи подоб-

наго безделья, — или то, что подходит подь пословицу: «на безрыбь и ракь рыба», и что съ стороны серьезной критики должно быть обходимо краспорѣчивымъ молчаемъ, — потому что толки придають этому безрыбью совершенно незаслуженную значительность. Пусть же эту значительность придаетъ имъ другая критика, а не наша: мы остановимся съ любовію надъ какою-нибудь небольшою поэмою, мы внимательно прослѣдимъ произведение, въ которомъ, не смотря на художественную слабость, выразится мысль, или новая или даже и запоздалая, но еще живущая и стало быть подлежащая изслѣдованію; мы посвятимъ нѣсколько страницъ какому-либо очерку, нарисованному настоящимъ, призваннымъ художникомъ — и пустимъ въ ходъ реторическую фигуру умолчанія или другую, въ реторикахъ еще не обозначенную фигуру сухаго упоминанія въ отношеніи къ иному тяжеловѣсному роману, растянувшемуся на нѣсколько книжекъ журнала, въ отношеніи къ какому-либо этюду, отличающемуся въ глазахъ знатоковъ и специалистовъ великоsvѣтскости и тонкости качествами необыкновенной великоsvѣтскости и изыщѣннѣйшей тонкости. Однимъ словомъ, мы хотимъ бесѣдовать съ мыслителями о мысляхъ, съ художниками о художествѣ. Задача очень гордая! подумаютъ вѣроятно многіе. — Но болѣе или менѣе мы ее до сихъ поръ исполняли, скажемъ мы въ видѣ предупредительнаго отвѣта, исполняли такъ, что добросовѣстнѣйшіе изъ дятелей литературныхъ, не раздвляющихъ нашихъ мнѣній, должны были сознаться: одни (Соврем. Юль. Замѣтки Нов. поэта, стран. 119) — что: «если съ критикой молодой редакціи «Москвитянина», выражающейя всегда нѣсколько хитро, заносчиво и «кудревато, и не соглашаешься очень во многомъ, но всегда видишь въ ней стремленіе къ истинѣ, любовь и уваженіе къ искусству, и «что хотя въ этой критикѣ и проскакиваютъ иногда небольшія «предубѣжденія къ лицамъ ей подсудимымъ, но вообще для нея искусство выше всѣхъ личныхъ воззрѣній и отношеній»; — другіе (Отеч. Записки Май, Журналист. стр. 54), упрекая насъ, что мы не кончаемъ иногда начатыхъ статей, сознаются въ томъ, что начала этихъ статей обвиняютъ литературный горизонтъ очень обширный, что вопросы задаваемые нами не менѣе широки; третьи, какъ-то г. Дружининъ, съ своихъ точекъ зрѣнія, почти окончательно сходятся съ нами въ результатахъ. И между тѣмъ, мы намѣрены начать наше обозрѣніе совершенно полемически: «Есть тому дѣлу причина!» какъ говоритъ Митя въ «Бѣдность не порокъ.» Причина заключается въ томъ, что какъ въ полемикѣ, открывшейся противъ

насть за начало статей о комедіях Островскаго, такъ и въ другихъ появлявшихся въ это время статьяхъ, по поводу въ особенности Пушкина и Гоголя, обнаружались слишкомъ ясно большыя мѣста той критики, которую мы, не во гнѣвъ ей будь сказано, не перестаемъ называть одряхлѣвшею, обнаружались даже многія изъ свойствъ болѣзни нашего безличнаго антагониста.

Прежде всего займемся нашимъ дѣломъ: — дадимъ прямой и ясный отвѣтъ на упреки, которымъ мы подверглись. Полемика выразилась въ двухъ главныхъ журналахъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» и въ «Современникѣ», выразилась въ томъ и другомъ, сообразно съ характеромъ каждаго. Полемика Записокъ прямая: ей, «невольнo и самъ-собою представляется вопросъ: почему Пушкинъ, «у котораго инстинкту народному мы все удивляемся, вывелъ въ «своей драмѣ въ сценахъ любви, лица не русскія, по крайней мѣрѣ «лица, воспитанныя внѣ Россіи? Все остальные величавыя лица не-«привкосновенны къ этому дѣлу.» (Отеч. Записки Май, Журн. стр. 61.) Далѣе рецензентъ продолжаетъ: «Такой поступокъ нашего поэта «возлагаетъ, какъ первую обязанность, на критика рассмотреть ста-«ричныя наши семейныя отношенія, на сколько они могутъ быть «сюжетомъ повѣсти или драмы. Вотъ въ этомъ-то случаѣ мы и по-«просили бы г. Григорьева обратить особенное вниманіе на «Домо-«строй», какъ на памятникъ весьма важный для рѣшенія этого ли-«тературнаго вопроса. Пусть бы авторъ, на основаніи правилъ, из-«ложенныхъ для семейной жизни въ «Домостровъ», опредѣлялъ, на «сколько они допускаютъ возможность той интриги, которая сдѣла-«лась главнымъ двигателемъ всѣхъ нашихъ повѣстей, романовъ и «драмъ съ XVIII столѣтія до настоящаго времени включительно. «Если окажутся противорѣчія между правилами Домостроя и «завязкою всѣхъ нашихъ повѣстей и романовъ, тогда самъ собою «представится вопросъ: чѣмъ мы должны въ нынѣшнее время «пожертвовать — правилами «Домостроя» или принесеннаго съ «Запада постройкою литературныхъ произведеній?»

Основное начало полемики выражено такъ прямо и ясно, что прямой и ясный кажется и нельзя выразить; болѣе еще: не смотря на то, что возраженіе, съ нашей точки зрѣнія — совсѣмъ невлпо, — оно высказано необыкновенно честно. Статья наша, какъ и многія другія, которыя пишутся подъ вліяніемъ горячаго и правдиваго убѣжденія, представляла все удобства къ гаерскимъ противъ нея выходкамъ — и никакой такой выходки не сдѣлано. Не осмѣяно то, что мы по поводу комедій Островскаго подняли лѣтописи, Посош-

кова и проч., — не осмѣяно то, что мы приняли на себя, въ началѣ ея, тонъ слишкомъ рѣшительный (тонъ, надобно замѣтить, совершенно невольный и вызванный безнарядицею критики) и т. п. Дѣло, свидѣтельствуемъ съ удовольствіемъ, начато честно. Дай Богъ намъ въ статьяхъ нашихъ поспорить порядкомъ о такомъ важномъ вопросѣ и побѣдить въ нашихъ противникахъ ихъ нерасположеніе къ старому русскому быту, или, лучше сказать, вообще къ нашей исторической народности. Для этого надобно показать конечно, что идеалы русскаго быта заключаются не въ одномъ Домостроѣ, что *интриги* въ смыслѣ XVIII столѣтія можно отыскать въ самомъ Домостроѣ (вспомните женокъ торговыхъ и т. п.), но что Домострой смотритъ только на эти интриги съ иной точки зрѣнія чѣмъ XVIII вѣкъ, и очеркиваетъ ихъ сурово-комически. Сами антагонисты наши знаютъ, что много нужно тутъ показать такого, о чемъ доселѣ говорилось очень мало, что съ нашей стороны возможно будетъ только посильный трудъ, что заслуга нашихъ соображеній и нашего труда будетъ заключаться въ томъ, чтобы навести на другіе труды и на другія соображенія: сами они понимаютъ вѣроятно, что даже и посильныя соображенія могутъ быть сообщаемы въ этомъ дѣлѣ не такъ скоро, какъ заключенія о современномъ. А вопросъ, чѣмъ должно будетъ пожертвовать: правилами ли Домостроя, который между прочимъ и не одинъ памятникъ, увѣковѣчившій идеалы русскаго семейнаго воззрѣнія, а трудъ человека весьма почтеннаго, но нѣсколько односторонняго, — или завязкою всѣхъ новѣйшихъ повѣстей и романовъ, завязкою, которая порядочно уже опошлѣлась, — этотъ вопросъ рѣшать не споры наши, а искусство — и оно уже рѣшаетъ его, все-таки больше въ пользу, положимъ и односторонняго нѣсколько, Домостроя, какъ сочнаго и крѣпкаго продукта жизни, чѣмъ въ пользу тепличныхъ завязокъ, уже и теперь оказавшихся несостоятельными. Статья Отеч. Записокъ состоитъ преимущественно изъ различныхъ желаній, — между прочимъ она высказываетъ желаніе, чтобы мы *опредѣлили народность*. Неправда ли, что это — желаніе весьма скромное? На него можно отвѣтить только положеніемъ одного знаменитаго юриста, что: *Definitio periculosa est*. Опредѣленіе вообще должно только дать почувствовать всѣмъ изложеніемъ дѣла. Не споримъ, что опредѣлить народность съ отрицательной точки зрѣнія, какъ дѣлывали Отеч. Зап., легко, — во попробуй-ка они сами подвести подъ схему все многообразіе свойствъ такой народности, какова наша славянская? На-сколько пряма и послѣдовательна полемическая статья «Запи-

сокъ», на столько же неопредѣленна и смутна статья въ замѣткахъ Новаго Поэта Современника за Июль. Это—статья то увѣщательная, то извинительная, то насмѣшливая, но во всякомъ случаѣ не прямая. На сколько статья «Записокъ» поняла въ чемъ дѣло, и толкуетъ о *дѣлѣ*, на столько же статья Современника обходитъ настоящее *дѣло*, вертится около положеній нашей статьи, выхватываетъ мысля изъ нея на удачу, оправдывается или старается кольнуть — безъ малѣйшаго отношенія къ *дѣлу*. По этому самому, отвѣчать на статью «Записокъ» надобно самымъ *дѣломъ*, т.-е. продолженіемъ начатой нами статьи: статью же Современника надобно прослѣдить, чтобы уловить въ ней какія-либо положенія. Обѣ статьи впрочемъ сходятся въ одномъ, въ обвиненіи насъ за великолѣпныя начинанія. Въ Современникѣ, обвиненіе это выражено особенно замысловато.

«Москвитянинъ», такъ zaczynaеть Новый Поэтъ, — «какъ было «уже не разъ говорено въ нашихъ журналахъ, находится подѣ «вліяніемъ двухъ редакцій — *старой* и *молодой* — и потому, «вроятно, онъ не имѣетъ того единства, той цѣльности, того «опредѣленнаго колорита, которые невольно «отыскиваетъ читатель «въ каждомъ періодическомъ изданіи...»

Позвольте остановить васъ на минуту, Новый Поэтъ, и спросить васъ, какія существенныя различія находите вы между *старой* и *новой* редакціей Москвитянина? Вроятно отвѣта вы не дадите, потому что и здѣсь, какъ и въ дѣятельности Островскаго, новое слово есть только старое слово. Нечего говорить уже о томъ, что въ требованіи единства и колорита отъ журнала Современникомъ, въ которомъ сегодня позволятся ругать то, что вчера расхваливали, — въ которомъ сегодня скажетъ дѣльное слово г. Дружининъ, а завтра, можетъ быть, г. Чернышевскій напишетъ тѣмъ безвкусныхъ и безобразныхъ литературныхъ ересей, что въ этомъ требованіи для всякаго мыслящаго читателя заключается много комическаго. Но продолжаемъ выписку :

«Въ Москвитянинѣ, иногда старая редакція явно преобладаетъ «надъ молодою, иногда молодая беретъ верхъ надъ старою, и все «это совершается какъ будто бы случайно, безъ всякой борьбы» (NB. Да вѣдь борьба для мыслящаго челоѣка возможна только при различіи привциповъ съ другимъ мыслящимъ челоѣкомъ) «явится «нѣсколько книжекъ, похожихъ болѣе на сборникъ, чѣмъ на жур- «наль, и послѣ этихъ книжекъ съ историческими матеріалами (болѣе «или менѣе интересными и довольно впрочемъ рѣдкими въ последнее «время), съ историческими афоризмами, съ различными краткими

«отрывистыми и всегда очень оригинальными отъѣтками и замѣтками старой редакціи, напоминающими прежній «Москвитянинъ», «вдругъ выйдеть нѣсколько номеровъ, имѣющихъ болѣе журнальный характеръ, съ критическими статьями, въ которыхъ молодая редакция желаетъ высказывать свои теоріи и взгляды на искусство... «Но къ сожалѣнію любопытствующихъ поближе познакомиться съ этими взглядами и теоріями, критическія статьи молодой редакціи обыкновенно прерываются или на половинѣ или на самомъ началѣ — и такъ и остаются неоконченными. Задуманныя всегда, (судя по началамъ) широко, глубоко и добросовѣстно, они имѣютъ видъ такъ огромныхъ и хитрозадуманныхъ зданій, которыя такъ же прихотливо начаты какъ и брошены, и съ безчисленными полусгнившими и почернѣвшими лѣсами, представляютъ печальный видъ бесполезно пропавшаго труда и бесполезно погибшихъ матеріаловъ... «Смотря на эти громадные лѣса, на эти груды кирпичей, думаешь: «а можетъ быть вѣдь изъ этого что-нибудь и вышло бы! и въ то же время досадуешь, что полусгнившіе лѣса и обвалившіеся кирпичи—ничего не доказавшіе, занимаютъ безъ толку пространство, изъ котораго можно было бы извлечь какую-нибудь пользу, которое не пропадало бы даромъ. Что намъ за дѣло до того, если обломки недоконченнаго зданія намекаютъ на талантъ, вкусъ и добросовѣстность архитектора? Что намъ за дѣло до того, что онъ что-то хотѣлъ сказать этимъ зданіемъ? *Мысль въ зачатіи, какъ бы она ни казалась широка и глубока, ровно ничего не значитъ въ сравненіи съ самой обыкновенной, всѣдневной мыслию развитой и окончательно высказанной.*»

Сказано складно и сравненіе блестящее — да вѣрно ли оно? спросимъ мы г. Новаго Поэта. Продолжая употребленное имъ сравненіе, скажемъ, что архитектору могутъ помѣшать достроить зданіе недостатокъ кирпича и камня, постоянно ненастная погода и другія обстоятельства отъ него независящія. Оставляя же въ сторону сравненіе блестящее, но неудачное, скажемъ мы, что мысль надобно сообщать даже въ ея зачатіи, если нѣтъ средствъ высказать ее въ конченной формѣ: мысль — дѣло живое, т.-е. мысль, чувствуемая всѣмъ существомъ чловѣка, понимаемая всѣмъ горячимъ убѣжденіемъ души: когда она такъ понимается, она высказывается сама, не заботясь о томъ, высказавшій впервые или другой кто-нибудь достроить ея умственное зданіе: мысль вѣрить только въ то, что зданіе ея достроится непременно... Но это идеальная сторона вопроса. Да позволено будетъ намъ спросить г. Новаго Поэта, какія статьи

нами недокончены, кроме начатой статьи объ Островскомъ, о прекращеніи которой онъ не имѣетъ никакого права умозаключать, и отрывка изъ сочиненія о пѣсняхъ, отрывка, который самъ по себѣ оконченъ — а не кончено и едвали скоро кончится все сочиненіе, но вѣдь оно, какъ понимаетъ вѣроятно самъ г. Новый Поэтъ, есть одно изъ дѣлъ цѣлой жизни. Упрекають автора этихъ статей Отеч. Записки въ неоконченныхъ взглядахъ на Гёте и на нѣмецкую литературу, но взгляды эти вызваны были поводомъ, и другимъ поводомъ вызовется вѣроятно ихъ продолженіе и разъясненіе. Дѣло, кажется, очень простое. Всякое слово, новое ли, старое ли, высказывается постепенно, разъясняется въ борьбѣ съ противорѣчіями, — если оно только живое, а не мертвое, книжное, которое легко и удобно ложится въ узкія схемы. Вѣроятно не сочтутъ въ насъ за самолюбіе, а примутъ только за крѣпкую вѣру въ наше направленіе — если мы скажемъ, что вызывая насъ почаще полемика ли, литературная ли лавина, на вопросы, которые дѣйствительно заслуживаютъ названіе вопросовъ, ответовъ за нами не заждутся.

Но, чѣмъ мы заслужили отъ г. Новаго Поэта слѣдующее поученіе — рѣшительно недоумѣваемъ.

« Но если, — продолжаетъ онъ, — архитекторъ недоконченнаго « зданія, неуспѣвшій еще — при всемъ своемъ усиліи — ясно, опре- « дѣленно и окончательно высказать своей мысли, взявшійся за ка- « кой-нибудь колоссальный трудъ и даже еще неокончившій фунда- « ментъ для своего труда, — *будетъ отзываться съ презритель- « ной гордостью объ оконченныхъ трудахъ своихъ предшествен- « никовъ, которые добывали мысль въ потъ и крови и высказывали « ее съ увлеченіемъ, съ добросовѣстною горячностью, впадала иногда « въ неизбежныя для человѣка промахи и ошибки.* — тогда можно « и даже должно остановить такого заносчиваго архитектора и спро- « сить его... ты такъ строгій къ своимъ предшественникамъ къ « людямъ, *подготавливавшимъ можетъ быть тебя самаго,* — что « же сдѣлалъ ты самъ, сказалъ ли ты хоть что-нибудь новое послѣ « нихъ?.. Во имя чего же твоя надменная, твое презрѣніе къ тѣмъ « благороднымъ труженникамъ мысли, которые, не смотря на свой « ошибки и заблужденія, сдѣлали хоть что-нибудь? Труды ихъ пе- « редъ нашими глазами... Они высказали намъ все, что могли и умѣли « высказать, а ты, *все усиливающийся что-то сказать и въ те- « ченіи нѣсколькихъ лѣтъ остающійся при этомъ усиліи* — имѣешь « ли ты право бросать камень въ твоего собрата, въ твоего ближ- « няго, уже совершившаго свое дѣло и окончившаго свое поприще?..»

Все это очень трогательно, и мы вполне понимаем тот нравственный процесс, посредством котораго г. Новый Поэтъ, который досель «шутить, весь въкъ шутить», — писавши эту красноречивую діатрибу, самъ непримѣтно для себя возвышался до своего лирическаго настроенія, и весьма искренно причислил и самого себя къ благороднымъ труженникамъ мысли, добывавшимъ мысль въ потъ и крови, разсердился на насъ внезапно и въ порывѣ благороднаго негодованія обратился къ намъ съ упрекомъ, который точно былъ бы язвительнъ, еслибы къ намъ сколько-нибудь относился! Но дѣло въ томъ только, что стрѣла пронеслась мимо. Слово нашего направленія есть уваженіе къ преданію, уваженіе ко всему до насъ сдѣланному, даже если смѣемъ такъ выразиться, — возстановленіе связи между нашимъ временемъ и прошедшимъ, связи, на время легкомысленно нѣкоторыми разорванной. Вотъ съ этимъ-то разрывомъ и съ его представителями мы и боремся. Sapienti sat. Въ самой дѣлательности недавнихъ предшественниковъ мы отличали всегда и смѣемъ отличить благородныя усилія отъ вредныхъ и фальшивыхъ увлеченій: за первыя — поклонъ до лица земли, — за вторыя — раздѣлка неминуемая, историческая, т.-е. исторіей, временемъ, а не нами совершаемая. Дѣло опять кажется очень ясное. Когда направленіе, возстановляющее связь съ преданіемъ, столкнется съ направленіемъ, вышедшихъ изъ началъ противоположныхъ — то неужели же оно, изъ какого-то фальшиваго благородства, должно кадить ему? Но вѣдь кадя ему, оно оскорбитъ историческое преданіе! Можно признавать, что такой-то человекъ такого-то направленія былъ одаренъ натурой могучей, волканической, словомъ живымъ и любовью къ правдѣ, — но если онъ былъ мало грамотенъ, то нельзя же этого не сказать, если онъ впадалъ въ безпрестанныя противорѣчія, нельзя же ихъ признавать за непреложныя истины, если крайности, въ которыя впадалъ онъ, имѣютъ досель вредное вліяніе на литературу, нельзя же не относиться къ нимъ враждебно. Стало быть и діатриба Новаго Поэта пронеслась мимо насъ, какъ паче всего уважающихъ преданіе и уважающихъ все *честное* въ трудѣ своихъ предшественниковъ, близкихъ и дальнихъ.

«Съ такою же рѣчью можемъ мы обратиться», — продолжаетъ г. Новый Поэтъ — «я къ критику «молодой редакціи», г-ну Григорьеву, который такъ гордо и презрительно относится о критикѣ «1838—1846 годовъ и никогда не упускаетъ случая увлѣять ее «при всякомъ удобномъ случаѣ...»

Опять таки «естъ тому дѣлу причина!» Судьбы вашей кри-

тики какъ отъ 1838 до 1846, такъ и отъ 1828 до 1838 довольно хорошо известны критику молодой редакціи, и онъ познакомился съ той и другою въ такіа лѣта, когда душа воспринимаетъ живѣе все впечатлѣнія, и стало быть знакомъ съ ней по опытамъ сердца, видѣлъ хорошія и дурныя стороны ея вліянія какъ въ самомъ себѣ, такъ и въ другихъ. Выпчанія и развычанія кумирчиковъ, скачки отъ статьи, напримѣръ, о Бородинской годовщинѣ къ статьѣ о Парижскихъ Тайнахъ Сю, отъ восторженныхъ гимновъ народности въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» Молвы, этою прекрасномъ памятникъ блестящаго таланта, хотя и тогда уже впадавшаго въ крайности по недостатку грамотности,—къ сатурналиямъ въ родѣ статей о Сказаніяхъ Русскаго народа, изд. г. Сахаровымъ, статей о Голиковѣ и Кошихинѣ,—отъ правдивой оцѣнки великаго таланта Гоголя къ вакханалиямъ по поводу его Переписки — вакханалиямъ, которымъ критикъ молодой редакціи причастенъ не былъ, чѣмъ онъ и гордится, отъ перчатки брошенной критикою Телескопа за «Бориса Годунова», припятаго холодно безграмотною критикою, до новыхъ, оправданій этой безграмотной критики, оправданій, появившихся въ статьяхъ о Пушкинѣ въ нынѣшней книжкѣ Современника, въ которой г. Новый Поэтъ громить насъ своими діатрибами, — все эти скачки, показывающіе шаткость, безнарядицу критики, совершались на глазахъ критика молодой редакціи, проходили болѣе или менѣе по его сердцу. Раздвляя когда-то многое съ критикой, на которую онъ теперь вооружается, онъ не могъ никогда раздвлять ни сатурналій на счетъ народности, ни увѣчанія кумирчиковъ гг. Д. Н. и т. д., ни вакханалій по поводу Переписки съ друзьями, какъ достаточно было засвидѣтельствовано статьею его въ Московскомъ Городскомъ листкѣ, удостоившеюся того же глумленія какъ и книга Гоголя. Вотъ почему критикъ молодой редакціи не упускаетъ никогда удобнаго случая говорить о критикѣ 1838—1846 годовъ, и вотъ почему онъ считаетъ себя въ правѣ говорить о ней, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не думалъ говорить о ней гордо и презрительно. *Ergate humanum est* — и отрицая заблужденія, должно видѣть въ заблуждающемся еще другую сторону, кромѣ заблужденій.

Все это, хотя и не съ такою рѣзкостью, обозначено было въ нашей статьѣ. Но Новый Поэтъ принялъ такой маневръ, чтобы все упреки наши взвалить на одну «Библиотеку для чтенія»—отстаивая статьи о Пушкинѣ, въ которыхъ казнилась безъ милосердія вся русская литература до Пушкина и отъ его Татьяны дѣлались весьма странныя требованія; забывая исчисленныя нами сатурналіи и под-

держивая справедливость вакханалій по поводу книги Гоголя. Гоголю, изволите видѣть, критика высказала тогда много горькихъ истинъ. Бѣдная критика—ея заблужденія продолжаютъ еще до сихъ поръ, и ей до сихъ поръ непонятно, что болѣзненный процессъ, великій нравственный переломъ, совершавшійся въ такой натурѣ, какова была натура Н. В. Гоголя, долженъ былъ расширить его кругозоръ. Пусть же наконецъ убѣдится она въ этомъ, читая отрывки второй части «Мертвыхъ душъ», увидѣвшіе наконецъ свѣтъ Божій, отрывки, свидѣтельствующіе о томъ, чего требовалъ отъ себя великій художникъ и великій общественный человѣкъ: отрывки, которыми при томъ еще самъ художникъ не былъ доволенъ — не былъ доволенъ, значитъ, хотѣлъ совершеннѣйшаго! Пусть же она устыдится своихъ обвиненій Гоголя въ неискренности, своихъ подходовъ подъ его личность, читая «Авторскую исповѣдь!» Но объ отношеніяхъ современной критики къ Гоголю и Пушкину рѣчь еще впереди. Пока займемся нашимъ собственнымъ дѣломъ.

«Положимъ, что эта критика—продолжаетъ г. Новый Поэтъ—(нигдѣшная, нельзя не замѣтить, вліяніе довольно сильное) заблуждаться, впадала въ промахи, — (какая же критика не впадаетъ въ «промахи?»), но она сдѣлала что-нибудь, она высказала свою мысль «какъ могла... труды ея не совсѣмъ еще забыты...»

Такъ мало еще забыты — добавимъ мы отъ себя, что досель еще критика теперешняя продолжаетъ ихъ, въ какомъ-то дѣлномъ полуснѣ. И такъ много она сдѣлала, и такъ высказала свою мысль, что отъ терній этой мысли долго еще не расчистишь поля литературы. Зачѣмъ говорить голословно? Прослѣдимъ вкратцѣ всю исторію той критики, за которую ратуешь г. Новый Поэтъ.

Начало ея въ «Молвъ», издававшейся при Телескопѣ, временное пристанище въ Московскомъ Наблюдателѣ, завершеніе въ Отечественныхъ Запискахъ. Въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» впервые раздался ея голосъ, впервые брошены сѣмена того хорошаго и того дурнаго, что принесла она съ собою въ жизнь. Хорошее заключалось въ твердости эстетическихъ положеній, въ мысли о томъ, что художество должно мѣрять условіями художества, въ живомъ сочувствіи къ жизни и въ вѣрѣ въ то, что литература — отраженіе жизни. Въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» — разрушавшихъ во имя этихъ убѣжденій множество авторитетовъ, стремившихся поставить все на надлежащее мѣсто, часто заносчивыхъ, опрометчивыхъ въ своихъ сужденіяхъ, часто пристрастныхъ — были дороги молодость, страсть, увлеченіе, соединенныя съ рѣдкимъ эстетическимъ тактомъ.

Но того ли требовали от литературы «Мечтания», чего требовала потом порожденная ими критика? Литературные мечтания приветствовали зарождавшийся тогда, по их мнению, *народный* период литературы, — народность была их коньком (*). В Московском Наблюдателе та же критика заговорила туманным абстрактным языком Гегеля, оседлала другого коня — художественность, во имя художественности ругала немилосердо Занда и Шиллера, мечтала о примирении с действительностью, буквально принимая змиеобразное положение учителя: *Was ist — ist verpünflich*: адепты ее ходили какие-то одурманенные, с головой на изнанку, погружались в *unendlichen Geist Gête* и т. д. Такою перешла она в Записки. Скоро сказывается сказка, но еще скорве дѣлалось дѣло. Завздили совсѣмъ бѣдную *художественность* — оседлали другого коня, коня быстрого, *Паэосъ*. На Паэосъ и доехали до сатурналий и до тѣхъ положеній, что гвоздь, выкованный рукою человека, лучше и изящнѣе лучшаго цвѣтка природы, что нужна многочисленная беллетристика, а не художественныя произведенія, что Татьяна виновата предъ судомъ совѣсти, не отдавшись Онегину. Которому же изъ историческихъ фазисовъ этой критики прикажете вы кадить, г. Новый Поэтъ? Первому нельзя — потому что наши требованія народности отъ литературы выросли, сравнительно съ требованіями эпохи историческихъ романовъ; второму — смѣшно, потому что попадешь въ *schöne Seelen*; — въ третьемъ вы сами разувѣрились, какъ это ясно свидѣтельствуется въ вашей же критикѣ многими статьями, въ которыхъ съ подобающимъ уваженіемъ говорится о старой литературѣ, возстановляются многіе легкомысленно разрушенные авторитеты, осмѣиваются многія моральныя крайности. Приписать ли это апатіи, до которой увздили послѣдняго коня, другому ли чему, только. — это такъ.

Наше направленіе застало критику на поворотѣ къ апатіи: Паэосъ употреблялся уже только на пародіи стихотвореній, желчь негодованія изливалась въ повстаняхъ только на несчастныхъ господъ, у которыхъ нѣтъ сзади пробора, восторги истощились. Одинъ лишь голосъ возвышался рывче другихъ, и страненъ былъ этотъ голосъ. Мы говоримъ объ Иногородномъ Подписчикѣ, который кончаетъ теперь какъ серьезный и честный литераторъ, начавши дѣло какъ гаеръ. Почему же именно даровитѣйшій изъ представителей вашего

(*) О томъ, какъ скуднымъ и смутнымъ были въ оныя дни представленія о народности, основанныя преимущественно на псевдо-историческихъ романахъ, — какъ *малымъ* довольствовались въ этомъ отношеніи — нечего и говорить.

направленія въ критикѣ, вступая на арену литературы, не нашелъ въ душѣ никакого иного убѣжденія, кромѣ пересмѣшничества?... Ясное дѣло потому, что эстетическое чувство претило ему сдѣлаться прозелитомъ безобразій натуральной школы, а знакомство съ хорошими образцами своей литературы и другихъ литературъ отвращало его отъ обыденныхъ продуктовъ г-жи Евгени Туръ, г. Чернышева и иныхъ: къ сожалѣнію — выше всего этого онъ сталъ сначала только съ фешенебельной точки зрѣнія. Съ этой-то точкой зрѣнія мы и враждовали. Что же касается до полемики противъ остальной критики, то мы боролись собственно не съ нею, а съ слѣдами прежней критики, въ ней уцѣлѣвшими, потому-что полемика возможна только противъ мысли и во имя мысли.

Вы спрашиваете: «что же послѣ этой критики сказала новаго «заносчивая критика Москвитянина? Въ чемъ и гдѣ ея *новое слово*? «Въ г-нѣ Островскомъ!...» Да, пожалуй въ Островскомъ какъ художникъ, мы отъ этого не отрицаемся. Вводитъ новое въ жизнь не критика, которой дѣло заключается только въ разъясненіи новаго — а произведенія искусства. Глубоки въ этомъ отношеніи слова Гоголя въ его «Авторской исповѣди», на которыя мы желали бы обратить ваше вниманіе. А что Островскій новъ со всеми своими достоинствами и недостатками, это ясно для публики, если не ясно для одряхлѣвшей критики. Мало ли что темно для критики? Критикѣ напримѣръ, какъ видно изъ вашей же статьи, и огромный по значенію въ общественной жизни и огромный же по значенію историческому купеческій классъ, классъ средней, классъ составляющей, такъ сказать, цвѣтъ собственно народныхъ соковъ, классъ, въ которомъ, при многихъ можетъ быть комическихъ сторонахъ, сохранились наиболее остатки народнаго быта и развились притомъ на свободѣ, широко, вольно, — критикъ этотъ классъ кажется мелкимъ! Не съ такой критикой мы толкуемъ, или лучше сказать, толкуемъ съ ней по столько, по сколько видимъ въ ней слѣды прежнихъ, т.-е. хоть какихъ-нибудь сильныхъ и живыхъ началъ. Что же касается до критикѣ теперешней, то она находится въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи, и ее такъ легко обличить, что даже рецензенты Библиотеки для чтенія (Библиотеки для чтенія! подумайте объ этомъ, г. Новый Поэтъ!) обличаютъ ее весьма успѣшно въ июльской книжкѣ. Вотъ оно куда пошло! Послѣ этого, Пантеонъ скоро начнетъ борьбу съ этой критикой!

Да и нельзя иначе. Выходить Пушкинъ — и какія же статьи являются по поводу новаго изданія, за исключеніемъ превосходной

статьи г. Дружинина въ Библіотекъ для чтенія? Вышелъ Гоголь — и какихъ же статей ждать о Гоголь, послѣ статей появлявшихся о немъ въ послѣднее время, статей или подыскивающихся подъ личность автора Мертвыхъ Душъ, какъ статья въ Отечественныхъ Запискахъ по поводу «Опыта Біографіи Гоголя», статья непристойная по тону, возмущающая душу содержаніемъ, болѣею частію не литературнымъ;— послѣ множества странныхъ выходовъ въ разныхъ журналахъ и въ разныхъ газетахъ? Да позволено будетъ намъ коснуться поподробнѣе этихъ отношеній современной критики къ двумъ первостепеннымъ нашимъ дятеламъ. Начнемъ съ Гоголя, тѣмъ болѣе, что имѣемъ къ этому личныи поводъ, давно лежащій у насъ на сердцѣ.

Въ Отечеств. Запискахъ прошлаго 1854 года, въ отдѣлѣ «Журналистики» N 7, на стр. 48, навечатаны слѣдующія строки:

...«Нашъ Гоголь въ своемъ отрывкѣ: «Римъ» вздумалъ дать почувствовать Италію, изобразивъ ее самыми яркими красками, и одними яркими, и картина ему не удалась.

«Кстати, по поводу этой картины «Рима», написанной Гоголемъ, мы прочли у г. Г. (въ «Москвитяинѣ») неожиданное оброненное имъ слѣдующее выраженіе: «На Гоголя не безъ основанія, пожалуй, нападали за его Римъ: въ самомъ дѣлѣ, стремясь всѣ черты передать словомъ, какъ будто бы кистью, онъ громоздитъ черту на черту, ослѣпляетъ яркостью красокъ, вынужденъ для того, чтобы передать тотъ или другой оттѣнокъ изображаемыхъ имъ предметовъ, прибѣгать къ выраженіямъ яркимъ, но малоупотребительнымъ, вынужденъ чтобы передать», (? что? — спрашиваемъ мы — и въ правѣ спросить, потому-что, печатая чужія слова, да еще въ обличеніе, нужно же хоть продержатъ поаккуратнѣе корректуру) — «укладывать мысль въ нескончаемо длинный періодъ.

«Мы съ удовольствіемъ прочли эти строки г. Г., который такъ сильно восхищался нѣкогда «Римомъ» Гоголя.»

Очень неприятно бываетъ всегда разрушать чужое удовольствіе — но нельзя не пояснить, хотя и поздненько, что въ этомъ мы не имѣли въ виду доставить удовольствіе рецензентамъ «Отечеств. Записокъ» и къ ихъ удовольствію не подавали ни малѣйшаго повода.

Ключекъ (это настоящее слово) изъ нашего разсужденія, приводимый «Отеч. Запискамъ» въ подтвержденіе ихъ мысли, не только не подтверждаетъ ее, взятый въ связи съ тѣмъ довольно длиннымъ разсужденіемъ, изъ котораго онъ вырванъ, но положительно опровергаетъ. Ключекъ вырванъ изъ статьи нашей о «Трехъ письмахъ»

неизвестнаго автора, находящагося въ отношеніи къ манерѣ подѣ очевиднымъ вліаніемъ Гоголевскаго Рима, о тѣхъ самыхъ «Трехъ письмахъ», которыя мы признали разѣ за одно изъ замѣчательныхъ произведеній современной словесности, и постарались доказать это по крайнему разумію. Теперь: если защищается и хвалится произведение, напоминающее манерою своею другое, написанное подѣ сильнымъ вліаніемъ этого другаго, — то колыма паче (прямой логическій выводъ) хвалится это другое. Такъ это или нѣтъ?

«Самое желаніе подражать такому образцу (ибо «Римъ» считаемъ мы однимъ изъ совершеннѣйшихъ произведеній нашего «великаго поэта) показалось намъ въ авторѣ залогомъ природы истинно поэтической, тѣмъ болѣе, что подражаніе это — не мертвая «копировка.»

Вотъ наши слова на 84 страницѣ нашей статьи, слѣдующей за 83, изъ которой вырванъ *Записками* выше приведенный клочекъ. Самый этотъ клочекъ имѣетъ смыслъ только въ связи съ разсужденіемъ, доказывающимъ, что нельзя называть вычурностью стремленіе къ пластичности въ словѣ, оправдывающемъ не только великаго художника слова, каковъ былъ Гоголь, но художниковъ кисти или рѣзца, какъ напримѣръ г. Рамазановъ, которые стремятся словомъ передать пластическія тонкости.

Увы! для кого же и для чего же писали мы все это съ горькимъ убѣжденіемъ, съ твердою увѣренностью въ ясности и зрѣлости многихъ мыслей, выработанныхъ и прочувствованныхъ нами, съ любовью къ правдѣ, съ благоговѣніемъ передъ искусствомъ? Изъ цѣлой статьи, касающейся многихъ весьма важныхъ вопросовъ — выписано одно только мѣсто и выписано для того, чтобы навязать намъ мысль не нашу. Честно ли это? спросимъ мы прямо и смело «Отечественныя Записки.»

Съ негодованіемъ и съ грустью читали мы эти строки въ критикѣ журнала, хотя и враждебнаго намъ по направленію, но до сихъ поръ еще не пятнавшего себя сообщничествомъ съ нѣкоторыми газетами, нападающими на все великое въ русской литературѣ, въ особенности на память творца «Рима» и «Шинели». Вслѣдъ за тѣмъ прочли мы въ одной изъ такихъ газетъ — статейку о «причинахъ успѣха сочиненій Гоголя», и еще въ одномъ журналѣ, отличающемся такимъ же антинациональнымъ духомъ (если только есть у него какой-либо духъ), какъ и упомянутая газета — статейку, въ которой Ревизоръ называется между прочимъ ничтожною комедіею и т. д. Тяжело, и, признаемся, стыдно стало намъ —

тяжело и стыдно за литературу, въ которой голосъ того, кто училъ обращаться съ словомъ честно, былъ гласъ вопіющаго въ пустыни!

Боже! прахъ великаго чловѣка недавно еще прикрытъ могильною плитою—а уже впечатлѣніе, оставленное въ душахъ его горестною кончиною, остыло — и безстыдное глумленіе преслѣдуетъ его за гробомъ — благо замолкъ этотъ карающій смѣхъ, обличительный смѣхъ надъ зломъ и порокомъ, надъ тупоуміемъ и ложью, — благо закрылись эти пронизательныя соколиныя очи, неумолимо слѣдившія людскую пошлость,—благо въ пыли валяется грозный бичъ, стегавшій больно всякую неправду.

Много печальныхъ размышленій пробѣжало въ головѣ пишущаго эти строки надъ могилою великаго, благороднаго, честнаго труженика — которой пошелъ онъ поклониться еще разъ, прочтя нѣсколько статей разныхъ газетъ и журналовъ. Возражать на нихъ—значило бы мало чтить память великаго чловѣка: если я позволилъ себѣ и теперь, по прошествіи года почти, начать укоромъ Отечественнымъ Запискамъ, то единственно изъ сравнительнаго уваженія къ нимъ — и отчасти изъ чувства личнаго негодованія. Какъ ни малы мои собственныя заслуги въ русской литературѣ, но я позволяю себѣ считать за заслугу одно: — честное служеніе Гоголю при жизни его и по смерти,—и съ гордостью повторю, что при появленіи «Переписки съ друзьями» только двѣ критическія статьи отнеслись къ Гоголю съ прежнимъ уваженіемъ — статья Степана Петровича Шевырева въ Москвитянинѣ, и моя — въ издававшемся тогда Московскомъ Городскомъ Листкѣ. И какъ въ этой статьѣ, такъ и во всѣхъ моихъ статьяхъ, въ которыхъ говорилось что-либо о Гоголѣ, при жизни ли его (Возраженіе Просперу Мернье — Москвит. 1851 г. — Обзорніе литературы — Москвит. 1852), по смерти ли (Обзорніе литературы, Москвит. 1853 г. и многія другія статьи), я повторяю одно и то же — что «Римъ» считаю я однимъ изъ совершеннѣйшихъ произведеній Гоголя, наравнѣ съ «Шинелью» — и повторенія эти связаны для меня съ моимъ общимъ взглядомъ на двойственность натуры нашего поэта, высказаннымъ мною съ достаточною, какъ кажется, ясностью во всѣхъ приведенныхъ статьяхъ. Римъ дорогъ для меня, кромѣ своей художественной красоты, еще тѣмъ, что нигдѣ поэтъ—идеалистъ и лирикъ «Вечеровъ на Хуторѣ», «Гараса Бульбы», «Невскаго Проспекта», «Портрета» «Разъѣзда» — не высказалъ съ такою полнотою и ясностью своихъ положительныхъ требованій отъ жизни общественной и внутренней, — какъ нигдѣ съ

такой безпощадной последовательностью не проводил онъ ихъ отрицательно, какъ въ «Шинели».

Нападокъ на «Римъ», на лирическія мѣста «Мертвыхъ Душъ», на мистицизмъ «Портрета», на суровый, аскетическій идеализмъ «Переписки» — однимъ словомъ, на положительную сторону Гоголевскаго идеализма — въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ наберется весьма много — и притомъ въ тѣхъ литературныхъ направленіяхъ, которыя превосходятно цѣнили и тонко понимали отрицательную сторону этого идеализма.

Вопли на отрицательную сторону сосредоточивались, какъ известно, въ одномъ журналѣ, который много лѣтъ трудился надъ похвальнымъ дѣломъ — изуродовать русскій языкъ полонизмами, и не успѣвая въ этомъ, съ ожесточеніемъ кидался на все замѣчательное въ русской литературѣ, — и въ одной газетѣ, которая, выхваляя различныя кондитерскія и другія заведенія, ратоборствуетъ между прочимъ за чистоту русскаго языка и главное... за чистоту нравственности, понимаемой ею особеннымъ образомъ.

Какъ въ Гоголѣ самомъ видѣли и видимъ мы двѣ стороны, такъ въ нападеніяхъ на него также двѣ стороны. Какъ та, такъ и другая сторона нападеній имѣютъ свои основанія, свои причины — которыя разъ на всегда мы и рѣшаемся *разъяснить* до той очевидности, послѣ которой говорить будетъ не объ чемъ. Эти-то причины и составляли для насъ предметъ тяжелыхъ и печальныхъ размышленій.

Раздѣлимъ же наши замѣчанія на двѣ половины.

- 1.) О причинахъ нападеній на положительный идеализмъ Гоголя — автора «Рима» и «Портрета».
- 2.) О причинахъ нападеній на отрицательный идеализмъ Гоголя — автора «Шинели» и «Ревизора».

Увѣрены напередъ — не по ложному самолюбію, а по важности предмета, что первая половина будетъ весьма поучительна, вторая — весьма обличительна, а объ вмѣств весьма печальны.

- 1.) О причинахъ нападеній на положительный идеализмъ Гоголя — автора «Рима», «Портрета» и проч.

Поищемъ въ самомъ Гоголѣ этихъ причинъ — и возьмемъ для сей цѣли его «Римъ», не вращаясь въ особенности той сторонѣ, для которой положительный идеализмъ Гоголя былъ оскорбителенъ. Главная идея Рима — сопоставленіе мишурной, хотя блестящей и матушейся цивилизаціи, лицомъ къ лицу съ спокойнымъ, величавымъ міромъ искусства, воспоминаній, простыхъ, но полныхъ красоты

формъ жизни, сопоставленіе, при которомъ преимущество выходитъ явно и правильно на сторону послѣдняго — торжество искусства надъ всеми чудесами промышленности, простоты надъ блескомъ, спокойной тишины надъ вѣчнымъ шумомъ, чистой красоты надъ искусственностью.

Съ такимъ содержаніемъ явился «Римъ» въ ту эпоху литературы, когда проповѣдывалось, что «своякъ выкованный человѣческими руками — лучше и дороже самаго роскошнаго цвѣтка въ природѣ», что «лучше, еслибы въ Русской литературѣ было поменьше художественныхъ произведеній, а побольше беллетристики», и другія недѣлности, все выходящія изъ одного взгляда, или лучше сказать, нанесенныя однимъ повѣтріемъ.

Римъ былъ кромѣ того первымъ *неожиданнымъ* шагомъ Гогаля. До Рима — многимъ поклонникамъ его генія казалось, что онъ казнить невѣжество и другіе грубые пороки передъ идеаломъ современно-образованнаго человѣка, идеаломъ, который всемъ образованнымъ людямъ доступенъ и многимъ можетъ быть по плечу. Не хотѣли видѣть, что уже въ «Невскомъ Проспектѣ» проглядываетъ желчное негодованіе на мишуру и фальшь поверхностной образованности — не хотѣли видѣть, что Хлестаковъ есть одинъ изъ ея представителей, а Городничиха, мечтающая объ *амбре* — одна изъ ревностныхъ адептокъ прогресса, со стороны его комфорта и внѣшняго блеска, — не хотѣли ничего этого видѣть, — писали тысячи повѣстей на тему борьбы развитыхъ и тонкихъ натуръ съ грубостью и невѣжествомъ окружающаго ихъ быта — и потому весьма непріятно были удивлены, 1) тѣмъ, что Римъ, т.-е. величавое искусство, простота, воспоминанія — поставленъ поэтомъ неизмѣримо выше Парижа, т.-е. настоящаго, кипящаго тревожною жизнію цивилизаціи, 2) тѣмъ, что душа героя «Рима» не удовлетворилась жизнью, кипящей тревогой, газетными толками, роскошью комфорта и т. д. — а ожила напротивъ, только что вдохнула въ себя воздухъ родныхъ воспоминаній, простаго безыскусственнаго быта и т. д.

«Римъ» наконецъ такъ явно высказывалъ точку зрѣнія великаго комика на родной нашъ русскій бытъ, такъ оправдывалъ его во всѣхъ взводимыхъ на него клеветкахъ въ томъ, что будто бы онъ чернить Россію. Многихъ поразило тогда приложеніе Рима къ Москвѣ, къ Руси вообще, полной воспоминаній прошедшаго, чистыхъ стремленій, невозмутимой семейной тишины... Римъ однимъ словомъ служилъ прологомъ къ «Мертвымъ Душамъ» въ ихъ настоящемъ, русскомъ значеніи. а не въ томъ, которое хотѣли и хотѣть

★

еще досель придать имъ — забывая, одни по злобѣ, а другіе по тупоумію, — что герой ихъ Чичиковъ — трагическая жертва стремленій къ комфорту, вѣшнему блеску, вообще къ тому, что на европейскомъ языкѣ зовется прогрессомъ; не обращая вниманія на могучую поэзію картинъ кореннаго быта, разбросанныхъ по всей поэмѣ, на духъ цѣлаго.

Sarienti sat — и мы полагаемъ, что слишкомъ очевидны причины вражды не только къ тому, что Гоголь высказывалъ въ Римѣ, въ Мертвыхъ Душахъ, въ видѣ предчувствій, какъ лирикъ — но и къ тому даже, что Островскій полагаетъ теперь уже съ полнымъ спокойствіемъ какъ драматургъ — ибо онъ продолжаетъ самостоятельно то, на чемъ остановился и по натурѣ своей долженъ былъ остановиться Гоголь.

2.) О причинахъ нападеній на отрицательный идеализмъ Гоголя — автора «Шинели» и «Ревизора».

Въ этомъ случаѣ причины гораздо многосложнѣе и запутаннѣе, потому что онъ — мельче.

Первая причина заключается вообще въ ненависти къ правдѣ и къ обличенію — свойственной всякой неправдѣ, самолюбивой посредственности, грубымъ порокамъ и тонкимъ порокамъ, продажности, хвастливости, тупоумію — причина общая, психологическая.

Вторая причина — историческая. Есть національность, которая намъ — родная, хотя и много отличается отъ нашей своими чистожюными свойствами, родная по вѣрѣ и общей святинѣ, по исторической борьбѣ, по языку, по пѣснямъ, даже по безжалостной насмѣшливости — національность даровитаго славянскаго племени, изъ котораго происходилъ нашъ общій Гоголь, родной намъ великорусамъ столько же, сколько и малороссіянамъ. Но кромѣ этихъ двухъ родныхъ національностей есть еще другія, — такъ какъ, по мнѣнію Ивана Антоновича кувшиннаго рыла — не одинъ Иванъ Григорьевичъ, а есть еще и другіе...

За сими начинаются уже мелкія причины:

1.) До Гоголя можно было писать разные нравоописательные рассказы.

2.) До Гоголя былъ въ ходу нелѣпый романтизмъ и писались различныя «Аббадоны», «Блаженства безумія» и проч.

3.) До Гоголя не знали, что такое юморъ, и считали просто душно за юморъ непристойное паясничанье разныхъ фантастическихъ путешествій.

4.) До Гоголя можно было безнаказанно и весьма удобно писать историческіе романы, снимая изображенія знаменитыхъ предковъ прямо съ кучеровъ ихъ потомковъ.

5.) До Гоголя ловчѣе было иному господину, прикрывая себя маской блюстителя благочинія нравственности въ литературѣ, въ мутной водѣ рыбу ловить.

6.) До Гоголя не выведены были на свѣжую воду различные невинные манѣвры господъ кричащихъ о нравственности и обижающихся всякимъ прямымъ обличеніемъ гадости и неправды — въ особенности, манѣвръ, при всякомъ подобномъ случаѣ, обвинять обличителя въ оскорбленіи отечества. Гоголевскій «Разъездъ» былъ поэтому—горемъ *непереноснымъ* для любителей такихъ манѣвровъ.

7.) До Гоголя—можно было безнаказанно и даже съ некотораго рода милымъ остроуміемъ объявлять во всеуслышаніе, печатно, теорію «битья по карманамъ» въ литературѣ. Слова, что «съ словомъ надобно обращаться честно»—были тоже непереносны для такихъ остроумныхъ людей.

8.) Гоголь, будучи другомъ Пушкина, Жуковского и другихъ литераторовъ, говоря имъ словесно и печатно: ты,—не былъ въ сношеніяхъ со многими другими, съ тѣми другими, которыхъ разуметь Иванъ Антоновичъ кувшинное рыло, и притомъ до такой степени, что даже и по смерти они не могли выискать повода навязаться въ друзья къ нему, какъ навязывались они—и притомъ довольно успѣшно, въ друзья къ другимъ покойникамъ, подобно неотвязнымъ червямъ.

9.)... Но не довольно ли исчислять причины?.. Дѣло въ томъ, что Гоголь былъ поэтъ оскорбительный съ двухъ сторонъ: такъ ужъ Богъ его создалъ!—и могъ бы сказать о себѣ:

Въ меня всѣ ближніе мои
Кидали бышено камень!

Ясно, что изъ такихъ отношеній критики къ Гоголю, не можетъ въ настоящую минуту произойти правильная оцѣнка произведеній одного изъ первостепенныхъ представителей русской мысли и русскаго слова. Ясно, что при такихъ отношеніяхъ, жаркіе поклонники невольно увлекутся весьма понятнымъ пристрастіемъ, которое безъ сомнѣнія выше обозначенныхъ нами отношеній, но все-таки отводить отъ рѣшенія вопроса о значеніи Гоголя, о причинахъ болезненнаго нравственнаго процесса, въ немъ совершавшагося, о причинахъ недовольства художника самимъ собою и своими трудами: ибо

если подь причины душевнаго переворота стануть подьискиваться такимъ непохвальнымъ образомъ и съ такою неприязненностью, какія видны въ статьѣ Отеч. Записокъ по поводу «Опыта Біографіи»—или, если будутъ продолжать пѣть ту старую пѣсню о «Перепискѣ», которую поеть г. Новый Поэтъ,—или, если будутъ различать Гоголя, автора «Рима» отъ автора «Шинели» и «Ревизора», не видя внутренней связи между этими произведеніями,—естественно, что всякое добросовѣстное желаніе объяснить значеніе Гоголя замолкнетъ, ибо всякое объясненіе будетъ истолковано враждебно, судя по фактамъ. Въ критикѣ таится еще что-то противъ Гоголя, что-то, иными смутно, иными ясно сознаваемое, но во всякомъ случаѣ препятствующее правдивой оцѣнкѣ его дѣятельности.

Ничего такого нѣтъ, да и не можетъ быть въ отношеніяхъ критики къ Пушкину, для котораго наступаетъ уже потомство—и между тѣмъ, всѣ статьи, появившіяся по поводу превосходнаго изданія его сочиненій, за исключеніемъ отличной статьи даровитаго г. Дружинина, напечатанной въ «Библіотекѣ для чтенія», свидѣлствуютъ о крайнемъ безсиліи и истощеніи критики. Кажется, современная критика увѣрена, что не только о Пушкинѣ, но и обо всѣхъ писателяхъ его періода, все уже сказано и нечего больше говорить. Вотъ какъ выражается напримѣръ этотъ взглядъ, по поводу новаго изданія сочиненій Козлова: (Соврем. Июль, Библиографія, стр. 7.)

«Это изданіе перепечатка прежняго, вышедшаго лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Прежнее изданіе, какъ было уже доказано въ свое время, не отличалось совершенною полнотою, и между прочимъ пропустило одно изъ довольно значительныхъ произведеній, въ которомъ поэтически рассказывается жизнь Байрона. Такимъ образомъ, для желающаго *открывается полная возможность поуститься въ мелочные розыски о пропущенныхъ и старымъ и новымъ изданіями стихотвореніяхъ автора «Чернеца».* Открывается и другое поле для новыхъ разысканій по случаю новаго изданія сочиненій Козлова—подробной біографіи его не существуетъ; всѣмъ извѣстно только, что онъ сдѣлался поэтомъ, когда «ямьль несчастіе ослѣпнуть».

И показавши достаточно собирателей мелкихъ библиографическихъ извѣстій, статья говорить: (стр. 9.)

«Прежній библиографическій жаръ уже значительно остылъ, но «возбужденные имъ голословные толки о необходимости подвергнуть нашу литературу новой оцѣнкѣ, о неосновательности прежнихъ сужденій и т. д., все еще продолжаютъ—потому неизлишне

«возразить на них фактами. Русским писателям остается еще так много сдѣлать для удовлетворенія нуждамъ настоящаго, что всякая трата времени и мыслей на передѣлку того, что уже прекрасно сдѣлано ихъ предшественниками, приноситъ положительный ущербъ литературѣ. Нива настоящаго—выражался «фигуральнымъ языкомъ—нуждается въ двятеляхъ, а не безплодные «пустыри прошедшаго, поле котораго (мы говоримъ объ исторіи «русской литературы) давно изслѣдовано на сколько требовалось «и допускалось имъ изслѣдованіе.»

И въ доказательство, что все въ прошедшемъ уже изслѣдовано давно, приводится статейка о Козловѣ изъ старыхъ Отеч. Записокъ, какъ диво нѣкое, сужденіе о сочиненіяхъ Козлова, которое,—по словамъ библіографа Современника—«дѣлаетъ совершенно бесполезными «всякія дальнѣйшія изслѣдованія и переизслѣдованія о ихъ достоинствахъ и значеніи для русской литературы» Полно такъ ли? Статьейка дѣйствительно писана однимъ изъ даровитѣйшихъ людей, но какъ все, что писалъ этотъ даровитый, но мало грамотный человекъ, представляетъ какой-то хаосъ съ яркими проблесками свѣта; двѣ три удивительно вѣрныхъ мысли, два-три тонкихъ замѣчанія въ хламъ парадоксовъ, горячихъ обмолвокъ, пристрастныхъ крайностей; такія статьи должны быть сами подвергнуты оцѣнкѣ—и необходимость подвергать ихъ таковой оцѣнкѣ, подтверждаетъ какъ нельзя болѣе выше высказанную нами мысль, что въ настоящей критикѣ полемика можетъ бороться только съ слѣдами критики прежней: настоящая истощенная, одряхлѣвшая критика ссылается только на прежнюю,—убѣждена, что прежняя критика все уже сдѣлала, что больше и дѣлать нечего. И она права въ отношеніи къ себѣ: ей точно нечего дѣлать.

Разсмотримъ же для примѣра приводимую Современникомъ статью. Это не будетъ уклоненіе, ибо наглядное объясненіе причинъ, почему современная критика не видитъ для себя дѣла въ сочиненіяхъ второстепенныхъ писателей какъ Козловъ, подведетъ насъ къ причинамъ, объясняющимъ безцвѣтность критической дѣятельности въ отношеніи къ Пушкину.

«Слава Козлова» — такъ начинается приводимая библіографомъ Современника статья—«была создана его «Чернецомъ». Нѣсколько лѣтъ «эта поэма ходила въ рукописи по всей Россіи прежде чѣмъ была «напечатана. Она взяла обильную и полную дань слезъ съ прекрасныхъ глазъ; ее знали наизусть и мужчины. «Чернецъ» возбуждалъ «въ публикѣ не меньшій интересъ, какъ и первыя поэмы Пушкина,

«съ тою только разницею, что его совершенно понимали: онъ былъ «въ уровень со всеми натурами, со всеми чувствами и понятіями, «былъ по плечу всякому образованію. Это второй примѣръ въ нашей литературѣ послѣ «Бѣдной Лизы» Карамзина. Каждое изъ этихъ «произведеній прибавило много единицъ къ суммѣ читающей публики и пробудило не одну душу, дремавшую въ прозѣ положительной жизни. Блестящій успѣхъ при самомъ ихъ появленіи и скорый «конецъ—совершенно одинаковы: ибо повторяемъ, оба эти произведенія совершенно одного рода и одинаковаго достоинства: *если разница во времени ихъ явленія и, въ этомъ отношеніи, «Чернецъ» разумѣется, несравненно выше.»*

Мысль сближенія «Чернеца» съ «Бѣдой Лизою» удивительно вѣрна съ точки зрѣнія исторической критики, — но неизмѣримая высота «Чернеца» передъ Лизою, основанная на одномъ только времени ихъ изданія, вышла изъ мысли дикой вообще, а къ искусству и вовсе неприложимой. Вѣдь если мѣрять достоинство произведеній по времени ихъ выхода, такъ современная французская комедія будетъ выше Мольеровской и т. д. Мало ли вообще до какихъ нелѣпостей можно довать на конькѣ времени! За симъ критикъ свдѣляетъ павоса и продолжаетъ:

«Содержаніе «Чернеца» напоминаетъ собою содержаніе Байронова «Джаура» — есть общее между ними и въ изложеніи. Но это «сходство чисто вышнее: «Джауръ» не отражается въ «Чернецѣ» «даже и «какъ солнце въ малой каплѣ воды», хотя «Чернецъ» и есть «явное подражаніе «Джауру». Причина этого заключается сколько «въ степени талантовъ обихъ пѣвцовъ, столько и въ разности ихъ «духовныхъ натуръ. «Чернецъ» полонъ чувства, насквозь проникнутъ чувствомъ—и вотъ причина его огромнаго, хотя и мгновеннаго успѣха. Но это чувство только тепло; не глубоко, не сильно, «не всеобъемлюще. Страданія «Чернеца» возбуждаютъ въ насъ со- «страданіе къ нему, а его терпѣніе привлекаетъ къ нему наше рас- «положеніе, но не больше. Покорность воли Провидѣнія (Resignation) «великое явленіе въ сферѣ духа; но есть безконечная разница между «самоотреченіемъ голубя, по натурѣ своей неспособнаго къ отчая- «нію, и между самоотреченіемъ льва, по натурѣ своей способнаго «пасть жертвою собственныхъ силъ: самоотверженіе перваго только «неизбѣжное слѣдствіе несчастія, но самоотреченіе втораго — вели- «кая победа, свѣтлое торжество духа надъ страстями, разумности «надъ чувственностью. *Вотъ почему даже лютое отчаяніе, если «оно являетя въ формѣ несокрушимой силы духа, горделиво и*

«презительно несущей свое несчастье,—въ тыслу разъ сильнѣе
и обаятельнѣе дѣйствуетъ на нашу душу, чѣмъ безсильное
«смиреніе, тихо льющее сладкія слезы примиренія. Примиреніе—
«самый торжественный актъ духа, но только тогда, когда онъ
«совершается собственною силою челоуька. Глубокъ и великъ
«тотъ, въ комъ лежитъ возможность не одного примиренія, но
«и вѣчнаго разрыва.»

Въ этой тирадѣ, кромѣ указанія на заимствованное изъ Гяура
содержаніе Чернеца, все остальное есть паеосъ. Паеосъ этотъ во-
первыхъ къ дѣлу не идетъ, ибо Козлова надобно было и мѣрить
условіями натуръ ему родственныхъ, а не условіями натуры Бай-
рона, ему чуждой—и вѣсто опредѣленія натуръ, подобныхъ Бай-
рону, слѣдовало бы въ самыхъ стихотвореніяхъ Козлова уловить его
собственный нравственный образъ, показать, во что именно, въ нату-
рахъ нежныхъ и кроткихъ, претворяется Байроновское разочарова-
ніе и т. д. Во-вторыхъ, паеосъ этотъ, хотя и паеосъ истинный,
но односторонній. Чѣмъ же голуби виноваты, что они не львы?
Въ-третьихъ, самая сила этого паеоса была вредна тѣмъ, что заста-
вила можетъ быть не одного литературнаго и нравственнаго голубя
раздуться всѣми мѣрами во льва. Рецензентъ такъ краснорѣчиво
разсказываетъ о волканическихъ натурахъ, что невольно дразнить
ими и дразнить неумѣстно: то, что было бы хорошо въ статьѣ о
Байронѣ,—дѣйствовало весьма вредно, когда появлялось безпрестанно
во всѣхъ статьяхъ, какъ въ этой статьѣ о Козловѣ,—а между тѣмъ
родъ дѣятельности Козлова и нравственно-поэтической образъ его
нисколько не опредѣляло.

«Тѣмъ не менѣе, страданія Чернеца, высказанныя прекрасными
«стихами, дышущими теплотою чувства, плѣнили публику и воздо-
«жили миртовый вѣнокъ на голову слѣпца-поэта. Собственное поло-
«женіе автора еще болѣе возвысило цѣну этого произведенія. Онъ
«самъ особенно любилъ его передъ всѣми своими созданіями.

«И въ самомъ дѣлѣ, двѣ другія поэмы Козлова, «Княгиня На-
«талья Борисовна Долгорукая» и «Безумная», уже далеко не то, что
«Чернецъ: въ нихъ, особенно въ первой, есть прекрасныя поэти-
«ческія мѣста, но въ нихъ нѣтъ никакого содержанія, почему онѣ
«растянуты и скучны въ цѣломъ. Въ «Безумной» даже нѣтъ ника-
«кой истины: героиня—Нѣмка въ овчиномъ тулупѣ, а не русская
«деревенская дѣвка.»

Это уже оцѣнки голословныя. Поэмѣ «Наталья Борисовна Дол-
горукая»—страждетъ не недостаткомъ содержанія, прекраснаго и поэ-

тическаго, а ходульностью приемовъ въ изображеніи предметовъ, ходульностью, не выкупаемою даже прекрасными поэтическими мѣстами. Въ Безумной же точно нѣтъ никакой истины, но опять не потому, почему думаетъ рецензентъ, допускающій только въ Нѣмкахъ ту возвышенность чувства и ту степень страстности, въ которой онъ отказываетъ *русской деревенской дѣвкѣ*, а отъ неумѣнья Козлова взяться за дѣло проще.

Далѣе рецензентъ весьма справедливо замѣчаетъ о балладѣ «Венгерскій лѣсъ» что кромѣ хорошихъ стиховъ, она не имѣетъ никакого значенія, но несправедливо упрекаетъ Козлова въ недостатокъ сжатости перевода Крымскихъ сонетовъ. Кто знакомъ съ подлинникомъ, тотъ пойметъ, что лучше Козлова передать ихъ по-русски почти нельзя. Справедливо замѣчаніе о недостаткѣ энергіи въ переводѣ Абидосской Невѣсты, но надобно было упомянуть, что это замѣчаніе не относится ко многимъ другимъ переводамъ изъ Байрона: нельзя было не остановиться на такихъ удивительныхъ воспроизведеніяхъ, какъ «Ночь въ замкѣ Лары», «Явленіе Франческа», сцена изъ Манфреда; нельзя было пройти молчаніемъ задушевность, мелодичность, благоуханіе многихъ другихъ произведеній слѣпаго пѣвца, каково извѣстное мѣсто Дантова Ада: «Франческа», переданное во «Снѣ» съ удивительною грустью и мелодичностью, переданное такъ потому, что оно было почувствовано глубоко даровитымъ поэтомъ.

Франческа! Я грустилъ твоей тоскою

говорить онъ, и воспроизводить въ чудныхъ, задушевныхъ стихахъ ея исповѣдь. Нельзя было опустить изъ виду того пламеннаго русскаго чувства, которымъ проникнуты обращенія Козлова къ Москвѣ, къ родинѣ—прекрасныя лирическія мѣста его поэмъ и посланій. Вообще то, что Козловъ русскій поэтъ, и въ какой степени онъ русскій поэтъ, и что именно въ его чувствахъ—русскаго, все это не входило въ разсмотрѣніе, равно какъ не опредѣлена степень его самобытности, его особенности,—а статья Современника, выписывая эту статью, увѣряетъ, что послѣ нея говорить больше нечего. Бѣдный Козловъ почему-то не отнесенъ даже къ числу художниковъ, — за нимъ не утверждена даже его оригинальность, очевидная для его читателей, несмотря на то, что большая часть его произведеній—переводы,—а между тѣмъ Современникъ думаетъ, что о немъ нечего говорить—и вотъ какъ кончаетъ свою статью:

«Кто читалъ сочиненія Козлова, тотъ согласится въ вѣрности «и полнотѣ сужденія, приведеннаго нами. Что же можно прибавить

«къ этимъ словамъ, сказаннымъ уже давно? Развѣ новыя изслѣдованія «о различныхъ редакціяхъ «Чернеца» (отъ чего же нѣтъ? и это не бесполезно, только не въ статьѣ конечно, а въ новомъ, хорошемъ изданіи Козлова), «или новыя подробнѣйшія сличенія «Безумной» съ «Чернецемъ» (Да — если такія сближенія и сличенія наведутъ на указаніе настоящихъ, а не воображаемыхъ недостатковъ Козлова) и перевода Абидосской Невѣсты съ оригиналомъ? (не мѣшаетъ). Или «разысканія о томъ, въ какомъ журналѣ «въ первый разъ напечатано то «или другое стихотвореніе.» (Въ хорошемъ, добросовѣстномъ изданіи, опять таки и это не мѣшаетъ—и смѣшнаго тутъ ровно нѣтъ ничего. Козловъ стѣдитъ хорошаго изданія.) «Или разсужденія съ цѣлію доказать, «что Венгерскій лѣвъ не есть подражаніе, а твореніе самостоятельное, «высокое, значеніе котораго доселѣ необъяснено? Можно, если угодно, «дѣлать и это; но прежде должно подумать о томъ, не лучше ли «употребить время и трудъ на что-нибудь болѣе важное.»

Мы отъ души желаемъ, чтобы критика наша употребляла время и трудъ на что-нибудь вообще важное, но къ сожалѣнію этого не видимъ. Въ важныхъ случаяхъ видимъ только ссылки на прежнее—тамъ, дескать, все уже рѣшили.

Перейдемъ же теперь къ критическимъ статьямъ, явившимся по поводу новаго изданія сочиненій Пушкина. Повторимъ опять, что всѣ онѣ, за исключеніемъ статьи г. Дружинина, о которой мы скажемъ нѣсколько словъ подъ конецъ нашего разсужденія, обличили крайнее безсиліе критики. Критикъ «Современника» былъ всѣхъ откровеннѣе; онъ рѣшительно сказалъ, что: «давно уже произведенія «Пушкина превосходно оцѣнены, и, на сколько то возможно было, «объяснены эстетическою критикою». Другіе только перефразировали «Матеріалы для Біографіи Пушкина» г. Анненкова и излагали ихъ содержаніе. Неужели въ самомъ дѣлѣ только и можетъ дѣлать въ наше время критика въ отношеніи къ Пушкину, что ссылаться на старую критику, да перепечатывать трудъ г. Анненкова? Что же такого фундаментальнаго сдѣлала старая критика? Да ежели бы даже и сдѣлала она что-либо, то неужели трудами ея и исчерпывается вся возможная дѣятельность эстетическая въ отношеніи къ такому писателю, каковъ Пушкинъ? Ежегодно въ Германіи и не рѣдко въ самой Англіи являются новыя сочиненія о Шекспирѣ, и никому въ голову не приходитъ, чтобы труды Колериджей, Дрековъ, Ульрици, Гервинусовъ, даже Зиферсовъ были бесплодны. Во Франціи—до сихъ поръ занимаютъ историческою и эстетическою оцѣнкою

писателей XVII вѣка — а тутъ объявляютъ, что нечего больше и говорить послѣ старой критики о такомъ великомъ поэтѣ Россіи, каковъ былъ Пушкинъ. Согласитесь, что подобной мысли никогда и нигдѣ еще не провозглашалось печатно, кромѣ несчастной русской литературы, страдающей постояннымъ недугомъ безнарядицы!

Но однакожь, что сдѣлано критикою въ отношеніи къ Пушкину такого, что исключало бы возможность всякой дѣятельности или по крайней мѣрѣ настоятельную потребность ея? Критическія статьи о Пушкинѣ намъ довольно хорошо извѣстны. Мы знаемъ, что много хорошихъ частныхъ найдется въ статьяхъ современныхъ появленію его произведеній, знаемъ, что много прекрасныхъ эстетическихъ замчаній наговорено въ статьяхъ о Пушкинѣ, являвшихся въ прежнихъ Отечественныхъ Запискахъ, изъ которыхъ четыре первыхъ, самыя громадныя, къ Пушкину не относятся, а толкуютъ, какъ «ничто», написанное Воркуловымъ Евдокимомъ—«обо всемъ!» что прекрасныя эстетическія замчанія надобно часто искать въ этихъ статьяхъ въ хаосѣ необузданнаго паэоса, безконечныхъ отступленій, дикихъ нравственныхъ положеній и т. д., — что надъ этими статьями, однимъ словомъ, нужно тоже совершить работу и извлечь изъ нихъ существенное и нужное. Мы знаемъ кромѣ того статьи г. Мартынова въ Малкѣ, обвинявшія героевъ Пушкина въ уголовныхъ преступленіяхъ, самаго же поэта въ безбожін и безнравственности, мы знаемъ статьи Полеваго, статьи г. Недоумки,—мыслителя безъ сомнѣнія честнаго, но человека безъ эстетическаго вкуса, какъ доказываютъ всѣ статьи его, преимущественно же «Разговоръ о Борисѣ Годуновѣ»—гдѣ онъ бросаетъ перчатку за Пушкина, а самъ не понимаетъ въ «Борисѣ» рѣшительно ничего,—и знаемъ, что ничѣмъ нами исчисленнымъ, не только не исчерпана эстетическая критика въ отношеніи къ Пушкину, но едвали и начата порядкомъ. Совершенъ ли трудъ надъ Пушкинымъ, какъ надъ поэтомъ обще-европейскимъ, т.-е. опредѣлены ли особенность его взгляда на жизнь, художественной манеры и проч. сравнительно съ другими великими его собратіями—съ Шекспиромъ, Гёте, Шиллеромъ, Байрономъ, Мицкевичемъ и иными? Показано ли значеніе его какъ поэта народнаго, опредѣлены ли элементы, изъ которыхъ истекла его творческая дѣятельность, вліянія, которымъ онъ подвергался, и вліянія имъ произведенныя? Исследованы ли плоды его дѣятельности—изъясненъ ли изъ собственныхъ его произведеній — его поэтическо-нравственный образъ? Возьмите, напримѣръ, одно чувство любви, отношенія къ женщинамъ, и прослѣдите его у Пушкина, сравнительно съ другими его собратіями:

если найдете рвкїя особенности — объясните их народностью поэта или свойствами его натуры и т. д. Надъ Пушкинымъ надобно работать, надобно *начать* на немъ перевоспитываться морально и эстетически, если воспитывались не на немъ, а на г. Некрасовъ, Щербинъ и иныхъ. О языкъ Пушкинскомъ, о стихъ его сказано ли что-нибудь дѣльное и основательное.... *Дѣло* въ отношеніи къ Пушкину сдѣлано только г. Анненковымъ, сдѣлано честно, умно, талантливо, за что ему и поклонъ отъ лица всей Россіи, — но нельзя же только обирать трудъ г. Анненкова, а надобно дѣлать что-либо и самимъ. Чтѣ же сдѣлано при появленіи изданія критикою? Критика Отеч. Записокъ избрала себѣ цѣль довольно скромную, указать на достоинства и недостатки изданія. Критикъ Современника въ двухъ статьяхъ перефразируетъ трудъ г. Анненкова, въ третьей приступаетъ къ труду самостоятельному. Какую же самостоятельную задачу избралъ себѣ критикъ Современника?... Странно и вымолвить, въ чемъ заключается эта самостоятельная задача. Непонятно даже, какъ такая задача можетъ придти первая въ голову критика, принимающагося за Пушкина. Эта задача — не болѣе не менѣе какъ — оправданіе отношеній критики къ дѣятельности Пушкина, доказательство несправедливости горькихъ жалобъ или горькаго равнодушія поэта къ его цѣнителямъ!! Читатели можетъ быть не ввяръ?

«Обыкновенно говорятъ, будто бы съ самаго появленія Руслана «и Людмилы, началось шумное и чрезвычайно сильное критическое движеніе въ тогдашнихъ журналахъ: многіе даже воображаютъ, будто борьба противъ и за Пушкина въ теченіе двѣхъ «шестнадцати лѣтъ (1820—1836) такъ же занимала перья журналистовъ, какъ, напримѣръ, въ послѣдующее время пренія противъ и въ «защиту натуральной школы, два или три года постоянно одушевлявшія русскую журналистику. Такое понятіе не совсѣмъ точно. «Если собрать все, чтѣ было написано въ журналахъ двадцатыхъ «годовъ, о всѣхъ произведеніяхъ Пушкина до «Полтавы», то масса «будетъ менѣе, нежели то, что было въ наше время написано, на- «примѣръ, по случаю появленія комедіи г. Островскаго: «Бѣдность «не порокъ». Въ тощихъ книжкахъ тогдашнихъ журналовъ, стра- «ницы наполнялись переводами, безчисленными стихотвореніями и «вялыми статейками о неимѣрно сухихъ предметахъ. Отзывы о «явленіяхъ литературы ограничивались обыкновенно очень немно- «гими страничками, если не строками. Только въ послѣднее время дѣя- «тельности Пушкина критика получила болѣе развитія.»(НВ. Положимъ,

что все это и правда, но что же это доказывает? Не отсутствие движения, а отсутствие толщины в журналах и пухлости в статьях. Движение было—постоянное, сильное, хотя и не выражалось огромными статьями. Мы вот теперь пишем большую статью в доказательство отсутствия движения в нашей критике!) *«Другая ошибка, еще важнѣйшая, состоитъ въ томъ, что думаютъ, будто критика, современная Пушкину, не умѣла цѣнить его. Мы все не имѣемъ желанія превозносить прошедшее: готовы сказать о немъ вообще, что его значеніе преувеличивается даже тѣми людьми, которые наиболее строго судятъ о немъ. Но тѣмъ не менее должны мы сказать, что люди умные и, по своему времени, очень провицательные существовали всегда; что каковы бывають писатели, точно таковы же бывають критики — тѣ и другіе рождаются однимъ и тѣмъ же обществомъ».*

Стало быть по Сенькѣ шапка, по Пушкину Полевой! прекрасное заключеніе — и на основаніи его-то построилъ свою статью безымянный критикъ. Вся цѣль его статьи доказать, что критика Телеграфа и другихъ журналовъ въ отношеніи къ Пушкину была не такъ придирчива и пуста, какъ обыкновенно думаютъ. — И чѣмъ же доказываетъ онъ свое положеніе? 1) На стран. 6 своей статьи, пародіей на стихотвореніе Пушкина: Поэтъ и чернь, помѣщенной въ Телеграфъ, пародіей, которую, какъ безчестящую ея, можетъ быть, одумавшагося сочинителя, не следовало перепечатывать, пародіей, ругающей надъ великимъ поэтомъ, имѣвшимъ право сказать о себѣ:

«Что чувства добрыя я лирой возбуждалъ,
 Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ.
 И милость къ падшимъ призывалъ—

пародіей, не только не возбуждающей негодованія критика, но даже снабженной толкованіемъ, въ которомъ почтенный и даровитый Дельвигъ названъ литературнымъ кліентомъ Пушкина!... Спрашиваемъ г. критика, думалъ ли онъ о Пушкинѣ или вообще о чѣмъ-нибудь, переписывая такіе стихи пародіи, обращенные къ поэту:

«Джн, лести, низости уроки
 Ты проповѣдуешь шути.
 Съ твоимъ божественнымъ искусствомъ,
 Зачѣмъ презривной славы льстецъ,
 Зачѣмъ предательскимъ ты чувствомъ
 Врачишь лавровый свой вѣнецъ?

Критикъ замѣчаетъ еще снисходительно, что форма пародіи очень жестка, но что самъ Пушкинъ выражался жестко въ статьяхъ Теофилакта Косичкина! Читалъ ли г. критикъ правдивыя, благородныя статьи Теофилакта Косичкина? Статьи Косичкина устремлены не на лицо, а на темныя стороны жизни и литературы, которыхъ лицо является случайнымъ представителемъ, а пародія обращена на Пушкина, на человѣка, которому мы всѣ, если не безыменныи критикъ, обязаны лучшею частию самихъ себя! 2) Далѣе, безпристрастіе и правдивость журналовъ критикъ доказываетъ насмѣшками надъ Евгеніемъ Онегинымъ и требованіями какой-то *степенности* отъ поэта — и только. Изъ двухъ-трехъ статей такого же рода, г. критикъ выводитъ слѣдующее заключеніе:

«Кажется трудно не согласиться, что и при жизни Пушкина, его произведенія были оцѣниваемы не голословно, не пошло, не мелочно».

Нѣтъ, г. критикъ! Вы видно не взглянули на исторію критики какъ настоящій историкъ! Вы, — извините насъ, — не прослѣдили даже хорошо критическихъ статей того времени. Даже о статьяхъ г. Недоумки, котораго эстетическій вкусъ вы защищаете, — вы знаете кажется только по наслышкѣ! Если бы исторія критики знакома была вамъ точно по источникамъ, вы бы не то увидѣли! Вы увидали бы не тѣ явленія, которыя приводите: — васъ поразило бы странностью непониманіе Пушкина даже и такую критикою, которая умѣла горячо, пламенно ему сочувствовать, васъ поразило бы по преимуществу, что критика *дорастаетъ* постепенно до Пушкина. Каковъ, на примѣръ, покажется вамъ, вотъ этотъ отрывокъ изъ «Литературныхъ мечтаній» человѣка, пламенно сочувствовавшаго Пушкину, писанный, какъ вамъ, вѣроятно, не безызвѣстно, въ 1834 году, отрывокъ, въ которомъ поклоненіе Пушкину, не смотря на громкія слова, такъ еще робко, гдѣ еще разсказывается, что Пушкинъ творилъ шала и играя (а мы знаемъ теперь, благодаря г. Анненкову, какъ дорого доставались *баловню природы* эти шалости и игры), гдѣ еще не узнаютъ Пушкина въ его сказкахъ и въ его Анджело. А статья писана пламеннымъ поклонникомъ поэта, который послѣ, повзросши, понималъ серьезность Пушкинскихъ шалостей и игръ, восторгался суровою жесткостью манеры, въ которой написанъ Анджело, и простотою сказокъ, хотя не понималъ послѣднихъ, по малой грамотности.

«Пушкинъ былъ совершеннымъ выраженіемъ своего времени. «Одаренный высокимъ поэтическимъ чувствомъ и удивительною способностью принимать и отражать всѣ возможныя ощущенія.

« онъ перепробовалъ всѣ тоны, всѣ лады, всѣ аккорды своего въка;
 « онъ заплатилъ дань всѣмъ великимъ современнымъ событіямъ, яв-
 « лениямъ и мыслямъ, всему, что только могла чувствовать тогда
 « Россія, *переставшая въпритѣ въ несомнѣнность въковыхъ правилъ,*
 « *самою мудростью извлеченныхъ изъ писаній великихъ гениевъ,*
 « и съ удивленіемъ узнавая о другихъ нравахъ, о другихъ мірахъ
 « мыслей и понятій, и новыхъ неизвѣстныхъ ей дотошъ взглядахъ
 « на давно извѣстныя ей дѣла и событія. Несправедливо говорить,
 « будто онъ подражалъ *Шенье, Байрону* и другимъ: *Байронъ* вла-
 « дѣлъ имъ не какъ образецъ, но какъ явленіе, какъ властитель думъ
 « въка, а я сказалъ, что Пушкинъ заплатилъ свою дань каждому
 « великому явленію. Да— Пушкинъ былъ выраженіемъ современнаго
 « ему міра, представителемъ современнаго ему челоѣчества, но міра
 « Русскаго, но челоѣчества Русскаго. Что дѣлать? Мы всѣ гениі
 « самоучки, мы все знаемъ, ничему не учившись, все приобрѣли, не
 « проливши ни капли крови (??), а веселаясь и играя, (?) словомъ:

Мы всѣ учились по немногу,
 Чему-нибудь и какъ-нибудь.

« Пушкинъ отъ шумныхъ оргій разгульной юности, переходилъ къ
 « суровому труду,

Чтобъ въ просвѣщеніи стать съ въкомъ паровъ.

« отъ труда опять къ молодымъ пирамъ, сладкому бездѣлю и легко-
 « крылому похвѣваю. *Ему недоставало только нѣмецко-художест-*
 « *веннаго воспитанія* (NB и слава Богу). *Баловень природы, онъ шалл*
 « *и играя похищала у ней плѣнительные образы и формы, и, снисхо-*
 « *дѣтельная къ своему любимцу, она роскошно одѣляла его тѣми цвѣ-*
 « *тами и звуками, за которые другіе жертвуютъ ей наслажденіями*
 « *юности, которые покупаютъ у ней цвѣною отреченія отъ жизни... Какъ*
 « *чародѣй, онъ въ одно и тоже время исторгалъ у насъ смѣхъ и*
 « *слезы, игралъ по волю нашими чувствами... Онъ пѣлъ, и какъ*
 « *кизумлени была Русь звуками его голоса: и не диво, она*
 « *еще никогда не слыхала подобныхъ; какъ жадно прилушнва-*
 « *лась она къ нимъ: и не диво, въ нихъ трепетали всѣ нервы ея*
 « *жизни! Я помню это время, счастливое время, когда въ глуши*
 « *провинцій, въ глуши утѣднаго городка, въ лѣтніе дни изъ рас-*
 « *творенныхъ оконъ, носились по воздуху эти звуки, подобные*
 « *шуму волнъ или журчанію ручья...* (NB. Восхитительный поэти-
 « ческія строки! Вотъ какъ учиться писать, т.-е. чувствовать, г. кри-
 « тикъ, для того чтобы выступить съ статьею о Пушкинѣ, и тогда

вы можете разрешить вопрос—можно или нетъ еще что-либо намъ писать. Не знаемъ, цѣните ли вы такъ, какъ мы цѣнимъ и чувствовали въ свое время всю даровитость этого живо-чувствовавшего критика. Это—не Полевой и не г. Недоумко—а между тѣмъ и онъ *выросъ* съ произведеніями Пушкина, и его Пушкинъ опредѣлялъ такъ же вѣрно и мѣтко, какъ вѣрно и мѣтко опредѣлялъ онъ часто однимъ словомъ различныхъ дѣятелей!

« Не возможно обозрѣть всѣхъ его созданий и опредѣлять характеръ каждаго: это значило бы перечестъ и описать всѣ деревя и цвѣты *Армидина* сада. У Пушкина мало, очень мало мелкихъ стихотвореній; у него по большей части все поэмы: его поэтическія тризны надъ урнами великихъ, его могучая бесѣда съ моремъ, его вѣщя дума о Наполеонѣ—поэмы. Но самые драгоценныя алмазы его поэтического вкуса, безъ сомнѣнія суть Евгений Онегинъ и Борисъ Годуновъ. *Я никогда не кончилъ бы, еслибы началъ говорить о сихъ произведеніяхъ.*» (NB. А вы, г. критикъ, думаете, что все покончено, что и говорить больше не объ чемъ,—развѣ только о *справедливости* критики, современной произведеніямъ Пушкина!)

« Пушкинъ царствовалъ десять лѣтъ: Борисъ Годуновъ былъ послѣднимъ великимъ его подвигомъ; въ третьей части полного собранія его стихотвореній, замерли звуки его гармонической лиры. *Теперь мы не узнаемъ Пушкина; онъ умеръ или можетъ быть только обмеръ на время.* Можетъ быть его уже цѣтъ, а можетъ быть онъ и воскреснетъ; этотъ вопросъ, «это Гамлетовское быть или не быть, скрывается во мглѣ будущаго. *По крайней мѣрѣ, судя по его сказкамъ, по его поэмамъ Айджело и по другимъ произведеніямъ, обрѣтающимся въ Новосельѣ и Библиотекѣ для чтенія*» (NB. А въ Библиотекѣ для чтенія напечатанъ былъ «Гусарь», одно изъ художественнѣйшихъ произведеній поэта!) *мы должны оплакивать горькую, невозвратную потерю.* Гдѣ теперь эти звуки, въ коихъ слышалось, бывало, то удалое разгулье, то сердечная тоска, гдѣ эти вспышки пламеннаго и глубокаго чувства, потрясавшаго сердца, сжимавшаго и волновавшаго груди, эти вспышки остроумія тонкаго и язвительнаго, этой ироніи, вмѣстѣ злой и тоскливой, которая поражали умъ своею игрою; гдѣ теперь *эти картины жизни и природы, передъ которыми блѣдна была жизнь и природа.*» (Ясное дѣло, что критикъ была еще молода, когда Пушкинъ вступалъ въ возрастъ мужества; выросла—и стала понимать Пушкина—

мужа. Но какъ ей искренно жаль молодости Пушкина! Какъ свѣжа и могуча въ самомъ дѣлѣ эта критика! какъ вѣрить она въ искусство, въ то: что произведенія искусства могутъ быть выше произведеній жизни и природы—и что бы сказала она, эта критика, на которую критика теперешняя ссылается, если бы увидала дикія положенія недавно вышедшей книги г. Чернышевскаго, встрѣченной весьма благосклонно критикою на нее ссылающеюся?) «Увы! вмѣсто «нихъ мы читаемъ теперь стихи съ правильною цезурою, съ богатыми и «полубогатыми римами» (NB. Увы! можемъ и мы воскликнуть.—критикъ невѣдомо было, какъ начинало надобдѣть поэту однообразіе этихъ богатыхъ и полубогатыхъ римъ, какъ тревожимъ онъ былъ искаженіемъ новыхъ формъ—увы! все это и мы узнали только изъ труда г. Анненкова, да не оцѣнили еще по достоинству ни Пушкина, ни труда его издателя! Увы! увы! увы!), «съ пѣвуческими вольностями, «и конхъ такъ пространно, такъ удовлетворительно и такъ глубоко-мысленно разсуждали архимандритъ *Аполлозъ* и г. *Остолоповъ*. «*Странная вещь, непонятная вещь!* Неужели Пушкина, котораго «не могли убить ни изступленные похвалы энтузіастовъ, ни хвалебные «гимны торгашей, ни сильныя, не рѣдко справедливыя нападки и порицанія его антагонистовъ, неужели, говоря, этого Пушкина убило «Новоселье» г. Смирдина? *И однакожь, не будемъ слишкомъ поспѣшны ни опрометчивы въ заключеніяхъ нашихъ о Пушкинѣ. Пушкина «судить не легко. Вы вѣрно читали его элегію въ Октябрьской книжкѣ Библіотеки для чтенія. Вы вѣрно были потрясены глубокомысленнымъ чувствомъ, которымъ дышетъ это зданіе? Упомянутая элегія, кромѣ утѣшительныхъ надеждъ, подаваемыхъ ею ко Пушкинѣ, еще замѣчательна и въ томъ отношеніи, что заключаетъ въ себѣ вѣрную характеристику Пушкина какъ художника:*

Порой опять гармоніей упоюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь.

«Да, я свято вѣрю, что онъ вполне раздѣлялъ безотрад-
«ную муку отверженной любви черноокой Черкешенки или своей
«плѣнительной Татьяны, этого лучшаго и любимѣйшаго идеала
«его фантазіи; что онъ, вмѣстѣ съ своимъ мрачнымъ Гиреемъ,
«томился этою тоскою души пресыщенной наслажденіями и
«все еще не вѣдавшей наслажденія; что онъ горѣлъ неистовымъ
«огнемъ ревности, вмѣстѣ съ Заремою и Алеко, и упивался
«дикой любовью Земфиры; что онъ скорбѣлъ и радовался за
«свои идеалы, что журчанье его стиховъ согласовалось съ его

«*рыданіями и смѣхомъ*». (NB. Опять мѣсто, отличающееся удивительнымъ сочувствіемъ къ изищному, поэтическимъ пониманіемъ изищнаго, неотразимо увлекающею вврою въ жизнь и искусство!) «Пусть скажутъ, что это пристрастіе, идолопоклонство, дѣтство, глупость, «но я лучше хочу вверить тому, что *Пушкинъ* мистифируетъ Библиотеку для чтенія, чѣмъ тому, что его талантъ погасъ. *Я впрю, думаю, и мнѣ отрадно вприть и думать, что Пушкинъ* по-даритъ насъ новыми созданіями, которыя будутъ выше прежнихъ.» (Молва 1834 г. N 50, стр. 397, 398, 399, 400).

Что вы скажете объ этомъ отзывѣ добросовѣстной, сочувствующей, вврующей критики, отзывѣ, въ которомъ удивительное пониманіе идетъ объ руку съ удивительнымъ же непониманіемъ,—вы, г. критикъ, взявшій на себя задачу оправдать критику въ ея отношеніяхъ къ Пушкину, вы, равнодушно перепечатавающій злые пасквили на «мирнаго поэта», ввроятно потому, что критикъ больше нечего дѣлать въ отношеніи къ Пушкину, какъ перепечатывать на него пасквили?

Приведенное нами мѣсто изъ старой критики, время Сатурна, критики низвергнутой по всему праву ту критику время Урана, которую принялся такъ неудачно защищать г. новый критикъ Современника—само по себѣ очень назидательно, но будетъ еще назидательнѣе, когда мы объяснимъ его современными ему свидѣтельствами.

Когда въ 1839 году вышла вторая часть «Новоселья», въ которой напечатана въ первый разъ повѣсть «Анжелю», въ 22 N Молвы появилась слѣдующая статья. По пламенному сочувствію къ Пушкину, по поэтическому пониманію поэта, статья принадлежитъ очевидно тому же перу, которое писало «Литературныя мечтанія». Замѣчательнъ въ высокой степени отзывъ объ «Анжелю» своею неустрашимою ввроностію.

«*Анжелю*», повѣсть въ стихахъ Ал. Пушкина, въ трехъ частяхъ. «Піеса сія заслуживаетъ полное вниманіе критики, *хотя едвали воспользуется таковымъ же отъ публики.*» (NB. Каково предвѣденіе? Что, еслибъ оно смогло не сробѣть?) «Замѣтимъ предварительно, что эта горсть людей у насъ читающихъ и слѣдовательно читающихъ Пушкина, такъ еще малочисленна, такъ мало внимательна къ авторамъ ея читаемымъ, что у ней не можетъ образоваться различныхъ мнѣній, и слѣдовательно сужденій о писателѣ Нѣтъ, она съ плеча, однимъ махомъ, по двумъ, тремъ піесамъ, составляетъ свое мнѣніе объ сочинителѣ; и послѣ, что *хотите дѣлайте, вы не*

«собоете ее съ этого понятія, или, что еще хуже, если будете усиливаться, сами проиграете непременно.» (NB. Да, замѣтимъ мы, даже сами отступитесь, если вы еще молоды, если ваши основанія шатки, если вы малограмотны, что и сдѣлалось.) «Безспорно, что несравненный, единственный современный талантъ Пушкина, сдѣлался извѣстенъ у насъ первыми произведеніями его юности, хотя быть можетъ и не всегда отчетливыми, но всегда горячими, пылками, истинно-поэтическими. Первое впечатлѣніе рѣшило славу его, положило основной камень мнѣнію публики о Пушкинѣ. Каждый стихъ его, каждое слово ловили, записывали, выучивали и всюду думали видѣть тѣнь или блескъ того же характера пылкой, стремительной юности, по произведеніямъ которой составили о немъ понятіе. Но поэтъ, какъ Пушкинъ, не могъ составлять въ зависимости, даже и отъ общественнаго мнѣнія: конъ шелъ своимъ путемъ, и чѣмъ сильнѣе, самобытнѣе, выше развивался талантъ его, тѣмъ далѣе послѣдующія его произведенія расходились съ тѣмъ первымъ впечатлѣніемъ, которое такъ шумно, такъ торжественно сдѣлалъ онъ, еще не знаемый изъ садовъ Лицея! Онъ былъ не доволенъ публикою, не доволенъ ея образомъ воззрѣнія на себя, и негодованіе поэта изливалось не сразъ въ стихахъ могущественныхъ:

Такъ толковала чернь пустая,
Поэту славному внимая.

«Но публика стояла крѣпко на своемъ, и поэтъ, не внимая ей, идучи своимъ путемъ, болѣе и болѣе отдалялся отъ ея участія. Вотъ, по нашему мнѣнію, единственная разгадка, почему послѣднія, лучшія поэмы его, какъ н. п. «Борисъ», были принимаемы съ меньшимъ жаромъ и участіемъ. Пушкинъ не внималъ и продолжалъ путь свой. Не смѣемъ здѣсь пускаться въ разсужденіе, кто правъ: публика ли съ своимъ упрямствомъ и желаніемъ слышать отъ поэта тотъ же строй пѣсней, которымъ онъ пробудилъ ея вниманіе, или непокорность поэта сему требованію. Ограничимся сознаніемъ, что общее участіе къ произведеніямъ Пушкина уже значительно измѣнилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ и характеръ его оочиненій. Это предварительное изложеніе, по нашему разумѣнію, было необходимо для того, чтобы дать, въ настоящемъ случаѣ, вѣрный отчетъ о повѣсти его «Анджело» и показать, что мы, уважая поэта, изучали не только его произведенія, но плодъ ихъ вліянія на публику и ея къ нему отношенія. Дополнимъ это замѣчаніемъ; что есть еще люди, независимые отъ первыхъ впечатлѣній, которые и

теперь понимают и цѣнятъ Пушкина: но много ли ихъ? Обратимся къ «Анджело». Боккачю, отецъ Декамерона, былъ первымъ «начавшимъ писать въ родѣ, къ коему принадлежитъ «Анджело». *«Простой, самый естественный, безстрастный, не размышляющій рассказъ происшествій, какъ они были, есть отличительная черта сего рода произведений, являвшихся въ свое время не случайно, не по прихоти литературной, а вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, развивавшихъ въ разные періоды времени различныя роды стихотвореній: сагу, романсъ, балладу и т. д. Возможно ли подобное воссозданіе какого-либо рода стихотвореній во всякое время «по волю самаго сильнаго дарованія? Имѣть ли право талантъ, не обращая вниманія на современное, его окружающее, постоянно усиливаться воскресить прошедшее, идти назадъ, не стремиться впередъ? Можетъ ли имѣть успѣхъ подобное направленіе? Вправдъ ли писатель выигрываетъ публику, если она не раздвѣляетъ его стремленія къ минувшему, а въ силу вѣчно неизмѣняемаго влеченія къ будущему, остается равнодушною, не признательною къ его тягостному боренію съ вкусомъ, усилю, часто обнаруживающему тѣмъ разительнѣе всю великость его дарованія?»* Вотъ вопросы, которые въ настоящее время было бы кстати предложить на разрѣшеніе, и отвѣчать на которые мы не можемъ въ статьѣ библиографической, хотя въ нихъ—то существенно должна заключаться истинная оцѣнка пѣсы Пушкина, *полной искусства, доведеннаго до естественности, ума скрытаго въ простоту разительной, и сверхъ того неотъемлемо отличающейся истиннымъ признакомъ зрѣлости поэта—тѣмъ спокойствіемъ, которое мы постигаемъ въ твореніяхъ первоклассныхъ писателей. Судить о стихосложеніи Пушкина было бы излишне: мы ограничиваемся наведеніемъ читателей на мысль, стоящую по мнѣнію нашему подробнаго изслѣдованія.»* (Молва 1834 г. N 22, стр. 338—341).

Нельзя не удивляться здѣсь и вѣрности взгляда во взглядѣ на значеніе Пушкина и на отношеніе къ нему публики и критики, и превосходному опредѣленію существенныхъ красотъ манеры, въ которой писанъ Анджели, даже указанію связи этой манеры съ манерой Боккачю, хотя недостатокъ грамотности очевиденъ и здѣсь: не указанъ ближайшій источникъ Анджели — Шекспирова драма. Самые вопросы, останавливающіе критика, въ извѣстной степени законны: самое стихосложеніе Пушкина поразило его своею особенностью—тутъ нѣтъ еще и помину объ архимандритѣ *Аполлосѣ* и г. *Остолоповѣ*. Передъ чѣмъ же отступила эта критика, по види-

тому столь самостоятельная, столь мужественная, столь созрѣвшая до пониманія Пушкина?

Передъ статью «Жителя Сивцева вражка», напечатанною въ 24 № той же «Молвы» на стр. 370—375!!!

«Рецензентъ вашъ—говоритъ этотъ новый критикъ — въ сужденіи объ «Анджело» Пушкина, помѣщенномъ въ сей части Новоселья, оказалъ слишкомъ явное пристрастіе. Я совершенно согласенъ съ нимъ въ томъ, что говоритъ онъ вообще о ходѣ вліянія «Пушкина на публику, о постоянно усиливающемся разнорѣчій его съ нею и о значительномъ измѣненіи общаго участія къ его произведеніямъ. Но, признаюсь, вопреки ему, не нашелъ въ «Анджело» ни «искусства доведеннаго до естественности», ни «ума скрытаго въ простотѣ разительной», тѣмъ болѣе не замѣтилъ «истиннаго признака зрѣлости поэта — того спокойствія, которое мы постигаемъ въ твореніяхъ первоклассныхъ писателей.» По моему искреннему убѣжденію, «Анджело» есть самое плохое произведеніе Пушкина; «еслибъ не было подъ нимъ его имени, я бы не повѣрилъ, чтобы это стихотвореніе принадлежало къ послѣднему двадцати-пятилѣтію нашей словесности и считъ бы его старинною, вытѣсненною изъ «отысканнаго вновь портфеля какого-нибудь изъ второстепенныхъ образцовыхъ писателей прошлаго вѣка.» Такъ мало походитъ она на Пушкинское даже самою версификаціею, изобилующею до неувѣроятности усвѣченными прилагательными и распространенными «предлогами! Не угодно ли вамъ перечестъ вновь слѣдующіе стихи:

- Ты думаешь? такъ вотъ тебѣ предположенъе:
- Что еслибъ отдали тебѣ на разрѣшенъе,
- Оставить брата влечь ко плахѣ на убой,
- Иль искупить его, пожертвовавъ собой
- И плоть предавъ грѣху (с. 61).

«Или пожалуй хотъ эти:

- Средство есть одно къ его спасенію.
- (Все это клонится къ тому предположенію
- И только есть вопросъ и больше ничего)
- Положимъ: тотъ, кто бъ могъ одинъ спасти его,
- (Наперсникъ судія, иль самъ по сану властный
- Законы толковать, мягчать ихъ смыслъ ужасный)
- Къ тебѣ желаньемъ былъ преступнымъ воспалеть
- И требовалъ, чтобы ты казнь брата искупилъ
- Своимъ паденіемъ: не то—рвшить законъ. (с. 63).

«Или слѣдующій афоризмъ:

- Законъ не долженъ быть пужало изъ тряпицы,
- На комъ наконецъ уже садятся птицы.

«Спрашиваю, чѣмъ эти и многіе подобныя стихи лучше стиховъ не только Хераскова и Кострова, даже некоторыхъ Сумарокова? Я уже не упоминаю о томъ, что въ отношеніи къ содержанію. «Анджело» есть не что иное, какъ передѣлка Шекспировой Measure for Measure изъ прекрасной драмы въ вилую, пустую сказку. Не думайте чтобы я былъ предубѣжденъ противъ творца этой передѣлки; напротивъ, увѣряю васъ, что никто больше меня не чувствуетъ живѣйшей признательности къ Пушкину за неопытными минуты, «кои онъ доставлялъ мнѣ своими первыми произведеніями, благоухавшими свѣжей сладостью мощнаго, роскошнаго таланта. И потому, читая Анджело, я повторялъ съ чувствомъ глубочайшей горести его же прекрасный стихъ, въ то время глубоко запавшій мнѣ въ душу: увы!

«Таковъ ли былъ онъ расцвѣтающій?»

«Въ полной надеждѣ, что вы не откажетесь вѣрить крыльямъ вашей «Молвы сію апелляцію на Молву, съ отличнымъ уваженіемъ имѣю честь быть

«Вашъ покорнѣйшій слуга

«Житель Сивцева Вражка.

«Юня 12. 1834 г.»

И предъ такой-то ничтожной статейкою отступила критика. И потомъ явились «Литературныя мечтанія».

Не въ правъ ли же была сама эта критика въ другую свою эпоху, въ эпоху, которую, въ противоположность временамъ Сатурна, мы назовемъ эпохою титаническою—въ эпоху паеоса, въ статьѣ о Киршѣ Даниловѣ и Сахаровѣ, въ Отеч. Запискахъ, говорить: «Критика того времени безусловно восторгалась произведеніями Пушкина до той поры, какъ геній его возмужалъ: не подозревая того, что онъ нимъ сталъ уже слишкомъ не по плечу, они, по свойственному чело-вѣческой слабости самолюбію, заключили, что онъ палецъ.»

А неизвѣстный критикъ Современника — взялся оправдывать критику современную Пушкину! (*).

Но обратимся къ другимъ статьямъ о Пушкинѣ.

(*) Мы увѣрены даже, что онъ готовъ быть ратоборцемъ за приведенную статью «жителя Сивцева вражка»,— вмѣстѣ съ нимъ находятъ «Анджело» самою плохую вещь, вмѣстѣ съ нимъ не понимаютъ, почему великій художникъ такъ утомился своею легкою версификаціей, почему обратился онъ къ манерѣ писателей прошлаго вѣка.

Статья о сочинениях Пушкина в Юношеской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» собственно о сочиненияхъ Пушкина не толкуетъ да и толковать не хочетъ. Предлагаемая журналомъ статья имѣютъ предметомъ *разсматривать со всѣхъ сторонъ издамѣ...* Какъ это кажется ухитрится написать несколько статей объ изданіи—и кому будутъ предлагаться эти статьи? Подробный эстетическій разборъ самихъ произведеній поэта не входитъ въ планъ этихъ статей, потому что, какъ говоритъ критикъ—«въ нашемъ же журналѣ былъ напечатанъ полный разборъ сочиненій Пушкина. Взглядъ нашъ съ тѣхъ поръ не измѣнился, потому что творенія Пушкина, хотя уже почти четверть вѣка прошло надъ его могилою, до сихъ поръ не утратили своей обаятельной силы и свѣжести, и еще далеко то время, когда критика въ состояніи будетъ сказать что-либо новое или измѣнить свои сужденія о его произведеніяхъ, изъ которыхъ многимъ суждена вѣчная юность, какъ всему истинному въ наукѣ» Прекрасно сказано, замѣтимъ мы—но ссылка на прежнюю критику, какъ на исчерпавшую все, что можно сказать какъ о Пушкинѣ, такъ и обо многомъ другомъ, если не обо всемъ,—подтверждаетъ какъ нельзя болѣе нашу мысль объ одряхлѣніи и истощеніи теперешней. Какъ это не найти въ Пушкинѣ чего либо новаго даже съ эстетической стороны, когда цѣлыя библиотеки сочиненій о знаменитыхъ писателяхъ существуютъ въ другихъ европейскихъ литературахъ? И особенно въ настоящее время были бы полезны эстетическія статьи о Пушкинѣ. Около четверти вѣка прошло послѣ его смерти—какъ справедливо, хотя не точно выразился критикъ,—и должно признаться къ сожалѣнію, что поколѣніе, воспитавшееся въ эту четверть вѣка, воспиталось—увѣ! не на Пушкинѣ, какъ воспитывались на немъ мы, нынѣ пишущіе и поучающіе. Скажемъ даже болѣе: различныя эфемерныя произведенія и тяжеловѣсныя статьи объ этихъ эфемерныхъ произведеніяхъ, статьи, въ которыхъ широко и глубокомысленно обсуживались по поводу литературы различныя политико-экономическіе вопросы—разорвали связь между Пушкинымъ и поколѣніемъ, воспитавшимся въ эту четверть вѣка: вкусъ у этого поколѣнія (мы говоримъ о той части его, которая подверглась журнальнымъ вліяніямъ) испорченъ или лучше сказать зараженъ: юношамъ и дѣвамъ, которые съ пафосомъ читали только болѣничныя или исправительныя стихотворенія г. Некрасова, и греческія пѣснопѣнія г. Щербинина, нужно долго и долго втолковывать на Пушкинѣ, въ чемъ заключается значеніе искусства, въ чемъ состоитъ истинная красота; даже читавшимъ даромъ изъ новыхъ поэтовъ,

но только новых—красота Пушкинской поэзии будет новостью: мы сами в тех обществах, где наиболее читают вообще и кроме того читают даже по-русски мужескій полъ и женскій, встречали и встречаемъ госпожъ и господъ, которымъ напомнимъ только то или другое стихотвореніе Фета, Огарева, Майкова—они навзустъ его знаютъ,—но которые какъ-то смутно, неопредѣленно отзываются о Пушкинѣ. Да объ одной простотѣ, правдѣ и искренности Пушкинской поэзіи сравнительно со всею современною—можно написать нѣсколько статей, болѣе конечно нужныхъ для публики, чѣмъ нынѣ предлагаемая статья и будущія статьи объ изданіи Пушкина, статьи, которымъ мѣсто не въ отдѣлѣ критики. А что можно сказать о Пушкинѣ какъ о повѣствователѣ, особенно сравнительно съ продуктами натуральной школы и съ водяною беллетристикою послѣднихъ двухъ или трехъ лѣтъ! Явно, что ссылка на прежнюю критику есть въ настоящемъ случаѣ смиренное, хотя неискреннее сознаніе критики въ безсиліи и истощеніи. Замѣчательно, что никто изъ *настоящихъ* литераторовъ, никто изъ *известныхъ* критиковъ, кромѣ г. Дружинина, не сказалъ ни слова о Пушкинѣ, предоставивъ это дѣло борцамъ темнымъ или только что выступившимъ на сцену литературы, хотя отъ нѣкоторыхъ, какъ напримвръ отъ г. Галахова, принадлежащаго къ поколѣнію воспитавшемуся на Пушкинѣ и знакомаго съ фактами не ученически,—отъ г. Кудравцева, котораго нѣкоторыя статьи показывали много эстетическаго такта въ оцннкѣ поэтическихъ произведеній, въ правѣ были ожидать многіе статей о Пушкинѣ, скорѣе чѣмъ отъ таинственнаго критика Современника, — но г. Галаховъ почилъ на лаврахъ послѣ своей статьи о Карамзинѣ, г. Кудравцевъ печатаетъ въ Запискахъ очень хорошія статьи о «Дантѣ», другіе изъ грамотныхъ критиковъ давно уже ничего не печатаютъ. На сценѣ только темные борцы въ родѣ господина, пописывающаго критики въ Современникѣ, и многіхъ господъ, *имъ же имя Legionъ*, наводняющихъ безнаказанно безкусіемъ и незваніемъ дѣла столбцы С.-Петербургскихъ газетъ. Печальное, по истинѣ печальное состояніе критики! Еще печальнѣе представляется оно, когда среди этихъ темныхъ борцовъ появляется боецъ посвдвлый въ родѣ г. П. съ мнвіями дикими, устарѣлыми, и говорить какъ *власть импюцій* о томъ, что повѣсти Пушкина — дрянъ, а г. Вонярярскій чуть-чуть не гевій!

Боже мой! и неужели же все это отъ того, что нечего писать критикѣ. Да вѣдь знаетъ же и прекрасно знаетъ критика, о чѣмъ писать, какія интересныя струны затронуть, говоря о писателѣ ино-

странномъ. Посмотрите напримѣръ, какъ основательно говорить упомянутый нами г. Кудрявцевъ въ статьяхъ о «Дантѣ»: Каждая вновь наступающая эпоха пробуетъ свои силы надъ Дантомъ; каждый вновь выработанный приемъ въ общей исторіи литературы прилагается и къ Данту. Только-что, кажется, установилось новое воззрѣніе на него, какъ старое опять усиливается взять перевѣсъ надъ новымъ. Опытъ слѣдуетъ за опытомъ, одинъ приемъ смѣняется другимъ, но никто, конечно, не скажетъ, что современныя работы, предпринятыя надъ Дантомъ, какъ бы впрочемъ онъ ни были удачны, полагаютъ предѣлъ дальнѣйшему изслѣдованію о немъ. Пока не умрутъ историческіе и литературные интересы, дѣятельная мысль не перестанетъ трудиться надъ его твореніями и всегда будетъ надѣяться найти въ нихъ много новаго для себя. Какая ужасающая разногласица между этими здравыми словами, прилагающимися конечно къ изученію всякаго великаго народнаго писателя—и между словами критиковъ «Отч. Записокъ» и «Современника». Между тѣмъ г. Кудрявцевъ же напримѣръ, такъ хорошо сознающій эти истины и такъ здраво ихъ выражающій,—удивительно ясно обозначающій приемы исторической критики,—предпочитаетъ работъ надъ Пушкинымъ—извлеченіе изъ двухъ книгъ о Дантѣ: Форіэля и Вегели, работу конечно болѣе легкую и пожалуй доставляющую въ своемъ кружкѣ дешевую славу, но за которую взяться можно и безъ дарованій г. Кудрявцева, статью, которую подъ силу было бы смастерить какому-нибудь г. Тихоуравову или другому темному адепту! Въ настоящую минуту, это особенно досадно, и тѣмъ болѣе досадно, что въ предисловіи къ своему извлеченію г. Кудрявцевъ излагаетъ превосходно приемы исторической критики. «Въ наше время, — говоритъ онъ—лучше нежели когда-либо понято, что жизнь писателя и его авторская дѣятельность—два явленія, соединенныя между собою тѣснѣйшимъ образомъ, или что въ дѣятельности писателя, въ его произведеніяхъ, слагаются его же жизненные результаты. «Если ужъ слогъ самъ по себѣ обличаетъ человека; то чего же не скажетъ намъ о немъ самое содержаніе его произведеній? Надобно только искусно собрать лучи свѣта, проливаемого твореніями писателя на его жизнь, и умѣть направить ихъ на настоящіе пункты. «Нельзя сомнѣваться въ успѣхъ этого метода, послѣ блестящихъ опытовъ приложенія его къ Гётте и Шиллеру и въ недавнее время къ Шекспиру известнымъ историкомъ нѣмецкой литературы. Последній опытъ особенно говорить въ пользу метода, потому что

«Только съ помощью его автору удалось наконецъ заглянуть во внутренній міръ поэта и открыть въ этомъ мірѣ послѣдовательность явленій, о которыхъ его біографы не имѣли никакого подозрѣнія. Въ строкахъ и между строками твореній Шекспира, Гевинусъ нашлепъ секретъ прочесть внутреннюю его біографію. *Почему не приложить того же способа и къ другимъ писателямъ, о дѣятельности которыхъ мы гораздо больше знаемъ изъ ихъ произведеній, нежели изъ исторіи ихъ жизни?* Въ свою очередь жизнь писателя даетъ ключъ къ объясненію его твореній. Это старая истина, которой сила извѣстна была уже въ древней литературѣ. Въ наше время значеніе ея сознается все больше и больше. Кто не считалъ жизни автора, для того потерявъ смыслъ многихъ его произведеній. *Чѣмъ оригинальнѣе писатель, тѣмъ глубже въ его жизни лежатъ корни самыхъ его созданій:* не тотъ только пукистой фразеръ и риторъ, кто любитъ пышныя рѣчи, но тотъ въ кособовности, у кого онъ легко дожатся подъ перо, безъ участія мысли и сердца. Спросите у комментаторовъ, знающихъ лучше кънасъ домашнія тайны писателей, и они скажутъ вамъ, съ ироническою улыбкою или безъ нея—все равно, *что мотивы задушевнѣйшихъ лирическихъ произведеній взяты обыкновенно изъ жизни камаго поэта. У романиста, у драматическаго писателя, можетъ быть, тѣже самыя ощущенія превратились въ идеальныя кобразы, полныя жизни и движенія. Еще больше надобно доспрашиваться отвѣта о жизни писателя, если въ рѣчахъ его слышится одно твердое убѣжденіе, которое покрываетъ собою късть прочія мысли. Убѣжденіе не рождается изъ теоріи; оно приходитъ вмѣстѣ съ успѣхами жизни и нерѣдко на перекоръ ея направленію. Если убѣжденіе истинно, если это не призракъ, оно кънаполнитъ всего человека и не можетъ не сказаться въ его произведеніяхъ. Оторвите убѣжденіе отъ жизненной его основы—и оно, если не потеряетъ вовсе своего разумнаго смысла, кълегко можетъ показаться странностью и поведетъ только къ произвольнымъ толкованіямъ.»*

Читая подобныя строки, неволью приходитъ въ голову мысль, какъ легко усвоиваемъ мы все то, чтѣ долгимъ умственнымъ процессомъ выработано въ остальной Европѣ, становимся тотчасъ же во всякомъ дѣлѣ хозяевами, относимся даже ко всякому дѣлу критически, (и, прибавимъ не безъ чувства народной гордости, имѣемъ право относиться критически)—и между тѣмъ на дѣлѣ, на практикѣ, прилагаемъ наше ясное и тонкое пониманіе къ какимъ-нибудь тру-

дамъ ex officio, отговариваясь тѣмъ, что нечего дѣлать, не для чего дѣлать и т. д. «Матеріалы для Біографіи Пушкина» (скромное и справедливое заглавіе труда г. Анненкова) подавали именно поводъ къ испытанію надъ Пушкинымъ такого рода приѣма, котораго свойства и значеніе такъ хорошо объяснены г. Кудрявцевымъ—а у насъ нашелся особенный приѣмъ: перепечатывать старыя пьески на Пушкина, да еще другой—ссылаться на прежнюю критическую дѣятельность!

Честь и слава г. Дружинину! Заслуга двухъ статей его о Пушкинѣ въ Библіотекѣ для чтенія заключается въ томъ, что онъ, какъ мыслящій и серьезный литераторъ, обошелся съ трудомъ г. Анненкова—изъ матеріаловъ, предложенныхъ издателемъ для желающихъ изображать колоссальный образъ нашего народнаго поэта, г. Дружининъ вынулъ изъзаваніе Пушкина—европейскаго поэта и Пушкина —человѣка труда. Распространяться о статьяхъ его, проникнутыхъ единою, стройною и живою мыслію, обдуманыхъ честно, выполненныхъ съ умомъ и изяществомъ—мы не будемъ, желая сообщать статью нашей единство полемическаго колорита. Г. Дружининъ—блестящее исключеніе: общія же замѣчанія наши касались не исключеній, а обыденныхъ явленій въ критикѣ—и кажется съ достаточною ясностію доказали ея несостоятельность. Признаемся откровенно, что не безъ некотораго злобнаго удовольствія слѣдили мы за ея промахами, но вѣроятно противники наши поймутъ, какъ они уже поняли впрочемъ, что ваша полемическая жесткость имѣеть источникомъ своимъ не личное раздраженіе, а любовь и уваженіе къ искусству. Что же касается до насъ лично, то, ведя борьбу не съ теперешнею критикою, а съ тою, на которую теперешняя ссылается, съ критикою, какъ и наша, не чуждою рязкости и увлеченій идеями, мы не раздражались и не будемъ раздражаться глумленіемъ надъ увлеченіями. Отсутствие способности къ пониманію увлеченій есть одна изъ болѣзней нравственной дряхлости.

АПОЛЛОНЫ ГРИГОРЬЕВЪ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Корели Кемскаго и Онежскаго узда — *Jägväiset*. Русскіе переселенцы въ Корелин — поморы. Поморья. Природа поморья; Флора поморья; почва. Прежніе рудники и рудопрмышленность Архангельской губерніи. Воицкой рудникъ. Озера. Рѣки Жемчугъ. Семга. Звѣри и птицы поморья. Хлѣбопашество. *Заболонь*. *Решка*. Промыслы Кореловъ: холбичики, торговцы, кузнецы, оружейники, подлужемскіе кораблестроители, вольно-наемные матросы — вѣчные работники хозяевъ. Гостепримство Кореловъ. Шны во время церковныхъ праздниковъ. Предубѣжденіе противъ Кореловъ. Древнія преданія о волшебствѣ Финювъ. «Порча», «Стралы или стрѣлье». Свадебные отпуска: вниманье къ колдунамъ. Средства отъ порчи и колдуновъ. Безпокойное господство колдуновъ. Безубой колдунъ безсиленъ. Населенье поморья русскими. Политическое значеніе Соловецка при самомъ его основаніи. Исторія Соловецкаго монастыря. Сумская деревянная крѣпость. Кемской острогъ. Промыслы русскихъ поморевъ. Отвальный обздъ. Проводяны. *Торосы*. Весновальный, салыный промыселъ. *Ромша*. *Юро*. Спуски ладей. *Отпускъ* скота. Ловля семги. *Страда*. Сушеніе грибовъ. Мореходство поморевъ. Антипъ Тимофеевъ Горковатовъ. Иванъ Рябовъ. Ожиданіе «Ветренника». Возвращеніе украдкой. Бани и обздъ. Панихиды за потопившихъ въ морь. Охота за звѣрями и птицами, выварка соли и ловля сельдей. Веселости жителей поморья. *Просины* невесты. *Плаканье* невесты. Раскольничество. Осада Соловецкаго монастыря. Повѣрья и поговорки поморевъ. Кемь—помѣстье Марьи Посадницы, ниче узданный городъ Архангельской губерніи. Городъ Онега. Средняя часть Архангельской губерніи. Придвинскіе лѣса. Свяч. Уборка хлѣба въ прозеленъ. Земледельческія орудія. Среднее число поствовъ. Огородничество. Звѣриная ловля и охота. Птицеловство. Жилища жителей средней полосы Архангельской губерніи. Монастыри и обители въ уздахъ Архангельскомъ, Холмогорскомъ, Шенкурскомъ и Пинежскомъ. Города: *Архангельскъ*. Иноземные градоудѣлители. Адмиралтейство на Саламбольскомъ островѣ. Новодвинская крѣпость. Саламбольское общество. Кругъ Архангельскаго купечества. Архіерейскій домъ. Памятникъ Ломоносову. Заводы. Торговля города. Поклаузы и биржи. *Холмогоры*. Соборъ. Куроостровская волость—родина Ломоносова. Вавчуга. Братья Баженины. *Шенкурскъ*—древняя Вага. Шенкурскія ярмарки. *Пинега*. Торговля рябчиками. Ландшафты дикой природы.

Заканчивая послѣднюю статью мою, я обѣщался, любезный читатель, продолжать съ вами бесѣду объ Архангельской губерніи. Во исполненіе пословицы: «не давши слово держись, а давши крѣпись», я держу свое обѣщаніе.

Уѣзды Архангельской губерніи, лежащіе отъ Кольскаго уѣзда къ югу по Бѣлому морю, суть Кемской и Онежской. Здѣсь вы также встрѣчаете потомковъ Финскаго поколѣнія—Кореловъ. Но Русскіе нашли возможность въ этихъ мѣстахъ завести осѣдлость, они перемѣшались съ Корелами, и послѣдніе, находясь подъ вліяніемъ переселенцевъ, потеряли свои родовыя особенности, удержавъ только свой бѣдный языкъ. Корелы сами себя именуютъ Järvilaiset, т.-е. жителями озеръ или мѣстъ покрытыхъ озерами. Имя Кореловъ дано имъ по мѣсту, которое называлось Корелією и занимало всю сѣверную часть Финляндіи (*). Подвергшись вліянію Русскихъ, здѣшніе Финны, въ свою очередь, произвели на нихъ тоже нѣкоторое вліяніе. Отъ этого взаимнаго дѣйствія одного народа на другой произошла перемѣна въ нравахъ, обычаяхъ и языкѣ каждаго изъ нихъ, т.-е. вышло то, что Кореляки отстали отъ древнихъ Финновъ, а Русскіе поморцы приобрѣли такія особенности, которыя рѣзко отличаютъ ихъ отъ прочихъ Русскихъ, живущихъ въ той-же Архангельской губерніи. Все здѣшнее поморье было нѣкогда занято Финнами; когда-же пришли сюда Русскіе, то Финны должны были уступить имъ береговое пространство Бѣлаго моря и покориться новымъ пришельцамъ. Впослѣдствіи побѣдители и побѣжденные слились въ одну массу: такимъ-то образомъ составилось племя здѣшнихъ поморовъ, между которыми и до сихъ поръ существуютъ финскія фамильныя прозвища. Только тѣ Финны, которые жили вдали отъ морскихъ береговъ, долго еще оставались въ въ прежнемъ состояніи; но нынѣ и тѣ ничѣмъ, кромѣ родоваго языка своего, не отличаются отъ поморовъ.

Подъ именемъ *поморья* здѣсь разумѣется все береговое пространство Бѣлаго моря отъ Колы до Архангельска и Мезени; но, въ тѣсномъ и болѣе опредѣленномъ значеніи, имя поморовъ дается только пространству отъ Кандалакшской губы до Онеги, т.-е. уѣздамъ Кемскому и Онежскому, потому что эти берега Бѣлаго моря болѣе населены. Восточный берегъ моря, почти совершенно пустынный, называется просто зимнимъ берегомъ. Берега собственно поморья имѣютъ особыя названія, именно отъ вершины Кандалакшской губы до устья ея по южную сторону идетъ берегъ Кандалакшскій, простирающійся на 150 верстъ; отсюда до города Кемі тянется берегъ Карельскій; далѣе начинается Поморскій берегъ, идущій до города Онеги.

(*) Верещагинъ—Очерки Архангельской губерніи.

Природа поморья отличается отъ лапландской только климатомъ, который здѣсь не такъ суровъ и ужасенъ; но и этотъ естественный переходъ въ климатъ совершается постепенно. Такъ, напримеръ, Кандалакшскій южный берегъ, по положенію своему открытый холоднымъ сѣверо-восточнымъ вѣтрамъ, имѣетъ климатъ ничемъ неотличающійся отъ климата Лапландіи. Вообще вся береговая полбса поморья, подверженная вліянію моря, не можетъ похвастаться благорастворенностію воздуха. Во внутренности же страны, чѣмъ дальше отъ моря, тѣмъ лучше становится климатъ. Это явленіе общее для всякаго приморскаго края. Растительное царство хотя и не разнообразно, но за то хорошо тѣмъ, что вполне удовлетворяетъ потребностямъ поморцевъ. Здѣшніе лѣса чрезвычайно обширны, и достигаютъ полнаго своего развитія и громадности; особенно хороши лѣса въ Карелии (по здѣшнему въ Карелахъ): тамъ проходятъ отырыски Скандинавскаго хребта, образуя множество холмовъ; всѣ эти холмы увѣнчаны лиственницами, елями, соснами и березами. Вся эта растительность, или лучше сказать, флора поморья имѣетъ такой суровый видъ, что на каждомъ шагѣ вашемъ напоминаетъ, что вы находитесь среди угрюмыхъ сѣверныхъ странъ. Плодоносныхъ кустарниковъ мало, а если и есть кой-гдѣ, то они не всегда приносятъ плоды, потому что ихъ истребляютъ то морозы, то черви. Тундристая почва, встрѣчающаяся очень часто въ поморьѣ, производитъ много ягодъ, особенно морошку, чернику и бруснику, послѣднюю въ такомъ изобиліи, что ее собираютъ граблями.

Общій видъ поверхности поморскаго края представляетъ намъ тоже, что и Лапландія, т.-е. холмистая возвышенности, болота, множество озеръ, рѣкъ и ручьевъ. Грунтъ земли—гнейсо-гранитъ, покрытый различными наносными почвами. Въ недрахъ этого грунта во многихъ мѣстахъ находятся металлы: золото, серебро, мѣдь и желѣзо. Въ прежнее время здѣшніе рудники были разрабатываемы, но нынѣ эта вѣтвь промышленности вовсе оставлена, и, кромѣ желѣза, здѣшніе жители ничего болѣе не добываютъ (*).

Однако первое въ Россіи горное производство, начавшееся въ XV столѣтіи при царѣ Іоаннѣ IV Васильевичѣ, первоначально шло только въ нынѣшней Архангельской губерніи, гдѣ добывались серебряныя и мѣдныя руды (найдены грекомъ Мануиломъ Ларьевымъ), на рѣкѣ Цыльмѣ, впадающей въ рѣку Печору.

(*) Тамъ-же.

Прежде въ Архангельской губерніи существовала довольно значительная разработка золота, въ такъ называемомъ Воицкомъ рудникѣ. Этотъ оставленный рудникъ находится въ Кемскомъ уездѣ, близъ самой границы Архангельской губерніи съ Олонецкою, на полуостровѣ, образуемомъ рѣкою Выгою, вытекающей здѣсь изъ озера Выго, и заливомъ сего послѣдняго въ разстояніи около 300 верстъ къ сѣверу отъ города Петрозаводска и около 750 верстъ отъ С.-Петербурга. Мѣсторожденіе его составляетъ жила кварца, проходящая въ тольковомъ смятѣ, содержащая въ себѣ самородное золото, мѣдный колчеданъ и стекловатую мѣдную руду. Простираніе ея идетъ отъ W на O, паденіе на N около 80°. Толщина мѣстами доходитъ до одной сажени. Длина по простиранію горными работами открыта на 32 сажени, въ глубину же она разработана на 60 сажень. Должно замѣтить, что этою выработкою она не вынута еще вся на очистку, потому что какъ въ глубину, такъ и въ бока, по простиранію ея въ забояхъ, вездѣ продолжается еще жильный кварцъ. Первые работы на Воицкомъ мѣсторожденіи были начаты въ 1742 году и въ началѣ добывались изъ него одні мѣдныя руды; только въ 1745 году замѣчено было самородное золото, и съ того времени началось извлеченіе этого металла. Но въ 1770 году всѣ работы въ рудникѣ были прекращены отъ дороговизны средствъ для извлеченія изъ него металловъ; главнѣйшія же препятствія къ дальнѣйшей разработкѣ рудника состояли въ сильномъ притоцѣ воды и въ испорченномъ рудничномъ воздухѣ. Въ 1793 году, при возобновленіи работъ въ Воицкомъ рудникѣ, была паровая машина для откачиванія воды; но за всѣмъ тѣмъ, въ слѣдующемъ 1794 году работы были остановлены въ третій и уже въ послѣдній разъ. Въ этотъ разъ почти не было въ рудникѣ произведено собственно горныхъ работъ, и остается неизвѣстнымъ, что понудило остановить разработку.

Не излишнимъ считаемъ замѣтить, что во время третьей попытки разрабатывать Воицкой рудникъ, пробы кварца, казавшагося совершенно безруднымъ (которымъ пренебрегали прежніе рудокопы), дали по протолчкѣ и промывкѣ $7\frac{1}{2}$ золотниковъ золота въ 150 пудахъ его; слѣдовательно на 100 пудовъ (количество, на которое рассчитываютъ въ Россіи благородные металлы), придется 5 золотниковъ; между тѣмъ какъ на Березовскихъ золотыхъ рудникахъ, близъ Екатеринбурга, съ выгодною разрабатываютъ даже такія кварцовыя жильныя руды, которыя со 100 пудовъ даютъ только $2\frac{1}{2}$ золотника, а иногда и менѣе.

Итакъ вотъ какія были бѣднѣйшія вонцкія руды, которыми пренебрегали прежніе рудокопы; какое же содержаніе золота можемъ мы предположить въ ихъ богатыхъ рудахъ?... Взавши въ соображеніе нынѣшнее улучшенное искусство добыванія рудъ и всѣхъ механическихъ устройствъ, хорошій надзоръ за работниками и дешевизну тамошняго крад, можемъ предполагать, что въ настоящее время Вонцкой рудникъ при разработываніи приносилъ бы немаловажныя выгоды.

Въ 1827 году возобновилась на сѣверѣ развѣдка золота, и опять оказались признаки его въ толстыхъ кварцовыхъ жилахъ, проходящихъ въ діоритѣ въ обнаженіи берега рѣки Выга, по близости оставленнаго Вонцаго рудника (*).

Кромѣ металловъ, во многихъ мѣстахъ здѣсь добывали слюду, которая въ прежнее время шла для военныхъ кораблей, строящихся на Архангельской верфи.

Вся Поморская сторона, особенно на сѣверѣ, покрыта множествомъ болотъ и озеръ; число послѣднихъ въ Кемскомъ и Онежскомъ уѣздахъ простирается до шести сотъ, изъ которыхъ самыя значительныя суть: Верхній, Средній и Нижній Кунто, Аждозеро, Сумозеро, Кереть, Шумозеро, Товозеро, Рогозеро. Во всѣхъ озерахъ водится рыба въ большомъ изобиліи. Рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ въ поморьѣ также чрезвычайно много; но всѣ они имѣютъ, такъ сказать, особенный свой характеръ, и по теченію своему, по качеству и вкусу воды весьма рѣзко отличаются отъ рѣкъ южной и восточной части Архангельской губерніи. Теченіе здѣшнихъ рѣкъ чрезвычайно быстро, и эта быстрота увеличивается еще отъ пороговъ, которыми устьяны здѣшнія рѣки; приливы моря, возвышающіе воду рѣкъ до 3-хъ и 6-ти футовъ, не измѣняютъ ихъ теченій, ибо паденіе ихъ очень высоко. Каменистыя ложа, по которымъ текутъ рѣки, прекрасно очищаютъ воду и придаютъ ей необыкновенную прозрачность.

Туземцы увѣряютъ, что во всякой здѣшней рѣкѣ, въ которой водится семга, непременно есть и жемчужныя раковины: это справедливо, по крайней мѣрѣ весьма вѣроятно, потому что семга особенно любитъ порожистыя рѣки, а раковины, какъ извѣстно, прицѣпляются обыкновенно къ подводнымъ камнямъ и скаламъ. Впро-

(*) Пункаревъ—Описаніе Архангельской губерніи.

чемъ должно замѣтить, что здѣшній жемчугъ не совсѣмъ хорошъ: во-первыхъ потому, что некрупенъ, а во-вторыхъ,—не имѣетъ близ- ны, а покрытъ синеватымъ цвѣтомъ. Ловлю жемчужныхъ раковинъ здѣшніе поморы почти вовсе не занимаютъ, а если нѣкоторые ловятъ ихъ, то отъ бездѣля. Вотъ способъ, который употребляется здѣсь для ловли. Устраиваютъ изъ бревенъ небольшой плотъ, въ срединѣ котораго прорубаютъ отверстіе; въ это отверстіе вставляютъ трубу, такъ чтобы большая часть ея выходила въ воду. На такой плотикъ садится промышленникъ и внимательно смотритъ на дно рѣки въ трубу, между тѣмъ какъ помощникъ его тянетъ плотъ веревкою, идя тихонько по берегу. Лишь только промышленникъ, сидящій на плотикѣ, замѣтитъ въ свою трубу, что раковины пританлись у какого-нибудь подводнаго камня, тотчасъ даетъ знакъ своему товарищу, чтобы онъ остановился; послѣ этого онъ тотчасъ опускаетъ въ отверстіе плота длинный шестъ, на концѣ котораго приделанъ особеннаго устройства крючекъ или тиски; направивъ шестъ на раковину, промышленникъ подхватываетъ ее этими тисками и вытаскиваетъ на плотъ. Этотъ способъ ловли, хотя и безопасный для промышленника, требуетъ много хлопотъ и времени, а потому вовсе невыгоденъ: такъ какъ посредствомъ шеста заразъ можно вытащить только одну раковину, то случается иногда, что промышленникъ, потерявъ цѣлый день, выловитъ нѣсколько раковинъ, да и то не жемчужныхъ. Конечно, можно было бы здѣсь производить ловлю жемчуга по употребляемому нынѣ способу посредствомъ водолазныхъ колоколовъ, но напередъ надобно быть увѣрену, что этотъ жемчугъ найдетъ покупателей. Нужно ли упоминать читателямъ, что въ здѣшнихъ рѣкахъ водится много рыбы, въ особенности семга? Впрочемъ семга не во всякой рѣкѣ одинаковаго качества: знатоки съ перваго разу отличать семгу, выловленную, на примѣръ, въ рѣкѣ Варзугѣ, отъ семги, пойманной въ рѣкѣ Онегѣ. Въ продажѣ семга называется именемъ той рѣки, въ которой ловлена, такъ на примѣръ семга—онега, семга—поной и пр. Кромѣ семги здѣшнія рѣки богаты другими рыбами, именно: кумжами, щуками, лещами, окунями. Лѣса Поморья и Кареліи населены свойственными здѣшнему краю животными; также какъ и въ Лапландіи, здѣсь носятся стада дикихъ оленей, искрятся въ мракѣ ночи глаза волковъ и часто слышенъ трескъ деревьевъ, ломаемыхъ медвѣдемъ; кромѣ того въ здѣшнихъ лѣсахъ, какъ и во всей остальной части Архангельской губерніи, во множествѣ водятся лисицы, куницы, бѣлки, зайцы, горностан и росомахи. Классъ птицъ хотя

здѣсь не слишкомъ разнообразенъ, на за то многочисленъ: озера и болота даютъ убѣжище уткамъ, куликамъ, бекасамъ и цаплямъ; морскіе берега оглашаются крикомъ гагаръ и чайкъ; въ извѣстные періоды времени несутся по воздуху вереницы журавлей, лебедей и гусей. Въ лѣсахъ обитають *рябы* (рябчики), *чухари* (глухіе тетерева), *кошели* (глухія тетерьки), *пеструхи* (обыкновенныя тетерьки), совы, орлы, ястреба и проч.

Самая большая часть поморскаго края покрыта лѣсами, болотами и озерами; остальная часть его находится подъ лугами и пашнями. Но земледѣліе здѣсь въ самомъ ничтожномъ состояніи, а поморскимъ берегомъ оно даже вовсе оставленно; въ сѣверныхъ частяхъ Кемскаго уѣзда только одни Кореляки занимаются хлѣбопашествомъ. Главною причиною дурнаго состоянія здѣшняго земледѣлія—климатъ. Сосѣдство моря, часто превращающаго лѣто въ ненастную осень, препятствуетъ созрѣванію растительности; кромѣ того самая кратковременность здѣшняго лѣта (отъ іюня до августа) служитъ главнымъ препятствіемъ для земледѣлія: часто, даже можно сказать—постоянно, случается, что хлѣбъ, еще не успѣвшій созрѣть, побивается жестокими утренниками (*), начинающимися около 15-го августа. Иные земледѣльцы, чтобы не совсѣмъ потерять посѣвъ отъ мороза, рѣшаются снимать хлѣбъ еще не дозрѣлый. Конечно, случаются иногда урожаи, но это—исключеніе изъ общаго правила. Отъ этой естественной безуспѣшности земледѣлія происходитъ какое-то пренебреженіе поморовъ къ хлѣбопашеству. Опытъ научаетъ ихъ, что какъ ни старайся, какъ ни ухаживай за своими нивами, но все-таки не получишь ни малѣйшей выгоды, если вдругъ настанутъ морозныя ночи. Пренебреженіе поморовъ къ хлѣбопашеству имѣетъ еще свою уважительную причину: за чѣмъ безуспѣшно хлопотать имъ о нивахъ, когда стоить только сѣсть въ ладью и отправиться въ море, чтобы въ немъ найдти себѣ все необходимое для существованія? Приморскій житель нигдѣ не бываетъ земледѣльцемъ, а уже тѣмъ болѣе на сѣверѣ. Спросите какого-нибудь здѣшняго помора, отъ чего у нихъ не родится хлѣбъ,—и вы получите въ отвѣтъ, что *ужь тутъ земля такава, что хлѣба не даетъ*. Если, къ несчастію этихъ бѣдняковъ, въ иной годъ случится совершенный неурожай, а цѣны на хлѣбъ поднимутся,—то Кореляки принуждены бывають прибѣгнуть къ ужасному способу, чтобы соблюсти экономію въ покупномъ хлѣбѣ.

(*) Утренникомъ называется морозъ ночной во время осени и весны.

Для этого они снимаютъ съ свѣжихъ сосенъ верхнюю кору, потомъ срѣзываютъ находящійся на ней слой мягкой коры, называемый *заболонью*. Эту заболонь раскладываютъ потомъ на землѣ для просушки. Высушенная такимъ образомъ кора походитъ на лоскутки кожи. Предъ употребленіемъ заболонь окончательно высушивается въ печи, и потомъ на ручной мельницѣ между двумя жерновами превращается въ мелкій порошокъ, или муку. Эта сосновая мука смѣшивается потомъ со ржаною, но такъ, что фунтъ такой смѣси состоитъ изъ $\frac{3}{4}$ сосноваго порошка и $\frac{1}{4}$ настоящей муки. Смѣшавъ съ извѣстнымъ количествомъ воды эту странную муку и составивъ тѣсто, бѣдняки пекутъ изъ него небольшія круглыя лепешки, подобныя лопарскимъ, называемыя *решкою*. Одна только крайняя нужда и необходимость заставляеть прибѣгать къ этому хлѣбу.— иначе даже проголодавшійся человѣкъ не рѣшился бы отвѣдать красноватой, сыплющейся какъ песокъ и отвратительно-горькой *решки*. Разумѣется одно незнаніе заставляеть Кореляковъ употреблять примѣсь сосновой коры, тогда какъ у нихъ есть множество корней и мховъ, которыми съ выгодною можно замѣнить сосновую заболонь, потому-что въ нихъ есть питательныя частицы или начала, которыхъ сосновая кора въ себѣ не имѣетъ, а потому, не принося существенной выгоды, можетъ быть еще вредною для здоровья. Однакожъ увѣряють, что заболонь есть прекрасное средство отъ цынготной болѣзни.

Естественнымъ слѣдствіемъ дурнаго состоянія земледѣлія произошло то, что Кореляки оставляють его совершенно и ищуть другихъ способовъ къ существованію. Всякой избираетъ себѣ занятіе сообразно съ способностями и обстоятельствами. Чтобы зашибить копейку, Корелякъ пускается въ торговлю, и вотъ какъ онъ производитъ ее. Накопивъ какъ-нибудь нѣсколько денегъ, онъ отправляется съ ними на Шунгскую ярмарку, на границу Олонецкой губерніи. Закупивъ здѣсь платковъ, ситцу, нитокъ, иголокъ, булавокъ, и прочихъ подобныхъ мелочей, онъ укладываетъ свой товаръ въ ящикъ, взваливаетъ на спину и отправляется въ дальнюю Карелию, съ барышемъ продавая свои «красные товары», на которыхъ вездѣ найдетъ покупателей и покупательницъ. Такого странствующаго торговца можно найти въ глуши сѣверной Финляндіи и даже въ пустыняхъ лапландскихъ. Продавъ весь товаръ свой, Корелякъ закупаетъ у финляндскихъ поселянъ нѣсколько сотъ шерстяныхъ юбокъ, называемыхъ датскими, и перепродаетъ ихъ русскимъ поморамъ, а самъ снова отправляется на ярмарку. При счастливыхъ

торговыхъ оборотахъ мало-по-малу Корелякъ приобрѣтаетъ столько выгоды, что уже пускается въ обширную торговлю. Тогда уже онъ не хочетъ самъ разносить свои товары, но нанимаетъ другихъ; уже онъ не довольствуется поѣздкою на Шунгскую ярмарку, но ѣздитъ въ Москву. Въ домѣ его изобиліе и роскошь; имя его гремитъ по всему поморью Карелии; онъ живетъ баринномъ и умираетъ, завѣщавъ дѣтямъ свои капиталы и выгодную торговлю.

Второе занятіе здѣшнихъ Кореляковъ состоитъ въ кузнечномъ мастерствѣ, которымъ славились древніе Финны; это мастерство такъ же, какъ и ткаческое, было самымъ древнѣйшимъ ремесломъ и было очень уважаемо ими, потому что изобрѣтеніе желѣза Финны приписывали богамъ. Финны приготовляли стрѣлы, копья, мечи, которыми торговали, если вѣрить сагамъ, въ коихъ прославляется финское оружіе. Въ горахъ Карелии и особенно въ болотахъ, находится много желѣзныхъ рудъ. Кореляки, хотя и не имѣютъ желѣзныхъ заводовъ, но достаютъ эту руду и обрабатываютъ ее въ своихъ кузницахъ. Они приготовляютъ топоры, ножи, разныя вещи для мореходныхъ судовъ и наконецъ охотничьи ружья (винтовки), которыми не только снабжаютъ своихъ земляковъ, но и всѣхъ поморовъ, нарочно приѣзжающихъ сюда за этими ружьями. Особенно процвѣтаетъ кузнечное мастерство въ деревняхъ Масляной и Юшкзеръ.

Тѣ изъ Кореляковъ, которые не ищутъ успѣха въ торговлѣ и не хотятъ возиться съ наковальнями, избираютъ себѣ особое занятіе, также чрезвычайно полезное, — именно кораблестроеніе; но такъ какъ это занятіе требуетъ особаго искусства, опытности и навыка, то, разумѣется, дается не всякому. Поэтому число корабельныхъ мастеровъ очень не велико; это искусство, такъ же какъ и кузнечное, передается отъ отца къ сыну и составляетъ нѣкотораго рода наслѣдство, завѣщанное предками своимъ потомкамъ. Верстахъ въ 15-ти отъ города Кеми есть большая корельская деревня Подъужемье, въ которой живутъ потомственные судостроители. Къ нимъ всегда обращаются поморы, когда желаютъ строить ладьи. Эти мастера не знаютъ ни плановъ, ни чертежей, но руководствуются при строеніи судовъ только навыкомъ и какимъ-то архитектурнымъ чутьемъ.

Обезпеченные означенными ремеслами, Кореляки кажутся настоящими аристократами въ сравненіи съ остальнымъ частію своихъ земляковъ, которые не имѣютъ коммерческихъ способностей и не знаютъ ни кузнечнаго, ни корабельнаго мастерства. Эти люди

достоинны сожалѣнія по несчастной своей участи. Они въ полномъ смыслѣ рабы богатыхъ поморовъ, имѣющихъ мореходныя суда. Не занимаясь скуднымъ земледѣліемъ, эти бѣдняки нанимаются матросами на поморскія ладьи, и за какія-нибудь тридцать рублей серебромъ обязаны вести тяжкую жизнь въ работѣ на морскихъ промыслахъ въ теченіе всего лѣта, т.-е. съ мая до октября. Деньги, которыя получаетъ такой бѣднякъ, составляютъ все его достояніе. Можно судить—достаточно ли ихъ для того, чтобы на нихъ прокормить цѣлый годъ семейство и уплатить подати? Разумѣется ихъ мало, и потому бѣднякъ обращается къ своему хозяину, чтобы тотъ ссудилъ его деньгами или хлѣбомъ, за что обязуется заработать. Съ каждымъ годомъ несчастный болѣе и болѣе увеличиваетъ свой долгъ новыми займами, и доходитъ до того, что долженъ сдѣлаться вѣчнымъ работникомъ у своего хозяина. Семейство несчастнаго бѣдствуетъ въ безотрадномъ положеніи; поля запущены; все, однимъ словомъ, представляетъ крайнюю степень бѣдности; странно было бы спросить у такого бѣдняка, отъ чего поля его запущены или отданы сосѣдямъ, зачѣмъ нѣтъ у него ни коровъ, ни лошадей, отчего такъ дуренъ его домъ? подъ тяжелымъ гнетомъ своей бѣдности, несчастный не заглядываетъ впередъ, не утѣшаетъ себя никакими предположеніями и надеждами, не видитъ никакого средства къ улучшенію своего существованія; ложась спать, онъ говорить: «день прожить, слава Богу!» — радуясь, что никто изъ его семейства не умеръ съ голоду. Примѣры подобной бѣдности и зависимости отъ богатыхъ мы встрѣчаемъ и между русскими поморами.

Въ домашнемъ быту своемъ Кореляки ничѣмъ не отличаются отъ поморовъ. Наружный видъ корельскихъ деревень, расположенныхъ на берегахъ озеръ, чрезвычайно бѣденъ: вообразите себѣ десять или двадцать маленькихъ домиковъ, и вы получите понятіе о корельской деревнѣ. Домъ Кореляка состоитъ большею частію изъ одной жилой комнаты (пѣрти), освѣщаемой тремя маленькими окнами; въ углу пѣрти стоитъ печь, иногда съ трубою, а иногда и безъ нея, какъ въ черной банѣ. Подлѣ пѣрти, черезъ узенькія сѣни, находится скотный дворъ. Дома однакожъ довольно высоки, такъ что подлѣ пѣрти находится анбаръ для помѣщенія разнаго домашняго хлама и для ручной мукомольной мельницы. У болѣе зажиточныхъ Кореляковъ бываетъ еще особая чистая комната для гостей, пристраиваемая къ одному боку дома въ рядъ съ пѣрти, которая служитъ постояннымъ жилищемъ хозяевъ.

«Не красна изба углами, а красна пирогами», говоритъ посло-

вица. Эту пословицу вполне можно применить къ домамъ Кореляковъ. Гостепрѣимство есть одна изъ обязанностей, добровольно налагаемыхъ на себя каждымъ Корелякомъ; будь онъ бѣденъ или богатъ,—Корелякъ одинаково гостепрѣименъ, съ тою только разницею, что въ первомъ случаѣ онъ не въ состояніи предложить своему гостю того, что предложилъ бы въ последнемъ. Странникъ можетъ смѣло стучаться въ дверь карельскаго дома и быть заранѣе увѣренъ, что хозяинъ этого дома не откажетъ ему въ пристанищѣ. Все, что есть у Кореляка, будетъ предложено гостю, безъ всякаго вознагражденія за то. Корелякъ накормитъ путника, «чѣмъ Богъ послалъ»; принесетъ ему своей *рокки* (*), подастъ молока и хлѣба, напоитъ и накормитъ лошадь своего гостя, если она у него есть. Особенно развѣрывается гостепрѣимство Кореляковъ во время церковныхъ праздниковъ, бывающихъ разъ или два въ годъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ. За недѣлю до праздника начинаются приготовленія къ нему: въ избахъ моютъ полы и стѣны, ловятъ рыбу,—однимъ словомъ, хлопчуть, какъ бы лучше угостить многочисленную толпу гостей, которые явятся на праздникъ. Въ самый день праздника гости являются и пируютъ въ продолженіи недѣли, истребивъ все, что было для нихъ запасено, и опороживъ нѣсколько боченковъ «кануны» (**). Этими праздниками, шумными и разгульными, прерывается постоянно-тихий и однообразный ходъ домашней жизни Кореляковъ. Въ отношеніи умственнаго Кореляки стоятъ на высшей степени въ сравненіи съ Лопарями, но подобно имъ, представляютъ жалкій примѣръ невѣжества. Самая главная причина невѣжества и слѣдствій, отъ него происходящихъ, есть ихъ неграмотность.

Туземцы считаютъ Корелювъ злыми колдунами, посылающими болѣзни и несчастія.

Въ средніе вѣка вѣрили несомнѣнно, что Финны были волшебники, такъ что оба эти слова: волшебникъ и финнъ, значили тогда одно и то же. Саги, очень часто упоминая о Финнахъ, увѣряютъ, что они дѣлали чудеса: узнавали будущее, повелѣвали природою, производили по волѣ своей бури и непогоды, и что нѣкоторые чужеземцы ѣздили нарочно къ Финнамъ учиться волшебному или *финскому* искусству (Finne-Kounst). Не мудрено, что Кореляки, какъ истинные потомки этихъ Финновъ, удержали за собою суе-

(*) Рокка есть родъ похлебки.

(**) Молодой браги.

вѣрное мнѣніе о волшебныхъ своихъ знаніяхъ, и до сихъ поръ пугаютъ еще воображеніе людей, всюду готовыхъ видѣть присутствіе враждебныхъ силъ. На цѣломъ поморьѣ нѣтъ ни одного чловека, который бы былъ чуждъ этого глубоко-вкоренившагося предразсудка. Въ этомъ предразсудкѣ замѣчательна еще та особенность, что отъ волшебника ожидаютъ только одного дурнаго. «На хорошее-то у насъ нѣтъ никого, а на худое-то много найдется», — скажетъ каждый поморь, разговарившись объ этомъ предметѣ. Народное мнѣніе приписываетъ карельскимъ волшебникамъ слѣдующія способности: превращеніе людей въ животныхъ, заклинаніе или заговариваніе змѣй и насыланіе болѣзней и порчу. Излеченіе болѣзни также во власти ихъ, но это дѣлается ими или по добротѣ и любви къ лицу больному, или за деньги.

Подъ именемъ «порчи» разумѣются здѣсь болѣзни внезапныя, безъ видимыхъ причинъ, и приходящія «съ вѣтру», какъ говорятъ простолюдины. Одна изъ самыхъ обыкновеннѣйшихъ болѣзней съ вѣтру есть такъ называемыя *стрѣлы* или *стрѣлье*. Эта болѣзнь обнаруживается внезапнымъ колотьемъ во всея тѣла больного, и оканчивается смертію. Однакожъ не всегда она бываетъ смертельною, смотря по тому, какъ была «внущена». По народному мнѣнію, стрѣлы напускаются волшебниками двоякимъ образомъ: 1) для мести какому-либо лицу, и 2) просто изъ удовольствія, на какое-нибудь имя. Перваго рода стрѣлы бываютъ смертельныя, а послѣднія не такъ опасны. Увѣряютъ всѣ испытавшіе эту болѣзнь, что при леченіи ея посредствомъ вытиранія тѣла выходятъ изъ него кусочки стекла, песокъ и оленья шерсть. Присутствіе этихъ веществъ объясняетъ самымъ дѣйствіемъ, какъ пускаются стрѣлы. Именно: волшебникъ беретъ пустой коровій рогъ, наполняетъ его пескомъ, шерстью и стеклянными обломками, потомъ говоритъ заклинаніе, становится по направленію вѣтра, и приложивъ ко рту узкое отверстіе рога, дуетъ въ него. Всѣ вещества вылетаютъ; вѣтеръ подхватываетъ ихъ, и въ тотъ же мигъ летитъ болѣзнь къ лицу, зараженнаго на него обреченному злымъ волшебникомъ. Если стрѣлы были обыкновенныя, т. е. пущены не для мести за обиду, то имъ подвергается всякій первый встрѣчный, напримѣръ, онъ были назначены на имя Ивана, — и первый Иванъ, вышедшій или попавшій на струю вѣтра, несущаго стрѣлы, дѣлается боленъ. Суевѣрная мысль о «порчѣ» такъ сильно владычествуетъ надъ умами здѣшнихъ жителей, особливо поморевъ, что послужила поводомъ къ нѣкоторымъ страннѣйшимъ обычаямъ и кромѣ того произвела

замѣтное вліяніе на самый характеръ и поступки простолюдиновъ. Къ числу этихъ обычаевъ принадлежитъ такъ называемый *отпускъ* свадьбы. Ни одинъ свадебный повѣздъ, какъ въ Карелии, такъ и въ Поморьѣ, не отправится въ церковь безъ этого *отпуска*, состоящаго въ томъ, что около него обходитъ вокругъ какой-нибудь «знающій человекъ» и шепчетъ заклинаніе о неприкосновенности повѣзда отъ всякой враждебной силы. Увѣряютъ, что иногда при совершеніи *отпуска* надъ вѣзмъ повѣздомъ носится вѣчто похожее на туманъ: это силы колдуна, посланныя для погибели новобрачныхъ. Свадьбу увѣхавшую безъ отпуска, по народному мнѣнію, всегда постигаетъ несчастіе. Охотники, бродя въ лѣсу, встрѣчаются иногда съ волками, одѣтыми въ кафтаны и женскія платья, — это люди увѣхавшіе безъ отпуска. Привыкнувъ вѣрить ужаснымъ дѣйствіямъ колдуновъ, здѣшній простолюдинъ всегда недоувѣрчиво смотритъ на каждого незнакомаго ему человека, особенно если тотъ имѣетъ въ своемъ характерѣ какую-нибудь странность, или слишкомъ выразительную фizioномію, или взглядъ быстрый и пронизательный. Въ такомъ лицѣ онъ готовъ подозрѣвать колдуна и рабскою услужливостію старается задобрить его, чтобы въ противномъ случаѣ не подпасть его гнѣву. Пользуясь такою слабостію суевѣрныхъ, нѣкоторые хитрые Кореляки и Поморы очень ловко играютъ роль «знающихъ», дѣйствуя сообразно съ настроеніемъ воображенія людей суевѣрныхъ, т.-е. часто прибѣгая къ двусмысленнымъ фразамъ въ родѣ слѣдующихъ: «я вѣдь знаю, что не то у тебя въ умѣ, о чемъ говоришь»; — «я тебя вездѣ найду, хоть изъ-подъ земли достану.» У Поморцевъ и Кореляковъ (разумѣется тѣхъ, которые не считаютъ себя знахарями) есть различныя магическія средства отъ порчи. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые считаютъ превосходнѣйшимъ медикаментомъ отъ порчи кусочекъ лезвія косы, который должно постоянно носить въ правомъ сапогѣ; другіе втыкаютъ 12 булавокъ въ различныя мѣстахъ своей одежды; третьи добыли себѣ заговоръ отъ стрѣлъ; иные, наконецъ, лечатся отъ нихъ хрусталемъ, растолченнымъ въ порошокъ, принимаемая его съ водою. Но если случится, что ни эти прекрасныя средства, ни другія домашнія лекарства не помогаютъ большому, тогда отправляются за какимъ-нибудь знаменитымъ знахаремъ, живущимъ за сотни верстъ, и везутъ его къ большому. Обыкновенныя средства, которыми лечитъ корельскій знахарь, суть вода и нашептыванья.

Тайная наука волшебства, по понятіямъ народнымъ, не есть

принадлежность всякаго, но только избранных; она передается изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну или другому молодому чело-вѣку, имѣющему всѣ качества, необходимыя для такихъ знаній. Народное мнѣніе почитаетъ колдуновъ властелинами и въ то же время рабами нечистыхъ силъ, которыя требуютъ отъ колдуна непрерывныхъ дѣлъ и мучать его, если онъ не можетъ найти до-вольно занятій для своихъ беспокойныхъ сподвижниковъ. Увѣряютъ, что вмѣстѣ съ выпаденьемъ зубовъ престарѣлый колдунъ теряетъ все прежнее свое могущество и знаніе (*).

Морскія прибрежья Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ, какъ мы говорили выше, преимущественно называютъ поморьемъ. Это поморье некогда принадлежало туземнымъ жителямъ, — Кореламъ, и потому въ послѣдствіи долго носило названіе Корельскаго берега.

Новгородцы, проникнувъ сюда по рѣкамъ Двинѣ и Онегѣ, расселились по всему западному берегу Бѣлаго моря и завели тамъ, какъ я говорилъ выше, родъ колоній. Этимъ положено начало де-ревнямъ, и теперь еще существующимъ подъ древними именами своими. Жители этихъ деревень, разумѣется, были Новгородцы, но кромѣ ихъ сюда являлись и подданные другихъ княжествъ русс-кихъ, бѣжавшіе, можетъ быть, отъ наказаній за свои преступленія, или просто прельстившіеся свободою жизнью вольныхъ Новгород-цевъ. Теперь еще, кромѣ фамилій извѣстныхъ въ исторіи Новгорода, хотя уже утратившихъ и славу предковъ, и знаменитость рода, можно часто встрѣтить фамиліи Могилевыхъ, Ростовцовыхъ и проч., ясно указывающія на мѣста ихъ происхожденія.

Собирая подати съ жителей, владѣя Бѣлымъ моремъ и Ледо-витымъ океаномъ, Новгородъ извлекалъ огромныя выгоды и потому чрезвычайно дорожилъ своимъ Заволочьемъ, скрывая и защищая его отъ взоровъ князей московскихъ. Въ послѣдніе годы существованія Новгорода въ судьбѣ поморья произошла перемѣна: оно отдалось въ защиту Соловецкому монастырю, только-что возник-шему. Подъ кровомъ этой святой обители поморье выдерживало безчисленныя нападенія враговъ. Но и не для одного поморья Соло-вецкій монастырь служилъ оплотомъ; онъ защищалъ въ теченіе двухъ вѣковъ всю Россію отъ вторженія враговъ ея. По тому вліянію, какое оказывалъ этотъ монастырь на поморье, необходимо взглянуть намъ на его исторію. Въ 1429 году блаженный инокъ Германъ, жившій въ часовнѣ близъ озера Виля, встрѣтился съ пре-подобнымъ Савватіемъ, пришедшимъ на берега Бѣлаго моря; вмѣ-

(*) Верѣгагнъ — Очерки Архангельской губерніи.

ствъ переплыли они море, и, достигнувъ пустыннаго Соловецкаго острова, водрузили на немъ крестъ и поселились въ келіяхъ. По смерти Савватія, въ 1455 году, на островъ прибылъ съ Германомъ преподобный Зосима, переселившійся сюда для высокихъ подвиговъ отшельнической жизни. Слава о добродѣтеляхъ его вскорѣ привлекла сюда людей, презиравшихъ суету міра и жаждавшихъ уединенія и бесѣды съ Богомъ. По этому мало по малу построились келіи, а потомъ деревянная церковь: такъ положено было начало монастырю, называвшемуся тогда обителью св. Спаса и св. Николая. Усердіе къ святынь есть коренная добродѣтель Русскихъ; бѣдный сперва монастырь Соловецкій вскорѣ пришелъ въ цвѣтущее состояніе отъ приношеній новгородскихъ бояръ, имѣвшихъ помѣстья въ поморьѣ. Въ то время значительная часть карельскаго берега принадлежала извѣстной посадницѣ Новгорода Марѣ Борецкой. Въ 1450 году она отдала въ вѣчное владѣніе монастырю два лука (*) земли при устьѣ рѣки Сумы. Между тѣмъ поморцы, считая группу Соловецкихъ острововъ своею собственностью, обижали и притѣсняли иноковъ. Это побудило Зосиму просить у Новгорода защиты. Новгородъ внялъ ходатайству, и вскорѣ прислалъ монастырю грамоту на вѣчное владѣніе всѣми островами Соловецкими. Однако же своеволие новгородскихъ боярскихъ людей не прекращалось. Преподобный Зосима рѣшился лично просить Новгородъ о защитѣ обители. Всѣ посадники съ готовностью выслушали жалобы, только одна Марѣ не хотѣла слышать справедливыхъ просьбъ преподобнаго и даже дерзко отогнала его отъ своего дома. Но раскаявшись въ своемъ поступкѣ, она пригласила Зосиму на пиръ для испрошенія прощенія и подарила монастырю нѣсколько участковъ земли въ своихъ владѣніяхъ. Это было въ 1470 году, а въ слѣдующемъ совершилось паденіе вольнаго Новгорода (**).

Цари московскіе подтверждали права монастыря Соловецкаго на владѣнія, данныя еще во время независимости Новгорода, и сверхъ того дарили еще новыя. Такъ Іоаннъ Грозный отдалъ монастырю деревни: Шижню, Сухой Наволокъ, Островъ, Колежму, Сорочу и Суму съ соляными варницами, сѣнокосами и со всѣми угодьями. Кромѣ того далъ монастырю «несудимую грамоту», по которой всѣ крестьяне земель, принадлежащихъ обители, осво-

(*) Лукъ — дровяная мѣра, имѣющая длиннику 250 сажень, а поперечнику 64 сажени. Въ лукъ девъ обжи.

(**) Житіе св. Зосимы.

бождены были отъ зависимости свѣтской власти, но подлежали суду одного только настоятеля съ братією, разумѣется кромѣ уголовныхъ преступленій; самъ же настоятель и монашествующая братія не знали надъ собою другаго судьи кромѣ самаго царя. Феодоръ Иоанновичъ, подтвердивъ дары отца своего, пожаловалъ монастырю остальные части волостей Сумской, Умбской, Ньюхотской, Унежемской, Кемской, Подъуженской, Пибозерской, Маслозерской и Муезерской, — т.-е. около 78 луковъ земли, со всѣми угодьями. Михаилъ Феодоровичъ присоединилъ къ этому волость Шую-Карельскую, Яреискій погостъ, $\frac{3}{4}$ Керетской волости и рѣку Кумжелую, впадающую въ Унскую губу. Наконецъ Петръ и Иоаннъ Алексѣевичи подарили Орлецкія угодья, по рѣкѣ Сѣверной Двинѣ, съ известковыми каменоломнями и лѣсами.—Обладая всѣмъ пространствомъ поморья отъ Кандалакшской губы до Онежской, Соловецкій монастырь былъ центромъ дѣятельности сѣвернаго края нашего отечества; число крестьянъ подвластныхъ ему, простиралось до 5000, но въ 1762 году Петръ III Феодоровичъ повелѣлъ отобрать всѣ вотчины отъ монастырей, по этому Соловецкій монастырь лишился своихъ владѣній. При Екатеринѣ II, снова получилъ онъ ихъ, но не надолго: Императрица потомъ, учредивъ штаты для духовнаго вѣдомства, подтвердила повелѣнія своего супруга. Тогда изъ всѣхъ обширныхъ владѣній Соловецкаго монастыря оставлено было ему нѣсколько земли въ Сумской деревнѣ и Анзерскій скитъ, близъ монастыря находящійся. Не бесполезно и не для себя только владѣлъ монастырь такими богатствами, но какъ вѣрный сынъ отечества, онъ сохранялъ ихъ для его пользы, и по первому слову царскому присылалъ большія суммы денегъ для казны государственной. Во время войны Россіи съ Швецією и съ Польшей выслано было монастыремъ болѣе шестидесяти тысячъ древнихъ серебряныхъ рублей. Всего же во время существованія монастыря, поступило изъ него въ казну болѣе 100,000 рублей серебромъ. не считая оброковъ съ подвѣдомственныхъ ему крестьянъ, съ которыхъ получалось до 400 рублей въ годъ. Но кромѣ этихъ услугъ монастырь оказалъ гораздо важнѣйшія: онъ былъ стражемъ сѣверной Россіи отъ хищныхъ набѣговъ воинственныхъ сосѣдей, въ особенности отъ Шведовъ, Датчанъ и Норвежцевъ, исконно желавшихъ власти надъ Бѣлымъ моремъ.

Такъ въ 1571 году, близъ Соловецкихъ острововъ явились шведскіе корабли, имѣвшіе намѣреніе ограбить обитель, уже славную тогда своими богатствами. Семень Лупандинъ былъ посланъ

для отраженія ихъ. Шведы ушли, не сдѣлавъ нападенія на монастырь; черезъ семь лѣтъ послѣ этого для защиты монастыря былъ посланъ воевода Озеровъ съ четырьмя пушкарями и съ десятью стрѣльцами, которые привезли съ собою сто ружей, пять затинныхъ пищалей, двѣсти ядеръ и сто пятнадцать пудовъ *земля* (пороху). Къ нимъ набрали еще девяносто пять человекъ поморевъ, и съ этими силами Озеровъ, узнавъ о вторженіи Шведовъ въ Маслозерскую волость, пошелъ на нихъ, но былъ разбитъ на голову. Эта неудача заставила царя послать въ монастырь другаго воеводу, которому велѣно было набрать изъ поморцевъ сто человекъ и научить ихъ стрѣльбѣ. Такъ-какъ Шведы большею частію лѣтомъ приходили подъ Соловецкій монастырь, а въ зимнее время нападали на береговыхъ жителей, то войско монастырское должно было лѣтомъ жить въ монастырѣ, а въ зиму выѣзжать въ Помору. Приготовленія были не напрасны: въ 1580 году, зимою, Шведы появились на границахъ. Воевода Аничковъ съ небольшимъ отрядомъ укрѣпился во временномъ деревянномъ острогѣ, въ Ругозерской волости, близъ границы Финляндской. Три тысячи Каянцевъ три дня осаждали этотъ острогъ, но были отбиты храбрымъ Аничковымъ, сдѣлавшимъ отчаянную вылазку: двое шведскіхъ начальниковъ и множество рядовыхъ были убиты, другіе взяты въ плѣнъ съ оружіемъ. Въ первый же годъ своего царствованія Федоръ Иоанновичъ обратилъ вниманіе на поморье, которое такъ часто подвергалось гибельнымъ вторженіямъ Шведовъ. Онъ повелѣлъ обвести монастырь каменными стѣнами; десять лѣтъ (отъ 1584—94) продолжалась постройка этой громадной крѣпости, складенной изъ дикихъ не отесанныхъ камней. Но чтобы дать и поморскимъ жителямъ надежное убѣжище въ случаѣ непріятельскаго вторженія, то велѣно было построить деревянную крѣпость въ селеніи Сумѣ. Вотъ описаніе ея, сохранившееся въ одномъ современномъ документѣ: «Въ волости Сумѣ, на погостѣ, поставленъ острогъ косою, «чрезъ заметъ въ борозды, и въ острогъ стоитъ шесть башенъ «рубленныхъ; подъ четыре башнями подклѣты теплые, а подъ «пятою башнею поварня. А въ острогъ храмъ Никола Чудотворецъ, «да дворъ монастырской, а на дворѣ пять житницъ, да за воротъ «двѣ житницы, да у башенныхъ воротъ изба съ клетью и съ стѣнами, «а живутъ въ ней острожныя сторожы. Да въ томъ острогѣ по- «ставлено для осаднаго времени, крестьянскихъ теплыхъ подклѣ- «товъ, а въ верху клѣтки комнаты, въ два этажа построенныя, да «тринадцать житницъ.» — Имѣя крѣпости, монастырь имѣлъ сво-

ихъ собственныхъ ратниковъ, число которыхъ простиралось до 100 и до 130 человекъ, а впоследствии увеличилось до тысячи. Одна половина ихъ жила въ монастырѣ, другая охраняла границы и составляла гарнизоны Кемскаго и Сумскаго остроговъ. Однако, не глядя на эти вооруженія и ратную силу, Шведы не оставляли въ покоѣ нашего дальняго сѣвера. Въ первые же три года царствованія Михаила Феодоровича и Соловецкому монастырю наравнѣ съ прочими обителями отечества суждено было испытать тяжкія несчастія отъ буйства Поляковъ и Русскихъ измѣнниковъ, проникшихъ въ дальній сѣверъ для грабежа и разбоя. Въ 1658 году неугомонные сосѣди наши снова напали на Поморье, но двинскіе стрѣльцы успѣли разсѣять ихъ. Цѣлью Шведовъ было овладѣть всѣмъ сѣверомъ Россіи, уничтожить нашу архангельскую торговлю. Наконецъ послѣдній разъ въ царствованіе Петра Великаго, Шведы въ 1701 году пришли на судахъ въ устье Двины, чтобъ овладѣть Архангельскомъ, но потерявъ, противъ тогда еще недостроенной Новодвинской крѣпости, три судна, на остальныхъ пяти съ безславьемъ удалились во-свояси. Послѣ того наше мирное Поморье болѣе ста лѣтъ не видало враговъ. Въ 1810 и 1811 годахъ Англичане напомнили поморцамъ и тактику Шведовъ и варварство древнихъ разбойниковъ; они и тогда какъ нынче, не вступая въ честную битву съ твердынями, грабили поселенъ, требовали у Соловецкой обители выкупа, и боясь близко подойти къ ея стѣнамъ, бомбардировали издали (*).

Кромѣ Соловецкой обители Поморье имѣетъ слѣдующіе примѣчательные монастыри:

Крестный монастырь, въ Онежской губѣ, на островѣ Кіѣ, въ пятнадцати верстахъ отъ города Онеги. Патріархъ Никонъ, будучи еще монахомъ въ Анзерскомъ скитѣ, спасся на сей островъ во время бури, и поставилъ тамъ на память крестъ. Путешествуя потомъ за мощами св. Филиппа, въ санѣ новгородскаго митрополита, посѣтилъ онъ снова островъ Кій, узнавъ, что отъ поставленнаго имъ креста бываютъ знаменія милосердія Божія на молящихся ему во время бурь и волненій, и далъ обѣтъ воздвигнуть тамъ великолѣпную обитель. Въ 1656 году онъ исполнилъ этотъ обѣтъ, бывши уже патріархомъ. Обитель была воздвигнута обширная и великолѣпная, одарена богатыми вкладами. Царь Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ ей четыре тысячи пять-сотъ душъ крестьянъ. Но главная драгоцѣнность этого монастыря есть крестъ, который, по

(*) Верещагинъ — Очерки Архангельской губерніи.

заказу Никона, сдѣланъ былъ въ Палестинѣ, изъ кипариснаго дерева, въ точную мѣру Животворящаго Креста Господня, обложенъ золотомъ и серебромъ, и въ него было вложено до трехъ-сотъ частицъ отъ мощей и другихъ святинь. Военный конвой и ликъ святителей и іереевъ сопровождали сію святиню изъ Москвы до острова Кіа, куда во всемъ величїи явился и самъ обители создатель патріархъ Никонъ, дабы освятить главный храмъ новаго монастыря;—это было въ 1661 году.

Но рассказавши житье-бытье одной части поморскаго народонаселенія — Кореловъ, посмотримъ, какъ живутъ и собственно Русскіе поморы.

Въ концѣ февраля и началъ марта мѣсяца, говоритъ г. Верещагинъ, въ своихъ Очеркахъ Архангельской губерніи, (которые составляли главный источникъ при составленїи этой статьи), во всѣхъ поморскихъ мѣстахъ начинается дѣятельность, намѣкающая на скорое открытіе навигаціи. Конопатятъ, смолятъ и починиваютъ старыя ладья или торопятся окончить новыя, и ждутъ только вскрытія рѣкъ, чтобы спустить ихъ на воду. Между тѣмъ большая часть народа собирается въ дальнюю дорогу, на Мурманскій берегъ. — Это промышленники, служащіе своимъ хозяевамъ за извѣстную долю промысловъ; они имѣютъ особыя названія: *покрученники* — это наемщики изъ участка; *вешняки*, получающіе третью промысла отъ хозяина, которому идетъ двѣ части; вешняки и покрученники идутъ на мурманской берегъ сухимъ путемъ, а хозяева съ *лѣтняками*, т.-е. работниками нанятыми только на одно лѣто, послѣ всѣхъ отправляются на ладьяхъ. Прежде нежели эти *ватаги* отправятся въ дальній путь, хозяева ихъ угощаютъ обѣдомъ и вдоволь пьютъ виномъ; не смотря на Великій постъ, въ дни котораго обыкновенно уходятъ промышленники, на этихъ обѣдахъ царствуетъ разгулъ и славянское молодечество, звучитъ балайка, раздаетъ *скоморошная* (плясовая пѣсня), удалый поморъ съ штофомъ въ одной рукѣ, съ ножомъ въ другой, выплясываетъ трепака, отхватывая его, на удивленіе товарищей, минуту десять въ присядку, и вмѣстѣ съ этимъ присвистывая и потягивая изъ штофика зелено виноцо или крѣпку водочку. Но прощальный или «отвальный» обѣдъ кончился, и благочестивые поморы снова обращаются къ трудамъ и молитвѣ, многіе изъ нихъ говѣютъ и причащаются св. Тайнъ,—Богъ знаетъ всѣ ли они вернутся изъ своего опаснаго и труднаго промысла. Въ назначенный день промышленники наконецъ выходятъ изъ родныхъ своихъ деревень, въ сопро-

вожденіи своихъ родственниковъ. Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ за деревнею начинается прощаніе. Мать обнимаетъ сына, жена прощается съ мужемъ, и обливаясь слезами, креститъ малютку—сына, съ ранней поры принужденнаго раздѣлять труды съ бѣднымъ отцемъ своимъ... Распростившись, промышленники уходятъ; долго родные смотрятъ въ слѣдъ за ними, пока они не скроются изъ виду. Возвращаясь домой съ «проводинъ», каждый родственникъ ушедшаго промышленника беретъ съ мѣста раставанія какую-нибудь щепку или древесную вѣтвь и приноситъ ее домой, какъ залогъ благополучнаго возвращенія ушедшихъ. Огромное пространство отъ поморья до мурманскаго берега промышленники должны проходить пѣшкомъ; они всегда идутъ по берегамъ моря, по самымъ пустыннымъ мѣстамъ, особенно въ Лапландіи. Нѣкоторые изъ бѣдняковъ, какъ сказано, берутъ съ собою маленькихъ сыновей, для нихъ покупаютъ собакъ, и запрягши въ кережки, сажаютъ ребятъ, а сами бѣгутъ подлѣ, погоняя животное.

Между тѣмъ оставшіеся въ Поморьѣ жители, дождавшись весны, или правильнѣе вскрытія рѣкъ, начинаютъ свои двѣдательныя занятія. Въ это время по Бѣлому морю носятся по волѣ волнъ и вѣтровъ, пока не выдутъ въ Океанъ, отторгнутые отъ берега огромные пласты льда, который зимою обрамливаетъ все побережье моря. На этихъ льдинахъ, называемыхъ *торосами*, любятъ иногда полежать и понѣжиться морскія животныя — бѣлуги, нерпы, сѣрки (тюлени), морскіе зайцы. Пользуясь этимъ, поморы выѣзжаютъ на промыселъ этихъ звѣрей. Этотъ промыселъ, по времени года называемый *весновальнымъ*, а по предмету — *сальнымъ*, есть самый опасный и не рѣдко гибельный для весновальщиковъ. Вотъ какъ онъ производится: промышленники составляютъ родъ небольшихъ компаній или отрядовъ, садятся по три или четыре человекъ на пять или шесть карбасовъ и пускаются въ море. Такой отрядъ называется *ромшею*. Ромши составляютъ для того, чтобы промышленники подавали другъ другу взаимную помощь. Цѣлыя недѣли весновальщики проводятъ въ морѣ, переѣзжая отъ одной «ледины» къ другой и посматривая, нѣтъ ли на нихъ *юра* (стада) животныя. Замѣтя юро, тотчасъ пристають къ льдинамъ, вытаскиваютъ на нихъ карбасъ, подкрадываются къ добычѣ и бьютъ ее изъ винтовокъ. Эти по видимому неповоротливыя животныя очень скоро уходятъ отъ своихъ преслѣдователей, а потому ловкіе стрѣлки бьютъ ихъ непременно въ голову, чтобъ положить на мѣстѣ, иначе раненый звѣрь, нырнувши въ воду, пропадаетъ для промышленника.

Не проходить ни одной весны, чтобъ кто-нибудь изъ промышленниковъ не сдѣлался жертвою ненасытнаго моря. Но тутъ въ поморахъ укрѣпляется высокое чувство любви къ ближнему. Сколько примѣровъ ея представляютъ эти промыслы! Спасли товарища, даже посторонняго, совершенно незнакомаго, есть обязанность, и никто этимъ не хвастаетъ, не поставляетъ себя въ особенный подвигъ: ибо здѣсь спасеніе жизни погибающему есть круговая порука; бываютъ примѣры, что спасенный черезъ минуту спасаетъ своего спасителя. Однажды, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, двое промышленниковъ, промышлявшихъ на торосѣ, были внезапно отнесены въ море, на небольшомъ кускѣ тороса, оторвавшася отъ массы. Вѣтеръ и теченіе быстро уносили несчастныхъ — гибель была у нихъ передъ глазами. Вдругъ увидѣли они передъ собою мысъ, мимо котораго и вблизи долженствовала проместись льдина, служившая имъ ненадежнымъ плотомъ. Любовь къ жизни заговорила въ промышленникахъ: съ ними была только одна веревка, которую они рѣшились употребить въ дѣло. Выждавъ минуту, одинъ изъ нихъ, опоясавъ около себя одинъ конецъ веревки, бросается въ воду достигаетъ берега и прикрѣпляетъ веревку къ первому камню, но обезсилѣвъ и совершенно замерзнувъ отъ стужи, онъ замертво падаетъ на берегъ. Между тѣмъ товарищъ его, держась за веревку, счастливо подплылъ на льдинѣ къ берегу, и начинаетъ стараться спасти жизнь своему умирающему избавителю; онъ оттираетъ его, снимаетъ съ него обмерзлое платье и надѣваетъ на себя, его же закутываетъ въ свою шубу и кафтанъ—и въ свою очередь возвращаетъ своего сопутника къ жизни (*).

Наконецъ рѣки очищаются отъ льда; хозяева съ остальными работниками собираются въ путь, и почти въ каждой поморской деревнѣ начинаются спуски ладей,—и спускъ ладей есть праздникъ для цѣлой деревни. Хозяинъ приглашаетъ гостей на ладью спуститься: гости собираются на валубѣ; приходитъ священникъ и служитъ молебень. Тогда два плотника подрубаютъ разомъ два бревна, упирающіяся въ корму ладьи—и она, скользя по двумъ бревнамъ, подложеннымъ подъ низъ ея, спускается съ берегу въ рѣку при громкихъ крикахъ народа. Послѣ благополучнаго спуска, гости «вспрыскиваютъ» (**), угощаемые хозяиномъ на новомъ суднѣ; посторонніе зрители угощаются на берегу и «обмываютъ» ее (***)).

(*) Верещагинъ—Очерки Архангельской губерціи.

(**) Вспрыскивать—пить вино за благополучное плаваніе на суднѣ.

(***) Тоже что вспыскивать.

Неблагополучный спускъ ладьи мочтается знакомъ несчастія, которое скоро постигнетъ хозяина: либо ладья разобьется въ морѣ, либо умретъ самъ ея владѣлецъ.

Кромѣ этого спуска новыхъ ладей бываютъ спуски и старыхъ, съ зимнихъ стоянокъ. Чтобы ледъ замерзшей рѣки не повредилъ судовъ и чтобы въ половодье не унесла ихъ вода, всѣ ладьи, замерзающія въ рѣкахъ, становятся на стоянки—сван, вбитыя въ рѣку, которыя поднимаются выше весенняго разлива. Для спуска ладьи подкатываютъ подъ киль ея, перпендикулярно, бревна и тянутъ судно, заставляя его сдѣлать прыжокъ съ городковъ въ воду. Совершивъ такой скачекъ, ладья какъ будто бы въ ужасѣ долго качается съ боку на бокъ и размахиваетъ своими мачтами. Разумѣется такіе спуски не бываютъ торжественны, и на ладьѣ, спускаемой такимъ образомъ, нѣтъ никого кромѣ ребятъ, народа въ высшей степени неустрашаемаго, которыя громкимъ смѣхомъ изъясляютъ свое удовольствіе, когда ладья, совершая свой прыжокъ, бортами своими зачерпываетъ воду.

Но вотъ старыя и новыя ладьи всѣ спущены на воду. Тѣ изъ хозяевъ, которые еще зимою запаслись мукою и крупой изъ *города* (изъ Архангельска), прямо ѣдутъ на Мурманскій берегъ, и въ *Норвегу* (въ Норвегію); а тѣ, которые не сдѣлали этого запаса, прежде плывутъ за хлѣбомъ, а потомъ уже отправляются къ своимъ рыбопромышленнымъ стоянкамъ.

Лѣтомъ поморье пустѣетъ въ полномъ смыслѣ; оставшіеся старики, жены и дѣти, сдѣлавъ *отпускъ* скота въ поля, уходятъ на рѣчки и рѣки ловить семгу, собирать и сушить грибы, и рѣдкія изъ нихъ остаются чтобы работать въ огородахъ и на необширныхъ поляхъ своихъ. *Отпускъ* скота также дѣлается своеобразно. Здѣсь коровъ, овецъ и малое количество свиней пастухи не пасутъ: скотина все лѣто, кромѣ дойныхъ коровъ, ходитъ свободно по лѣсамъ и лѣснымъ полянамъ. Чтобы она не пропала до осени, чтобы убереглась отъ волка и злаго человѣка, Поморы считаютъ достаточноымъ пригласить какого-нибудь знахаря, который, выгнавъ скотъ въ поле, собираетъ его въ одно мѣсто, раскладываетъ съ нашептываніями огонь, и, вырывая клочекъ шерсти у cadaго животнаго, проводитъ все стадо близъ костра. Всѣ хозяева обязуются скотину до осени не бить и не продавать, иначе, по словамъ знахарей, пропадетъ все стадо.

Ловлю семги въ рѣкахъ и рѣчкахъ производятъ различнымъ образомъ, на примѣръ въ рѣкахъ дѣлаютъ изъ *хвы* (хвойныхъ

деревьевъ или прутьевъ) *закомы*, родъ забора поперегъ рѣки отъ одного берега къ другому, въ серединѣ забора оставляютъ свободный проходъ, въ который вкладываютъ мережи, въ эти мережи рыба, поднимаясь вверхъ, попадаетъ въ изобиліи; другіе ловятъ ее неводами, третью по ночамъ ее *багрятъ*, т.-е. садятся въ лодку, зажигаютъ пукъ лучины, который, горя надъ водою, освѣщаетъ ее до дна, и промышленники баграми убиваютъ рыбу, которая густыми стадами стремится къ огню.

Въ концѣ іюля, или еще и ранѣе, начинается *страда*, т.-е. сѣнокосъ и уборка хлѣба; тогда замолкаютъ человѣческіе голоса на берегахъ рѣкъ и звонкія пѣсни косцевъ женскаго пола раздаются въ пустынныхъ дремучихъ лѣсахъ Поморья; мальчишки и дѣвченки, растерявшись въ этихъ вѣковыхъ борахъ, громко аукаются между собою и набираютъ цѣлые ворохи грибовъ, которые нанизывая на нитки, сушатъ на солнцѣ и на тихомъ огнѣ.

Но оставимъ сельское народонаселеніе и посмотримъ, какъ Поморы совершаютъ морскіе свои путешествія. Они ограничиваются плаваніемъ по Бѣлому морю и Сѣверному океану, отъ сѣверныхъ береговъ Норвегіи до Новой земли; немногіе изъ нихъ ходятъ въ Петербургъ и на Шницбергъ (по здѣшнему Грумантъ). Эти самоучки корабельщики не считаютъ большимъ подвигомъ идти въ отдаленное путешествіе, но привыкнувъ къ своимъ роднымъ водамъ, они рѣдко оставляютъ ихъ; да и самое устройство ихъ судовъ заставляетъ болѣе держаться къ берегамъ (идти *бережливѣ*), кормщики же Поморовъ чудесно изучили эти берега; но если случится плыть *голоменью*, т.-е. открытымъ моремъ, тогда они прибѣгаютъ къ компасу. Здѣсь я кстати расскажу анекдотъ о знаменитомъ Антипѣ Тимофеевѣ Горьковатомъ. Это былъ отличный кормщикъ во времена Петра Великаго. Въ 1604 году Государь, будучи въ Архангельскѣ, посѣтилъ Соловецкій монастырь; съ архіепископомъ Аванасіемъ и большою свитою 19-го мая изволилъ онъ выдти въ море, на архіерейской яхтѣ. Жестокая буря захватила плавателей. Всѣ отчаялись въ жизни, молились, приобщались Св. Тайнъ и прощались другъ съ другомъ. Царь былъ бодръ, утѣшалъ всѣхъ, и узнавши, что на кораблѣ находится опытный лоцманъ, архіерейскій соловецкій *лодѣйный* нервощикъ, Антипъ Тимофеевъ Горьковатовъ, отдалъ ему команду, приказывая вести судно въ какую-нибудь пристань. Антипъ направился къ губъ Упскіе рога. Царь вѣшался въ его распоряженіи. «Если ты отдалъ мнѣ команду, то убирайся прочь, не мѣшай мнѣ; здѣсь мое мѣсто, а не твое, и я знаю, что я

дѣлаю.» Царь смиренно удалился, и тогда только, когда Горьковатовъ счастливо присталъ къ берегу, проведя яхту среди опасныхъ камней, Царь смѣясь напомнилъ Антипу его грозный окрикъ. Трепещущій кормщикъ упалъ передъ Государемъ на колѣни; но Царь, поднявши его, сказалъ: «Ты былъ правъ, а я виноватъ,—и въ самомъ дѣлѣ вмѣшался не въ свое дѣло.» Онъ подарилъ на память Антипу бывшее на немъ мокрое платье, выдалъ пять рублей на одежду, двадцать пять рублей въ награду, и навсегда освободилъ отъ монастырскихъ работъ (*).

Въ царствованіе Петра Великаго, другой кормщикъ изъ Поморевъ отличился своею истинною сыновнею преданностію къ отечеству. Я говорю о знаменитомъ Иванѣ Рябовѣ. — Шведы подошли къ Новодвинской крѣпости, твердыни которой не были окончены, а только возводились. Два русскіе лоцмана явились ко врагамъ и повели ихъ на вѣрную гибель, подъ новопоставленныя батареи, и два судна посадили на мель. Одинъ изъ нихъ былъ убитъ, другой спасся; это былъ Иванъ Рябовъ. Потомки обоихъ удалцевъ сдѣланы обѣльными крестьянами.

Не смотря, что суда Поморевъ суть суда промышленныя, на нихъ все-таки есть свой порядокъ и своя дисциплина. Кормщикъ имѣетъ полную власть надъ экипажемъ, и не бывало примѣровъ, чтобы послѣдній выходилъ изъ повиновенія. Точно какъ и на всякомъ благоустроенномъ кораблѣ, наблюдается вахта, хотя иногда не болѣе какъ изъ двухъ человѣкъ, управляющихъ рулемъ.

Къ сентябрю мѣсяцу, всѣ поморскія суда съ грузами рыбы и мягкой рухляди (мѣхами), то съ Мурманскаго берега, то изъ «Норвеги» спѣшатъ прибыть въ Архангельскъ, гдѣ въ то время начинается ярмарка. Распродавши свой товаръ, Поморы отправляются домой, гдѣ родные ждутъ ихъ съ нетерпѣніемъ. Этотъ послѣдній путь хотя и не великъ, но за то очень опасенъ, по причинѣ поздняго времени года, осеннихъ тумановъ и «первыхъ зазимокъ» — перваго снѣга, который, гонимый шкваломъ, валется на судно, леденитъ мачты, паруса, снасти, и лишаетъ ладью обычнаго бодрого и скорого движенія.

Въ деревняхъ начинаютъ ждать «вѣтренныхъ» (т. е. пришедшихъ съ вѣтромъ) гостей; чуть лишь подуетъ «шорянка» (вѣтеръ съ моря), матери посылаютъ дѣтей своихъ на колокольню смотреть, не покажется ли гдѣ въ морѣ парусъ. Замѣтивъ его, ребята хоромъ

(*) Дѣлвія Петра Великаго, собранныя Голиковыми.

возвѣщаютъ о томъ, крича съ своей обсерваторіи на всю деревню: «Матушка, ладейка чапъ-чапъ-чапъ чебанить.» Этотъ протяжный крикъ продолжается до тѣхъ поръ, пока ладья или не скроется изъ виду, или не пристанетъ къ берегу и не броситъ якорь. — Въ послѣднемъ случаѣ хозяинъ или кормщикъ пришедшей ладьи, помолясь Богу, тотъ-часъ съѣзжаетъ съ нея на берегъ и спѣшитъ домой, но по суевѣрному обычаю, не прямо по улицѣ, а крадется за заборами такъ, чтобъ взойти въ домъ незамѣченнымъ никѣмъ изъ проходящихъ. Картину свиданія съ родными я не описываю—предоставляя читателю вообразить самому. Но не думайте чтобъ начались повѣствованія пришельца о его подвигахъ, случаяхъ изъ его морской жизни въ послѣднихъ мѣсяцахъ, или рассказы о выручкѣ. Нѣтъ, помолвившись домашнимъ иконамъ, перецѣловавшись съ женою, дѣтьми, родными—онъ идетъ въ баню, потомъ вышедши изъ нея, садится за обѣдъ, и этотъ обычай вкорененъ до того, что ежелибъ Поморъ возвратился домой въ глубокою полночь—ему сейчасъ то-пять баню и готовятъ обѣдъ.

Родственники другихъ Поморовъ, еще не возвратившихся, узнавъ о прибытіи судна, тотчасъ приступаютъ къ пріѣхавшимъ съ разспросами о здоровья своихъ родныхъ. Ежели съ кѣмъ-либо изъ этихъ отсутствующихъ случилось несчастіе, то возвратившіеся не вдругъ, а исподволь сообщаютъ горькую вѣсть, и жена или мать погибшаго Поморца узнаетъ о своемъ несчастіи, постепенно приготовленная. Такъ какъ умершіе въ морѣ лишаются по необходимости церковнаго обряда погребенія, то родственники покойнаго совершаютъ по немъ панихиду. Созвавъ вечеромъ всѣхъ своихъ родныхъ, они, на другое утро, идутъ къ обѣдѣ съ громкимъ плачемъ; впереди толпы идетъ мальчикъ, неся икону. Придя въ церковь, икону ставятъ на налоѣ и окружаютъ ее зажженными свѣчами. (При обыкновенномъ погребеніи покойниковъ, присутствующіе въ церкви не держатъ свѣчь въ рукахъ, но прикрѣпляютъ ихъ къ краямъ гроба.) (*).

Остатокъ осени и начало зимы проходитъ въ отдохновеніи. Потомъ опять начинаются груды, хотя спокойныя, но столь же тяжкіе, какъ и морскіе. Они состоятъ въ охотѣ за птицами и лѣсными звѣрями, въ вываркѣ соли и въ ловлѣ сельдей. Охотниковъ между Поморами очень мало, и потому промыселъ этотъ мало развитъ, хотя нѣтъ, кажется, ни одного Помора, который не умѣлъ

(*) Верещагинъ—Очерки Архангелской губерніи.

бы владѣть винтовкой. Для ловли птицъ дѣлають иногда особыя западни, устроявая ямы и слегка покрывая ихъ хворостомъ, или прилаживая надъ ними крышку, такъ что она закрывается отъ прикосновенія неосторожной птицы, неминуемо попадающей въ яму. Бьютъ изъ винтовокъ дикихъ оленей и ходять на медвѣдя; но на послѣдняго нападаютъ съ большой осторожностью; охотники, выходя изъ деревни, наблюдаютъ, чтобы объ этомъ не знала ни одна женщина. Въ противномъ случаѣ, ежели хотя одна баба узнаетъ, что охотники пошли на медвѣдя, то ужъ нельзя ждать уснѣха, а лучше не ходить. Если охотники пойдутъ на медвѣдя, когда онъ еще не забрался въ берлогу, то вблизи ея кладутъ на вѣтви деревьевъ жерди и устрояють помость, расположившись на которомъ, выжидаютъ медвѣдя, чтобы пустить въ него пулю. Но когда уже медвѣдь расположился на зимовку въ берлогу, тогда охотники, вооружившись толстымъ шестомъ, бросаютъ въ отверстіе пукъ хвороста, чтобы раздражить звѣря, что, разумется, имъ вскорѣ и удастся. Разсерженный медвѣдь выползаетъ, и едва лишь высунетъ свою морду изъ отверстія, какъ охотники быстро суютъ конецъ шеста въ берлогу, выше головы медвѣдя, и, наклоня другой конецъ шеста къ землѣ, стараются такъ притиснуть животное, чтобы оно не подвинулося ни впередъ ни назадъ; въ то же время товарищи охотниковъ стрѣляютъ его въ голову.

Выварка соли занимаетъ много рабочихъ рукъ въ Поморьѣ. Это занятіе такъ же старо, какъ рыбные промыслы. Въ прежнее время соловарины составляли одинъ изъ главныхъ доходовъ монастырей, къ которымъ онъ были приписаны. Впослѣдствіи онъ были отобраны въ казну. Нынѣ казна отдаетъ эти варницы частнымъ лицамъ съ тѣмъ, чтобы они платили пошлины за каждый пудъ соли по одиннадцати копѣекъ серебра. Всѣхъ соловарныхъ заводовъ на берегахъ Бѣлаго моря считается до тридцати пяти. Соль, добываемая прямо изъ моря, называется «морянкою», а вывариваемая изъ колодезь—«ключевою». Последняя нѣсколько лучше, или крѣпче первой. Вотъ самый способъ выварки соли: въ большомъ сараѣ, построенномъ на берегу моря, устанавливають на четырехъ столбахъ огромный желѣзный ящикъ «черень», такъ что онъ виситъ отъ земли въ нѣкоторомъ разстояніи на желѣзныхъ полосахъ, прикрѣпленныхъ къ столбамъ. Къ самому почти черену прокапываютъ отъ берега канаву, для того чтобы морская вода подходила къ самому ящику. Наполнивши черень водою, «разсолонь», подкладываютъ подъ него огонь. Разсолъ мало по малу нагревается, кипитъ и пре-

вращается въ пары. Во время кипѣнія всплываютъ на верхъ грязь и прочія вещества, которыя снимаютъ лопатками. Когда замѣтятъ, что уже вся вода испарилась, то уменьшаютъ огонь и потомъ оставшуюся въ черенѣ массу выгребаютъ изъ него и сушатъ на воздухѣ.—Въ водѣ Бѣлаго моря, по химическимъ изслѣдованіямъ, содержатся слѣдующія составныя части: соленокислая сода и магнезія, сѣрниокислая магнезія и известь, и углекислая известь и магнезія. На здѣшнихъ варницахъ каждый день вываривается до семи-десяти пудовъ соли, и на каждый пудъ ея употребляется одна сажень дровъ. Въ теченіе цѣлаго года во всѣхъ солонварняхъ получается до ста сорока тысячъ пудовъ и болѣе, а продается до ста тысячъ пудовъ, на сумму тридцать четыре тысячи рублей серебра.

Сельдяной промыселъ занимаетъ первое мѣсто послѣ трескового. Особенно сельдяная ловля велика въ поморскихъ деревняхъ Кандавакшъ, Поньгомъ, Сорокъ и въ другихъ мѣстахъ Онежскаго залива. Самое благоприятное время для этого промысла считается августъ и сентябрь, потому-что сельди тогда бываютъ жирнѣе. Сельди складываются по очищеніи въ небольшіе боченки и пересыпаются солью: каждый боченокъ сельдей стоитъ около тридцати копѣекъ серебромъ, иногда дороже и дешевле, смотря по обстоятельствамъ. Зимой выловленные сельди лежатъ въ поморскихъ деревняхъ цѣлыми грудами на улицахъ; ихъ продаютъ не счетомъ, а мѣрою. Сотни возовъ каждый день, нагружившись этой рыбой, уѣзжаютъ въ сосѣднія губерніи. Торговля сельдами идетъ шумно и дѣятельно. Не смотря однакожъ на легкость сельдянаго промысла, часто промышленники платятся за нею своею жизнію, потому-что прибрежные торосы внезапно отрываются отъ берега и уносятся въ море вмѣстѣ съ рыболовами.

Обозрѣвши одну сторону изъ жизни Поморовъ, взглянемъ и на другую. Какъ люди трудолюбивые, они имѣютъ полное право на часы свободы и веселья. Зима, — любимица русскаго челоуѣка, особенно жителя сѣвера, — даетъ Поморамъ возможность и досугъ провести ее весело. Разумѣется, Поморы, какъ люди православные, не веселятся въ посты; только святки и заговѣнныя проводятъ они сообразно съ своими понятіями и обычаями. На второй или третій день Рождества начинаются посидѣлки или *вечерины*. На нихъ собираются толпы дѣвушекъ и мужчинъ, заранѣе созданныхъ хозяевами. Каждая дѣвушка является на вечерину съ своею собственною свѣчю и непременно съ какимъ-нибудь рукодѣльемъ, съ пря-

жею или шитьемъ. О святкахъ на вечерни являются *хухольники*. Это какія-то пугала въ вывороченной на изнанку шубѣ или въ другихъ одѣяніяхъ, надѣтыхъ самымъ страннымъ образомъ. Но хухольники никогда не надѣваютъ маски (по здѣшнему личины), считая это грѣхомъ; они закрываютъ свое лицо или нарядомъ, или платкомъ. При появленіи хухольника, вечерина оживляется; измѣнивъ голосъ, онъ сыплетъ остроты, прибаутки. Иногда начинается тавецъ *шинъ* (*), очень похожій на французскій кадрили; мѣсто музыки, разумѣется, занимаютъ пѣсни, сообразно съ фигурами этого живаго танца. Веселыя святки проходятъ, но вечерины продолжаютъ по прежнему до Великаго поста. Каждый день, исключая кануновъ предъ праздниками, у кого-нибудь непременно есть вечеринка. Мужчины, прежде нежели войдутъ въ комнату, постучать сперва въ окно съ троекратнымъ возгласомъ: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!» Безъ этого возгласа они не имѣютъ права войти въ домъ. Вечерина продолжается непременно за полвочь, и поморъ (**), проболтавши всю ночь, приходитъ домой *очень рано* — когда его домашніе уже проснулись. Но ему не до сна, потому-что долженъ тотчасъ ѣхать куда-нибудь въ лѣсъ за дровами или привезти воды и проч. «Неужели онъ не спитъ?» спросите вы. Не безпокойтесь; этотъ вопросъ онъ рѣшаетъ очень просто. Запрягши лошадь, онъ преспокойно ложится въ сани, и направивъ привычнаго коня по извѣстной дорогѣ, спитъ до тѣхъ поръ, пока не пріѣдетъ къ лѣсу. Сдѣлавъ что нужно, — онъ отправляется домой, какъ ѣхалъ впередъ. Вознаградивъ такимъ образомъ прошлую ночь, онъ опять идетъ на привлекательную вечеринку. — Въ это же праздничное время бываютъ свадьбы. Если невеста — дѣвушка бѣдная и родители ея не имѣютъ средствъ снабдить ее всѣмъ нужнымъ, то она, въ сопровожденіи подругъ своихъ, ходитъ изъ дома въ домъ къ богатымъ людямъ, которые надѣются на нее чѣмъ могутъ; это называется *просицы* невесты. Прекрасный примѣръ великодушія и состраданія къ бѣдности! Богатыя невесты, не нуждаясь въ пособіи, ходятъ однакожь къ своимъ родственникамъ и знакомымъ *«топмакатъ»*, — почему это и именуется *паканьяма*. Во все это время невеста ходитъ въ парадномъ платьѣ;

(*) Кромѣ *шина* употребительны, какъ здѣсь такъ и въ прочихъ мѣстныхъ губерніи, хороводныя игры: *круги*, *тройки*, и *застѣлокъ*. Эти танцы чрезвычайно тихи и монотонны.

(**) Само собою разумѣется, что это молодой человекъ, да и то не всякій.

голова покрыта новязкою изъ широкихъ хазовъ (*), унизанныхъ бисеромъ; прочая одежда состоитъ изъ сарфана, обшитого хазами, и широкихъ бѣлыхъ рукавовъ, подвязанныхъ лентами. Обряды свадебные весьма различаются одни отъ другихъ даже въ самыхъ близкихъ деревняхъ Поморья, хотя главное остается вездѣ. Таковыя напримеръ: безчисленные обѣды и ужины, которые заставляютъ удивляться вѣстимости русскаго желудка, и безъ которыхъ свадьба не въ свадьбу. Въ некоторыхъ мѣстахъ Поморья свадьба составляетъ торжество для всѣхъ жителей селенія. Когда свадебная процессія не по необходимости, а по обычаю возвращается пѣшкомъ изъ церкви, то окна всѣхъ домовъ иллюминуются; даже бѣднякъ считаетъ долгомъ поставить на свои окна какой-нибудь огонекъ. Въ послѣдній день предъ Великимъ постомъ умолкаетъ шумъ веселья и праздности. Въ этотъ день готовятся къ посту, просятъ другъ у друга прощенія въ грѣхахъ и за тѣмъ же ѣздить на могилу умершихъ родственниковъ (**).

Какъ вы видите, внутренняя и вѣшняя жизнь Поморцевъ очень недурна; труды сопряженные съ удальствомъ, всегдашнее присутствіе духа во время промысловъ, ежели не богатство, то по крайней мѣрѣ почти повсемѣстное довольство, вотъ ихъ жизнь вѣшняя; добродушіе, гостепріимство, простота нравовъ—достоинства ихъ внутреннія; но что говоритъ не въ ихъ пользу—это привязанность къ тому, что заведено прежде, нежеланіе улучшить что-либо нововведеніями, даже отвращеніе и боязнь ко всему новому, и главная причина такой слѣпой приверженности къ заведенному порядку есть — раскольниковство, неразлучное съ тысячью предразсудковъ, оковывающее умы Поморцевъ. Расколъ появился въ Поморье почти такъ же, какъ и въ Москвѣ. Исправленіе книгъ послужило первымъ поводомъ къ нему. Соловецкіе грамотѣи-монахи, получавшіе значительныя деньги за переписку церковныхъ книгъ, возстали противъ печатанья, противъ Никоновскаго исправленья, обитель наполнилась недовольными, противъ нее надобно было употребить военную силу, и послѣ семи-лѣтней осады, въ 1677 году, монастырь былъ очищенъ отъ раскольниковъ. Во время осады многіе мятежники бѣжали съ острова въ Поморье и сѣли тамъ съмена раскола. Главнѣйшія теперь изъ сектъ существующихъ здѣсь суть: Аввакумовская, Филипповская и Аристовская.

(*) Хазъ — золотистая лента изъ позумента.

(**) Верещагинъ — Очерки Архангельской губерніи.

Каждый народъ, каждое племя народа, имѣетъ свои повѣрья и преданья, у каждаго есть свои поговорки. Въ этихъ преданіяхъ и поговоркахъ выражается внутренній смыслъ тѣхъ людей, которымъ принадлежать они. Въ преданіяхъ Поморовъ нѣтъ ни богатства вымысла, ни занимательности въшнѣяго содержанія, въ нихъ только вы увидите, что Поморы главною добродѣтелью ставятъ трудъ, необходимою—гостепрѣимство, порокомъ—своеволіе, преступленіемъ—присвоеніе чужой собственности. Въ поговоркахъ выражается ихъ религіозный характеръ, наприимѣръ:

Отъ Холмогоръ до Колы тридцать три Николы.

Бѣдненькій охъ—а за бѣдненькимъ Богъ.

Безъ креста да молитвы не будетъ ловитвы.

Сколько Богу помолился—столько рыбой нагружился.

На торсахъ держись, а самъ молись.

Кто знается съ Николой милостивымъ, тотъ будетъ счастливымъ.

За ладью хватайся, а Богу канайся (*).

Какъ мы говорили выше, собственно Поморье состоитъ изъ двухъ уѣздовъ, Кемскаго и Онежскаго. Разумѣется главными мѣстами здѣсь два уѣздныхъ города, Кемь и Онега.

Кемь была нѣкогда помѣстье Марѣы посадницы; это помѣстье было пожертвовано своею владѣтельницею, около 1450 года, Соловецкому монастырю, вмѣстѣ съ другою волостью Сумскою. Въ 1579 и 1581 годахъ Шведы выжгли Кемскую волость. Въ 1591 подтверждено владѣніе ею Соловецкому монастырю, а для защиты ея, на островъ Ленъ, лежащемъ на рѣкѣ Кемѣ, построенъ острогъ, и Кемь названа *Кемскимъ городкомъ*. Острогъ сломало напоромъ льда въ 1749 году и совершенно разрушило въ половинѣ 1763 года. По отобраніи церковныхъ имѣній въ 1780 году Кемской городокъ былъ причисленъ къ Вологодской, а въ 1785 къ Олонецкой губерніи, и въ немъ учрежденъ уѣздъ. Замѣчательно, что этотъ городъ ѣздилъ открывать Державинъ, бывшій губернаторомъ въ Олонцѣ, и едва не погибъ въ бурю, которая застигла его на морѣ. Въ 1802 году Кемь перечислена въ Архангельскую губернію (**). Кемь бѣдный городъ, съ двумя тысячами жителей. Торговля его ничтожна, ибо Поморы сбываютъ плоды своихъ промысловъ и закупаютъ все для себя нужное не въ Кемѣ, а въ Архангельскѣ.

(*) Канайся — молиться.

(**) Пушкаревъ.—Описаніе Россійской имперіи.

Городъ Онега, получившій свое названіе отъ рѣки, впадающей въ Онежную губу, стоитъ на устьѣ ея. Городомъ она сдѣлана изъ слободы въ 1780 году. Этотъ городъ тоже, что и Кемь — хуже иного великороссійскаго села. Собственно въ Онегѣ торговли нѣтъ никакой; хотя и назначена въ декабрѣ ярмарка — но это назначеніе остается безъ исполненія—сѣзду на эту ярмарку не бываетъ. Къ Онежскому уѣзду принадлежатъ: Крестной монастырь, въ Онежской губѣ, въ пятнадцати верстахъ отъ Онеги, на островѣ Кіъ; Соловецкій монастырь и Троицкій скитъ на Анзерскомъ островѣ, въ пяти верстахъ отъ Соловецкаго. Мы уже говорили о Соловецкой обители, скажемъ теперь только то, что въ стѣнахъ ея погребено тѣло знаменитаго келаря Троицкой Лавры, Авраамія Палицына.

Уѣзды Архангельскій, Холмогорскій, Шенкурскій и Пинежскій, составляютъ сердце Архангельской губерніи. Здѣсь сосредоточена вся торговля этого отдаленнаго края, климатъ здѣсь умереннѣе, чѣмъ въ Лапландіи и Поморьѣ, народонаселеніе гуще и жители живутъ въ большемъ изобиліи, чѣмъ въ западныхъ частяхъ губерніи.

Вся эта страна, заключающаяся между рѣками Мезенью и Онегой, по обѣ стороны Сѣверной Двины, которая, также какъ и двѣ предшествующія, владаетъ въ Бѣлое море, по большей части покрыта хвойными лѣсами, которые здѣсь достигаютъ своего полнаго развитія, своей громадной величины. Вступая въ эти лѣсные пространства, вы кажется теряетесь въ ихъ сѣнистыхъ пустыняхъ. Ничто не прерываетъ окружающаго васъ безмолвія; песчаністая дорога вьется между вѣковыхъ сосенъ, елей и пихтъ, которыя обдаютъ васъ своимъ смолянистымъ бальзамическимъ запахомъ, закрывая широкимъ сводомъ своихъ вѣтвей отъ солнечныхъ лучей, которые, какъ будто зная кратковременность своего владычества, льются на пробудившуюся природу съ усиленнымъ жаромъ. Но вотъ вдали послышались голоса и веселая пѣсня, при поворотѣ вамъ повстрѣчалась толпа крестьянъ, они идутъ дѣлать «сѣчу». У каждаго изъ нихъ за поясомъ топоръ, у нѣкоторыхъ въ рукахъ вилы и длинныя шесты. Буйный народъ мальчишески съ хохотомъ и визгомъ бѣжитъ передъ взрослыми работниками. Повстрѣчавшись съ вами, они вѣжливо снимаютъ шляпы и съ удивленіемъ смотрятъ на вашъ экипажъ—проѣзжій господинъ рѣдкость въ здѣшнемъ краю.

Послѣдуете за этою толпою. Весело и шумно она движется впередъ; вотъ она своротила съ проѣзжей дороги на едва замѣтную лѣсную дорожку, и достигаетъ цѣли своего назначенія.

Нѣсколько десятинъ срубленнаго лѣса, которымъ у насъ не побрезгивали бы употребить на постройку барскихъ хоромъ, лежатъ безо всякаго порядка. Одни изъ пришедшихъ работниковъ принимаются «валать» (рубить) еще другой участокъ лѣса. Тѣ, которые пришли съ вилами, и мальчики, начинаютъ разводять огонь, раскладывая его въ разныхъ мѣстахъ и зажигаютъ уже прежде срубленный лѣсъ. Густой дымъ поднимается къ небу, вороны и птицы, спугнутыя имъ и голосами человека, кружатся по воздуху, изсохшіи валежники и буроломъ хрустятъ подъ стопами медвѣдя, который по добру по здорову снѣжить убраться подальше, въ какой-нибудь уединенный глубокой оврагъ, и рѣзвая бѣлка, прыгая съ дерева на дерево, кажется съ удивленіемъ глядитъ на этотъ лѣсной пожаръ, произведенный человекомъ. Но для чего же этотъ пожаръ? для чего это губленіе лѣса? — Это дѣлаютъ *сѣчу*. Тамъ, гдѣ росъ густой лѣсъ, нынѣшній годъ будетъ только вешель, осенью легкая соха съ вернаго земледѣльца по этому пространству пеняковъ нацарапаетъ кой-какъ борозды, засѣютъ ихъ рожью, и тамъ, гдѣ величались развѣсистыя деревья, зазеленѣтъ озимь. Года два, три здѣсь будутъ сѣять хлѣбъ, но отъ корней пойдутъ отпрыски, эта *сѣча* обратится въ сѣмокосную поляну, покуда эти отпрыски, не смотря на соху, косу и стада, не образуются въ мелкій лѣсъ, который, получивъ названіе молодяка, совершенно воспретятствуетъ всякой обработкѣ земли.

Кромѣ сѣчей, у здѣшнихъ земледѣльцевъ есть и поля, которыя, очищенные отъ корней, каждагодно сильно унавоживаемыя, представляютъ собою подобіе нашихъ великороссійскихъ нивъ. Я говорю подобіе, потому что эти поля, по причинѣ холодной своей почвы, поздней весны и раннихъ осеннихъ, или лучше сказать, лѣтнихъ морозовъ, даютъ плохіе урожан, такъ что хлѣбъ здѣсь убираютъ въ прозелень и даютъ доспѣвать ему въ копнахъ.

Земледѣльческія орудія этихъ нахарей очень просты: односошная и двусошная соха; первая преимущественно употребляется для пашни пнистой сѣчи; легкая борона, серпъ, коса обыкновенная и коса короткая, т.-е. маленькая коса, насаженная на короткій косникъ; косецъ, употребляя ее, долженъ нагибаться, а потому это орудіе хотя и удобнѣе серпа, но въ свою очередь довольно утомительно. Среднее число носѣва бываетъ въ цѣлой губерніи:

	Озимаго.	Яроваго.	Картофелью.
У государственныхъ крестьянъ.	6176 четв.	36169 четв.	3177 четв.
Въ удѣлѣ.	8415 —	18,959 —	2435.—(*)

(*) Пушкаревъ—Описаніе Архангельской губерніи.

Слѣдственно на душу всего народонаселенія выстѣвается озимаго и яроваго хлѣба около двухъ четвериковъ.

Среднее число урожая бываетъ самъ-четверть; отделивъ необходимое количество для жосѣва, едва ли останется на душу четверть хлѣба; понятное дѣло, что этого недостаточно, а потому много хлѣба привозится изъ сосѣдственныхъ губерній, въ особенности Вологодской и Тобольской. Также и въ этой средней, лучшей части Архангельской губерніи, *заболонь* въ общемъ употребленіи, хотя у крестьянъ удѣльнаго вѣдомства, благодаря заботливости повѣчительнаго правительства, *заболонь* повсемѣстно замѣнена картофелемъ, который въ пищу нашихъ сѣверныхъ простолюдиновъ составляетъ отличный суррогатъ.

Само собою разумѣется, что тамъ гдѣ плохо идетъ земледѣіе, вслѣдствіе мѣстныхъ неудобствъ и климата, огородничество, требующее и лучшей почвы и болѣе благораствореннаго воздуха, имѣетъ еще меньшее развитіе, нежели земледѣшество, а потому въ Архангельской губерніи капуста имѣется только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, огурцы растутъ только въ парникахъ, а арбузы и дыни въ теплицахъ, одна только рѣпа и другой ея видъ, брюква, разводятся повсемѣстно и вмѣстѣ съ картофелемъ составляютъ единственные овощи, доступные простонародью.

Потребность сильнаго удобренія и плохіе урожаи заставляютъ мѣстныхъ домохозяевъ предпочитать сѣнокосы нивамъ, а потому изобиліе сѣна, особенно въ уздахъ Архангельскомъ и Холмогорскомъ, позволяетъ имѣть большое количество скота. Холмогорскій рогатый скотъ, порода котораго улучшена при Петрѣ Великомъ выпискою голландскихъ коровъ и быковъ, славится во всей имперіи. Весело нвогда въ лѣсной чащѣ встрѣтить стадо этихъ прекрасныхъ животныхъ, которыя, оберегаемыя пастухомъ, вооруженнымъ вѣтовкою, и огромными собаками, не боятся нападенія медвѣдя, волкъ же не осмѣлится напасть на нихъ, потому что все стадо, склонивъ свои головы и выставивъ рога, дружно нападаетъ на хищника, который, напуганный ревомъ быковъ и коровъ, забоданный и измятый, дорого платится за свою дерзость. Конныхъ заводовъ въ Архангельской губерніи нтъ; лошадей вообще недостаточно, хотя мезенскія лошади, объ которыхъ мы будемъ говорить послѣ, составляютъ особенную породу, и славясь своею силою, выписываются въ другія мѣста имперіи. Г. Пушкиревъ въ своемъ Описаніи Архангельской губерніи увѣряетъ, что на Шенкурскую ярмарку приводится изъ другихъ губерній до пяти-сотъ головъ лошадей.

Но главный промысел жителей этих четырех уездовъ, (Архангельскаго, Холмогорскаго, Шенкурскаго и Пинежскаго) составляетъ звѣрная ловля и охота на птицъ. Число ежегодно промышленнымъ звѣрей простирается до 40,000 штукъ, въ томъ числѣ около ста пятидесяти медвѣдей, трехъ-сотъ пятидесяти волковъ, болѣе четырехъ тысячъ лисицъ и до тридцати пяти тысячъ куницъ, песцовъ, норки, бѣлки и другихъ звѣрей. Мѣткость здѣшнихъ стрѣлковъ удивительна, рѣдкій изъ нихъ потратитъ даромъ зарядъ, и, не хуже Кореляковъ, бѣлку они стрѣляютъ только въ мордочку.

Нерѣдко въ лѣсахъ Архангельской губерніи вамъ встрѣтятся одинъ, а по большой части два, три или четыре человека, вооруженные винтовками. Если у васъ настроено, или лучше сказать; разстроено воображеніе, вы пожалуй почтете ихъ за какихъ-нибудь романтическихъ бандитовъ; успокойтесь, при завѣдываніи нашихъ гг. исправниковъ, вы рѣдко гдѣ найдете разбойниковъ, тѣмъ болѣе на дальнемъ сѣверѣ, гдѣ честность и безкорыстіе развиты болѣе нежели гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, и эти люди, которыхъ вы встрѣтили съ такимъ страхомъ, просто или звѣрные промышленники, или охотники занимающіеся стрѣльбою птицъ.

Бродячая жизнь этихъ людей имѣетъ свою поэтическую сторону. Какъ я говорилъ уже выше, вдвоемъ, втроемъ, а иногда и четверомъ они отправляются на охоту. Снаряды ихъ состоятъ или изъ винтовки, или изъ одноствольнаго съ кремнемъ, рѣдко двухствольнаго ударнаго ружья, сумы, по большей части сдѣланной изъ кожи тюленя, замѣняющей ягдташъ, широкаго и длиннаго ножа, у нѣкоторыхъ рогатины и у рѣдкихъ собаки; одѣтые лѣтомъ въ кафтаны, а зимою въ самоѣдское платье, и подвязавши лыжи, они углубляются въ свои темные лѣса. На берегу какого-нибудь пустыннаго озера или быстрой рѣчки они устраниваютъ временное ставовище, т.-е. сооружаютъ довольно просторный шалашъ, навѣсъ для развѣшиваяя шкуру убитыхъ звѣрей, и горнушку, нѣчто въ родѣ печи на открытомъ воздухѣ. Съ разсвѣтомъ они оставляютъ свое временное жилище и идутъ по росѣ высматривать слѣдъ звѣря. Если это окажется медвѣдь и слѣдъ говоритъ, что мохнатый житель лѣсовъ часто изволитъ прогуливаться около этихъ мѣстъ, то гдѣ-нибудь на густомъ деревѣ устраниваютъ палаты и дожидаются своей добычи; если же между ними есть какой-нибудь славный и неустрашимый стрѣлокъ, то идутъ куда ведетъ слѣдъ, и рѣдко случается, чтобъ медвѣжья шкура ускользнула отъ нихъ. На волка они нападаютъ безо всякой предосторожности, бить лисицу дѣло

шуточное, на куницу, песца и норку пороку не тратят, их ловят капканами, но шаловливую и проворную бѣлку надобно стрѣлять. Въ сумерки наши охотники возвращаются къ своему становищу; убитая дичина, грибы и набранныя ягоды составляютъ ихъ ужинъ; разумѣется, иногда бываетъ въ употребленіи и фляжка съ виномъ. Пообѣдавши и поужинавши,—ибо обѣдъ и ужинъ у нихъ бываетъ одно и то же,—они начинаютъ рассказы о своихъ охотничьихъ походахъ, о томъ, какъ «дѣдушка лѣсовикъ» (лѣшій) обошелъ Ивана или Петра, какъ онъ Богъ знаетъ какъ заблудился въ такую тущобу, что въ ней и среди лѣта холодно какъ въ погребъ, а звѣрь такъ «я кишить кишмя». Хотѣлъ было онъ стрѣлять «красноподпалыхъ» (лисицъ), да ружье все осѣкается и съ каждой осѣчкой лиса или замыкаетъ какъ кошка, или захрюкаетъ какъ свинья, а надъ нимъ на «большой-большущей» пихтѣ хохочетъ сова да размахиваетъ крыльями, вотъ и понялъ онъ, что занесло его сюда «нелегкимъ», оробѣлъ онъ «маторно» (очень), инда пятки затряслися, сотворилъ молитву да подержался за крестъ указательнымъ пальцемъ и мизинцемъ, въ глазахъ стало темно, а какъ открылъ онъ ихъ, то и догадался, что зашелъ въ Юдкину пушу, гдѣ давнымъ-давно жилъ Корела Юдка, колдунъ изъ колдуновъ и страшный кудесникъ; да съ крестомъ ему стало «не боязно» (не страшно), и онъ легко вышелъ на воймерскую дорогу, а оттуда было какъ рукой подать, не болѣе семи верстъ до ихъ становища. Иногда подобные рассказы, ежели только охотники не раскольники, смѣняются пѣснями, занесенными сюда или съ береговъ Волги, или подслушанными въ городъ (Архангельскъ) у лихихъ матросовъ. Когда промышленники набьютъ много «звѣрья», то на время, не болѣе какъ дня на два, а иногда и на одинъ, возвращаются домой, а тамъ снова утопаютъ въ лѣсныхъ пространствахъ,—вольное, славанное житье, при разсказахъ объ которомъ я невольно вспоминалъ нашего описателя подмосковной охоты: то-то бы онъ тамъ набрался и охотничьихъ разсказовъ и интересныхъ личностей, которыя точно какъ живые портреты улеглись бы подъ его перомъ.

Птицеловствомъ преимущественно занимаются въ Пинежскомъ уѣздѣ, впрочемъ этотъ промыселъ существуетъ и въ другихъ уѣздахъ. Птицъ промышленляютъ въ этихъ мѣстахъ ежегодно до 85,000 штукъ, въ томъ числѣ болѣе половины рябчиковъ, до 12,000 куропатокъ и до 10,000 тетеревей. Гагарь бьютъ въ приморскихъ мѣстахъ. Гагачій пухъ доставляетъ значительныя выгоды промышленникамъ. Около морскихъ же береговъ тѣ рыбпромышлен-

ники, которые не ушли на Мурманскій берегъ съ настоящими поморами, ловятъ рыбу, которая вездѣ въ изобиліи.

Жители этой полосы губерніи живутъ гораздо чище и опрятнѣе жителей поморья; здѣсь вы не встрѣтите деревень въ десять или восемь дворовъ—нѣтъ, тутъ безпрестанно попадаются многолюдныя села, двухъ-этажныя бревенчатые дома весело смотрятъ на широкую улицу; обыкновенно въ такомъ домѣ въ одной половинѣ нижняго этажа помѣщается «стряпушка», комната, въ которой стряпаютъ кушанье, въ другой «теплое стойло», отдѣленіе для мелкаго скота, преимущественно для телятъ, которые не вынесли бы на дворѣ суровой сѣверной зимы; иногда въ это теплое стойло вводятъ и коровъ, особливо ежели которая изъ нихъ чѣмъ-либо захвораетъ. Въ верхнемъ этажѣ на одной половинѣ одна или двѣ чистыя горницы, а на другой холодныя свѣтлицы, въ которыхъ живутъ только лѣтомъ. Божіи храмы по большей части деревянные, но выстроены хорошо и роскошно изукрашены внутри благочестивыми прихожанами и добродетельными дателями. Чувство религиозное развито на сѣверѣ сильно, народъ набоженъ и усерденъ къ Божіимъ храмамъ. Кажется всю эту полуночную страну осеняетъ духъ тѣхъ святыхъ отшельниковъ, которые, оставивши всѣ прелести земныя, углубились въ пустыни Поморья и лѣса мытшиней Архангельской губерніи, чтобъ предаться уединенію и молитвѣ. По водвореніи этихъ анахоретовъ въ нашихъ сѣверныхъ Ошандахъ, вокругъ нихъ собрались ученики и устроились обители. Кромѣ тѣхъ, о которыхъ мы говорили выше, въ Архангельскомъ уѣздѣ находятся еще слѣдующія обители:

Архангельскій монастырь, во имя Архангела Михаила, на мысѣ, составляющемъ средину нынѣшняго Архангельска, издревле называвшагося *Пурь-наволокъ* (мысъ Пурь). Этотъ древній монастырь оснванъ въ началѣ XV столѣтія, по благословію новгородскаго архіепископа Іоанна. Нѣсколько разъ эта обитель терпѣла разореніе отъ Шведовъ, нѣсколько разъ она служила убѣжищемъ окрестнымъ жителямъ во время нападенія безпокойнаго сосѣда, и около нея, какъ всегда и вездѣ около пустынныхъ мѣстъ поклоненія Богу, къ которымъ стремятся богомольцы въ извѣстное время года, образовалась ярмарочная торговля, а потому мало по малу заселилась и довольно многолюдная слобода, которая, возведенная въ достоинство города, подъ названіемъ Новыхъ Холмогоръ, служила главнымъ мѣстомъ торга съ Англичанами, послѣ того какъ судьба печально завела Ченселера на берега Двины.

Названіе этого города Новыми Холмогорами удержалось не долго: монастырь далъ ему свое имя.

Николаевскій Карельскій монастырь, ближе къ устью Двины, въ тридцати четырехъ верстахъ отъ Архангельска, достопамятнѣйшій тѣмъ, что здѣсь присталъ Ченселеръ и что до основанія Архангельска здѣсь была корабельная верфь, почему Англичане долго называли Архангельскъ *Портомъ св. Николая*. Монастырь основанъ на томъ мѣстѣ, гдѣ погребены два утонувшіе въ Двинѣ сына Марѣи посадницы, Антонъ и Феликсъ, какъ названы они въ записи Марѣи. Гробница ихъ находится въ соборной монастырской церкви. Каменное строеніе церковей обители произведено было при усердномъ храмостроителѣ, царь Алексій Михайловичъ, между 1664—1673 годами. Подъ церковью Успенія была прежде тюрьма, гдѣ содержались государственные преступники; здѣсь былъ заключенъ, при Екатеринѣ I лишенный сана, архіепископъ новгородскій Теодосій, потомъ погибнувшій во времена Бирона (*). На монастырской колокольнѣ находится колоколъ, съ надписью: *Лѣта 7182 (1674) іюля въ 25 день, вылитъ сей колоколъ, набатной, Кремля города Спасскихъ воротъ, вѣсу 150 пудовъ*. Другая вырѣзанная надпись говоритъ, что царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ отдалъ сей колоколъ въ 7189 году въ Николаевскій Карельскій монастырь. Основываясь на томъ, что знаменитый *вечевой Новгородскій колоколъ* былъ повѣшенъ у Спасскихъ воротъ въ Москвѣ и назвался *набатнымъ*, полагаютъ, что онъ разбился въ одинъ изъ московскихъ пожаровъ, перелить въ 1674 году, и слѣдовательно, находящійся въ Карельской обители *набатной колоколъ* есть знаменитый *вечевой новгородскій*. Предположеніе сомнительно, ибо подвержено сомнѣнію: былъ ли привезенъ *вечевой колоколъ* въ Москву? исполнялъ ли онъ въ нашей бѣлокаменной должности *набатнаго*? и не висѣлъ ли, какъ и всѣ колокола завоеванные Москвою у другихъ княжествъ и городовъ русскихъ, на Ивановской колокольнѣ?

Пертомскій монастырь находится на Бѣломорскомъ берегу близъ Унской губы, во ста двадцати верстахъ отъ Архангельска. Два инока соловецкіе, Вассіанъ и Іона, утонули, плывя въ Соловецкую обитель, въ 1566 году; тѣла ихъ выкинуло на берегъ, и жители Унскаго посада погребли ихъ тамъ, гдѣ они были найдены. Съ 1599 года, по происходившимъ надъ гробницею св. иноковъ знаменіямъ, устроили здѣсь монастырь.

(*) Пушкаревъ—Описаніе Архангельской губерніи.

Въ Холмогорскомъ уездѣ:

Успенскій двѣицкій монастырь въ Холмогорахъ. Первоначально основанъ во имя Владимирскія Божія Матери и находился въ трехъ верстахъ отъ города. Архіепископъ Аѳанасій перевелъ его въ Холмогоры, наименовавъ Успенскимъ, и первою игуменью была родительница владыки Аѳанасія. По причинѣ обветшанія строенія монастырскаго въ 1798 году велѣно было перевести монастырь въ огромный архіерейскій домъ, гдѣ нѣкогда обитали холмогорскіе владыки. Это зданіе весьма замѣчательно въ историческомъ отношеніи. Его воздвигъ архіепископъ Аѳанасій, употребивъ на постройку шесть лѣтъ времени и шесть тысячъ пять-сотъ рублей серебромъ, сумму весьма значительную по тогдашнему времени. Съ 1691 до 1744 года оно было жилищемъ холмогорскихъ архіереевъ, но тогда велѣно было его взять въ казенное вѣдомство, и этотъ домъ, съ 1744 года, былъ мѣстомъ заключенія бывшей правительницы государства, принцессы Анны Леопольдовны, супруга ея, принца Антона Ульриха, и дѣтей ихъ. Плѣнники перевезены были сюда изъ Ораніенбурга. Здѣсь, кромѣ двухъ принцессъ, привезенныхъ малолѣтними, родились, въ 1745 и 1746 годахъ, и жили принцы Петръ и Алексѣй; здѣсь скончалась принцесса Анна въ 1746 году, и здѣсь наконецъ умеръ принцъ Антонъ Ульрихъ, въ 1746 году. Сожалѣя объ участи сиротъ его, Императрица Екатерина II повелѣла отправить ихъ въ Данію. Ихъ перевезли на яхту, приготовленную на Двинѣ, и отвезли въ Архангельскую Новодвинскую крѣпость, откуда іюня тридцатаго, 1781 года, отправлены были они на фрегатѣ въ Бергенъ. Въ этомъ холмогорскомъ домѣ велѣно было помѣстить основанную тогда въ Холмогорахъ школу, которая однако не долго занимала его, ибо ее перевели въ Архангельскъ, и съ 1798 года въ этомъ домѣ помѣщается тихая обитель инокиннъ.

Антоніевъ Сійскій монастырь, въ девяносто двухъ верстахъ отъ Холмогоръ вверхъ по Двинѣ, на островѣ, среди Михайлова озера, близъ Сійской волости. Онъ основанъ въ 1520 году, святымъ Антоніемъ, который былъ первымъ игуменомъ его и скончался въ 1556 году. Слава о святости Антонія привлекла братію и обогатила обитель вкладами; она имѣла до трехъ тысячъ пяти-сотъ душъ крестьянъ, и ей подчинилось пять другихъ монастырей. Въ соборной церкви монастырской почиютъ подъ спудомъ мощи ея основателя св. Антонія. Іоаннъ Грозный особенно обогащалъ Анто-

нѣвъ монастырь, приказывая инокамъ молиться за погибшаго его сына и «избѣенныхъ опальныхъ людей». Въ 1599 г., по волю Годунова, привезенъ былъ сюда, здѣсь постриженъ и томился въ заключеніи знаменитый бояринъ Ѳеодоръ Пикитичъ Романовъ, родитель царя Михаила Ѳеодоровича, впоследствии великій Перво-святитель Филаретъ Никитичъ. На память своего здѣсь пребыванія, бывши уже патріархомъ, присылалъ онъ въ Сійскій монастырь богатые вклады. Монастырская ризница и библіотека монастыря особенно замѣчательны (*).

Въ Шенкурскомъ уездѣ:

Троицкій монастырь, основанъ въ 1637 году и былъ женскимъ до 1765. Упраздненный въ этотъ годъ, онъ былъ возобновленъ и учрежденъ мужскимъ въ 1779 году. Съ 1727 года, въ теченіи двадцати двухъ лѣтъ, была здѣсь игуменьей Евфимія, памятная благочестіемъ и благосклонностью къ ней Императрицы Анны Иоанновны.

Новгородцы именовали «Важскою десятиною» пространство земель по берегамъ Ваги, которое откупилъ у туземныхъ обитателей, Финновъ, богатый Новгородецъ Василій Своеземцевъ, въ началѣ XIV столѣтія. Онъ завелъ здѣсь селенія, построилъ церкви, распространилъ промышленность. Многіе его соотечественники откупили у него земли и заводили поселенія. После покоренія Новгорода *Важская область* составила особенную собственность Великихъ Князей и Царей. Потомъ она была пожалована Борису Годунову; Василій Шуйскій отдалъ ее своему брату Дмитрію; въ 1614 году она дана была въ видъ награды князю Дмитрію Трубецкому. Потомъ Важская область вошла въ составъ Шенкурскаго уѣзда. Вага славилась числомъ бывшихъ въ ней обитателей, которыя нынѣ всѣ упразднены, и оставлены или приходскими или приписными церквями. Таковы суть: *Богословскій* монастырь, въ шестнадцати верстахъ отъ Шенкурска, на берегу Ваги, при владеніи рѣки Пенешки. Основанъ, въ 1450 году, однимъ изъ потомковъ Своеземцева, Васильемъ, который принялъ въ сей обители санъ инока, съ именемъ Варлаама, и скончался въ 1462 году. Въ 1552 году обрѣтены его мощи. Монастырь упраздненъ въ 1765 году. — *Троицкая пустынь*, на рѣкѣ Кодемъ, въ пятидесяти

(*) Пушкаревъ—Очерки Архангельской губерніи.

верстахъ отъ Шенкурска, основана въ 1590 году, упразднена въ 1764 году. — *Предтеченская пустынь*, въ пятнадцати верстахъ отъ Шенкурска, на горѣ Кваль, при Юмзенскомъ озерѣ, основана въ 1654 году и съ 1790 году причислена къ Шенкурскому собору. — *Макарьевская пустынь*, въ пятнадцати верстахъ отъ Шенкурска, при озерѣ Умѣ, основана въ 1667 году, а въ 1779 году монахи переведены отсюда въ Троицкій Шенкурскій монастырь и пустынь обращена въ приходскую церковь, которая сгорѣла въ 1787 году; въ 1827 году построена на мѣстѣ ея новая, послѣ 38 лѣтъ запустѣнія. — *Николаевская пустынь*, при впаденіи въ Вагу рѣки Паденги, въ девяноста верстахъ отъ Шенкурска, основана въ XVII вѣкѣ, упразднена въ 1765 году. — *Преображенскій монастырь*, въ семидесяти пяти верстахъ отъ Шенкурска, въ Нижнетомской волости, основанъ въ XVII столѣтіи, упраздненъ въ 1764 году. — *Троицкій монастырь*, въ ста пятнадцати верстахъ отъ Шенкурска, при озерѣ Клонѣ и рѣчкѣ Кондрусь, основанъ въ XVII столѣтіи и упраздненъ въ 1764 году. — *Успенская пустынь*, въ семидесяти верстахъ отъ Шенкурска, на рѣкѣ Шермѣ, въ Верхотомской волости, основана въ XVII столѣтіи, упразднена въ 1764 году. — *Введенскій монастырь*, въ восьмидесяти верстахъ отъ Шенкурска, при рѣчкахъ Пуѣ и Уздрѣ, основанъ въ XVII столѣтіи и упраздненъ въ 1764 году. — *Вознесенская пустынь*, въ девяноста верстахъ отъ Шенкурска, на рѣкѣ Шеренгѣ, основана въ 1650 году. Замѣчательно, что въ ней собранія монаховъ никогда не было, и первоначально жилъ одинъ основатель ея, по возведеніи котораго въ санъ архимандрита, пустынь была необитаема двадцать пять лѣтъ, пока опять поселился и прожилъ въ ней *одинокимъ* благочестивый инокъ шестнадцать лѣтъ. Упразднена въ 1764 году. — *Николаевская пустынь*, въ двухъ-стахъ сорока верстахъ отъ Шенкурска, на рѣкѣ Пижмѣ, основана въ 1503 году, упразднена въ 1764 году. — *Воскресенская пустынь*, въ двухъ-стахъ двадцати верстахъ отъ Шенкурска, на рѣкѣ Термингѣ; упразднена въ 1764 году. — *Спаская на бору пустынь*, въ ста восьмидесяти верстахъ отъ Шенкурска, основана въ 1653 году и упразднена въ 1685 году. — *Николаевскій монастырь*, въ двухъ-стахъ восьмидесяти верстахъ отъ Шенкурска, на рѣчкахъ Кокшенгѣ и Мохрушѣ, основанъ въ 1576 году и упраздненъ въ 1764 году. — *Зосимо-Савватіева пустынь*, приписанная къ Маркушевскому монастырю, въ тридцати верстахъ отъ него, на рѣкѣ Кокшенгѣ, основана въ 1574 году, упразднена въ 1764 году. — *Спаская и Николаевская пустыни*, на рѣкѣ Печенегѣ и

ври Бабьемъ озерѣ, обѣ приписанныя къ Маркушевскому монастырю, упразднены въ 1764 году.

Въ Пинегскомъ уѣздѣ.

Красногорскій монастырь, въ десяти верстахъ отъ Пинеги, на берегу рѣки Пинеги, на горѣ, основанъ въ 1606 году, послѣ явленія въ немъ иконы Владимирскія Богоматери. Другая чудотворная икона, хранящаяся въ монастырѣ—*Грузинскія Божія Матери*, вывезена изъ Персїи, въ 1629 году, послѣ чего установлено праздновать ей августа двадцать втораго. Ежегодно приносятъ ее изъ Красногорскаго монастыря въ Архангельскъ.—Здѣсь погребенъ князь *Василій Васильевичъ Голицынъ*, любимецъ царевны Софїи, умершій въ ссылкѣ, въ Пинегѣ.

Архангельскій монастырь, въ ста пятидесяти верстахъ отъ Пинеги, основанъ въ началѣ XVII вѣка, въ селѣ Веркольскомъ, послѣ открытїя нетлѣнныхъ мощей святаго Артемїя, отрока, погребеннаго въ приходской церкви Веркольскаго села, въ 1544 году.

Церковь въ селѣ *Ламбаевскомъ*, на берегу Пинеги, въ семи-десяти пяти верстахъ отъ города Пинеги, близъ рѣки Уры, была монастыремъ; основанный въ 1615 году, онъ упраздненъ въ 1777 году (*).

Теперь отъ храмовъ Божїихъ обратимся къ жилищу челоуѣка. Въ этой средней части губерніи находится губернской городъ Архангельскъ и уѣздные: Холмогоры, Шенкурскъ и Пинега.

Какъ мы уже говорили выше, Архангельскъ выстроенъ былъ по повелѣнію царя Феодора Иоанновича близъ Архангельскаго монастыря и назывался Новыми Холмогорами. Городъ этотъ состоялъ изъ деревянной крѣпости или острога, въ которомъ заключался Архангельскій монастырь; съ трехъ сторонъ его обрыли ровомъ, четвертую его сторону составлялъ берегъ Двины; внѣ острога построены два гостинные двора, *Русскій* и *Нѣмецкій*, также деревянные. Въ 1587 году учрежденъ былъ здѣсь *посадъ*, и торговля сюда переведена съ устья Двины. Въ 1637 году пожаръ опустошилъ городъ, посадъ и монастырь. Послѣдній перенесли изъ города на версту выше по рѣкѣ, на урочище *Нячеры*. Снова началъ строиться городъ, снова горѣлъ нѣсколько разъ, и опять возникали на пожарахъ дома и домики, какъ въ 1669 году—онъ совер-

(*) Пушкаревъ — Очерки Архангельской губерніи.

шенно былъ опустошенъ поджигателями (воровскіе люди). Царь Алексій Михайловичъ прислалъ на слѣдующій годъ «иноземныхъ градодѣльцевъ» Петра Марселиса и Вильгельма Шарфа. Они заложили каменное обширное зданіе на мѣстѣ гостинныхъ дворовъ, составляющее продолговатый четырехугольникъ въ шесть-сотъ сажень въ окружности, въ два этажа, съ шестью башнями къ берегу Двины. Тутъ находилась таможня, Русскій и Нѣмецкій гостинные дворы. Строеніе продолжалось до 1684 года, кирпичи привозили изъ Голландіи, и когда оно было кончено, то, уже не говорю о Русскихъ, иностранцы удивлялись его громадности и стройности. Этотъ гостинный дворъ на сѣверѣ ставилъ Архангельскъ на степень примѣчательныхъ городовъ по своему строенію.

Царь Алексій Михайловичъ понималъ всю важность нашей Бѣломорской, или лучше сказать, заморской торговли и старался въ глазахъ просвѣщенной Европы, громадными постройками выказать силы своей Россіи, которая подъ премудрымъ его правленіемъ начала эти силы развивать въ своеобразныхъ формахъ.

Петръ Великій, въ первый пріѣздъ свой въ Архангельскъ, заложилъ на Саламбольскомъ островѣ, отдѣляемомъ рѣкою *Кузнечихою* отъ города, Адмиралтейство, и около него населилъ слободы матросовъ и рабочихъ, а въ селеніи на Моисѣевскомъ островѣ, лежащемъ какъ-разъ передъ устьемъ Кузнечихи, построилъ себѣ дворецъ. Въ пріѣздъ свой въ 1701 году Государь, для защиты Архангельска и своего Адмиралтейства, въ восемнадцати верстахъ ниже Архангельска, въ Березовскомъ устьѣ Двины, на *Линскомъ* островѣ заложилъ крѣпость *Новодвинскую*. Въ томъ же году эта неоконченная крѣпость Новодвинская, или, какъ называетъ ее простонародье, *Новодвинка*, выдержала нападеніе Шведовъ. Архангельскъ былъ Петромъ Великимъ защищенъ, но торговля его подорвана Петербургомъ, и великолѣпные гостинные каменные дворы, построенные Алексіемъ Михайловичемъ, обветшали и были разобраны въ 1786 году. Средняя часть зданія уничтожена, и нынѣ на ея мѣстѣ находится тюремный замокъ, Нѣмецкій гостинный дворъ во время Петра былъ отдѣланъ особо и назывался *Монетнымъ дворомъ*—нынѣ это груда развалинъ. Русскій гостинный дворъ обновленъ въ послѣдніе годы царствованія Императрицы Екатерины II, и въ настоящее время помѣщается тамъ таможня съ поклаузами, почему и называютъ ее *Таможеннымъ замкомъ*. Къ таможенѣ пристроена на берегъ Биржевая зала.

Теперь архангельское адмиралтейство, на Саламбольскомъ

островъ, съ принадлежащими къ морскому вѣдомству зданіями, домами начальника порта и чиновниковъ, казармами для рабочихъ матросовъ, госпиталими и селеніями, занимая пространство около двухъ квадратныхъ верстъ, составляетъ отдѣльную часть города.

Здѣсь просвѣщенное общество моряковъ и чиновниковъ адмиралтейства живетъ какъ подобаетъ жить вездѣ порядочнымъ людемъ, съ тою только разностью, что среди этихъ господъ наше славянское гостепримство еще сильнѣе развернулось подъ вліяніемъ сѣверныхъ обычаевъ. Кто разъ попалъ въ этотъ задушевный и образованный кругъ, тотъ долго не забудетъ своихъ милыхъ собесѣдниковъ. Присовокупите къ этому возможность имѣть книги, пользоваться удовольствіемъ клуба, иногда театральными представленіями, хотя представленіями не отличныхъ артистовъ, но тамъ, гдѣ въ удовольствіяхъ мало разнообразія, тамъ не бывають разборчивы. Разумѣется лѣтомъ жизнь въ Архангельскѣ гораздо веселѣе чѣмъ зимой; какъ только вскроется рѣка, одѣнется лѣсъ въ свой весенній нарядъ, весна дохнетъ своимъ ароматнымъ благоуханіемъ, въ свободное время начинаются загородныя поѣздки на гичкахъ, катерахъ и легкихъ ладьяхъ; устроиваются пикники, и гдѣ-нибудь на живописномъ побережьи Двины раздается лихая пѣсня матросовъ, между тѣмъ какъ дамы приготавлиють чай, и мужчины, покуривая гаванскія сигары, слушаютъ рассказы какого-нибудь моряка, о томъ, какъ онъ ходилъ кругомъ свѣта съ Лазаревымъ, Литке или Коцебу, какъ онъ любезничалъ съ королевою острова Отаити, или мѣнялся церемонными поклонами съ китайскими мандаринами. Разумѣется, въ этихъ компаніяхъ не участвуетъ архангельское купечество, оно ведетъ свой собственной кругъ и забавляется по-своему, расточая другъ другу русское хлѣбосоельство, употребляя громады разныхъ мясныхъ и рыбныхъ кушаній, орошая ихъ привозными винами и ромомъ. Природныя архангелогородки, жены и дочери мѣстнаго купчества и мѣщанства, очень красивы, но большая часть изъ нихъ лишены всякаго образованія, многія изъ нихъ, а равно и семейства ихъ, придерживаются раскольниковства. Также какъ и въ селахъ, вечеринки составляютъ одно изъ главныхъ удовольствій молодыхъ людей обоого пола торговаго сословія. На этихъ вечеринкахъ немудрено встрѣтить нарумяненную, набѣленную и насурмяленную красавицу, на которой надѣто жемчугу и брилльянтовъ на двадцать тысячъ рублей—любуйтесь этой куколкой издали, но не подходите къ ней, не заговаривайте съ нею: въ первомъ случаѣ, видя, что вы не принад-

лежите къ ея кругу, она страннымъ образомъ переконфузится, схвативши платокъ въ обѣ руки, завертять нествово своими пальцами, а во второмъ, потупя глаза въ землю, изрѣдка взглядывая на васъ изъ-подлобья, будетъ или молчать или ограничится отвѣтами да или нѣтъ. Вотъ ежели вы принадлежите къ купечеству, носите бороду, ходите въ сибиркѣ, да еще можетъ быть и въ красной рубашкѣ съ косымъ воротомъ — о, въ такомъ случаѣ это иное дѣло: она развернется передъ вами, скажете вы какую-нибудь глупость — она громко захохочетъ, вздумаете вы съ ней пройтиса пошлудать, она вамъ отколетъ такое коленцо, что просто на чудо.

Видъ какъ города, такъ и Саламбольской слободы, соединяющейсѣ съ нимъ плашкоутныѣмъ мостомъ, очень хорошъ. Большое число Божіихъ храмовъ, каменныхъ зданій какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, каменная набережная, сдѣланная на протяженіи 1655 сажень, дѣлають Архангельскъ очень красивымъ городомъ.

Изъ замѣчательныхъ зданій въ городѣ Архангельскѣ укажемъ на архіерейскій домъ. Онъ заложенъ въ 1779 и оконченъ въ 1784 году. Въ Крестовой церкви этого дома хранятся *знамя* и *іерусалимскій флагъ*, подаренные архіепископу Аѳанасію, и *флагъ*, взятый съ шведскаго фрегата, при овладѣніи имъ въ 1701 году. Петръ Великій завѣщалъ хранить его, какъ *первый европейскій флагъ*, взятый въ морской битвѣ Русскими.

На главной соборной площади стѣитъ памятникъ Ломоносову. Первая мысль о сооруженіи памятника Ломоносову принадлежитъ преосвященному Неофиту, епископу архангельскому и холмогорскому (скончавшемуся въ 1825 году). Сборъ денегъ производился архангельскимъ гражданскимъ губернаторомъ Я. Ф. Ганскау и графомъ Д. И. Хвостовымъ. Памятникъ изображаетъ нашего знаменитаго поэта стоящимъ на усѣченномъ географическомъ глобусѣ, на которомъ представлена ситуація Архангельска и Холмогоръ. На полуобнаженной статуѣ Ломоносова накинута греческая тога, онъ обутъ въ греческія сандаліи, крылатый геній, преклонивъ передъ нимъ колѣна, подаетъ ему лиру. Этотъ памятникъ работы Мартоса, который славился своимъ строгимъ классицизмомъ. Надобно сказать правду, памятникъ этотъ далеко не такъ удаченъ, какъ памятникъ Минину и Пожарскому, поставленный въ Москвѣ, и сдѣланный тѣмъ же ваятелемъ: положеніе правой руки поэта не натурально, геній не граціозенъ, и кажется полуобнаженный Ломоносовъ чувствуетъ неумѣтность греческой хламиды въ арктической странѣ его родины.

Городъ имѣетъ слѣдующіе заводы: сахарный 1 (принадлежащій купцу Брандту), канатныхъ и прядильныхъ 7, салотопенныхъ 6 и водочный 1. Цѣнность мануфактурной дѣятельности Архангельска ограничивается суммою 261,000 руб. сереб.

Въ Архангельскѣ сосредоточиваются и внутренняя торговля губерніи и заграничная сѣверная торговля государства. Последней способствуетъ положеніе города, близъ моря, на большой судоходной рѣкѣ, которой составныя части: Сухона, Вычегда и Югъ, далеко вдаваясь въ губерніи Вятскую и Вологодскую, даютъ возможность удобно доставлять произведенія, нужныя для заграничнаго отпуса.

Барки и плоты, приходящіе въ Архангельскъ, уже не возвращаются, а употребляются на разныя городскія надобности: на поддержаніе мостовъ, для перевоза тяжестей на корабли, на обшивку домовъ, для тротуаровъ и т. п.

Всѣ приходящіе къ Архангельскому порту корабли останавливаются въ Саламбольской купеческой гавани; прочія же мореходныя суда проходятъ мимо ея и останавливаются въ Архангельскѣ, близъ существующихъ тамъ пристаней. — Привозимые изъ-за границы товары выгружаются въ барки, которыя обыкновенно подводятъ къ самымъ кораблямъ, и на баркахъ уже отвозятся въ Архангельскъ, для храненія тамъ, впредь до очистки пошлиною, въ покгаузахъ тамошняго замка. Въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ, за храненіе товаровъ, кромѣ установленныхъ пошлинъ, никакихъ сборовъ не производится; но если хозяева пожелаютъ оставить товары въ покгаузахъ долѣе 6-ти мѣсяцевъ, то за занятыя покгаузы платятъ оброчныя деньги, смотря по величинѣ покгаузовъ, отъ тридцати до пятидесяти рублей серебромъ въ годъ. Деньги эти отсылаются съ другими сборами въ уѣздное казначейство. Нагрузка товаровъ въ корабли производится съ барокъ, приплавляемыхъ въ Архангельскъ изъ другихъ губерній. Барки эти, въ ожиданіи нагрузки, останавливаются на рѣкѣ Двинѣ и по рукаву ея Кузнечихъ, близъ береговъ; но ежели количество товаровъ въ баркахъ, приплавленное для нагрузки въ корабли, превышаетъ потребность, то излишекъ выгружается на берегъ Саламбольской гавани, гдѣ находятся для этого биржи или складочныя мѣста съ амбарами и сараями, устроенными тѣми торговцами, которымъ товары принадлежатъ. Биржи (числомъ двадцать три) занимаютъ подъ собою пространства болѣе 10,660 квадратныхъ сажень. Онѣ преимущественно заняты пилеными досками, круглыми лѣсомъ и другими лѣсными матерьялами, привозимыми

къ Архангельскому порту для отпуска за границу. Саран, (которыхъ всего 5), заняты также лѣсными товарами и частью смолою; а 9 амбаровъ слышными и разными другими товарами.

Нагрузкой и выгрузкой товаровъ занимаются, по большей части, казенные крестьяне разныхъ уѣздовъ здѣшней губерніи, и частью архангельскіе мѣщане, нанимаемые купечествомъ въ Архангельскѣ. Браковка товаровъ для отпуска за границу производится чрезъ браковщиковъ, старостъ и ихъ помощниковъ, утверждаемыхъ въ этихъ должностяхъ департаментомъ вѣдѣній торговли, и нанимаемыхъ по выбору купечества, артельщиковъ изъ мѣщанъ и крестьянъ города Архангельска. — Такъ-какъ браковка, нагрузка и выгрузка товаровъ въ корабли производится на рѣкѣ Двинѣ изъ барокъ, обыкновенно стоящихъ у береговъ Архангельска, то доходомъ отъ нихъ пользуется архангельская городская Дума.

Первые корабли въ Саламбольскую гавань приходятъ послѣ половины мая, а отходятъ послѣ первыхъ чиселъ октября. На зиму кораблей почти никогда не остается въ Архангельскѣ, кромѣ русскихъ.

Къ Архангельску приходитъ ежегодно до четырехъ-сотъ иностранныхъ кораблей. Собственные корабли изъ архангельскихъ купцовъ имѣетъ одинъ только торговый домъ. Много причинъ, по которымъ русская торговля производится преимущественно не на собственныхъ, а на иностранныхъ корабляхъ, главная—зависть иностранцевъ, которые берутъ болѣе значительную пошлину съ товаровъ, привозимыхъ на русскихъ корабляхъ въ ихъ земли.

Сверхъ казенныхъ кораблей на Саламбольской верфи въ Архангельскѣ строятся и оснащаются и частныя суда. Этимъ занимаются два купеческіе дома.

Послѣ Архангельска лучший городъ въ губерніи безъ сомнѣнія Холмогоры; вопреки баснословнымъ преданіямъ, что Холмогоры были древнимъ *Голмгардомъ*, мы встрѣчаемъ достоверное историческое извѣстіе о *Колмогорахъ*, какъ писали встарину имя ихъ, не ранѣе половины XIV вѣка. Въ первый разъ находимъ Колмогоры въ грамотѣ великаго князя Іоанна, отца Дмитрія Довскаго. Колмогоры были издревле главнымъ мѣстомъ пребыванія новгородскихъ наместниковъ въ Заволочьи и Двинской области. Нынѣ замѣчательнъ въ Холмогорахъ древній соборъ, во имя *Преображенія*, въ послѣдній разъ перестроенный архіепископомъ Аванасіемъ, съ отдѣльною церковью *Двадцати Апостоловъ*, и старинною колокольною. Здѣсь почіютъ останки семи владыкъ холмогорскихъ.

Въ Холмогорскомъ уѣздѣ должно обратить вниманіе на слѣдующія селенія:

Куростровская волость. Послѣ сліянія съ рѣкою Пинегою, течение Двины раздѣляется, до самаго Архангельска, на множество протоковъ, образующихъ на ней острова. Два, болѣе другихъ обширные острова находятся противъ Холмогоръ, и одинъ изъ нихъ, *Куростровъ*, заселенный нѣсколькими селеніями, составляетъ Куростровскую волость. Въ одномъ изъ ея селеній, *Денисовкѣ*, въ 1711 году у казеннаго крестьянина, рыбака по промыслу, *Василья Дороеева Ломоносова*, родился сынъ *Михайло*, страстно желавшій *учиться*; онъ бѣжалъ съ родины при обозѣ съ мерзлою рыбою въ Москву, и въ 1765 году скончался въ Петербургѣ, въ чинѣ статскаго совѣтника, въ званіи академика, оплакиваемый отечествомъ, уважаемый Императрицею Екатериною, признанный патріархомъ русской словесности, человекомъ гениальнымъ, прославя дотогѣ безвѣстное имя *Ломоносова*. Послѣ него не осталось потомства. Другіе Ломоносовы, жители Холмогоръ, называютъ себя его потомками, и гордятся однороднымъ съ нимъ происхожденіемъ, но едва ли справедливо. Кромѣ сына Михаила, у Василья Дороеева Ломоносова была еще дочь Марья, выданная за крестьянина Матигорской волости, Головина, потомки коего навсегда исключены изъ подушнаго оклада и рекрутской повинности, въ 1796 году, по представленію, бывшаго въ то время архангельскимъ губернаторомъ, Николая Исаевича Ахвердова, въ уваженіе памяти ихъ великаго родственника.

Вавчуга, село выше Холмогоръ, на правомъ берегу Двины, при впаденіи рѣки *Вавчуги*, въ восьмидесяти верстахъ отъ Архангельска. Здѣсь предприимчивые холмогорскіе посадскіе люди, братья Баженины, въ концѣ XVII столѣтія, «безъ заморскихъ мастеровъ, по немѣцкому образцу», устроили лѣсопильный заводъ и завели верфь для строенія судовъ. Петръ Великій въ первое путешествіе свое въ Архангельскъ, узналъ тамъ Бажениныхъ, далъ имъ грамоту, заѣхалъ нарочно осмотрѣть ихъ заведеніе, пировалъ у нихъ, и щедро награждалъ своихъ дѣятельныхъ и умныхъ подданныхъ. Поощряемые царскою милостью, Баженины начали строить купеческіе корабли, и въ послѣднее путешествіе свое въ Архангельскъ Петръ Великій не только опять пріѣхалъ нарочно въ Вавчугу, но самъ спустилъ два корабля, приготовленные Бажениными, изъ коихъ одному выданъ былъ дипломъ на званіе корабельнаго мастера. Новыя льготы даны Баженинымъ, и сдѣлавшись

богатыми негоціантами архангельскими, они вели обширный торговльсомъ и кораблями, которые покупали у нихъ Голландцы и Датчане, кромѣ того отпускали они товары за море на своихъ корабляхъ, и старались завести китовую и сельдяную промышленность. Впослѣдствіи при упадкѣ Бѣломорской торговли, и особливо когда уничтожены были привилегіи, данныя Баженинымъ, дѣла ихъ упали и Вавчугская верфь сдѣлалась ничтожною. Имя *Бажениныхъ* достойно памяти соотечественниковъ, на ряду съ именами Строгановыхъ, Демидовыхъ, Шелиховыхъ. У потомковъ ихъ до нынѣ хранятся, какъ драгоценность, подлинныя грамоты Петра Великаго (*).

О древней Вагъ, нынѣшнемъ Шенкурскѣ, мы говорили выше. Шенкурскъ важенъ для Архангельской губерніи по своимъ ярмаркамъ, которыхъ бываетъ ежегодно двѣ: Евдокіевская 1-го марта, и Срѣтенская 2 февраля. Первая одна изъ знаменитыхъ ярмарокъ на нашемъ сѣверѣ; на нее привозятъ товару на сто-пятьдесятъ тысячъ рублей серебромъ. Главныя статьи привоза: хлѣбъ, сукно, бокалейные товары, ситцы и шелковые товары московскаго издѣлія; туземные товары: рыба, дичина, въ особенности куропатки, холстина (**), ленъ, льняное сѣмя и деревянныя издѣлія. На шенкурскихъ ярмаркахъ, кажется, всѣ разнородные обитатели являются на общее свиданіе: здѣсь вы встрѣтите и добродушнаго Лопаря, и пронырливаго Зырянина, и безпечнаго Самоѣда, и ловкаго Помора, и торговаго, промышленнаго Русина. Купцы петербургскіе, московскіе, вологодскіе, тобольскіе и пермскіе съѣзжаются сюда для торговыхъ дѣлъ своихъ, и городъ, дотогѣ тихой и почти безлюдный, оживаетъ: при этомъ наплывѣ народа, прибывшаго изъ разныхъ мѣстъ. Когда-то Шенкурскъ былъ окруженъ рубленною деревянною крѣпостью—нынѣ уже нѣтъ и слѣда ея.

Въ Шенкурскомъ уѣздѣ есть нѣсколько селеній Зырянъ, которые славятся какъ искусныя стрѣлки. Крестьяне, по большей части удѣльнаго вѣдомства, живутъ зажиточно, имѣютъ хорошо выстроенные дома, одѣваются опрятно—вся ихъ внѣшняя обстановка ясно говоритъ, что они пользуются довольствомъ и счастьемъ (***)).

(*) Пушкиревъ—Очерки Архангельской губерніи.

(**) Архангельская губернія славится своими полотнами, и, послѣ ярославскихъ полотень, архангельскія чуть ли не лучше всѣхъ.

(***) Архангельскія губернскія вѣдомости 1851 года, N 17.

До 1780 года было селеніе, называвшееся *Большой Погостъ*, и принадлежавшее къ Кеврольскому уѣзду. По обширности его передъ другими, въ немъ жилали воеводы, управлявшіе Кеврольскимъ и Мезенскимъ уѣздами. Въ 1780 году, названное Пинею, оно возведено въ степень уѣзднаго города.

Не думайте однако, чтобъ этотъ Большой Погостъ былъ очень великъ: возведенный и въ достоинство города, въ настоящее время онъ не выросъ болѣе какъ до одного каменнаго дома и семидесяти восьми деревянныхъ, какъ увѣряетъ насъ г. Пушкаревъ, въ своемъ Описаніи Архангельской губерніи. Этотъ пустой городъ оживаетъ дѣятельною, торговою, людною жизнью, только два раза въ годъ, во время своихъ ярмарокъ—Благовѣщенской съ 23 по 31 марта, и Никольской съ 4 по 12 декабря. На первой торговля идетъ преимущественно дегтемъ и пушнымъ товаромъ, приносимымъ сюда сосѣдними самоѣдами, мѣстными охотниками и даже ружейными промышленниками Вологодской губерніи. На Никольской ярмаркѣ исключительно идетъ торговля битой дичиною; рябчиковъ наваливаютъ страшные ярусы, часто не достаетъ извозчиковъ для доставленія дичи въ Москву, Петербургъ и прочія губерніи государства. У егерей пару рябчиковъ покупаютъ отъ двѣнадцати до семи копѣекъ серебромъ.

Хотя жители Пинежскаго уѣзда удалены отъ моря, главнаго питальца всѣхъ обитателей Архангелогородской губерніи, и лишены выгодныхъ морскихъ промысловъ, но они усердно занимаются хлѣбопашествомъ, еще усерднѣе того охотятся:—ружье здѣсь болѣе вѣрный кормилецъ, чѣмъ соха, а лѣса—пріютъ птицы и звѣрей—можно назвать дремучими. Народонаселеніе тѣснится по берегамъ Пинеги, которая перерѣзываетъ уѣздъ по-поламъ почти во всю длину его, а тамъ, за этими немногочисленными погостами и деревнями, тянутся пустынные лѣсныя пространства, въ которыхъ изрѣдка вы встрѣтите одинокій домикъ зыряннина, или хижину, лучше сказать, постоянный шалашъ, охотниковъ. Если вы съ звѣропромышленниками углубитесь въ эту лѣсную пустыню, то часто встрѣтите, неожиданную для васъ, живописную мѣстность—вдругъ лѣсъ становится рѣже, передъ вами открываются поляны, на которыхъ волнуется сочная зеленая трава и разстилается спокойное, свѣтлое озеро, по берегамъ котораго мѣстами поднимаются высокіе камыши, убижище дикихъ утокъ и лебедей, а за ихъ прямыми, высокими стеблями видится, какъ будто бы притаившаяся, желающая спрятаться

отъ всѣхъ, избушка охотника; сдѣлайте еще нѣсколько шаговъ, и вашъ путь преграждаетъ быстрая рѣчка, которая какъ необузданный конь прыгаетъ и несется по своему каменному ложу; въсто моста черезъ нее перекинута двѣ косматыя сосны, подрубленныя вѣтви которыхъ замѣняютъ перилы, а тамъ вдали опять синѣютъ лѣса и деревья; шелестя своими вѣтвями, они какъ-будто переговариваютъ въ полголоса и нашептываютъ на васъ сонъ.

Но статья моя выходитъ довольно велика, а я хотѣлъ было, любезный читатель, поговорить съ вами еще о Самоѣдахъ, обитателяхъ Мезенскаго уѣзда;—оставляю это до другаго раза.

ДЕВИНЕЦЪ-ПАВЛОВСКІЙ.

НИЗОВЫЕ СИБИРЯКИ И ОСТЯКИ.

(Отрывокъ изъ письма съ Иртыша).

....Растительность здѣшняя съ перваго взгляда сходна пожалуй хоть съ великорусскою, съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь много кедровъ и кедровыхъ орѣховъ; климатъ довольно влажный, потому что много рѣкъ и озеръ и мѣста большею частію болотистыя. Поэтому здѣсь нѣтъ лѣтнихъ дорогъ, а ѣздить рѣкою. Иртышъ и Обь составляютъ большую дорогу изъ Тобольска въ Березовъ. Селенія выстроены при рѣкахъ или озерахъ для ловли рыбы, которой здѣсь очень много, и которая составляетъ главную промышленность низовыхъ Сибиряковъ. Занимаясь почти только рыбною ловлею, Сибирякъ ничего не умѣетъ сдѣлать неотносящагося къ его промыслу. Нѣтъ ни столара, ни сапожника, ни портнаго, и вообще никакого ремесленнаго человѣка, за исключеніемъ какого-нибудь сосланнаго сюда на поселеніе, такъ что низовый Сибирякъ не умѣетъ себя сдѣлать сапей, а всегда достаетъ ихъ изъ Тобольска, хотя онъ и имѣетъ пол-сотни лошадей и занимается всю зиму извозомъ. А рыбу ловить мастеръ. Одинъ крестьянинъ мнѣ сказывалъ, что онъ въ двухъ тоняхъ вытащилъ три тысячи пудовъ; и такъ случается нерѣдко.

Другая промышленность у Сибиряка, не менѣе важная—кедровые орѣхи. Это прекрасный и спокойный товаръ. Въ изобильный годъ цѣна имъ бываетъ отъ 2 до 3 руб. ассиг. пудъ, но при неурожаѣ доходитъ до 8 р. Отъ нихъ получаютъ большія выгоды, кто не зѣваетъ: ихъ скупаютъ у крестьянъ, когда бываетъ урожай; а крестьяне здѣсь—что Богъ далъ, то и въ ротъ, и не любятъ, или не могутъ по бѣдности рассчитывать на будущія выгоды. Урожай орѣховъ, круглымъ числомъ можно положить, бываетъ черезъ годъ; случается такъ, что года два или три сряду бываетъ урожай, и наоборотъ. Слѣдовательно нѣтъ нужды торопиться продавать: это такой товаръ, что можетъ лежать пять лѣтъ и болѣе, развѣ только въ ста пудахъ пуда два-три усохнутъ. Рыбный товаръ безпокоенъ и опасенъ, а отъ орѣховъ вѣрная прибыль, поэтому крестьяне называютъ орѣхи золотомъ и при урожаѣ бросаютъ все занятія и идутъ за орѣхами.

Здѣсь торгуютъ еще чаемъ и сахаромъ, ржаную и пшеничную мукою, холстомъ, табакомъ и даже краснымъ товаромъ. Сибиряку

табакъ чуть не столько же необходимъ, какъ и хлѣбъ; безъ чаю также онъ рѣдко обходится. Если предвидится урожай орѣховъ, то означенный товаръ отпускаютъ крестьянамъ и въ долгъ, а послѣ получаютъ съ нихъ орѣхами, не опасаясь неотдачи: Сибирякъ всегда честно расплачивается орѣхами, рыбой, бѣлкой и т. п., но деньги съ него не мечтаетъ получить.

Выше Tobольска хлѣбъ по 10 к. с. пудъ,—такъ его много.

Въ изобиліи здѣсь родятся всякія ягоды, какія и въ великорусскихъ губерніяхъ, и ими тоже производится торговля.

Кромѣ Русскихъ, поселившихся издавна, здѣсь живутъ Остяки, коренные жители Сибири, уже давно приведенные въ Христіанскую вѣру, робкіе и глупые какъ дѣти, и сердитые какъ звѣри. Они доселѣ еще поклоняются секретно отъ начальства своимъ шайтанамъ и имѣютъ своихъ шамановъ. Шайтаны эти находятся у нихъ въ амбарахъ въ лѣсу, недалеко отъ юртъ; сдѣланы изъ мѣди или изъ дерева и одѣты въ малицу изъ оленьей шкуры (родъ безобразной рубашки, надѣваемой съ головы); въ рукахъ лукъ и стрѣла. У нихъ, какъ и у насъ, дѣлаются «приклады», состоящіе изъ соболей, лисицъ, бѣлокъ и денегъ, съ тѣмъ только различіемъ, что у насъ церковныя деньги поступаютъ въ расходъ, а у нихъ остаются неприкосновенными, и потому эти бездушныя шайтаны одушевлены и съ давнихъ поръ одушевляются прикладами добродетельныхъ дѣтелей, дѣлаясь ихъ стражами. Посылаются у нихъ также и сборщики на этихъ шайтановъ. Нѣкоторые изъ шайтановъ весьма богаты. Изъ такихъ богачей, говорятъ, есть шайтанъ на Иртышѣ, въ приходѣ села Репалова, въ такъ называемыхъ Заводннскихъ юртахъ. Это богатство у нихъ не трудно достать и запоръ самый плохой, но смерть тому дерзкому, который при этомъ случаѣ попадетъ въ руки Остяковъ. И бывалъ этому опытъ. Послѣ, когда получше узнаю здѣшній народъ, напишу обо всемъ подробнѣе.

Русскій Сибирякъ дерзокъ и неуступчивъ, передъ высшимъ себя не смолчитъ, а отколетъ такъ, какъ ему нравится. Причиною тому, какъ я думаю, ихъ артельныя работы при неводѣбѣ рыбы, гдѣ они только о томъ и разсуждаютъ и другъ друга учатъ, кому, гдѣ и какъ отвѣтять.

А. А. ДЕМ.

Юля 14, 1855.

БЫТЬ РУССКАГО ДВОРЯНИНА

ВЪ РАЗНЫХЪ ЭПОХАХЪ

И

ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХЪ ЕГО ЖИЗНИ.

«Кто хочет писать объ Россіи, тотъ
долженъ и думать по-русски.»

(Слова Императрицы Екатерины,
помѣщенные въ журналѣ Собе-
свѣдникъ 1783 года).

**ДНЕВНИКЪ ГУБЕРНАТОРСКАГО ЧИНОВНИКА ПО ОСОБЫМЪ
ПОРУЧЕНІЯМЪ.**

Отдѣльный эпизодъ.

Перезѣздъ отъ Москвы до Петербурга имѣлъ разительную противоположность съ бѣлственнымъ путешествіемъ отъ нашего губернскаго города до Москвы. — Ухабныя и раскатныя истязанія продолжались только до города Клина и далѣе верстъ на пятнадцать до Шошенской пристани; на этомъ пространствѣ проѣзжаетъ ежедневно нѣсколько тысячъ подводъ съ разными припасами изъ Москвы, и дорога по той же причинѣ, то-есть неуклюжими и неудобными старинными русскими обшевнями съ тяжелою клажею, была изрыта глубокими ухабами и раскатами. Но далѣе отъ этой пристани дорога была какъ скатерть, ни малѣйшей остановки въ лошадяхъ не было, и мы не ѣхали, а летѣли. Въ одномъ

только переѣздъ черезъ Валдайскія такъ называемыя горы, на станціи Зимогорье, потерпѣли мы, впрочемъ непродолжительное и не слишкомъ тягостное, ухабное истязаніе, но по мѣстному положенію невозможно было совсѣмъ очистить дорогу отъ глубокихъ снѣжныхъ сугробовъ. Полагать должно, что потому и названа эта станція Зимогорье. То-есть, что проѣзжающіе зимою должны неизбежно терпѣть горе. Однакожь за всеъ тѣмъ замѣтно было, что и эту дорогу по возможности очищали. Высокія снѣговыя стѣны, закрывающія большую часть избъ на этой станціи, служили тому доказательствомъ.

Губернаторъ безпрестанно превозносилъ похвалами устройство шоссе отъ Петербурга до Москвы; ему прежде часто случалось проѣзжать по этой дорогѣ, и онъ рассказывалъ мнѣ, какія мученія претерпѣвали проѣзжающіе, въ иныхъ мѣстахъ по каменистой и бревенчатой мостовой, въ другихъ по ужасной грязи и низменнымъ мѣстамъ, а на нѣсколькихъ станціяхъ по глубокимъ пескамъ; иначе нельзя было ѣхать какъ шагомъ, и еще сверхъ того ямщики съ отличнымъ искусствомъ умѣли ломать и портить экипажи, и какъ славно брали огромную плату сообщники ямщиковъ—разные мастеровые и кузнецы, за починку экипажей. Словомъ, теперь, говорилъ губернаторъ, ѣзда отъ Москвы до Петербурга сдѣлалась прогулкою, а прежде была тяжелымъ странствованіемъ.

Самый меншой братъ мой служилъ въ N. N. полку, квартировавшемъ въ окрестностяхъ Новгорода. Мнѣ очень хотѣлось повидаться съ нашимъ *Веньяминомъ*, какъ называлъ его батюшка и всѣ въ нашемъ семействѣ; но захватъ къ нему или выписывать его самого для свиданія предстояла рѣшительная невозможность. Мнѣ очень извѣстно было, что тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ я былъ нуженъ начальнику моему, для приведенія въ порядокъ и переписки разныхъ весьма важныхъ записокъ, о соображеніяхъ и замѣчаніяхъ его по ввѣренной ему губерніи. Пока накрывали на столъ и дѣлались приготовленія въ гостинницѣ къ нашему обѣду, принялся было я писать записку къ брату, чтобы

онъ попросился въ отпускъ, и немедленно прѣхалъ въ Петербургъ, для свиданія со мною, но мой дядька *Личардъ*, то-есть слуга вѣхавшій со мною, вызвалъ меня въ переднюю.

— Знаете ли что? сказалъ онъ мнѣ. Вить вашъ братецъ, *Сергій Федоровичъ*, здѣсь, и квартира его въ здѣшной гостинницѣ.

— Какъ, братъ *Сережа* здѣсь? спросилъ я у него съ удовольствіемъ. Какимъ образомъ ты узналъ объ этомъ?

— Какже-съ, я встрѣтился съ его камардиномъ, двоюроднымъ моимъ братомъ *Харламомъ*, въ корридорѣ. Мы чрезвычайно обрадовались другъ другу. Какъ ты, моль, здѣсь? спросилъ я у него. — Мы вчерась вечеромъ съ *Сергѣемъ Федоровичемъ* прѣхали и остановились здѣсь же въ трактиръ, отвѣчалъ онъ и показывалъ на дверь въ ихъ мумеръ. — Да гдѣ-же *Сергій Федоровичъ*: надобно ему доложить, что братецъ *Петръ Федоровичъ* здѣсь. — Его нѣтъ теперь дома, но я сейчасъ побѣгу отыскивать его, отвѣчалъ *Харламка*, и стремглавъ бросился по лѣстницѣ.

— Вообразите, какой неожиданный, самый пріятный мнѣ сюрпризъ, сказалъ я губернатору, возвратясь изъ передней. Меньшой братъ мой, съ которымъ мнѣ чрезвычайно хотѣлось видѣться, здѣсь самъ и стоитъ чрезъ нѣсколько нумеровъ отъ насъ.

— Который же твой братъ? спросилъ губернаторъ.

— *Сережа*, самый меньшой братъ мой, *Венъяминъ* въ нашемъ семействѣ, служитъ офицеромъ въ *N. N.* полку, квартирующемъ не далеко отсюда.

— Какъ, этотъ благообразный, блонкурый, круглолицый, краснощекій мальчикъ, которымъ я всегда любовался, бывая у твоего отца, и называлъ его херувимчикомъ съ вербы! Такъ и онъ уже офицеръ! Какъ время летитъ! впрочемъ и то сказать, съ тѣхъ поръ, какъ я называлъ его херувимчикомъ съ вербы, прошло кажется не менѣе 10 лѣтъ; какъ онъ кстати прѣхалъ сюда, какъ будто нарочно для свиданія съ тобою.

— Мнѣ чрезвычайно хотѣлось видѣться съ нимъ, отвѣчалъ я; — но захватъ къ нему или вызвать его самого сюда было невозможно; я принялся писать къ нему записку, чтобы онъ попросился въ отпускъ и пріѣхалъ въ Петербургъ, для свиданія со мною, а вмѣсто того онъ такъ кстати самъ сюда явился. Досадно только, что его нѣтъ дома, и Богъ знаетъ скоро ли его отыщутъ.

— Городъ не слишкомъ обширный, отвѣчалъ губернаторъ, да и большаго знакомства здѣсь вѣрно у него нѣтъ, онъ вѣроятно пошелъ къ кому-нибудь изъ товарищей и скоро къ намъ явится; только позволь, любезный теска, сдѣлать тебѣ репремантъ, прибавилъ губернаторъ. Зачѣмъ ты давно не сказалъ мнѣ, что у тебя братъ служить недалеко отъ Новгорода. Неужели ты могъ подумать, чтобы я не согласился на очень понятное желаніе твое видѣться съ братомъ. У насъ двѣ повозки, я дамъ бы тебѣ одну изъ нихъ, или ты взялъ бы перекладную тройку и съѣздишь повидаться съ нимъ, а я подожду бы тебя здѣсь, или ежели бъ и отправился въ путь, то поѣхалъ потише, такъ, что ты успѣлъ бы догнать меня на дорогѣ. Это, братъ теска, совсѣмъ неумѣстная деликатность.

Но губернаторъ не успѣлъ кончить, братъ мой вбѣжалъ стрѣмглавъ къ намъ въ комнату и бросился прямо мнѣ на шею.

— Какая неожиданная радость, какое счастье! восклицалъ онъ, обнимая меня и хватая цѣловать у меня руки, но я не допустилъ его, взялъ самъ своими руками его за голову, и цѣловалъ въ глаза, въ губы, въ щеки, приговаривая: ахъ ты умникъ, разумникъ, милый, добрый мой Сережа, какъ ты кстати пріѣхалъ сюда!

— А я-то какъ радъ, что совсѣмъ неожиданно встрѣтился съ вами! отвѣчалъ онъ.

Наконецъ мы оба спохватились, что наши дружескія, братскія изъясненія совершаются въ глазахъ почтеннаго, совсѣмъ посторонняго чловѣка. Братъ мой первый одумался.

— Извините, В. П., невѣжливость мою, сказалъ онъ: я такъ обрадовался, узнавши, что братецъ Петръ Фёдоровичъ здѣсь, что, вбѣжавъ сюда, даже и не поклонился вамъ.

Губернаторъ посмотрѣлъ на него съ удовольствіемъ и ничего не отвѣчалъ на извиненіе его, а далъ ему только руку.

— Позвольте мнѣ представить вамъ милаго, добраго сыночка моего Сережу, сказалъ я. Посмотрите, какой славный парень, кровь съ молокомъ, и какъ эполеты украсили его фізіономію, продолжалъ я, выправляя и оборачивая его со стороны въ сторону.

Въ это время принесли кушать — губернаторъ пригласилъ брата моего, вельѣлъ подать приборъ, и мы всѣ сѣли обѣдать.

— Какимъ образомъ ты здѣсь? спросилъ я у моего брата, Что ты, въ караулъ, или находишься при какой-либо учебной командѣ, или для обученія въ манежѣ молодыхъ ремонтныхъ лошадей?

— Ни то, ни другое, ни третье; а вотъ почему и зачѣмъ явился я сюда,—отвѣчалъ онъ. Здѣсь только что окончились дворянскіе выборы, все общество даетъ балъ вновь избранному губернскому предводителю, и я приглашенъ въ числѣ молодыхъ офицеровъ, танцоровъ нашего полка, и какъ умно и кстати придумали назначить именно сегодня этотъ балъ. Я вчера вечеромъ пріѣхалъ сюда изъ своего эскадрона, и вдругъ совершенно неожиданно встрѣтился съ вами; я не опомнися отъ радости, когда человекъ мой отыскалъ меня у одного изъ моихъ товарищей и объявилъ, что вы здѣсь,—я стремглавъ выбѣжалъ и чуть-чуть не сбилъ съ ногъ радостнаго вѣстника, прибавилъ онъ, бросившись вновь цѣловать у меня руки.

— Ты можешь вообразить также и то, какъ я самъ обрадовался, когда дядька мой Личардъ объявилъ мнѣ, что ты здѣсь. Мнѣ непремѣнно хотѣлось видѣться съ тобой, а заѣзжать или самого тебя сюда выписывать для свиданія было рѣшительно невозможно. Мы съѣдимъ въ Петербургъ,

и я принялся было писать къ тебѣ записку, чтобы ты попросился въ отпускъ, и поспѣшилъ прѣхать въ Петербургъ: мнѣ очень хотѣлось все кратковременное мое тамъ пребываніе провести вмѣстѣ съ тобою; однакожь теперешнее наше свиданіе нисколько не измѣняетъ прежняго предположенія. Ты вальсируй, полькируй, словомъ — напляшись вдоволь на сегодняшнемъ балѣ, а завтра утромъ просись въ отпускъ въ Петербургъ; я напередъ радуюсь при одной мысли, съ какимъ удовольствіемъ старичекъ, добрый нашъ батюшка, будетъ смотреть на насъ съ тобою и угощать, прибавилъ я.

— Прѣхать-то я непременно прѣйду, отвѣчалъ Сережа. Да вотъ въ чемъ бѣда: мы папеньку не застанемъ въ Петербургъ.

— Какъ не застанемъ, гдѣ же онъ? сказалъ я съ удивленіемъ.

— Папенька уѣхалъ третьяго дня, министръ командировалъ его въ сѣверныя губерніи, по какому-то важному дѣлу, не знаю зачѣмъ именно, или для ревизіи, или для слѣдствія, или для приведенія въ исполненіе какого-то новаго учрежденія по ихъ министерству. Папенька пишетъ въ прощальномъ письмѣ своемъ ко мнѣ, что онъ отправляется, можетъ быть, на долгое время изъ Петербурга, по весьма важному порученію отъ министра, и что я положенныя на содержаніе мое деньги буду получать отъ Ивана Матвѣева, управляющаго у насъ въ домѣ. Папенька вѣроятно писалъ и къ вамъ о своемъ отъѣздѣ, но вы были это время въ дорогѣ, и письма его получить не могли.

— Да гдѣ же старшая наша сестра Софья Фѣдоровна?

— Она бездѣтная вдова, никакихъ связей и обязанностей не имѣетъ, и живетъ безотлучно у насъ въ домѣ съ батюшкою.

— Куда же она уѣхала изъ Петербурга? •

— Она отправилась въ Варшаву къ сестрицѣ Варенькѣ, которой должно родить скоро, и такъ какъ сестрица Софья нѣсколько разъ говорила при мнѣ, что первые роды бываютъ всегда очень трудные, то и убѣждала мужа Вареньки отпустить

ее въ Петербургъ, гдѣ, кромѣ ближайшаго собственнаго ея надзора, и медицинскія пособія въ случаѣ нужды благонадежныя. Мужъ ея на это прежде согласился и хотѣлъ самъ привести будущую мать семейства въ Петербургъ; но теперь онъ съ бригадою своею въ Варшавѣ, и оттуда пишетъ, что жена его часто страдаетъ какимъ-то мучительнымъ припадкомъ беременности, такъ онъ опасается отпустить ее въ Петербургъ, чтобъ дорогою не разстроилось совершенно ея здоровье, и что медики, съ которыми онъ совѣтовался, подтвердили его опасеніе; послѣ этого сама сестрица Софья Федоровна тотчасъ собралась къ ней въ Варшаву и выѣхала въ одинъ день съ папенькою.

— Очень и очень грустно, что я не застаю ни батюшки, ни доброй, почтенной старшей нашей сестры въ Петербургъ, сказалъ я.— Вотъ какъ разсыялось многочисленное семейство наше, по разнымъ странамъ.— Одинъ братъ на Кавказѣ, другой при посольствѣ въ чужихъ краяхъ, третій, по собственному своему желанію, отправился путешествовать кругомъ свѣта,—ты на службѣ съ полкомъ въ Новгородѣ.— Замужнія сестры, одна въ Варшавѣ, другая въ Ревелѣ, третья въ Севастополѣ, четвертая въ Астрахани.— Богъ знаетъ, можетъ быть съ иными самыми ближними по сердцу людьми, то-есть съ братьями и сестрами, вѣкъ не увидишься,—прибавилъ я со вздохомъ.— Но за то, ежели только окажется возможность увидѣться и пробыть нѣкоторое время вмѣстѣ, то надобно непременно этимъ пользоваться, словомъ—ты, любезной Сережа, просись непременно въ отпускъ и пріѣзжай въ Петербургъ, пожить вмѣстѣ со мною во все время, можетъ быть, весьма непродолжительнаго моего тамъ пребыванія.

— Объ этомъ и говорить нечего—отвѣчалъ онъ.— Я сегодня же вечеромъ на балъ буду просить убедительно и умолять всѣхъ моихъ начальниковъ, то-есть полковаго, бригаднаго и дивизионнаго командировъ; надѣюсь, что мнѣ не откажутъ, и я завтра же отправлюсь, словомъ, послѣ завтра рано утромъ непременно явлюсь къ вамъ въ Петербургъ.

Въ продолженіе этой семейной бесѣды нашей, объѣдъ

кончился, и губернаторъ, пившій кофе, съ трубкою сидѣлъ въ безмолвіи и смотрѣлъ на насъ.

Опять меньшей братъ мой спохватился, что не совсѣмъ вѣжливо съ нашей стороны такъ долго продолжать разговоръ о семейныхъ своихъ обстоятельствахъ въ присутствіи почтеннаго, совершенно посторонняго намъ чловѣка. Онъ сталъ опять извиняться, но губернаторъ не далъ ему окончить.

— Не въ чемъ извиняться,—сказалъ онъ.—Я слушалъ съ удовольствіемъ вашъ разговоръ и любовался вами; взаимная ваша, явно не притворная, братская дружба и привязанность другъ къ другу самыми яркими чертами изображена на вашихъ лицахъ.—Я мысленно просилъ Бога, чтобы и мои дѣти были такъ же дружны между собою.

— Кому извѣстны вы такъ, какъ мнѣ, сказалъ я, тотъ нисколько не усомнится, что вамъ пріятно было и слушать и смотрѣть на насъ.—Но признайтесь, что у васъ было на умѣ еще и другое.

— А что такое?—спросилъ онъ съ улыбкою.

— Вы съ изумленіемъ смотрѣли на то, что вотъ этотъ молодецъ хваталъ нѣсколько разъ цѣловать у меня руки, и что онъ говорилъ мнѣ вы, а я ему ты.

— Признаться должно, отгадалъ. Ежелибъ случилось мнѣ, въ наше давнопрошедшее время, видѣть такого рода обращеніе младшаго брата съ старшимъ, я нисколько бы не удивился, но въ теперешнее время это большая рѣдкость.

— Надобно объяснить причину такого необыкновеннаго въ наше время явленія, отвѣчалъ я.—Вотъ этотъ миловидный краснощекій молодецъ меньшей братъ мой Сережа,—продолжалъ я, цѣлуя его,—прибылъ въ здѣшній міръ слишкомъ черезъ 10 лѣтъ послѣ моего рожденія.—Отецъ нашъ, по весьма правильнымъ соображеніямъ своимъ, о чемъ объяснилось мнѣ впоследствии, желалъ, чтобы я, съ старшею нашею сестрою, крестилъ его.—Онъ по старинному русскому обычаю явился ко мнѣ въ комнату верхомъ на кочергѣ, съ просьбою быть крестнымъ отцемъ меньшаго его сына, изъясняясь при томъ также старинными фразами пред-

ковъ нашихъ, то-есть чтобъ я не отказался привести новорожденнаго сына его въ крещеную Православную Христіанскую вѣру и былъ воспріемникомъ его отъ святой купели.— Я смѣялся прямо отъ души какъ появленію отца моего верхомъ на кочергѣ, такъ и просьбъ въ выраженіяхъ предковъ нашихъ; но приглашеніе его очень, какъ вы можете вообразить, польстило самолюбію 10-лѣтняго мальчика. Однакожь отецъ мой тотъ-часъ, когда я принесъ, разумѣется съ подержкою кормилицы и няньки, крестника своего къ постели маменьки, сталъ объяснять мнѣ, какую важную принялъ я на себя обязанность въ отношеніи къ моему крестнику; вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовалъ мнѣ, чтобы я еще подробнѣе разспросилъ объ этомъ у своего законоучителя. Потомъ въ послѣдствіи времени, чѣмъ болѣе развертывались мои умственныя способности, тѣмъ чаще объяснялъ онъ мнѣ, что, по обыкновенному естественному ходу жизни человѣческой, онъ долженъ умереть прежде меня, и что послѣ его смерти мнѣ предстоитъ важная и священная обязанность, замѣнить его, то-есть быть отцомъ и покровителемъ моего крестника, для чего и должно мнѣ пріобрѣсть собственнымъ моимъ примѣромъ, въ поведеніи и прилежаніи къ наукамъ, все право на уваженіе и довѣренность крестника своего; а ему съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ только началъ ходить и говорить, отецъ нашъ приказалъ всякое утро, здороваясь, и вечеромъ, прощаясь, цѣловать у меня руку, при томъ никогда не смѣть говорить мнѣ иначе какъ вы.—Это весьма правильно обдуманное соображеніе моего отца было чрезвычайно полезно и для меня и для него: я съ своей стороны старался, чтобы поддержать уваженіе и довѣренность его ко мнѣ, такъ хорошо вести себя, чтобъ не заслужить никогда не только наказанія, но даже и никакихъ выговоровъ, точно также и прилежаніемъ моимъ къ наукамъ хотѣлъ быть для него примѣромъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ страстно полюбилъ его и пріобрѣлъ такое уваженіе отъ своего крестника, что, когда я достигъ до 20-ти-лѣтняго возраста, а онъ былъ еще 10 лѣтъ, то-есть, когда между нами была большая разница въ возрастѣ, то я точно могъ быть покровителемъ и руковод-

ствовать его совѣтами моими, какъ отецъ сына, и онъ слушался меня во всемъ. Слова мои были для него оракуломъ.

— Да какъ-же мнѣ можно было не любить и не уважать васъ какъ отца, прервалъ рѣчь мою добрый, милый крестникъ, — когда вы съ самымъ ближайшимъ, съ самымъ нѣжнымъ попеченіемъ заботились во всѣхъ отношеніяхъ обо мнѣ: когда я еще былъ ребенкомъ, вы играли со мною, — забавляли, доставляли мнѣ игрушки, выдумывали разныя ребяческія для меня потѣхи, во время болѣзней не отходили отъ моей кровати, сами изъ рукъ своихъ давали мнѣ лекарства; а потомъ, когда пришло время посадить меня за грамоту, вы-же были первымъ моимъ наставникомъ, и далѣе, далѣе слѣдили неутомимо за постепеннымъ ходомъ моего обученія, вы совѣтами и изъясненіями своими данныхъ мнѣ уроковъ чрезвычайно способствовали къ успѣхамъ моимъ; когда-же я былъ опредѣленъ въ кадетской корпусъ, въ то время, когда вы, окончивъ курсъ въ университетъ, готовились къ выдержанію экзамена на званіе кандидата, а потомъ доктора правъ, то, не смотря на усиленные ваши занятія, вы не оставляли часто навѣщать меня въ корпусъ, приносили всегда разныя лакомства, сверхъ того ласками и дружескими совѣтами своими поддерживали прилежаніе мое. Я не имѣлъ отъ васъ никакой тайны, всегда откровенно признавался въ разныхъ кадетскихъ нашихъ проказахъ, и вы такъ искусно умѣли объяснять мнѣ о вредныхъ послѣдствіяхъ нашихъ шалостей и вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтами вашими отклоняли отъ общества и связей съ шалунами товарищами моими; къ довершенію-же всего, когда я вамъ признался въ страстномъ, непреодолимомъ желаніи моемъ служить не въ пѣхотѣ, а въ кавалеріи, вы взяли на себя склонить папеньку не противиться желанію моему. — Папенька прежде никогда не соглашался, называлъ фантазію мою служить въ кавалеріи ребячествомъ, и къ подкрѣпленію своего отказа говорилъ, что, хотя состояніе у него порядочное, но по многочисленности его семейства тяжело будетъ ему содержать меня въ кавалеріи; вы на это отвѣчали, что, ежели вы съ Божіею помощію выдержите экзаменъ на степень доктора правъ, то

по этому можете имѣть мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ, достаточнымъ для содержанія вашего, и что вы просите всѣ деньги, которыя папенька назначилъ вамъ въ пособіе, отдавать мнѣ,—словомъ, вы убѣдили папеньку, онъ согласился, и тогда вы-же по праздникамъ, когда меня отпускали домой, ходили со мною въ манежъ и обучали на свой счетъ верховой ѣздѣ.—Послѣ всего этого, я у васъ самихъ спрашиваю, можно-ли мнѣ не любить и не уважать васъ, какъ втораго моего отца,—прибавилъ братъ мой, бросившись со слезами на глазахъ цѣловать меня.

— Да какъ-же и мнѣ было иначе дѣйствовать, — отвѣчалъ я, — когда съ самаго твоего младенчества я такъ привыкъ и такъ страстно полюбилъ тебя, что врядъ-ли, ежели у меня будутъ свои дѣти, стану я ихъ такъ любить и такую-же имѣть къ нимъ привязанность, какъ къ тебѣ.—При томъ-же надобно и то сказать, что врядъ-ли найду я въ нихъ такое-же послушаніе и уваженіе, какія ты, милый, сердечный мой сыночекъ, имѣлъ всегда ко мнѣ; сомнительно также и то, чтобы они вполнѣ вознаградили меня за попеченіе мое объ нихъ, болѣе или хотя на-равнѣ съ тобою.—Учился ты съ величайшимъ прилежаніемъ и поведенія былъ примѣрнымъ, доказательствомъ этому служить то, что при выпускѣ изъ корпуса былъ ты удостоенъ въ числѣ немногихъ твоихъ товарищей, за отличіе, производства въ офицеры въ гвардію. Признаюсь,—прибавилъ я,—страшно мнѣ было разстаться съ тобою, когда тебя прикомандировали къ учебному образцовому полку для познанія порядка службы, въ то самое время, когда по должности увѣждалъ я изъ Петербурга; тяжело мнѣ было оставлять тебя безъ ближайшаго, дружескаго надзора, въ самую критическую эпоху жизни молодаго человѣка, когда въ немъ начинаютъ бушевать всѣ страсти.— Я боялся, что ты, милый сыночекъ мой, свихнешься въ поведеніи своемъ; но, благодаря Богу, опасеніе мое было неосновательно, ты выдержалъ со славою эпоху испытанія, не поддался разнымъ соблазнамъ, не попалъ въ дурное общество, сохранилъ ту же чистоту права и безукоризненное прежнее поведеніе, и я съ душевнымъ умиленіемъ и благодарностію къ Богу читалъ

твои письма ко мнѣ.—Теперь я уже ничего не боюсь за тебя: ты приобрѣлъ благонадежную самостоятельность и не совратишься съ истиннаго пути на поприщъ жизни. — Однакожь мы, братъ Сережа, опять слишкомъ завлеклись сантиментальными нашими изъясненіями и забыли, что совсѣмъ неумѣстно и не кстатѣ распространяться такъ въ бесѣдѣ о взаимныхъ нашихъ другъ къ другу чувствахъ при почтенномъ, совсѣмъ постороннемъ для насъ человѣкѣ, который еще при-томъ сплшитъ ѣхать.

— Вотъ тебѣ, любезный теска, въ особенности неприлично говорить такой вздоръ,—отвѣчалъ губернаторъ. — Ты не имѣешь никакого права почитать меня постороннимъ для себя человѣкомъ, потому что, кромѣ того, что я съ отцомъ твоимъ давно знакомъ и всегда былъ въ дружескихъ сношеніяхъ, но ты лично самъ по себѣ самый ближній мнѣ по душѣ человѣкъ, и ты, конечно, не сомнѣваешься въ этомъ.— Еще повторю то-же, что прежде говорилъ,—а именно, что я съ сердечнымъ удовольствіемъ смотрю на васъ и слушаю вашу истинно-братскій, дружественный разговоръ.—Превосходная, чудесная была мысль вашего отца, сблизить придуманнымъ имъ средствомъ старшаго брата съ меньшимъ; самый опытъ доказалъ всю пользу такого сближенія. Твое самолюбіе, любезный теска, было возбуждено съ самыхъ молодыхъ лѣтъ возложенною на тебя обязанностию быть покровителемъ меньшаго твоего брата, это предохранило тебя отъ многихъ пороковъ и соблазновъ, а къ довершенію всего ты вниманіемъ и попеченіемъ своимъ далъ настоящее направленіе всей жизни твоего крестника. Словомъ, соображеніе вашего отца имѣло полный во всѣхъ отношеніяхъ успѣхъ. Очень жаль, что я по обстоятельствамъ не могу послѣдовать прекрасному примѣру его. — Старшія мои дѣти умерли еще въ юности своей, а живыя болѣею частію погодки, или въ лѣтахъ между ими небольшая разница. — Я увѣренъ, что и крестная маменька, старшая ваша сестра, также искусно и благоразумно дѣйствовала, какъ и ты, крестный папенька.

—Приглашенная отцомъ нашимъ, также верхомъ на козлѣ, сестра моя была точно въ такомъ же восторгѣ, какъ

и я, но это приглашеніе, по взаимному между нашими родителями совѣщанію, было сдѣлано съ полезною собственно для нея цѣлью. Она была безъ-малаго четырьмя годами старѣе меня, слѣдовательно приближалась къ такому возрасту, что лѣтъ черезъ пять и даже скорѣе предстояло, мбжсть быть, и ей самой выйдти за-мужъ и сдѣлаться матерью семейства; но не смотря на то, что умственныя способности у дѣвушекъ развиваются всегда гораздо скорѣе, чѣмъ у мальчиковъ, она была еще сущій ребенокъ. Комедія, придуманная, какъ послѣ открылось, между нашими родителями, была разыграна очень удачно. Батюшка послѣ наставленія, даннаго мнѣ, какъ я прежде рассказывалъ, о важности принятой мною на себя обязанности крестнаго отца, обратился къ сестрѣ моей: — и ты, любезная моя кума, сказалъ онъ, цѣдуя ее, должна также съ своей стороны имѣть ближайшее попеченіе о своемъ крестникѣ. — Но маменька прервала его рѣчь. — Я не противорѣчила, сказала она, въ томъ, что ты говорилъ Петрушѣ, онъ, не смотря на то, что гораздо моложе этой вѣтрянницы, но на него благонадежнѣе можно положиться, чѣмъ на нее. Конечно, у ней доброе сердчишко и нельзя спорить, чтобъ она была ограниченнаго ума, но она такъ неодумчива, такъ вѣтрена, что я желала бы даже, чтобъ эту куму нашу какъ можно рѣже пускали въ комнату крестника: я боюсь, чтобъ она, взявши его на руки няичить, отъ вѣтренности не уронила на полъ и не изуродовала его. — Бѣдная крестная маменька очень огорчилась такимъ мнѣніемъ объ ней. Она со слезами на глазахъ бросилась цѣловать у маменьки руки, и стала увѣрять, что съ этихъ поръ совсѣмъ переменится. — Вы увидите, маменька, какъ я буду аккуратна, одумчива, только не запрещайте мнѣ ходить къ своему крестнику и имѣть объ немъ попеченіе; вы сами согласитесь, прибавила она, что родная сестра и крестная мать совсѣмъ не то, что кормилица и нянюшка. — Разумѣется совсѣмъ не то, да ты лично исключеніе изъ общаго правила; признаюсь, я очень и очень сомнѣваюсь, чтобы ты могла одержать побѣду надъ твоею вѣтрянностію, отвѣчала маменька. — Да вотъ на самомъ опытѣ увидите, что вы очень ошибаетесь въ вашемъ мнѣніи

обо мнѣ, сказала она, цѣлуя руки. — Да подкрѣпить тебя Богъ въ добромъ твоёмъ намѣреніи, милая Наденька, отвѣчала маменька, поцѣловавъ и перекрестивши ее. Ты точно до сихъ поръ очень мила и часто смѣшишь насъ веселостію своею и ребяческою своею рѣзвостію, словомъ, ты очень удачно разыгрываешь роль *буфони* въ нашемъ семействѣ, но сама разсуди, какія будутъ послѣдствія. Весь вѣкъ *буфонишь* нельзя, и ежели ты не перемѣнишься, не будешь имѣть строжайшаго за собою наблюденія, что же современемъ выдѣтъ изъ тебя? Несносная, бесполезная и даже вредная старая дѣвка, потому что никто изъ порядочныхъ, разсудительныхъ людей не захочетъ соединить свою судьбу съ твою. Въ супружеской жизни совсѣмъ не нужно остроуміе и любезность свѣтской женщины. — Это наставленіе было очень кстати, и въ настоящее время, продолжалъ я, именно потому, что приглашеніе быть крестною матерью возбудило въ ней совсѣмъ новое, неизвѣстное ей прежде чувство. Въ самое короткое время свершилось полное переобразование ея характера, и хотя врожденная въ ней веселость осталась по прежнему, но она сдѣлалась гораздо разсудительнѣе во всѣхъ своихъ поступкахъ, прилежаніе ея къ наукамъ усилилось и данныя ей отъ природы способности развились и усовершенствовались, привязанность же обоихъ насъ къ нашему крестнику часъ отъ часу возрастала, постепенное развитіе нашего ребенка доставляло намъ неизъяснимое удовольствіе. Какъ мы обрадовались, когда крестникъ нашъ сталъ держать голову, потомъ началъ улыбаться, узнавать насъ, пошелъ къ намъ на руки, и такъ далѣе, далѣе. Крестная маменька все время, свободное отъ учебныхъ занятій, проводила въ дѣтской: она присутствовала, когда мыли, кормили и укладывали спать нашего крестника, сама убаюкивала его; но этого еще было для нея мало, — она познакомилась и подружилась съ опытною и знающею свое дѣло англичанкою нянею, жившей у нашей родственницы княгини N. N., разспрашивала у нея и просила наставленія, какъ надобно обходиться съ новорожденными младенцами, и увидѣвши, что она читала вновь вышедшее тогда сочиненіе на англійскомъ

языкъ: *О предохраненіи новорожденныхъ отъ болѣзней и о надзорѣ за ними*, она стала внимательнѣе къ урокамъ нашего англійскаго учителя, занялась съ большимъ прилежаніемъ этимъ языкомъ, именно за тѣмъ болѣе, чтобы имѣть возможность прочесть въ подлинникъ сочиненіе, которое англичанка няня очень хвалила. И вотъ этотъ стройный, свѣжій, здоровый, краснощекий молодець много и очень много ей обязанъ, прибавилъ я, показавъ на брата. Старинная наша общая нянюшка хвалилась тѣмъ, что она всѣхъ насъ выходила; но между прочимъ по предразсудкамъ и стариннымъ обычаямъ она пеленала чрезвычайно крѣпко нашего крестника, то-есть подвергала и его такому же истязанію, какое и мы всѣ вытерпѣли отъ нея въ нашемъ младенствѣ, но крестная маменька, читая англійское сочиненіе, нашла ясныя доказательства о вредныхъ послѣдствіяхъ пеленанія младенцевъ, авторъ съ подробностію объяснилъ, что пеленаніе приноситъ вредъ развитію и укрѣпленію мышцъ младенца, останавливаетъ свободное обращеніе крови и вообще служить зародышемъ хроническихъ болѣзней въ человѣкѣ. Маменька прежде не соглашалась на просьбы кумы своей, чтобы совсѣмъ не пеленать ребенка: она утверждала, что большая часть Англичанъ кривоноги, именно отъ того, что ихъ не пеленаютъ въ младенствѣ; однакожь въ послѣдствіи времени, прочитавши сама это сочиненіе, она вполне убѣдилась, что пеленаніе можетъ имѣть самое вредное послѣдствіе на всю жизнь человѣка; съ тѣхъ поръ, къ явному негодованію старой няни, прекратилось мученіе нашего крестника: его стали класть просто въ широкій мѣшокъ, слабо завязывая его подъ шею. Въ этомъ мѣшкѣ онъ свободно протягивался и переворачивался съ боку на бокъ. Такимъ образомъ крестникъ нашъ, содержимый по наставленіямъ, изъясненнымъ въ англійскомъ сочиненіи о предохраненіи новорожденныхъ отъ болѣзней, постепенно мужалъ и укрѣплялся въ силахъ своихъ, началъ довольно рано не только ходить, но даже и плясать, то-есть кривляться, когда крестная маменька играла для него на фортепіано, сталъ по немногу лепстать, меня называлъ онъ *папа*, сестру мою *мама*,

отца своего дѣдуса, мать бабуся, лекарствъ никогда ему не давали, и когда отъ золотухи сдѣлалась у него сыпь на лицѣ, то не только ее ничѣмъ не лечили, а напротивъ нѣкоторыми простыми средствами способствовали къ усиленію этой сыпи. — Приучали его къ воздуху, мыли, не въ теплой однакожь и не совсѣмъ въ холодной водѣ. — Словомъ, крестникъ нашъ былъ здоровый, свѣжій, крѣпкій ребенокъ, былъ всегда весель; отъ того именно, что пользовался хорошимъ здоровьемъ, никогда не капризничалъ, не ревѣлъ, какъ бываетъ съ большею частію младенцевъ, не умбющихъ объяснять, чего имъ хочется; начиная съ отца и матери и братьевъ и сестеръ, также кормилица, нянюшка и вообще всѣ люди у насъ въ домѣ чрезвычайно любили этого Венямина въ нашемъ семействѣ, а объ крестномъ отцѣ и матери говорить нечего. — Можно вообразить, до какой степени мы страстно любили его и были къ нему привязаны. — Все шло какъ нельзя лучше; но къ-несчастью, вдругъ возникнула и быстро распространилась въ городѣ сильная эпидемическая болѣзнь-скарлатинъ. Множество дѣтей сдѣлались жертвами этой губительной болѣзни; не пощадила она и нашего милаго крестника. Оставить безъ леченія, какъ въ другихъ дѣтскихъ болѣзняхъ, было невозможно. Слава Богу, домовый нашъ докторъ зналъ свое дѣло, онъ не охотникъ былъ давать много разныхъ лекарствъ, а употреблялъ средства соразмѣрныя силамъ ребенка, и хотя крестнику нашему дѣлалось часъ отъ часу легче, однакожь онъ полагалъ долгомъ предупредить, что въ особенности при постепенномъ выздоровленіи его должно имѣть самое ближайшее за нимъ попеченіе, потому что, ежели отъ какой-нибудь неосторожности возобновится его болѣзнь, то очень трудно будетъ опять ему помочь, и онъ не отвѣчаетъ за его жизнь. — Крестная маменька была въ продолженіе его болѣзни въ совершенномъ отчаяніи, и безпрестанно плакала; когда же докторъ увѣрилъ, что вся опасность прошла, но что при постепенномъ выздоровленіи должно имѣть величайшее вниманіе, чтобы отъ неосторожности болѣзнь не возобновилась, она рѣшительно никуда не выходила изъ дѣтской, была и день и

ночь безотлучно у кровати больного, словомъ—неутомимымъ вниманіемъ и строжайшимъ исполненіемъ во всѣхъ отношеніяхъ приказаній доктора, со всею достовѣрностію сказать можно, она исторгнула нашего съ нею крестника изъ гроба, но къ-несчастію содѣлалась сама жертвою своего самоотверженія. Она отъ природы была довольно слабого сложения; горестъ отъ опасенія разстаться съ своимъ любимцемъ на вѣкъ, а потомъ слишкомъ усиленная заботливость при выздоровленіи, совершенно разстроили ея здоровье, и къ довершенію всего случилось это какъ нарочно тогда, какъ по уставамъ природы наступило время формирования ея.—Говорятъ, что это самая критическая эпоха въ жизни дѣвушки. — Гг. аллопаты не поняли настоящую причину ея болѣзни, они сильными своими лекарствами истощили послѣднія жизненные ея силы, у ней сдѣлалась *fevere lente* (сухотка); къ-несчастію, нашъ искусный домовый докторъ былъ въ это время самъ опасно боленъ; онъ ужаснулся, когда по выздоровленіи своемъ пріѣхалъ къ больной, посмотрѣлъ на нее со вниманіемъ, взглянулъ на стклянки съ лекарствами, предписанными докторами на консиліумъ, отвѣдалъ ихъ, и возвратясь къ кровати больной, сѣлъ подле нея, сдѣлалъ ей нѣсколько вопросовъ и опять пощупалъ пульсъ. — Вамъ надобно отдохнуть; я советовалъ бы не принимать никакихъ лекарствъ, вы еще такъ молоды, то-есть, что называется, въ цвѣтъ лѣтъ, сама натура поможетъ вамъ лучше всякихъ нашихъ лекарствъ. — Потомъ, взглянувши на свои часы, сталъ прощаться съ нею, но она остановила его просьбою, чтобы онъ опять пріѣхалъ. — Разумѣется, какъ-же не пріѣхать, — отвѣчалъ онъ. — Я буду часто навѣщать васъ. — При этомъ сказалъ онъ ей нѣсколько утѣшительныхъ фразъ и со слезами на глазахъ вышелъ изъ комнаты. Батюшка последовалъ за нимъ, и на вопросъ, какъ онъ ее находитъ, — ничего хорошаго сказать вамъ не могу, — отвѣчалъ докторъ съ глубокимъ вздохомъ. — Плохо и очень плохо; ее лечили слишкомъ сильными лекарствами; ежелибъ я, къ-сожаленію, самъ не былъ боленъ, и былъ бы призванъ при самомъ началѣ ея болѣзни, то смѣло отвѣчаю, что она была бы спа-

сена. Съ самаго младенчества былъ я во всѣхъ ея болѣзняхъ докторомъ ея, мнѣ очень известна ея натура, у нея была всегда слабость въ нервахъ, ей не должно было давать никакихъ сильно возбуждающихъ лекарствъ. Богъ Судія сотоварищамъ моимъ. Какъ это никому изъ приглашенныхъ на консиліумъ не вздумалось затѣхать ко мнѣ, и разспросить всегдашняго съ самаго малолѣтства доктора ея; а болѣе всего виновать тотъ, кого вы по случаю моей болѣзни призвали къ своей дочери: ему слѣдовало бы прежде всего, не приступая къ леченію, имѣть совѣщаніе со мною. Теперь ошибки моихъ сотоварищей ничѣмъ уже поправить нельзя. — Какі, неужели нѣтъ никакой возможности спасти ей жизнь? спросилъ съ ужасомъ батюшка. — Рѣшительно никакой, — отвѣчалъ докторъ, и васъ, какъ мужчину и христіанина, должно предупредить, что вамъ предстоитъ, и очень скоро, вѣчная съ нею разлука. Я совѣтую вамъ приготовить къ этому съ осторожностію и супругу вашу. Жаль и очень жаль этой милой, доброй дѣвушки. Прямо сказать можно, что единственно только отъ недостатка соображенія и добросовѣстнаго вниманія сотоварищей моихъ прекращается кратковременное пребываніе ея въ здѣшнемъ мірѣ, на самой зарѣ жизни, — прибавилъ докторъ, выходя съ глухимъ вздохомъ изъ комнаты.

Предсказаніе его совершилось; однакожь, слава Богу, безъ всякаго страданія угасла ея жизнь. — Последнее слово ея было просьба ко мнѣ, чтобы я любилъ и не оставлялъ нашего съ нею крестника. — Батюшка плакалъ и раскаивался въ томъ, что онъ, дурно обдуманнѣмъ приглашеніемъ покойницы въ крестныя матери къ меньшему ея брату, способствовалъ къ преждевременной ея смерти. — Но можно ли было предвидѣть, — говорилъ онъ, — чтобы молоденькая и вѣтренная, какъ казалось, дѣвочка могла до высшей степени самоотверженія пристраститься къ ребенку. — Матушка также упрекала себя, зачѣмъ она допустила ее до такой усиленной и несоразмѣрной лѣтамъ и слабому ея здоровью заботливости о больномъ ребенкѣ. Батюшка въ утѣшеніе ея говорилъ, что она забыла, въ какомъ была отчаяніи покойница,

когда оба они настоятельно требовали, чтобы она по крайней мѣрѣ хотя въ ночное время приходила спать къ себѣ въ комнату: она плакала, рыдала почти до конвульсій, мы оба съ тобою, — сказалъ батюшка, — опасались, чтобы наше требованіе о нѣкоторомъ отдаленіи отъ больнаго ребенка не имѣло по слабости ея нервовъ самыхъ пагубныхъ послѣдствій, и мы прекратили наше настояніе. А потому еще Богъ знаетъ, можно-ли намъ обвинять себя, а кажется было бы гораздо лучше, ежелибъ я не приглашалъ ее быть крестною матерью, а ты рѣшительно не запретила ей быть безвыходно при больномъ ребенкѣ. — Впрочемъ, кто знаетъ, можетъ быть было бы это и хуже; одно только можно сказать, что *смерть причины найдетъ*, не то, такъ другое, а назначенный Провидѣніемъ срокъ пребыванія каждому изъ насъ въ здѣшнемъ мірѣ, свершится непременно не тѣмъ, такъ другимъ образомъ. Мы всѣ были поражены смертію доброй нашей сестры. — Она веселостію, любезностію своею и прекраснымъ характеромъ пріобрѣла общую къ себѣ любовь и привязанность. Ребенокъ также очень тосковалъ объ ней, и когда послѣ болѣзни своей сталъ ходить, то отыскивалъ ее по всѣмъ комнатамъ, восклицая: *мама, мама*.

— Разумѣется, я совсѣмъ ее не помню, сказалъ братъ мой. — Но слышавши не разъ, что она заботливостію и нежнымъ своимъ попеченіемъ спасла меня отъ смерти, я ежедневно въ молитвахъ моихъ прошу Бога объ успокоеніи души ея.

— Ты дѣлаешь свое дѣло, — отвѣчалъ я, — но она, это чистое, невинное, безпорочное существо, безъ всякаго сомнѣнія, причислена къ лику праведницъ, и ходатайствуетъ за насъ у Престола Божія; въ отношеніи къ ней точно можно примѣнить стихи, ежели не ошибаюсь, Милерба:

Elle était de ce monde, où les plus belles choses ont le pire destin.

Et rose elle a vécu, ce qui vivent les roses, l'espace d'un matin —
прибавилъ я со вздохомъ.

Послѣ этого разсказа, настало на нѣкоторое время общее безмолвіе. — Губернаторъ, допивши кофе и докуривши

трубку въ продолженіи моего разсказа, сидѣлъ въ задумчивости.—Кашель камердинера его прервалъ молчаніе.

— А, это ты, Яша; объѣдалъ-ли ты?—спросилъ онъ.

— Какъ же-съ, давно пообѣдалъ и давно стою здѣсь, люблюсь на обоихъ братцевъ, и съ радостію слушалъ разсказъ о ихъ благополучномъ семействѣ,—отвѣчалъ онъ.

— Ахъ Боже мой! какъ мы давно стоимъ здѣсь,—сказалъ я, посмотрѣвъ на свои часы,—а ты, любезный Яковъ Абрамовичъ, не напомнилъ намъ объ этомъ.

— А зачѣмъ мнѣ было напоминать, отвѣчалъ онъ:—я видѣлъ, что баринъ съ удовольствіемъ васъ слушаетъ, такъ что жь за бѣда, подумалъ я, что мы пробудемъ здѣсь нѣсколько лишняго времени.

Мнѣ очень было грустно видѣть, что губернаторъ сидѣлъ въ задумчивости и ни слова не сказалъ въ продолженіи моего разговора съ буфономъ. Я зналъ по многимъ опытамъ, что буфонъ (*)—мастеръ развеселить его и вывести изъ задумчивости, и чтобы подать ему къ тому поводъ, сказалъ:

— Послушай-же, *размоншерчикъ*: вотъ тебѣ деньги, по-ди, разсчитайся съ хозяиномъ за обѣдъ, заплати прогонны, возьми у станціоннаго смотрителя подорожную и вели ящичкамъ садиться на свои мѣста, а мы одѣнемся въ дорожной нашъ *костюмъ* и не замедлимъ выдти.—Ты человекъ ученый, великій филологъ, и вѣрно разумеешь, что значитъ *размоншерчикъ* и что такое *костюмы*,—прибавилъ я, указывая головою на барина его, сидѣвшаго въ задумчивости.

— *Фи-домъ!*—какъ-же не разумѣть!—отвѣчалъ онъ, понявши вполне сдѣланный мною ему знакъ.—Я знаю всѣ языки, кромѣ свиного, и буду отвѣчать вамъ на разные *диалектики*.—*Форъ-биень мусь!*—сказалъ онъ съ уморительной ужимкой, представляя французское *en* и *e*. *Мень-Терръ Зеръ-воль*,—продолжалъ буфонъ громкимъ басомъ, передражнивая нѣмца.—*Годъ-демъ, вери вель соръ*,—произнесъ онъ сквозь зубы, вытанувъ шею, какъ какой-нибудь длинный худой ан-

(*) Яша принадлежалъ къ несуществующему нынѣ типу старинныхъ русскихъ слугъ—буфоновъ.

гличанинъ. — *Si si sono mio carrissimo*—пропѣлъ онъ дискантомъ, представляя въ каррикатурѣ италіанца. — *Barzo* добже падомъ до ногъ ясновельможне пане, — сказалъ онъ, кривляясь и изогнувъ спину, какъ польскій факторъ жидъ. — Вотъ вамъ отвѣтъ, на разныхъ языкахъ, что приказаніе ваше будетъ исполнено въ точности; я сей-часъ рассчитаюсь съ хозяиномъ, заплачу прогоны, возьму подорожную и скажу вашему дядкѣ Личардъ, чтобъ онъ явился къ вашему *костюмированію* по дорожному, — прибавилъ онъ, выходя изъ комнаты, залаввши при томъ какъ маленькая болонская собачка.

Мы всѣ хохотали при уморительныхъ продѣлкахъ буфона. — Губернаторъ также смѣялся отъ всего сердца.

— Экой шутъ, и какая у него необыкновенная способность передразнивать и людей и всякихъ животныхъ. — Онъ выучился передразнивать Французовъ, Нѣмцевъ, Англичанъ и Италіанцевъ, — слушая разговоры гувернанокъ, нянекъ, дядекъ и разныхъ учителей при моихъ дѣтяхъ. Сверхъ того, онъ былъ при мнѣ, во время путешествія моего въ чужихъ краяхъ. У него въ высшей степени, врожденная въ Русскомъ народѣ, способность скоро все перенимать. — Ему стоило только прожить гдѣ-нибудь дня два или три, онъ тотчасъ перенималъ манеры въ обхожденіи, голосъ и мѣстные обычаи, и самое главное, надо отдать ему справедливость, онъ любитъ меня и привыкъ ко мнѣ, и тотчасъ замѣтивши, что мнѣ грустно и я молчу въ задумчивости, мастерски умѣетъ развеселить меня. Вотъ и теперь, увидѣвши, что я сижу въ молчаніи, вздумалъ разсѣять и достигнулъ до своей цѣли, только врядъ-ли отгадалъ причину моей задумчивости. Мнѣ нисколько не было грустно, напротивъ того я съ величайшимъ удовольствіемъ слушалъ разсказъ твой, любезный теска, о вашемъ семействѣ, и отдавалъ внутренно всю справедливость соображеніямъ твоего отца, пригласившаго тебя крестить *Веньямина* въ вашемъ семействѣ. Полезный результатъ соображеній его собственно для твоего крестника очевиденъ. Но смотрѣвши на твоего брата, пришло мнѣ въ голову: — какія соблазны и искушенія предстоятъ ему на попри-

щѣ жизни. Чтѣ выдетъ изъ такого юнаго, свѣжаго, цвѣтущаго здоровьемъ богатыря? — Ежели онъ не будетъ имѣть силы характера противостоять первымъ и почти неизбежнымъ въ военной службѣ страстямъ, то-есть излишней привязанности къ женщинамъ, къ картамъ и къ вину, онъ исхудаетъ, пожелтѣетъ, потеряетъ здоровье и сдѣлается въ молодости отвратительнымъ дряхлымъ старикашкой. — Мнѣ въ жизнь мою много случилось видѣть такихъ, преждевременно состарѣвшихся молодыхъ людей. — Мысль объ этомъ возбуждала во мнѣ очень и очень тягостное воспоминаніе.

И у меня, продолжалъ губернаторъ, былъ меньшей братъ, такой-же красавецъ и молодецъ, какъ твой крестникъ. Онъ служилъ съ отличіемъ. — Въ первую половину времени царствованія покойнаго Императора Александра Россія была въ непрерывной борьбѣ съ врагами; онъ не пропустилъ, начиная съ Аустерлицкаго сраженія, ни одной компаніи, спѣшилъ и всегда напрашивался туда, гдѣ только начинали раздаваться звуки пушечныхъ выстрѣловъ. Словомъ, онъ участвовалъ въ подвигахъ нашихъ войскъ въ Австріи, въ Пруссіи, въ Финляндіи, въ Молдавіи, въ Германіи и Франціи, не щадилъ своей жизни, всегда былъ впереди и за храбрость и неустрашимость былъ осыпанъ наградами. — По окончаніи отечественной войны 1812 года, при вступленіи нашихъ войскъ въ Германію, онъ былъ уже полковымъ командиромъ и съ полкомъ своимъ поступилъ въ корпусъ извѣстнаго прусскаго генерала Блюхера. Подвизаясь подъ начальствомъ этого чудеснаго молодца, пріобрѣлъ онъ все уваженіе его. — Въ сраженіи при Кацбахъ и подъ Лейпцигомъ былъ онъ употребленъ Блюхеромъ вездѣ, гдѣ только предстояло болѣе опасности. — Судьба щадила его до самаго почти окончанія противоборства нашего съ Наполеономъ, но въ какомъ-то сраженіи, навѣрное не помню, кажется подъ Монмартромъ шальная роковая пуля изуродовала его; она попала въ ногу, раздробила кость, и осталась въ тѣлѣ. — Долго лечился онъ и въ Россіи и въ чужихъ краяхъ, а наконецъ неудачная операція, при вырѣзаніи изъ ноги пули, сдѣлала его на вѣкъ уродомъ. Продолжать далѣе службу

было ему рѣшительно невозможно, по необходимости долженъ онъ былъ выдти въ отставку. — Къ деревенской жизни былъ онъ совершенно неспособенъ; одна только родная наша добрая старушка Москва представляетъ самое пріятное и покойное убѣжище для русскаго дворянина: въ ней встрѣтишься непременно съ родными и съ старыми сослуживцами и друзьями. Братъ мой остался на всегдашнее жительство въ Москвѣ; все было ладно и хорошо, кругъ знакомства его постепенно распространялся, онъ имѣлъ въ виду сдѣлать хорошую партію, но къ несчастію страсть къ картежной игрѣ повлекла его совсѣмъ въ другую сторону. Явились молодцы и славно позабавились на его счетъ: онъ проигралъ все имѣніе, доставшееся ему по раздѣлу съ братьями и сестрами послѣ покойныхъ нашихъ родителей. Но этого еще мало, пагубная страсть къ игрѣ повлекла его въ преступленіе. Всѣмъ намъ четверемъ братьямъ достался совсѣмъ неожиданно въ наслѣдство послѣ одной дальней родственницы довольно значительный капиталъ, хранившійся въ Московскомъ Опекуномъ Совѣтѣ. Никого изъ насъ не было тогда въ Москвѣ, мы прислали ему довѣренность получить этотъ капиталъ и просили его принадлежащую каждому изъ насъ часть доставить къ намъ. Онъ сначала хотѣлъ было поправиться и отыгратъ, рискуя деньгами, доставшимися ему лично изъ общаго капитала. Но дьяволъ силенъ. *Se n'est que le premier pas, qui coute* (первый шагъ труденъ): честный, благородный человекъ, пользовавшійся во всю жизнь отличною репутаціею, такъ завлекся, что проигралъ не только собственныя свои, но всѣ принадлежащія лично намъ деньги. — Кончилось тѣмъ, что онъ, проигравши все, что у него было и своего и чужаго, возвратясь домой, зарядилъ пистолеть и пустилъ пулю себѣ въ лобъ. — «Безчестный, подлый поступокъ мой невыносимо тягостенъ; я очень знаю, что «вы, добрые друзья мои», (такъ онъ объяснялся въ письмѣ своемъ ко мнѣ и къ двумъ моимъ братьямъ) «были бы свис- «ходительны и не только не стали взыскивать съ меня, но «по деликатности и дружбѣ вашей никогда бы даже и не «упрекали меня,—но я самъ не могъ бы никакъ простить

«себѣ такого чернаго, подлаго дѣла. И что за жизнь была «бы моя? Вѣчное мучительное угрызеніе совѣсти, и полное «къ самому себѣ презрѣніе, вотъ чѣмъ было бы сопровождаемо «безполезное и тягостное существованіе мое въ здѣшнемъ «мѣрѣ. — Лучше однимъ разомъ все окончить — Простите, друзья «мои, кающагося грѣшника. Да послужить по крайней-мѣрѣ «примѣръ мой полезнымъ урокомъ вашимъ дѣтямъ. Не «скрывайте отъ нихъ преступленія моего, объясните имъ, какъ «кимъ образомъ человекъ, не помрачившій всю свою жизнь «никакимъ предосудительнымъ поступкомъ, можетъ быть «завлеченъ страстями своими въ бездну погибели и посрамленія.» Далѣе нельзя было разобрать, рука его дрожала и литеры были залиты слезами его.

— Вотъ тебѣ, любезный молодой человекъ, разительныя доказательства, къ чему приводитъ пагубная страсть къ картежной игрѣ. Конечно, воспитаніе твое, подъ ближайшимъ надзоромъ почтеннаго твоего отца, также и крестнаго папеньки, дало хорошее направленіе всей будущей твоей жизни. Но берегись: *бдите и молитесь, духъ убо бодръ, плоть же немощна* (Мат. XXVI, 41). Впрочемъ и то надобно сказать, самые опыты доказываютъ, что каждому человеку предназначено отдать дань страстямъ, то-есть, какъ говорятъ: *перебьсится*; къ счастью еще, ежели кто въ молодости своей *перебьсится* и будетъ имѣть силу характера во-время остановиться, и ежели бѣдственныя послѣдствія порочныхъ страстей послужатъ ему урокомъ на всю его жизнь, а *взбѣсившійся* въ пожилыхъ лѣтахъ человекъ, то-есть, также какъ говорятъ: *у кого стѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро*, тотъ безъ возврата погибъ; однакожъ нѣтъ правилъ безъ исключенія: есть и такіе люди, которые, по стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, ни въ молодыхъ, ни въ пожилыхъ лѣтахъ не *бѣсятя*. Я могу поставить себя самого, хотя и не совсѣмъ, въ нѣкоторый примѣръ такого *необыкновеннаго счастья*. Однакожъ и въ моей жизни было нѣсколько часовъ, что я было повинулся и попалъ въ самое ужасное положеніе; единственно только по милости Божіей я исправился, и случившееся со мною послужило назидательнымъ урокомъ на всю мою

жизнь. Я съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, по должности моей, былъ заваленъ множествомъ разнообразныхъ служебныхъ занятій, и находился при строгомъ, взыскательномъ, однакожь справедливомъ и безпристрастномъ начальникѣ. Я боялся и вмѣстѣ съ тѣмъ уважалъ его. Мнѣ просто не было досужнаго времени предаться увлеченію страстей. Одна только была у меня страсть къ театру. Я, по тогдашней службѣ моей въ гвардіи, живя въ Петербургѣ, всякой вечеръ, окончивъ все занятія мои по службѣ, являлся непременно или въ русскомъ или французскомъ театрѣ: въ то время и на той и на другой сценѣ были отличные артисты. Начальникъ мой не только не препатствовалъ, а еще старался поддерживать во мнѣ эту страсть. Хотя цѣны за мѣста въ театрахъ были тогда очень дешевы, — полтора рубли за кресла и одинъ рубль въ партеръ, — но мнѣ очень рѣдко случалось дѣлать и эти весьма малыя издержки. Въ то время всякій порядочный человекъ, бывающій въ свѣтъ, абонировывался на весь годъ на французскіе спектакли. Начальникъ мой слѣдовалъ общему примѣру, но онъ, не бывши самъ большимъ охотникомъ до театра, очень часто отдавалъ мнѣ свои кресла. Словомъ, эта невинная, безпорочная страсть моя къ театру предохраняла меня отъ многихъ бѣдъ. Въ эпоху моей молодости и старики и молодежь были въ полной командѣ философовъ XVIII столѣтія. Безнравственность, развратъ, распутство достигли тогда до высшей степени, и по всей справедливости сказать должно, что мы, старики, напрасно порицаемъ нынѣшній вѣкъ. Наши дѣти и внучата во сто разъ лучше, чѣмъ мы были въ ихъ лѣта. Ты, мой любезный Сергій Федоровичъ, живешь теперь не въ Петербургѣ, продолжалъ губернаторъ, и тебѣ нѣтъ возможности воспользоваться тѣми же предохранительными средствами и отклонить себя отъ увлеченія порочныхъ страстей, какія у меня были въ моей молодости. Но употреби другія благонадежныя къ тому средства, а именно — занимайся въ свободное отъ службы время чтеніемъ, — только не романовъ, въ особенности же произведеній нынѣшней французской, такъ справедливо называемой *неистой*, литературы. Впрочемъ стоить только посмотрѣть тебѣ

прямо въ глаза, чтобы убѣдиться, что уродливые романы новѣйшихъ французскихъ и нѣмецкихъ авторовъ не могутъ тебѣ нравиться.

— Вы отгадали, отвѣчалъ мой братъ. Я нѣсколько разъ принимался читать ихъ, и съ отвращеніемъ, не кончивши, кидалъ. Все въ нихъ на ходуляхъ, и добродѣтели и пороки представлены не въ настоящемъ видѣ. Все преувеличено и не имѣетъ даже тѣни правдоподобія. Точно также не нравятся мнѣ и русскія пошлыя произведенія такъ называемой натуральной школы.

— Я очень радъ, что ты понялъ и знаешь цѣну безобразнымъ, уродливымъ произведеніямъ неистовой нынѣшней литературы, продолжалъ губернаторъ. Такъ читай, мой любезный, то, что полезно и необходимо на избранномъ тобою военномъ поприщѣ, а именно біографія извѣстныхъ славныхъ полководцевъ, и описаніе ихъ подвиговъ. Читай также исторію; въ наше время появилось много авторовъ, вполне понимающихъ, какъ именно должно писать исторію въ видѣ настоящемъ и назидательномъ; въ особенности же советую тебѣ читать и перечитывать Плутарха жизнеописанія великихъ людей. Такого рода чтеніе нечувствительно, что называется, закаливаетъ душу и укрѣпляетъ силу характера въ человѣкѣ. Но самый главный соблазнъ и искушеніе молодому офицеру встрѣчается на кантонирь-квартирахъ, не въ столицахъ или городахъ, а по селеніямъ: картежная азартная игра. Ежелибъ играли въ коммерческія игры, это бы еще и туда и сюда, а то въ банкъ. Эта несчастная безумная игра ведетъ очень многихъ молодыхъ людей прямѣйшимъ трактомъ въ бездну погибели. Мнѣ очень серьезно рассказывалъ одинъ пожилой рыцарь зеленого стола, продолжалъ губернаторъ со смѣхомъ, что туда, гдѣ начинается игра въ банкъ, тотчасъ отправляются прямо изъ ада нѣсколько дьяволовъ, одинъ другаго смышление; инымъ поручено вразумлять и помогать мошеникамъ, передергивать карты, подтасовывать, брать на глазокъ, и прочія такого же рода продѣлки; другимъ демонамъ поставлено въ обязанность

ослѣпить, разгорячить и вполне ошеломить безхарактерныхъ и неопытныхъ людей. Кончается же тѣмъ, что всѣ, то-есть и обманщики и обманутые, дѣлаются добычею ада, ежели кто въ послѣдствіи времени не одумается и не будетъ имѣть силы характера остановить себя и преодолѣть пагубную страсть къ картежной игрѣ. Этотъ ветеранъ зеленого стола былъ, какъ онъ рассказывалъ, человѣкъ опытный, то-есть, что называется, *экспертъ*. Прежде дьяволъ помогалъ ему мошенничать въ игрѣ, и онъ чрезвычайно разбогатѣлъ, погубивши нѣсколько христіанскихъ душъ.—Одинъ отецъ семейства, попавшійся мнѣ въ передѣлъ, рассказывалъ онъ, проигралъ все свое имущество, пустилъ жену и дѣтей своихъ по міру, и не имѣя силъ перенести угрызения совѣсти, съ отчаянія застрѣлился.—Трое молодыхъ людей, оставшись по милости его безъ куска хлѣба, рѣшились въ крайности на ужаснѣйшее преступленіе, были пойманы, изобличены и отправлены на всю жизнь въ каторжную работу, и такъ далѣе рассказывалъ мнѣ ветеранъ, горько раскаяваясь и часто повторялъ, что онъ много, много погубилъ христіанскихъ душъ, при пособіи осѣтившаго его дьявола, который однакожь, по свойствамъ своимъ, лукавый, хитрый и при томъ еще и самый злой насмѣшникъ, очень удачно позабавился и на собственный его счетъ: онъ напустилъ на него молодцовъ еще молодцоватѣе его самого, и рѣшительно все, чтó онъ въ продолженіи жизни пріобрѣлъ искусствомъ и ловкостію своею, перешло въ ихъ руки, а ему осталось только позднее раскаяніе. Ветеранъ скрывалъ, однакожь, то, чтó мнѣ было прежде извѣстно, то-есть: чтобы заглушить вопли совѣсти, сдѣлался онъ горькимъ пьяницею, попадался нѣсколько разъ въ полицію, высланъ за развратное поведеніе изъ города, и нашелъ убѣжище у одного своего дальняго родственника, принявшаго его съ тѣмъ условіемъ, что онъ болѣе двухъ рюмокъ водки въ сутки давать ему не будетъ. Вотъ почти всегдашнія послѣдствія игры въ банкъ. А что дьяволъ силенъ и лукавъ, то это испыталъ я надъ самимъ собою, прибавилъ губернаторъ: и я чуть-чуть было не попалъ къ нему въ лапы.

— Какъ, неужели и вы также играли въ азартныя игры? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Да, именно я, самъ своею особою, какъ вы меня видите, отвѣчалъ губернаторъ, былъ въ такомъ ужасномъ положеніи, что ежелибъ не необыкновенное счастье, или лучше сказать, милосердіе Божіе, то совсѣмъ бы пропалъ и вся жизнь моя приняла бы другое направленіе, потому что очень справедливо сказалъ, не помню, какой-то авторъ: *On compte par être dupe et on finit par être fripon* (обманутый дѣлается наконецъ самъ обманщикомъ). Вотъ какъ это случилось. Въ Петербургѣ, какъ я вамъ прежде говорилъ, страсть моя къ театру предохранила меня отъ многихъ порочныхъ страстей, но во время компаніи аустерлицкой и прусской, на растахахъ и кантонирь-квартирахъ въ селеніяхъ, что было дѣлать и чѣмъ заняться молодымъ офицеромъ? По вечерамъ собирались мы поочередно другъ у друга пить чай, то-есть просто крѣпкій пуншъ, курить трубку и играть въ карты. Мнѣ никогда не нравился ни банкъ, ни штось, ни такъ называемыя *палки*, то-есть всѣ азартныя игры. Пускался я иногда отъ нечего дѣлать въ пикетъ, по маленькой, но рѣдко находилъ партнеровъ. Большая часть молодыхъ людей любятъ *сильныя ощущенія*, а нигдѣ и ничѣмъ нельзя ближе испытать эти *ощущенія*, или лучше сказать, нравственныя и физическія потрясенія всего организма, какъ играя въ азартныя игры. Впрочемъ некоторые молодые люди имѣютъ безразсудность предполагать, что будто бы можно, играя въ банкъ хладнокровно и съ *разсудительностію*, быть всегда въ выигрышѣ. А одинъ изъ моихъ товарищей, съ которымъ я былъ въ дружескихъ сношеніяхъ, вздумалъ было доказывать мнѣ посредствомъ математическихъ исчисленій, что тотъ, кто не понтируетъ, а мечетъ банкъ, или штось, непременно долженъ быть въ выигрышѣ. Я смѣялся надъ его математическими вычисленіями и съ своей стороны доказывалъ нравственными соображеніями, что тотъ, кто ослѣпленъ какою бы то ни было страстію, забываетъ не только математику, но и самыя простыя внушенія здраваго разсудка. Однакожь я со всею своею пре-

мудростию и *хладнокровіемъ* попался было въ такую бѣду, что единственно только, какъ я вамъ прежде говорилъ, неизреченнымъ Божиимъ милосердіемъ выпутался изъ ужаснѣйшаго положенія. Я продолжалъ службу мою въ гвардіи, и послѣ неудачнаго Фриланскаго сраженія и заключенія Тильзитскаго мира, при возвращеніи въ Россію, корпусъ нашъ былъ остановленъ не далеко отъ границъ въ одномъ небольшомъ литовскомъ городѣ, за тѣмъ, чтобъ дать намъ поправиться, отдохнуть, укомплектовать убылые ряды выздоравливающими изъ разныхъ госпиталей отъ болѣзней и ранъ, при томъ-же вновь обмундироваться и вступить въ Петербургъ такими же молодцами, какими мы вышли въ походъ. Мы пробыли довольно долго на кантонирь-квартирахъ, корпусный и дивизионный штабы въ городѣ, а полки въ окрестныхъ мѣстечкахъ и селеніяхъ, — Извѣстный въ то время, а теперь уже совсѣмъ забытый, картежный игрокъ и великій мастеръ своего дѣла N. N.—завлекалъ къ себѣ молодыхъ людей гастрономическими ужинами и изобиліемъ отличнаго шампанскаго. Молодецъ жидъ имѣлъ необыкновенное факторское искусство доставать ему Богъ знаетъ откуда самыя лучшія провізіи, фрукты и вино, но онъ также и обиралъ его. Разумѣется, и передъ ужиномъ и послѣ ужина металъ онъ банкъ. Въ гвардіи служитъ много молодыхъ богатыхъ аристократовъ, слѣдовательно и все чудесное угощеніе совершалось на ихъ же собственный счетъ, съ значительными еще остатками, поступившими въ шкатулку великаго и искуснаго мастера своего дѣла.—Хотя я по должности моей былъ очень занятъ, однакожь иногда по вечерамъ въ свободное время являлся и я по приглашенію г. N. N.—Долго былъ я хладнокровнымъ зрителемъ игры и принималъ только участіе въ великолѣпныхъ ужинахъ; но однажды, отъ выпитаго лишняго стакана шампанскаго, голова у меня закружилась, я приблизился къ карточному столу, и увидалъ, какъ кучи червонцевъ и кипы ассигнацій переходили изъ рукъ въ руки; лукавой дьяволъ, командированный, по словамъ ножилаго ветерана, изъ ада, туда, гдѣ совершается игра въ банкъ, для уловленія душъ христіанскихъ, восторжествовалъ надъ моею

премудростию и вселъ меня въ соблазнъ. Я поставилъ небольшой кушъ, выигралъ, загнулъ уголь, опять выигралъ, и банкометь, давши нѣсколько картъ сряду, отчиталъ мнѣ довольно много золотыхъ, привлекательныхъ своимъ блескомъ червонцевъ. Доброй геній мой, то-есть здравый разумъ шепталъ мнѣ въ одно ухо: перестань, довольно съ тебя и того, что ты выигралъ, — а дьяволъ напѣвалъ въ другое ухо: продолжай, ты видишь, тебѣ везеть счастье, ты можешь разомъ разбогатеть, такія эпохи бываютъ рѣдко, можетъ быть одинъ разъ въ жизни, при томъ-же чѣмъ ты рискуешь, продолжая игру на приобретенныя тобою деньги. — Между тѣмъ банкометь, внушенный своимъ собственнымъ наставникомъ, также дьяволомъ, часто восклицалъ: — Подавай шампанскаго, карты хмѣль любить! — Вместе съ прочими и я выпилъ еще нѣсколько бакаловъ, и голода моя, отуманенная прежде выпитымъ за ужиномъ виномъ, и омраченная также испытаннымъ мною въ первый разъ въ жизни *сильнымъ ощущеніемъ* большаго выигрыша, чрезвычайно кружилась, я чувствовалъ во всемъ тѣлѣ какой-то лихорадочный жаръ. И въ такомъ прекрасномъ и физическомъ и нравственномъ расположеніи сталъ я продолжать игру, давши однакожъ самому себѣ слово рисковать только тѣмъ, что приобретено мною необыкновеннымъ моимъ стастіемъ, но *листь совершено перемѣнился*. Фортуна обратилась ко мнѣ задомъ. — Я скоро спустилъ все, что было прежде выиграно, и съ отуманенною головою, разумѣется, забылъ намѣреніе мое рисковать только выигранными мною деньгами, словомъ — въ какомъ-то непонятномъ безсознательномъ положеніи, то-есть просто въ припадкѣ сумасшествія продолжалъ игру, сталъ ставить большіе куши, безпрестанно увеличивалъ ихъ. Фортуна такъ и душила меня наповаль, а лукавой дьяволъ, злобной насмѣшникъ, какъ называлъ его тотъ-же пожилой ветеранъ, вполне торжествовалъ. При нѣкоторомъ отдохновеніи банкомета, дѣлавшаго расчетъ съ однимъ игрокомъ, прекратившимъ игру, взглянулъ я на длинную колонну записаннаго на меня проигрыша, поверхностно сосчиталъ, и съ ужасомъ увидѣлъ, что проигралъ уже почти все мое состо-

яніе. — Сердце у меня сильно забилося, въ глазахъ зарябѣло, я не понималъ, гдѣ я и что со мною дѣлается. — Такъ что жь, подумалъ я, ужь ежели погнѣбать, такъ совсѣмъ погнѣбать. — и поставилъ, напропалую, такой большой кушъ, что ежелибъ карта проиграла, я былъ бы совсѣмъ квитъ съ имѣніемъ и Богъ знаетъ какія были бы этому послѣдствія. Однако или судьба сжалилась надо мною, или, какъ я послѣ сообразилъ, можетъ быть самому хладнокровному злодюю банкомету пришло въ голову, что ежели онъ выиграетъ все мое состояніе, то это лично ему самому можетъ сдѣлать большой вредъ: — онъ зналъ, что начальникъ, при которомъ я находился, хорошо расположенъ ко мнѣ, и вообще искусное его ограбленіе и приведеніе меня въ нищету можетъ обратитъ вниманіе на его продѣлки товарищей моихъ, они перестанутъ съ нимъ играть, и чрезъ то какъ по службѣ, такъ и по своей промышленности, могутъ быть вредныя для него послѣдствія. По этимъ соображеніямъ вѣроятно, милостиво допустилъ онъ меня нѣсколько поправиться, то-есть не совершенно разорилъ, а только порядочно пощипалъ меня; но я нечаянно воспользовался временемъ размышленія его, какъ ему поступать со мною. Въ безпамятствѣ игралъ я напропалую, ставилъ большіе куши, загибалъ, перегибалъ карты, прибавлялъ къ нимъ мазъ, такъ, что онъ не успѣлъ очнуться, какъ я въ продолженіи одной талии записалъ на него самъ ужаснѣйшую сумму выигрыша. Однакожь окончивши эту благопріятную для меня талию, онъ остановился и позадумался, посмотрѣвши на записанный мною на него выигрышъ. — Позвольте разсчитаться, сказалъ онъ мнѣ. — Мы оба съ нимъ повѣрили записанное другъ на друга, и по этой повѣркѣ оказалось, что я не только совсѣмъ отыгрался, но еще на немъ осталось слишкомъ двѣсти червонцевъ. Съ явнымъ негодованіемъ на самаго себя, написаннымъ на лицѣ его, отчиталъ онъ мнѣ выигранныя у него деньги, и забастовалъ. Игра прекратилась, и всѣ стали расходиться по домамъ, выхваляя мое удачство, а у меня какъ камень отпалъ отъ сердца, я легко вздохнулъ, голова моя освѣжилась, и положивши выигранныя мною деньги въ карманъ, далъ себѣ

слово, лично для своей персоны не прикасаться къ этимъ деньгамъ, а обратить все на пособіе бѣднымъ.

На другой день утромъ, когда я съ бумагами по моей должности явился къ своему начальнику, спросилъ онъ у меня:—Что за вздоръ такой рассказывали мнѣ, что будто бы ты чудеса надѣлалъ вчера вечеромъ у N. N.: понтировалъ противъ него, ставилъ большіе куши, былъ въ чрезвычайномъ проигрышѣ, но въ одну талію съ такимъ удальствомъ и отважностію поступилъ, что не только совсѣмъ отыгрался, но еще у самаго великаго мастера своего дѣла выигралъ двѣсти червонцевъ. Я зналъ, что ты никогда не играешь въ банкъ, и не повѣрилъ разскащику.—Къ-сожалѣнію, все это правда, отвѣчалъ я. Самъ сатана попуталъ было меня, я слишкомъ далеко завлекся, то-есть шутки ради проигралъ было почти все состояніе, но по необыкновенному счастью, или лучше сказать, въ припадкѣ сумасшествія, въ полномъ безпамятствѣ, сталъ играть напропалую, ставилъ ужаснѣйшіе куши, не отгибалъ нѣсколько картъ сряду, прибавлялъ еще къ нимъ большой мазъ, и въ самомъ дѣлѣ въ одну талію не только совсѣмъ отыгрался, но по расчету еще за банкометомъ осталось двѣсти червонцевъ. Вотъ какія глупости можно надѣлать въ самое короткое время, прибавилъ я. Но за то ужъ вѣрно во всю жизнь никогда въ банкъ играть не буду и выигранные мною совсѣмъ неожиданно двѣсти червонныхъ раздамъ до послѣдней копейки бѣднымъ.—Нѣтъ, братъ, отвѣчалъ мой начальникъ, посмотрѣвши мнѣ пристально въ глаза: ежели ты одинъ разъ пустился играть въ банкъ, то дѣло кончено, навѣрное сказать можно, что ты не отстанешь, по пословицѣ: *повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить*. Со всею достоверностію можно предвидѣть, что и ты поступишь въ одну категорію съ многими тебѣ подобными, совсѣмъ разоришься, поглубьнешь и сдѣлаешься совершенно ни къ чему неспособнымъ; это неизбежное послѣдствіе картежной игры.

Клянусь вамъ всѣмъ, что есть свято, что я во всю мою жизнь никогда въ банкъ играть не буду! — сказалъ я съ жаромъ, призывая Бога въ свидѣтели. Но начальникъ мой не далъ мнѣ окончить мое восклицаніе. — Э! нѣтъ, братъ,

постой, стой. Не клянись, а прежде Богу помолись и хладнокровно самъ разсуди. — Зачѣмъ и для чего нужно тебѣ играть въ банкъ. — Ты не картежникъ, неспособенъ мошенничать, и слава Богу, у тебя порядочное состояніе, такъ что жь можешь ты имѣть въ виду, приступая къ постыдной промышленности, пріобрѣтать деньги посредствомъ картежной игры?

— Все это я знаю, понимаю, и именно по этому смѣло клянусь никогда не играть въ банкъ, словомъ, я готовъ дать подписку въ томъ, что предоставлю право всякому, кто увидитъ меня играющимъ въ банкъ или въ другія азартныя игры, прямо въ глаза сказать, что я подлець и достойный полного презрѣнія мерзавецъ.

— Ты не отречешься дать такую подписку? спросилъ начальникъ мой.

Сю-же минуту будетъ она готова, отвѣчалъ я, и схвативъ листъ бумаги, написалъ: — «Такого-то года, мѣсяца и числа. «Я нижеподписавшійся далъ сію подписку въ томъ, что клянусь предъ образомъ Божіимъ, никогда, начиная съ нынѣшняго дня, не играть въ банкъ и ни въ какія азартныя игры. — И ежели я нарушу эту данную мною клятву, то «предоставляю всякому, кто бы онъ ни былъ, назвать меня «при всѣхъ, прямо въ глаза, подлецомъ и мерзавцемъ.» Я подписалъ чинъ, имя, отчество и фамилію, и подалъ начальнику моему подписку.

— После этого вы конечно увѣритесь, — сказалъ я, что рѣшительное мое намѣреніе никогда во всю жизнь не играть въ банкъ и ни въ какія азартныя игры ничто поколебать не можетъ.

— Bravo, bravo! отвѣчалъ онъ, прочитавши мою подписку. Хотя теперъ и твердо увѣренъ я, что ты не нарушишь данную тобою добровольно клятву, слѣдовательно и подписку твою можно уничтожить; но извини меня, я сохраняю ее у себя съ тѣмъ, что хотя дьяволъ и силенъ, но ты не попадешь къ нему въ команду и преодолѣешь всякое искушеніе при одномъ только воспоминаніи, что существуетъ такого рода подписка твоя, хранящаяся у меня.

Все, что я рассказывалъ,— продолжалъ губернаторъ,— было шутки ради слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ.— Начальникъ мой вскорѣ послѣ того опасно занемогъ.— Гг. амплаты хотя и помогли ему, но сильныя лекарства ихъ произвели въ немъ продолжительную хроническую болѣзнь. Онъ долженъ былъ выйти въ отставку, долго страдалъ, и приготовляясь къ смерти, вѣроятно истребилъ ненужныя бумаги, въ томъ числѣ и мою подписку. — Съ товарищами, бывшими свидѣтелями моихъ картежныхъ подвиговъ, мы разошлись въ разныя стороны и не видались, притомъ же они вѣрно за прошествіемъ долгаго времени и забыли, какъ мы подвизались 20 лѣтъ тому назадъ за карточнымъ столомъ, на кантонирь-квартирахъ въ литовскомъ городѣ N.N., словомъ, со всею достовѣрностію можно было полагать, что никому не было извѣстно о существованіи моей подписки; — я продолжалъ служить, и по увольненіи начальника моего сдѣланъ былъ эскадроннымъ командиромъ, потомъ, по производствѣ въ полковники, перешелъ въ армию, командовалъ гусарскимъ полкомъ, и когда же все это происходило? — Въ ту самую эпоху, когда еще оставалось на службѣ довольно много *друзей минувшихъ лѣтъ, гусаровъ коренныхъ*. — Полкъ былъ расположенъ на квартирахъ въ одномъ отдаленномъ литовскомъ захолустьѣ. Что было дѣлать по вечерамъ? Разумѣется ничего болѣе какъ играть въ карты. Ежедневно бывала у насъ жестокая работа въ банкъ, но я былъ только свидѣтелемъ, а не дѣйствующимъ лицомъ, однакожъ признаюсь, часто находило на меня искушеніе. — Дьяволъ шепталъ мнѣ на ухо, что никто не знаетъ о моей подпискѣ, и что по крайней мѣрѣ для того, чтобъ не было несносно-скучно сидѣть въ молчаніи выпуча глаза и смотрѣть, какъ другіе забавляются, почему-же и мнѣ не играть хотя по маленькой, но совѣсть и здравый разсудокъ напротивъ того говорили: что за нужда, что никому не извѣстно о твоей подпискѣ, слишкомъ достаточно и того, что *ты знаешь* объ ней. — Словомъ, я не попалъ въ искушеніе, и съ самаго того дня, какъ далъ подписку, ни одного раза не игралъ въ банкъ, и вообще къ картежной игрѣ чувствовалъ какое-то отвра-

шеніе, но за то пристрастился къ шахъ и мату, только къ сожалѣнію рѣдко нахожу партнеровъ.—Однако жъ съ тѣхъ поръ, какъ я пошалъ въ губернаторы, призналъ необходимымъ играть по маленькой въ вистъ. Первое потому, что на всѣхъ губернскихъ сборищахъ представляю я первенствующее лицо. Хозяинъ и хозяйка хлопочуть около меня, и ежели я не сяду за зеленой столъ, то знаю, что буду имъ въ большую тягость, лишу ихъ возможности заниматься другими гостями и распоряжаться угощеніемъ; а отказываться отъ приглашенія и никуда не ѣздить значило бы возстановить противъ себя всѣхъ и подать поводъ къ разсказамъ, что губернаторъ гордъ, или что онъ нелюдимъ; при томъ-же сидѣть дома и непрерывно заниматься дѣлами, просто одурь возьметъ; дѣловому чловѣку необходимо нужно нѣкоторое разсыніе, чтобы освѣжить голову; пріѣхавъ-же на балъ, сидѣть сложа руки, и смотрѣть, какъ передъ глазами моими кривляются въ провинціальныхъ танцахъ, очень скучно; а самое главное то, что губернатору надобно быть очень одумчивымъ въ разговорахъ своихъ, всякое его слово цѣнится, и какая-нибудь неосторожность въ предметъ разговора или въ выраженіяхъ, тотчасъ повторяется, дѣлается гласнымъ и часто бываетъ поводомъ къ превратнымъ толкамъ. Въ отвращеніе всего этого, сажусь я всегда въ невинную, скромную, допотопную игру въ вистъ съ трипелями, дупельтами и семпелями. Проиграть много въ эту игру нельзя: самой большой, то-есть такъ называемый фоль-робертъ, никогда не превышаетъ десяти; слѣдовательно, ежели партія моя по рублю пуэнь, то при величайшемъ несчастіи проигравши три фоль-роберта сряду, чего никогда не бываетъ, я никакъ болѣе тридцати рублей не заплачу. — Впрочемъ, ежели я не люблю карточную игру, то и она самага меня весьма не жалуетъ. — Играю я очень дурно и несчастливо, почти всегда остаюсь въ проигрышъ, но ежели сосчитать выигрышъ и проигрышъ въ старинный скромный вистъ въ продолженіи всего года, то останутся именно одни только слуги въ выигрышъ, получая за карты.

— А! что ты скажешь на то, что мы съ тобою сейчасъ

*

слышали? спросилъ я у своего брата. — Признайся, вѣдь и ты иногда не прочь перекидывать карты на право и на лѣво.

— Нечего грѣха таить, случается иногда и со мною, отвѣчалъ онъ съ улыбкою. Только я не горячусь и играю по самой маленькой.

— Не горячишься и ставишь по маленькой, продолжалъ губернаторъ. А знаешь ли пословицу: *отъ копьевой свѣчки Москва загорѣлась*. Мнѣ случилось два раза въ моей жизни быть свидѣтелемъ ужасныхъ послѣдствій игры въ банкъ по маленькой, такъ, для забавы. Одинъ хорошій знакомый мой, товарищъ по воспитанію, богатый молодой человекъ, былъ присланъ въ Петербургъ старикомъ отцомъ своимъ хлопотать по весьма важному тяжбному дѣлу. Въ день своихъ именинъ, позвалъ онъ меня и нѣсколько общихъ нашихъ знакомыхъ къ себѣ обѣдать. Накормилъ и напоилъ онъ насъ славно, и сверхъ того, такъ какъ во время обѣда зашелъ у насъ разговоръ о цыганскомъ пѣніи и пляскѣ, то онъ послалъ за цыганами и въ ожиданіи ихъ сдѣлалъ намъ банкъ 25 рублей серебромъ мелкими деньгами, одними только пятачками. Мы закурили трубки, сѣли за зеленой столъ и принялись понтировать. Вскорѣ потомъ явились стаканы съ пуншемъ, и у насъ пошла потѣха: мы жестоко загибали углы, пускали, что называется, брендеры, выигрывали, проигрывали, смѣялись, подшучивали другъ надъ другомъ. Намъ было весело, все шло какъ нельзя лучше, но вдругъ явился передъ нами также общій нашъ товарищъ графъ N. N. — Такъ вотъ ты какой злодѣй, сказалъ онъ: не вздумалъ и меня пригласить съ прочими; такъ вотъ постой же, братъ, я съ тобою раздѣляюсь; ты мечешь банкъ, давай мнѣ понтерки. — Съ чего ты вздумалъ, что я не хотѣлъ тебя позвать: напротивъ того, я самъ своею персоною имѣлъ честь быть у В. С., не засталъ дома и оставилъ записку, отвѣчалъ хозяинъ. — Шалишь, шалишь, ты у меня не былъ и никакой записки не оставлялъ. Да что долго толковать, я никакихъ отговорокъ не принимаю. Подавай понтерки, я пушу тебѣ такого брандера, что банкъ твой разомъ затрещитъ. — Играемъ мы, братецъ, по маленькой, именно только для забавы,

а ты славишься своею отважностію и молодечествомъ, куда намъ съ тобою тягаться, отвѣчалъ хозяинъ.—*Годсъ доннеръ ундъ веттеръ колъ ейнъ маль!* (нѣмецкое восклицаніе). Такъ что-ли, братъ нѣмецъ? сказалъ вновь явившійся рыцарь, обращаясь къ бывшему между ними лифляндцу. Вы вся честная компанія сами видите, прибавилъ онъ, что зтогъ г. банкومتъ трусь пренедостойный. Ага, что, братъ, на попятный дворъ. Порядочно перенугался.—Чего мнѣ пугаться? отвѣчалъ хозяинъ, подавая ему со смѣхомъ колоду картъ для понтированія. Милости просимъ на сцену, посмотримъ, что будетъ. *И жить еще кому, иль мнѣ или Мамаю, то бой рѣшить.* (Стихи изъ трагедіи «Дмитрій Донской», бывшей тогда въ большой славѣ).—Хорошо хорошо, посмотримъ, отвѣчалъ рыцарь, допивая поданный ему стаканъ пуншу и закуривъ трубку. А сколько у тебѣ въ банкъ? — По счету оказалось, всего съ выигранными у насъ понтеровъ 42 рубли. — Въ банкъ! закричалъ рыцарь. И съ оника поставленная имъ карта была убита. Онъ перегнулъ ее къ отыгрышу и опять воскликнулъ: въ банкъ мазу. Къ концу талии и эта карта проиграла.—Что взялъ, г. хвастунъ? сказалъ хозяинъ. Сосчитай-ка, сколько ты проигралъ.—Ничего, ничего, — отвѣчалъ онъ, вынимая изъ кармана деньги, и уплачивая свой проигрышъ. Это мнѣ не первоуценка. Ежели ты не хочешь забастовать, то продолжай свое дѣло я тебѣ докажу, что *rit bien celui qui rit le dernier* (смѣхъ настоящій не первый, а послѣдній).—Изволь, братецъ, я буду продолжать. Мнѣ совѣстно остаться въ выигрышѣ, у тебѣ въ-четверо болѣе, чѣмъ было у меня въ банкъ.—Совѣститься, братъ, нечего: выигрышъ и проигрышъ *на одномъ конь ѣздятъ.* Валяй, продолжай метать.—Хозяинъ колебался и въ молчаніи тасовалъ карты. А что, братъ, *манжетки затряслись,* изволилъ струсить? продолжалъ рыцарь. — Не струсилъ, пожалуй, я метать стану, отвѣчалъ хозяинъ, подавая ему карты для сѣмки, только мы съ тобою оба очень безразсудно поступаемъ, обращая маленькую игру въ довольно серьезную.—Да ужь ты, братъ, не раздобаривай. Я снялъ, такъ изволь метать, отвѣчалъ рыцарь, положивъ на карту разомъ все, что онъ проигралъ. И эта карта была тотчасъ

убита; далье и далье,—фортуна жестоко преслѣдовала рыцаря. Въ это время пришли съ докладомъ, что явился цыгане. Хозяинъ забастовалъ, сдѣлалъ общій счетъ со всеми понтерами, и по повѣркѣ оказалось, что рыцарь проигралъ слишкомъ тысячу рублей серебромъ. Онъ вынулъ изъ кармана деньги и заплатилъ проигрышъ. —Однакожь ты, любезный камрадъ, сказалъ онъ, не всегда играешь по маленькой, пускаешься иногда и въ серьёзную, такъ дай мнѣ реванжъ.—Изволь, братецъ, изволь: мнѣ совѣстно, игравши по маленькой, такъ жестоко тебя обработать; хотя это и очень полезный урокъ хвостуну, однакожь я не отказываюсь, и по всей справедливости готовъ дать тебѣ реванжъ, только отдохнемъ немного, послушаемъ цыганъ, поужинаемъ и потомъ пустимся въ ночную экспедицію.—Хорошо, хорошо, сама премудрость говорить устами твоими, отвѣчалъ рыцарь. Пойдемъ слушать цыганъ и поужинавши примемся за дѣло. Да будетъ извѣстно и вѣдомо всей честной компаніи, что я дѣлаю пять тысячъ рублей. Кому угодно вступить со мною въ ратоборство, милости просимъ, прабавилъ онъ.—*Ради стараться!* отвѣчали многіе изъ нашего общества. Цыгане славно насъ потѣшили, ужинъ былъ также чудесный, потомъ новый банкюметъ потребовалъ дюжину картъ, вынулъ изъ книжки своей кипу ассигнацій, высыпалъ изъ кошелька множество полуимперіаловъ и червонцевъ и торжественно возвѣстилъ, что банкъ готовъ. Хозяинъ и многіе изъ прежнихъ гостей заняли мѣста около зеленого стола, и пошла работа. Меня также приглашали, но я отвѣчалъ, что мнѣ по должности моей надобно рано вставать, поблагодарилъ хозяина за хлѣбъ за соль и отправился домой. Игра продолжалась, какъ я послѣ узналъ, цѣлые сутки, и кончилась тѣмъ, что добродушный нашъ хозяинъ проигралъ сорокъ тысячъ рублей. Наличныхъ денегъ, разумется, у него не было, онъ далъ вексель; но самъ *trouble fete*, явившійся такъ не кстатѣ къ нашей маленькой копѣчной игрѣ, чрезъ нѣсколько дней потомъ попался въ передѣлъ къ одному извѣстному въ то время мошеннику, фальшивому игроку, перекрещенному, какъ говорили, еврею. Онъ обыгралъ его до

последней нитки, то-есть, все, что у него ни было, въ томъ числѣ и вексель въ 40 т. руб. нашего несчастнаго хозяина поступилъ въ руки плута. Онъ требовалъ у него уплаты и соглашался даже сдѣлать большую уступку, но бесполезны были всѣ усилія его отыскать наличныя деньги и выкупить свой вексель. Еврей обратился къ отцу. Скупой старикъ встревожился извѣстiемъ о томъ, какимъ образомъ распоряжается сынокъ его, присланный хлопотать по тяжбному его дѣлу, поспѣшилъ самъ въ Петербургъ. Можно вообразить себѣ свиданiе его съ сыномъ. Словомъ, послѣдствiемъ кошечной игры для забавы было то, что отецъ отобралъ отъ своего повѣреннаго всѣ бумаги, согналъ его съ глазъ своихъ, и хотя выкупилъ вексель у плута еврея, но вмѣстѣ съ тѣмъ, отрѣшилъ его отъ наслѣдства, и не внимая никакимъ просьбамъ сына, также убѣжденiямъ родныхъ и знакомыхъ, не хотѣлъ видѣть его. Какъ-какъ онъ могъ поддерживать себя на службѣ однимъ только жалованьемъ, и часто бывалъ въ крайности. Стѣсненное и бѣдственное положенiе его продолжалось нѣсколько лѣтъ, отецъ не хотѣлъ видѣть его, возвращалъ ему не распечатанными письма и даже чрезвычайно сердился на тѣхъ, кто при немъ произносили имя его. Наконецъ, за нѣсколько только часовъ до смерти, по убѣжденiю жены своей, матери несчастнаго отвергнутаго сына, также прочихъ дѣтей своихъ, духовника и ближнихъ родныхъ, умилосердился, простилъ его, и онъ получилъ слѣдующую ему часть изъ оставшагося послѣ отца имѣнiя. Какъ послѣ этого не согласиться, сказалъ губернаторъ засмѣявшись, съ ветераномъ зеленаго стола, о которомъ я вамъ прежде говорилъ, что дьяволы командируются изъ ада для соблазна картежныхъ игроковъ и прiобрѣтенiя ихъ душъ въ свое вѣдомство. Случившеся съ добродушнымъ, гостепрiимнымъ нашимъ хозяиномъ, не есть ли, въ самомъ дѣлѣ, самая жесточайшая насмѣшка. Началась игра маленькая, и какъ нарочно дьяволъ привлекъ вѣзлмошнаго сорванца, заставилъ его проиграть въ сорокъ разъ болѣе того, что было въ банкѣ, и въ вознагражденiе деликатности добросовѣстнаго челоуѣка, не хотѣвшаго воспользоваться значительнымъ выигрышемъ,

завлекъ и омрачалъ его разсудокъ до такой степени, что онъ не только проигралъ безразсудному сорванцу въ сорокъ разъ болѣе того, что онъ прежде самъ выигралъ у него, — но еще сверхъ того привелъ его въ бѣдственное положеніе, продолжавшееся нѣсколько лѣтъ.

— Правда, правда, это именно самая жестокая, дьявольская насмѣшка, сказалъ я.

— А въ болѣе доказательство того, что никогда не надобно, что называется, шутить огнемъ, и что самая маленькая игра увлекаетъ иногда Богъ знаетъ какъ далеко, — продолжалъ губернаторъ, — надобно разсказать вамъ еще одинъ случай. Старшій родной братъ мой сдѣдалъ хорошую партію и завелся дѣтьми. Оставаться въ военной службѣ женатому человѣку, обремененному семействомъ, очень затруднительно, онъ вышелъ въ отставку, и, по примѣру болѣе части русскихъ дворянъ, поселился на всегдашнее жителство въ Москвѣ. — У него былъ собственный большой, покойный домъ, и въ самомъ близкомъ разстояніи подмосковная, куда онъ съ семействомъ своимъ выѣзжалъ на лѣто, словомъ, жилъ онъ и поживалъ покойно и счастливо. — Я всякой разъ, проѣзжая черезъ Москву, останавливался у него въ домъ. О братъ и говорить нечего, мы съ нимъ съ самаго малолѣтства были чрезвычайно дружны, но и въ женѣ его я нашелъ добрую, настоящую родную сестру. Однажды случилось мнѣ проѣзжать черезъ Москву, не за долго до ея иманинъ; она убѣждала меня, а братъ по праву старшинства настоятельно требовалъ, чтобы я провелъ съ ними этотъ день. Я съ полнымъ удовольствіемъ согласился. У любезной нашей иманинницы было много родныхъ въ Москвѣ, человѣкъ болѣе 50 обѣдали у нее, въ числѣ прочихъ былъ богатый довольно пожилой двоюродный братъ ея; послѣ обѣда, какъ обыкновенно водится, составлена была для него партія въ вистъ. Къ концу игры, при расчетѣ жена моего брата подошла къ столу. — Что, милостивая государыня, сказалъ онъ ей, ты такъ гнѣвно изволишь смотрѣть на меня? вѣроятно за то, что я дерзнулъ обыграть твоего почтеннаго супруга? но мнѣ въ банкъ не возвратитъ и половины того, что онъ у

меня выиграть; а знаешь-ли, что очень кстати было бы мне обыграть въ одинъ день и мужа и жену; сдѣлай мнѣ банкъ.

— Да я ни объ какой игрѣ не имѣю понятія и тѣмъ менѣе еще объ банкѣ, отвѣчала она.

— Шалишь, шалишь, ты съ самыхъ молодыхъ лѣтъ была проказница и называлась буфонкой во всей нашей семьѣ, отвѣчалъ двоюродный ея братъ. Почтенный старичекъ, нашъ общій съ тобою дѣдушка, далъ тебѣ это прозваніе, и ты съ честію поддерживаешь его. Можетъ ли быть, чтобы ты никогда не видала, какъ играютъ въ банкъ. Впрочемъ это не такая тарабарная грамота, прибавилъ онъ, взявши колоду картъ. Вотъ смотри, на право выпавшая карта выигрываетъ банкомету, а на лѣво понтеру. Кажется, это не такъ мудрено понять.

— Хорошо, хорошо, сказалъ братъ мой своей женѣ. Я буду стоять подлѣ и не дамъ тебя обмануть, а ежели этому господину, *ci-devant jeune homme* (бывшему молодому чело-вѣку), очень хочется играть въ банкъ, то почемужь и не потыпить его. Вотъ 10 рублей, прибавилъ онъ, вынимая деньги изъ своей книжки. Дѣлай ему банкъ, да смотри же, хорошенько обработай его, и отбей у него охоту забавляться такою игрою, которая доводитъ многихъ до большой бѣды.

— Изволь, изволь, отвѣчала она, я его такъ отдѣлаю, что онъ долго будетъ меня помнить. — 10 рублей въ банкъ, изволь, г. охотникъ, снимать карты.

— Вотъ видишь-ли, отвѣчалъ онъ, я намѣренъ играть съ тобою совсѣмъ не на деньги, а вы оба, господа супруги, торгаша, поставяете мнѣ изъ вашей подмосковной дрова по ужаснѣйшей цѣнѣ, по 9 рублей за сажень, такъ я хочу выиграть у тебя одну сажень дровъ, понимаешь ли, одну сажень, вотъ въ чемъ долженъ состоять твой банкъ.

— Да ужъ вы напрасно, ваше благородіе, изволите гнѣваться, сказала она такимъ голосомъ, какъ говорятъ купцы выхваляющіе свой товаръ. — Повѣрьте нашей чести, дрова то-есть самой наилучшей сортъ первокалиберные, и мы только

чтобы угодить вашей милости, поставляемъ такъ дешево, то-есть по своей цѣнѣ, и даже съ убыткомъ.

— Такъ и есть, — отвѣчалъ двоюродный братъ, захопавши во все горло. — Ты до сихъ поръ со славою исполняешь должность буфонки. Однакожь много толковать нечего. Я очень знаю, какъ вы меня надуваете: по всѣмъ собраннымъ мною справкамъ, нигдѣ дешевле 10 рублей съ полтиною такихъ дровъ, какъ ваши, купить нельзя, а вы изволите продавать ихъ мнѣ по 9 рублей, то-есть полтора рубля дешевле противъ настоящей цѣны. Вотъ какъ вы плутуете.

— Что дѣлать, батюшка ваше благородіе, дѣло наше торговое, — отвѣчала со смѣхомъ жена моего брата, перетасовывая карты и подавая ему снять. — Чтожь теперь мнѣ дѣлать, когда ты снимешь? спросила она.

— А вотъ сейчасъ начнется тебѣ лекція, отвѣчалъ братъ ей, поставивъ карту, и воскликнулъ: Въ банкъ.

— А мнѣ чтожь надобно на это отвѣчать?

— Ничего болѣе, какъ кидать карты, одну на право, а другую на лѣво.

Съ оника поставленная карта была убита.

— Эге! эге! Вотъ ты какова, бьешь карты съ оника. Да это хорошее для меня предзнаменованіе, банкъ твой тотчасъ затрещить. — Отыгрывается, сказалъ онъ, перегнувши убитую карту. Постой же, я буду играть съ тобою, какъ въ старину игрывалъ конфетчикъ съ гвардейскими сержантами, — прибавилъ онъ. — Прежняя карта отыгрывается, а вотъ эта другая идетъ опять въ банкъ.

— Ничего не понимаю, — сказала она, продолжая метать.

— А вотъ сей-часъ узнаешь, когда я выиграю у тебя сажень дровъ.

Однакожь черезъ нѣсколько абцуговъ обѣ карты были убиты.

— Bravo! bravo! — Но ты отъ меня не отдѣлаешься: во что бы то ни стало, а я сорву твой банкъ, то-есть сажень дровъ непременно выиграю. — Первая карта идетъ на четыре куша, вторая на два, а вотъ еще и третья, опять въ банкъ.

Но и эти карты были убиты; отважный понтеръ, не унывая, продолжалъ увеличивать куши и ставить вновь карты,

воскликая: въ банкъ, до самаго конца талии, и всѣ до одной поставленныя имъ карты были убиты.

— Что жъ мнѣ дѣлать теперь? спросила она, положивши послѣднюю карту на лѣво.

— Сосчитать и записать выигрышъ, собрать карты, перетасовать ихъ хорошенько, перемѣшать и дать мнѣ снять, — отвѣчалъ несчастный понтеръ.

— Да сколько-же я выиграла? — Ничего не знаю и не понимаю.

— Объ этомъ не безпокойся, — отвѣчалъ мужъ ея. — Я все сосчитаю, запишу, а ты перетасуй карты, дай снять и продолжай трудиться съ такою-же пользою и славою, какъ до сихъ поръ.

Еще двѣ талии продолжалась игра по старинной методѣ конфетчиковъ. Понтеръ ставилъ нѣсколько картъ, одну за другою, и всѣ онѣ были убиты. Братъ мой записывалъ, и скоро составила уже весьма длинная колонна проигрыша.

— Да ты, милостивая государыня, просто изволишь плутовать. Мастерски подтасовываешь и передергиваешь карты; не возможно, чтобы съ-проста было такое необыкновенное счастье, — сказалъ понтеръ засмѣявшись.

— Насилу, насилу догадался, — отвѣчалъ мужъ ея. — Видишь-ли, она у меня такая баба умная, смѣшленная. Мнѣ стоило только дать ей нѣсколько уроковъ, какъ подтасовывать и передергивать, она тотъ-часъ все поняла, и какъ мастерски сыграла роль невинной, несмѣшленочки.

— Вотъ она какова. Да, вижу я, что попалъ въ порядочную западню. Надобно быть осторожнымъ. Нечего дѣлать, я перемѣню манеръ игры, брошу старинную методу конфетчиковъ, и буду играть сурьезно, и конечно надобно быть очень и очень осторожнымъ. — *На то карась въ моръ, чтобы щука не почивалъ,* — говорилъ одинъ нѣмецъ, который, проживавши долго въ Россіи, увѣренъ былъ, что онъ изучилъ основательно нашъ языкъ, изъясняется правильно и знаетъ множество нашихъ пословицъ и поговорокъ. Правду сказалъ ученый нѣмецъ, мастеръ приводить и растолковывать наши пословицы и поговорки. Именно надобно быть очень

осторожнымъ съ этою госпожею плутовкою. Но не поддѣнеть же она меня больше, я пушю чудесный брандеръ, отыграюсь и во что бы то ни стало сорву ея банкъ.

Въ послѣдующія за тѣмъ талии, сталъ онъ играть сурьезно и употреблялъ разныя средства, какъ-то: игралъ на мирандолъ, на очередь, на фаску, на расчетъ, пробовалъ ставить карты темныя вольно, на разъ, на два и на три. Все было бесполезно: фортуна, или, лучше сказать, злобный насмѣшникъ дьяволъ, такъ и душилъ его наповаль. Онъ началъ горячиться, рвать карты и бросать ихъ подъ столъ.

Жень брата моего было досадно, что изъ вздорной игры сдѣлалась очень и очень сурьезная. Она бросила карты. — Такое глупое, ни съ чѣмъ несообразное счастье стало надобдывать мнѣ. Садись на мое мѣсто, — сказала она своему мужу. — Мнѣ наскучило это монотонное занятіе, перекидывать карты съ одной стороны на другую, при томъ-же пора кормить Феденьку, онъ вѣрно проснулся и порядочно проголодался, — прибавила она, выходя изъ комнаты.

Братъ мой сѣлъ на мѣсто своей жены, распечаталъ новую колоду и сталъ тасовать.

— Сосчитай, сколько я въ проигрышѣ, — сказалъ онъ новому банкомету. По счету оказалось проигрышу пять тысячъ сажень дровъ.

— Что за глупость такая, можно-ли на одну сажень проиграть такъ много. Станови, братецъ, на квити; — пора кончить, — сказалъ онъ, подавая снимать перетасованныя карты.

Понтеръ послушался, поставилъ карту на квити, и проигралъ; слѣдовательно на немъ сдѣлалось уже 10 т. сажень; поставилъ на 20 т., опять проигралъ. Онъ былъ въ большемъ смущеніи, раскраснѣлся, все лице его было въ поту, онъ подумалъ нѣсколько и поставилъ на 40 т., но съ оника и эта карта также проиграла. Это было уже совсѣмъ не шутка: 40 т. сажень по 9 рублей, составляло 360 т.

Братъ мой съ досадою бросилъ карты на столъ. — Что за дьявольщина такая! — сказалъ онъ: — ни на что не похоже; я думаю, что всего на всего проигралъ ты вѣрно болѣе ста картъ сряду. И что за охота понтировать, когда преслѣдуетъ

тебя неслыханное, ни съ чѣмъ несообразное несчастье. Перемѣнимъ игру, — ты мечи банкъ, а я буду понтировать, прибавилъ онъ.

Примерно злополучный понтеръ ничего не отвѣчалъ, посмотрѣлъ брату моему прямо въ глаза, обтеръ потъ съ своего лица, допилъ стоявшій подлѣ него стаканъ воды, распечаталъ новую колоду и въ безмолвіи подаль ему снять. Братъ мой выдернулъ карту. — На квитъ, сказалъ онъ, и чрезъ нѣсколько абзуговъ воскликнулъ: Убита. Схватилъ карту, перемѣшалъ ее въ колодѣ и тотчасъ стеръ все, что было имъ выиграно. Но можно-ли повѣрить, что и эта поставленная имъ на квитъ карта съ оника выиграла. Я стоялъ подлѣ стола и очень замѣтить, что была поставлена трефовая дама, и она съ перваго-же раза упала на льво. Братъ мой послѣ наединѣ признался мнѣ, что я не ошибся: точно была имъ поставлена дама, и она дѣйствительно съ оника выиграла, следовательно, на одну сажень дровъ, стоящую 9 рублей, ежелибъ братъ мой *не смозлевалъ*, то выигралъ бы 720 т. рублей. Вотъ какова она шуточная, для забавы игра въ банкъ. Справедливы и очень справедливы пословицы, 1-е, что *въ банкъ самъ дьяволъ сидитъ*, и 2-е, что *отъ копѣечной свѣчки Москва сгорѣла*.

— Очень и очень понимаю и умѣю отдать должную цѣну благородному, великодушному и истинно родственному поступку твоему и жены твоей, сказалъ злополучный понтеръ. Ни отъ кого другаго не принялъ-бы я подарка, но отъ васъ съ полною благодарностію принимаю, прибавилъ онъ, вставая со стула и взявши свою шляпу. У меня кружится голова и отъ сытнаго вашего обѣда и отъ сильнаго душевнаго волненія. Едва-ли кто повѣритъ, чтобы безразсудство могло простираться до такой степени. Шуточная игра такъ, для забавы — достигла до такого значительнаго проигрыша. Какой упрекъ совѣсти преслѣдовалъ бы меня всю жизнь, ежелибъ я попался въ руки къ другимъ, а не къ вамъ, добрые и истинные родные. Однакожь мнѣ надобно отдохнуть и освѣжиться. сказалъ онъ, пожавъ крѣпко руку у моего брата, и вышелъ изъ комнаты.

На другой день прислалъ онъ къ женѣ моего брата дорогой осыпанный крупными бриліантами браслетъ. Ювелиры оцѣнили его не менѣе какъ въ 15 т. рублей. Въ письмѣ къ ней, присланномъ съ подаркомъ, онъ не говорилъ ни слова о вчерашнемъ своемъ проигрышѣ, а вспоминалъ только, какъ они съ самаго малолѣтства, воспитываясь вмѣстѣ у старушки бабушки, были дружны, и что онъ всегда любилъ, любить и будетъ вѣкъ любить ее, именно какъ родную сестру. А потому твердо увѣренъ, что *родная сестра* приметъ посылаемый ей отъ *роднаго брата* подарокъ въ воспоминаніе всегдашней взаимной ихъ дружбы между собою. Онъ прибавилъ въ письмѣ своемъ, что этотъ подарокъ хотѣлъ онъ сдѣлать ей вчера, въ день ея именинъ, но ювелиръ не успѣлъ докончить свою работу. Оба великодушные банкеты, и мужъ и жена, колебались принять этотъ подарокъ, хотѣли было отослать назадъ, но прочитавши еще со вниманіемъ письмо, опасались, чтобы онъ не призналъ отказъ ихъ слишкомъ оскорбительнымъ и обиднымъ для себя; при томъ-же при огромномъ его состояніи подарокъ въ 15 т. рублей нисколько не былъ тягостенъ для него, они рѣшились не отсылать назадъ, и жена моего брата въ письмѣ своемъ, написанномъ въ самомъ дружескомъ и родственномъ тонѣ, благодарила его за подарокъ.

Разсказанные мною тебѣ, любезный Сергѣй Федоровичъ, два случая служить рѣшительнымъ доказательствомъ и подкрѣпленіемъ тому, что я прежде говорилъ, а именно, что *шутить съ огнемъ не должно* и что всякая азартная игра, начавшаяся для *збавы*, можетъ окончиться большимъ горемъ.

— Прямо отъ души благодарю, Ваше Превосходительство! — сказалъ братъ мой, — за милостивое вниманіе ваше ко мнѣ и совершенно правильное предостереженіе о пагубныхъ послѣдствіяхъ азартной игры. — Но повѣрьте, что я никакого пристрастія къ картамъ не имѣю, и въ доказательство тому я готовъ сей-часъ дать такую-же подписку, какую вы сами въ молодости вашей дали, не играть во всю жизнь ни въ какую азартную игру.

— Какъ! ты готовъ дать такую подписку?—спросилъ я у него съ удовольствіемъ.

— Прикажете подать бумагу, чернильницу и перо. Я сію минуту напишу подписку какую угодно и даже гораздо сильнѣе, чѣмъ далъ въ свое время его превосходительство Петръ Сергѣевичъ.

— Довольно одного твоего слова, — продолжалъ я, пожавши у него крѣпко руку. — Мнѣ по многимъ опытамъ извѣстно, что ты твердо и непоколебимо исполнишь всякое данное тобою обѣщаніе. Этимъ мы оба обязаны нашему отцу. Онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ совѣтовалъ намъ читать ежедневно и руководствоваться во всю жизнь правилами Франклина, о возможномъ нравственномъ своемъ усовершенствованіи.

— Какъ умно и какъ правильно совѣтовалъ вамъ отецъ вашъ принять правила Франклина въ основаніе для достиженія возможнаго спокойствія и счастья въ здѣшней жизни, сказалъ губернаторъ. — Мнѣ сдѣлались извѣстными эти правила тогда, какъ я уже былъ весьма зрѣлыхъ лѣтъ. Но съ тѣхъ поръ какъ я сталъ строго наблюдать за собою и ежедневно отдавать самому себѣ отчетъ въ дѣйствіяхъ своихъ, я чувствую себя гораздо лучше и почитаю Франклина истиннымъ своимъ благодѣтелемъ. Такимъ образомъ ты, любезный Сергѣй Федоровичъ, предохранилъ себя отъ самой опасной въ молодыхъ лѣтахъ страсти къ картежной игрѣ, продолжалъ губернаторъ. Но это еще не все, тебѣ предстоитъ много другихъ искушеній въ здѣшнемъ мірѣ, и между прочимъ какую силу характера должно имѣть, и какимъ мужествомъ надобно вооружиться, чтобы противоборствовать соблазну очаровательныхъ цирпей. Древнее иносказаніе о томъ, что Минерва, то-есть языческая богиня премудрости, свергнула въ море съ утеса на островъ Калипсо воспитанника своего Телемака, заслуживаетъ полнаго вниманія. Именно одни только сильныя, рѣшительныя мѣры, мо-

гутъ спасти молодого челоуѣка отъ этой пагубной страсти. Какъ грустно думать, смотря на такого, какъ ты, здороваго, свѣжаго, краснощекаго парня, какая переѣна можетъ послѣдовать въ тебѣ, ежели ты еще, повторяю, не будешь имѣть силы характера противоборствовать искушенію очаровательныхъ цирцей. Преждевременный дряхлый старичишка, съ потухшими глазами, съ блѣдножелтымъ цвѣтомъ лица, въ совершенномъ изнеможеніи здоровья, 'представится предъ нами вмѣсто прежде бывшаго молодца, красоты природы. А сколько такихъ ужасныхъ примѣровъ удалось мнѣ видѣть! продолжалъ губернаторъ. Впрочемъ пошли тебѣ Богъ такой-же благонадежный способъ отвратить отъ себя подобное несчастье, какой мнѣ снипослалъ Онъ по благодти своей. Я въ самыхъ молодыхъ моихъ лѣтахъ страстно влюбился въ дѣвушку, которая, казалось мнѣ, могла способствовать къ счастью моей жизни. Я не ошибся въ моемъ выборѣ. Сдѣланное мною предложеніе не было отвергнуто, и супружеская наша съ нею жизнь началась, когда мнѣ было 25 лѣтъ, а ей 19-ть; слава Богу, мы уже давно отпраздновали серебряную нашу свадьбу, и все это время по милости Божіей провели такъ покойно, такъ счастливо, что называется, какъ у печки погрѣлись.

При сихъ словахъ братъ мой весь вспыхнулъ, онъ покраснѣлъ отъ глазъ до самыхъ ушей.

— Эге! эге, братъ! сказалъ губернаторъ, посмотрѣвши на него пристально. Отъ чего ты такъ вдругъ раскраснѣлся? ужь не пала ли зазнобушка на ретивое сердце добраго молодца.

— Очень удачно и счастливо пала зазнобушка на ретивое его сердце, отвѣчалъ я съ улыбкою. — Вы столькими опытами доказали доброжелательство ваше нашему семейству, что мы не должны имѣть никакихъ отъ васъ секретовъ. — Посмотрите на него со вниманіемъ, и вы увидите во всѣхъ чертахъ его лица, что онъ страстно влюбленный и счастливый женихъ.

ДРЕВНѢЙШІЙ БЫТЪ СКАНДИНАВІИ.

Немногія, разсыпанные извѣстія, находимыя въ древнихъ сагахъ о состояніи и видѣ Скандинавіи во времена язычества, свидѣтельствуя, что средняя, а еще болѣе верхняя Швеція, въ эпоху поселенія Готовъ и Свеоновъ, болшею частію была пустыня. Около 6 или 7-сотъ лѣтъ послѣ поселенія Шведовъ на Меларъ, Святиодъ описывали страню, полною дремучихъ, обширныхъ лѣсовъ и пустынь. Браут-Анундъ, предпоследній король изъ династіи Инглинговъ, царствовавшей въ Швеціи, получилъ въ сагахъ великую славу за то, что употребилъ много стараній и издержекъ для истребленія лѣсовъ, такъ что его заботливостію обработаны великіе участки земли, проложены дороги чрезъ пустыни, болота и горы и во всякомъ большомъ герадѣ устроены королевскіе дворы. Лѣса Кольмарденъ и Тиведенъ, отдѣлявшіе Святиодъ (землю Свеоновъ) отъ Готской земли — почему первый назывался сѣвернымъ, а послѣдній — южнымъ, около исхода XII вѣка были дикою пустынею и столь обширною, что Норвежскій король Сверре въ путешествіи изъ Ост-Готландіи въ Вертландію, въ 1177 году, шесть или семь дней блуждалъ въ этихъ незнакомыхъ мѣстахъ и нигдѣ не встрѣчалъ никакого жилья. Древнія саги сохраняютъ также воспоминаніе о томъ времени, когда отъ рѣки Мотаны до Эребро въ Нерикэ и оттуда до Мариенстада въ западной Готландіи лежащая по срединѣ страна была обширный лѣсъ. Сѣверная и гористая часть восточной Готландіи, кажется, послѣ исхода языческаго времени получила своихъ первыхъ обитателей. Такъ-же пустынна, непроходима и дика была южная лѣсистая часть этой области, обращенная къ Смеланду. Тамъ, также какъ и въ дикомъ Гольвэдентѣ и по всему Смеланду, не было даже вовсе дороги. Когда святой Зигфридъ въ исходѣ X вѣка путешествовалъ изъ Шонінъ въ Веренде, его путешествіе было чрезвычайно затруднительно,

потому что дорога шла по дикой странѣ и дремучимъ лѣсамъ, острыми утесами и крутымъ горамъ. Оттого-то путешественники, отправившіеся изъ Тонія на Сѣверъ, обыкновенно избирали путь въ Скару въ Вестер-Готландію, оттуда черезъ Веттеръ, потомъ вдоль рѣки Моталы до Бравикена, отсюда шли чрезъ лѣсъ Кольмарденъ, который съ этой стороны всего доступнѣе и проходимѣе, и потомъ продолжали путь черезъ Зюдерманнландію въ верхнюю Швецію. О Вест-Готландіи читаютъ въ древнихъ сагахъ, что тамъ были великія и обширныя пустыни, чрезъ которыя нельзя было проходить безъ большихъ затрудненій въ зимніе мѣсяцы; въ древнемъ законѣ Вест-Готовъ говорится о лѣсахъ Нордфалъ, Синдерфалъ и Эстерфалъ, вмѣсто которыхъ теперь Вест-готская равнина, такъ называемый Фальбиггдъ, совершенно безъ лѣса. Но это еще не единственное свидѣтельство, что глубокіе и обширные лѣса встарину покрывали страны, нынѣ ровныя и обильныя плодоносными нивами. Лѣса на многіе дни пути отдѣляли Вест-Готландію отъ Богуслана, и древнее имя пограничной долины Дала, Мачкеча, т.-е. лѣса, кажется, намекаетъ на то время, когда еще помнили, что вся эта страна покрыта была лѣсомъ и представляла немногіе слѣды землѣдѣлія. Впрочемъ населеніе Далекарліи еще въ древнее языческое время доказывается не только многими встрѣчающимися тамъ древностями, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ началѣ слѣдующаго вѣка она является страной со многими герадами, которые долгое время управляемы были изъ Вест-Готландіи. Напротивъ горныя округи и вообще всѣ обильныя металлами страны между большими рѣками Кларою и Даломъ, столь важныя по своимъ произведеніямъ для торговли всего государства, и, благодаря землѣдѣлію и горнозаводству, соперничающія съ другими областями въ цивилизаціи, довольствѣ и населеніи — эти страны въ исходѣ языческаго вѣка были хотя несовершенно необработаны, однакожь мало извѣстны. На высокой горѣ, составляющей границу между Швеціей и Норвегіей, вытекаетъ двумя рукавами большая рѣка Далъ; одинъ рукавъ, въ своемъ теченіи принявъ рѣку Орсу, протекаетъ подъ именемъ восточнаго Дала великое озеро Спліанъ и течетъ оттуда въ приходъ Гagneфъ; другой рукавъ, носящій имя западнаго Дала и истекающій на горѣ Фулу, приближается къ церкви въ Лямѣ, прорывается многими неожиданными излучинами чрезъ выдающіеся утесы и

течетъ равнымъ образомъ въ приходъ Гагнефъ; здѣсь оба рукава соединяются, и потомъ, слившійся въ одно русло, Далъ продолжаетъ свое теченіе къ морю, перерѣзываетъ большія плодородныя равнины, расширяется въ огромный бассейнъ воды, окружающій многіе островки, опять принимаетъ форму рѣки, низвергается въ значительномъ водопадѣ рѣку Карлеби, и наконецъ за милю отсюда впадаетъ въ Ботническій заливъ. Тѣсная и высокая долина, пробѣгаемая западнымъ Даломъ, составляетъ часть Далекарліи, носящей названіе западной; напротивъ другая болѣе обширная и низкая долина, по которой течетъ восточный Далъ, называется восточною Далекарліею: обѣ онѣ составляютъ всю верхнюю или сѣверную часть ландсгауптманства Стора Копнарбергъ; часть этого ландсгауптманства, лежащая на югъ отъ обѣихъ долинъ, заключаетъ въ себѣ на юго-западѣ западный горный округъ, и на юго-востокѣ собственно Копнарбергъ, Сетерсъ и Несгардсканъ, изъ которыхъ послѣдніе составляютъ такъ называемый восточный горный округъ. Въ этой юго-восточной части Далекарліи Олахъ Дигре на походѣ въ Норвегію въ 1030 году, прошедши лѣса сѣвернаго Вестманнланда, встрѣтилъ обитаемыя мѣста, называемыя Iernbäraland. За то вся сѣверная часть этой страны, такъ называемая восточная и западная Далекарлія, была почти неизвѣстная страна, если заключать изъ древнихъ памятниковъ. Только въ концѣ XII вѣка, когда король Сверре проходилъ эти страны, падаютъ на насъ первые лучи исторіи. Когда Сверре около 1177 года хотѣлъ отправиться изъ южной Норвегіи въ Трондгемъ, но не отважился, по причинѣ вооруженія своихъ враговъ, идти черезъ Норвежскія владѣнія, онъ направилъ путь въ Вермландію, прошелъ черезъ лѣсъ двѣнадцать миль длиною, нынѣ населенный Финнами, въ Экесгерадъ, лежащій на границѣ Далекарліи, отсюда черезъ другой не менѣе длинный лѣсъ, еще нынѣ называемый десятимильнымъ, пограничный между Вермландомъ и Далекарліею, потомъ онъ, кажется при Малунгѣ, встрѣтилъ населенное мѣсто въ западной Далекарліи; но отсюда путь шелъ черезъ третій, двѣнадцать миль длиною лѣсъ, прежде нежели Сверре достигъ до населенныхъ мѣстъ (Iernbäraland), по всей вѣроятности, въ восточной Далекарліи, можетъ быть, въ приходахъ Моръ или Эль-далъ. Въ дорогѣ по этой дикой странѣ король и его спутники питались мясомъ птицъ и звѣрей, которыхъ убивали

стрѣлами; путь шелъ черезъ болота, густые и мрачные лѣса, утесы и горы, притомъ въ такое время года, когда таетъ снѣгъ въ лѣсу и ледъ на водахъ, такъ что Сверре и его спутники боролись съ невѣроятными затрудненіями. Въ восточной Далекарліи жили еще лзычники, никогда не видавшіе, чтобы король путешествовалъ по ихъ странѣ, и даже не знавшіе, человѣкъ ли онъ или звѣрь. Однакожь они хорошо приняли Сверре и пособили ему въ путешествіи. Черезъ болота и топи, великія рѣки и озера и въ восемнадцатъ роздыховъ длинный лѣсъ, Сверре пришелъ въ Геріудаленъ; оттуда, прежде нежели добрался до Іемтланда, онъ долженъ былъ опять проходить лѣсъ не менѣе 38 роздыховъ (*) длиною; въ этой дорогѣ путники ничего не имѣли для пищи, кромѣ лыка, древесной коры и еще ягодъ, пролежавшихъ зиму подъ снѣгомъ.

Геріудаленъ, гдѣ останавливался Сверре, былъ уже населенъ; но одна древняя Сага сохранила воспоминаніе о томъ времени, когда эта страна, еще необитаемая, получила своихъ первыхъ жителей. Геріульфъ былъ знаменосецъ у короля Гольфодана Чернаго, отца Гаральда Гарфагера. Онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ короля, но однажды, на праздничномъ пирѣ, разсерженный, онъ ударилъ какого-то придворнаго кубкомъ, оправленнымъ въ серебро. Ударъ былъ такъ силенъ, что кубокъ разбился, а придворный въ ту же минуту умеръ. Геріульфъ спасся бѣгствомъ. Онъ прибылъ въ Упсалу, къ королю Эрику Эмундссону, который принялъ его ласково, и Геріульфъ поступилъ къ нему въ службу. Однакожь онъ бѣжалъ и оттуда виѣстѣ съ сестрою короля, Ингеборгою, которую любилъ и былъ любимъ взаимно. Они бѣжали очень далеко, на границы Норвегіи, и тамъ, неподалеку одной горы, поселились въ большой, просторной долинѣ, на рѣкѣ Луснѣ. Еще нынѣ показываютъ поросшіи деревьями могильный холмъ, хранящій прахъ Геріульфа и его сокровища. Неподалеку отъ холма, на рѣкѣ Геріу, за четыре мили отъ Гердальскирхе, находится мѣстечко Сидфалленъ: тамъ жили Геріульфъ и Ингеборга. Эта сага, похожая на сказанія о населеніи Іемтланда и сѣвернаго Гельсингланда, указываетъ на первоначальное занятіе этихъ

(*) Расстояніи на сухомъ пути измѣрялись растами (Rast, роздыхами или станціями, а на морѣ виками (Viku); то и другое соответствуетъ шведской полумилѣ. Сравни *Vingman I. Rast* собственно означаетъ такую дорогу, которую проходить, не останавливаясь для отдыха.

странъ колонистами изъ пограничной Норвегiи. Напротивъ Свеоны населили прибрежную часть Гельсингланда; отсюда ихъ поселенiя простирались вдоль береговъ, отъ Медельнада и Ингерманландiи до Вестроботнии; потомъ, отступивъ отъ берега, тгнулись по рѣкамъ въ глубину лѣсовъ; тутъ Шведы вырубали деревья, строили дворы, пахали землю, охотились за звѣрами и ловили рыбу. Населенiе Норландiи съ двухъ сторонъ и двумя племенами объясняется также различiемъ въ характерѣ, правахъ, обычаяхъ и языкѣ: это различiе встрѣчается не только между нѣкоторыми областями Норландiи, но и между разными уѣздами одной и той же области. По недостатку извѣстiй, какъ далеко простирались населенiя во времена язычества, намъ остались единственные вѣроятныя свидѣтельства въ родовыхъ могильныхъ холмахъ и камняхъ съ рунами. Последнiе курганы къ сѣверу встрѣчаются въ южной Вестроботнии, въ округѣ Умеа, и послѣднiй камень съ рунами въ округѣ Нордингра въ Ингерманландiи. Впрочемъ встрѣчаются они въ Медельнадѣ, въ Гельсингландѣ и Гестрикландѣ и въ Герiуэдаленѣ. Они не удаляются отъ морскаго берега и внутри страны встрѣчаются только вблизи большихъ озеръ и рѣкъ. Это доказываетъ, что внутреннiя страны долгое время оставались пустынными и лѣсистыми, и что самыя древнiя поселенiя были на берегу моря и на большихъ, внутри страны находящихся озерахъ, откуда простирались все далѣе къ сѣверу и вдоль рѣкъ, впадающихъ въ эти озера; рѣчныя долины по всему ихъ протяженiю и страны лежащiя около великихъ водъ, прежде всего были населены: но поселенiя уклонялись и въ сторону, по мѣрѣ того, какъ размножались люди и рѣдѣли лѣса. И случайныя событiя давали многимъ странамъ первыхъ обитателей. Многiе, не успѣвшiе смискать расположенiя родителей своихъ милыхъ, убѣгали съ ними и селились въ лѣсной глуши; злодѣи, объявленные внѣ закона, убiйцы, боявшiеся родныхъ и друзей убитаго, искали и находили всегда вѣрное убѣжище въ дремучихъ лѣсахъ, которые потому во многихъ мѣстахъ кишѣли разбойниками; не рѣдко въ самыхъ дикихъ пустыняхъ встрѣчались обитатели, въ необитаемыхъ странахъ попадались отдѣльные дворы и хижины, стоиъ отдѣленные отъ обитаемыхъ мѣстъ и другъ отъ друга, что ихъ владѣльцы во всю жизнь не видали другихъ людей, кормѣ своихъ домашнихъ.

Сказанiя о населенiи острова Исландiи въ IX вѣкѣ знакомятъ насъ съ тѣми обрадами, которые употреблялись Норманнами при

занятіи необитаемыхъ странъ; при этомъ случаѣ мы можемъ также наблюдать, какъ изъ соединенія патриархальныхъ семействъ образовались первыя гражданскія общества. Въ Исландію обратились искать убѣжища многіе, особливо изъ Норвегіи, въ то время, когда Гаральдъ Гарфагеръ силою захватилъ себѣ верховную власть въ этой землѣ и сдѣлался единодержавнымъ. Переселенцы были вожди знатнаго рода, люди богатые; ихъ гордый, властолюбивый духъ неохотно подчинялся чужой волѣ; они владѣли кораблями и деньгами для вооруженій въ дальніе походы. Такой вождь бралъ съ собою семейство, прислугу, скоть, домашнюю утварь и все необходимое для будущаго отечества. Съ нимъ вмѣстѣ отправлялись друзья, родные, названные братья и другіе свободные люди, сопровождавшіе его въ прежнихъ походахъ и привыкшіе почитать его старшимъ въ своей средѣ. Его спутниками въ эту дорогу были также домашніе боги—покровители, которыхъ образы вырѣзывались на столбикахъ, всегда стоявшихъ въ домахъ по обѣимъ сторонамъ высокихъ кресель главы семейства. Когда къ неизвѣстной землѣ подѣзжали такъ близко, что видны были ея берега, тогда начальникъ корабля, регентъ выселявшейся колоніи, бралъ священныя столбики, и, призывая Тора, бросалъ ихъ въ море: тамъ, гдѣ приставали они къ берегу, вождь полагалъ основаніе новаго двора и снова ставилъ ихъ возлѣ своихъ кресель. Потомъ обходилъ онъ съ огнемъ новую землю или зажигалъ вокругъ нея большіе огни. Обозначивъ такимъ образомъ границы земли, которую хотѣлъ владѣть, (что называлось освящать для себя огнемъ землю), онъ раздѣлялъ ее между родными, друзьями и прочими спутниками. Всѣ они, связанные родствомъ и дружбою, составляли особенное общество, семейство, племя. Взявшій въ владѣніе землю становился главою той колоніи, которая поселилась на ней; храмъ, выстроенный возлѣ его двора, съ священнымъ кольцомъ Фрея на алтарѣ, былъ средоточіемъ юнаго государства. Тамъ приносились жертвы; на содержаніе храма платилась особенная подать съ каждаго двора, называемая *Hoftorgl*, храмовая подать; тамъ же было и мѣсто тинга, суда, гдѣ собирались для общихъ совѣщаній и рѣшенія тяжбыныхъ дѣлъ по натуральному праву или по законнымъ обрядамъ, принесеннымъ изъ отчины. Глава племени былъ хранитель храма и верховный жрецъ: въ этомъ званіи засѣдалъ онъ съ 12 отъ него избранными мужами на тингѣ и разбиралъ тяжбы; онъ держалъ тогда въ рукѣ

священное храмовое кольцо, символъ вѣчности; предъ кольцомъ, погруженнымъ въ кровь жертвы, приносились всѣ клятвы, съ призываніемъ Фрея и Нюрда и всемогущихъ Асовъ. Все очень тѣсно соединялось съ религіею; вся власть вождя преимущественно основывалась на его авторитетѣ—верховнаго жреца и прорицателя воли боговъ. Потому и названіе годе или годордсманъ, означавшее занятіе жреца, было титуло, принадлежавшее вождю, какъ начальнику области или удѣла (Haegrad); самая должность его в удѣлѣ назывались «годордъ.» Такимъ образомъ, на этомъ отдаленномъ островѣ возникли многія, разбѣянные, одни отъ другихъ независимыя общества или государства, никакими общими узами не соединенныя въ единый народъ. Всякой вождь управлялъ независимо своимъ удѣломъ; во многихъ мѣстахъ не было устроеннаго годордстинга, такъ что всякой дѣлалъ, что хотѣлъ; сверхъ того, не было общихъ законовъ для рѣшенія споровъ между вождями или ихъ подданными. Слѣдствіемъ были кровопролитныя сеоры. Такое состояніе острова продолжалось 54 года. Наконецъ, по совѣщаніи всѣхъ жителей, учреждено верховное судилище для всей страны, такъ называемый «альтингъ» или «ландс-тингъ,» гдѣ рѣшались всѣ дѣла, которыя не могли поступать въ другіе тинги, и гдѣ, по общему разсужденію всѣхъ вождей и другихъ мудрыхъ людей острова, издавались и обнародовались законы для всеобщаго исполненія. Весь островъ раздѣленъ былъ на 4 области или четверти: каждая подраздѣлялась на три судебныя округа (Tingstag) или гералда; каждый округъ вмѣщалъ въ себѣ три годорда или столько жителей, сколько принадлежало ихъ къ тремъ главнымъ храмамъ. Начальники годордовъ назывались годары, гоф-годары (жрецы). На нихъ возлагалась обязанность не только служить въ храмѣ и приносить жертвы, но и разбирать споры, для чего каждый изъ нихъ назначалъ двѣнадцать судей. Годары, каждый въ своемъ округѣ, смотрѣли за исполненіемъ законовъ и порядкомъ; имѣли надзоръ за торговлею иноземцовъ, назначали цѣну ихъ товарамъ, не позволяли имъ обманывать, а жителямъ запрещали оскорблять ихъ. Верховное судилище—альтингъ—составляли всѣ годары острова; каждый избиралъ изъ своего годорда двухъ разумныхъ людей въ пособіе себѣ. На альтингѣ окончательно рѣшалось все, чтѣ считали нужнымъ для всеобщаго мира и безопасности, для блага и пользы цѣлой страны. Въ этомъ собраніи обязанъ былъ говорить рѣчи лагманъ, назна-

чаемый по выбору: онъ, высшій чиновникъ страны, управлялъ общественными совѣщаніями; ему поручалась обязанность толковать законы всѣмъ, кто просилъ о томъ; сверхъ того, онъ долженъ былъ читать книгу закона жителямъ, собраннымъ на алтингъ.

Переселенія на островъ Исландію происходили въ то время, когда политическое устройство, обычаи и нравы еще сохраняли свой первобытный, древне-сѣверный характеръ; когда почитались тѣ же самыя божества, которыя переселились съ Скандинавами на сѣверъ. Оттого-то политическій бытъ Исландіи мы можемъ считать вѣрнымъ подражаніемъ скандинавскому: въ тѣ времена, еще чуждыя отвлеченныхъ философскихъ идей, переселенцы не могли принести съ собою въ новое отечество другихъ правилъ, обычаевъ и понятій, кромѣ тѣхъ, которые на роднѣ они наслѣдовали отъ предковъ, особливо когда переселенія совершались съ тою цѣлю, чтобы сохранить древнюю независимость и свободу. Старинные законы Швеціи представляютъ несомнѣнные признаки того, что основаніемъ древнѣйшаго политическаго быта Скандинавіи были племенные и родственныя связи. Въ дѣтствѣ народовъ и государствъ члены родовъ и семействъ не такъ далеко расходились въ разныя стороны, какъ бываетъ въ наше время, чтобы посвятить себя разнымъ занятіямъ общественной жизни: они большою частію жили вмѣстѣ, и всѣ вели одинаковый образъ жизни. Такъ образовались нервы прѣстѣйшаго общества. Римскіе писатели замѣчали у древнихъ Германцевъ, что ихъ военныя дружины составлялись по родственнымъ связямъ, и что всякой отрядъ состоялъ изъ сотни воиновъ, если воинскій порядокъ требовалъ какого-либо раздѣленія арміи. Естественно, что въ каждый отдѣльный отрядъ собирались воины, соединенные взаимнымъ родствомъ. Вмѣстѣ переносившіе труды и нужды, они остались неразлучными, когда промѣняли бродячую жизнь на постоянную въ странѣ, избранной для поселенія. Эти военные отряды, образовавшіеся среди опасностей войны, въ постоянномъ отечествѣ обратились въ мирныя общины, для защиты своей земли, собственности и правъ. Оттого происходитъ первоначальное раздѣленіе Скандинавіи на гундарисы или герарды: такъ назывались участки земли, занятыя каждымъ поселившимся отрядомъ. Но какъ эти отряды сначала состояли изъ сотни или болѣе домохозяевъ, то и участки земли, заселенныя каждымъ отрядомъ, получили названіе.

герара (отъ Неег сотня) или гундара. Долгъ взаимной помощи, требующій воинскою дружбою, обратился въ натуральную обязанность общими силами сохранять безопасность и тишину въ занятой землѣ: герара сдѣлался обществомъ, котораго цѣль была защита жизни и собственности.

Религія составляла главную связь между этими маленькими государствами. Нужда въ безопасности и взаимной защитѣ, непостоянная и переходящая, не была достаточною, чтобы упрочить бытіе такихъ обществъ. Въ дѣтствѣ народа, власть закона не много можетъ сдѣлать съ людьми, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою собственную волю, во всѣхъ случаяхъ поступаетъ независимо и самъ старается помогать себѣ. Но эти самые люди, такъ много нѣлажившіеся нъ своей мечѣ и своей храбрости, питали великій страхъ къ Высочайшему Существу и невидимымъ силамъ, которыя, по ихъ мнѣнію, управляютъ природою и располагаютъ участію людей. Эта вѣра въ міреуправленіе боговъ натурально привела къ идеѣ о божествахъ—хранителяхъ. Имъ оказывали почтеніе, имъ приносили жертвы въ рощахъ, на горахъ, въ храмахъ, чтобы призвать на себя ихъ покровительство, укрѣпить ихъ гнѣвъ и узнать ихъ волю. Такіе боги—хранители были не одни и н тѣ же у всѣхъ народовъ: въ древности, каждый народъ имѣлъ свои собственные божества и смотрѣлъ на нихъ, какъ на защитниковъ и стражей народнаго племени. Идея національнаго божества была уже твердымъ звеномъ, соединявшимъ членовъ племени; она стала еще сильнѣе, когда общее поклоненіе такому божеству присвоено было одному определенному мѣсту, совершалось съ торжественными обрядами въ общенародномъ храмѣ, и когда въ честь бога отправлялись празднества, въ которыхъ принимала участіе весь народъ и только одинъ народъ. Это сообщало народу особенную физиономію — исполнѣ согласную съ его образомъ мыслей и чувствомъ: она отличала его отъ другихъ народовъ и поселяла въ немъ національный духъ. Въ эпоху младенчества государствъ, религія вносила въ общества то единство, которое основалось не на внѣшнихъ случайностяхъ, но имѣло причины въ глубинахъ человѣческаго духа. Потому всѣ древнія законодательства носятъ отпечатокъ религіозный: грубая сила свободныхъ людей могла укрѣщаться только одними величіями боговъ: ничто такъ не возвышало душу и не дѣлало ее воспримчивѣе къ

вышей образованности, какъ ученіе о безсмертіи и воздаяніи въ другой жизни за дѣла здѣшней. Такъ мудрецы и герои древности, превосходившіе познаніями своихъ современниковъ, были въ то же время основатели религій и законодатели народовъ. Власть, которую доставляло имъ умственное превосходство, они освящали авторитетомъ прорицателей воли боговъ. Они заступали на землѣ ихъ мѣсто; они, по общему мнѣнію, были въ короткихъ отношеніяхъ съ богами.

Въ древней Скандинавіи вся частная жизнь была проникнута религіею; все находилось подъ покровительствомъ боговъ. Ихъ изображенія нерѣдко вырѣзывались на столбикахъ кресель, на подножіяхъ кроватей и стульевъ. Многіе отцы семействъ имѣли на своихъ дворахъ особенные храмы, гдѣ, по обычаю предковъ, съ символическими обрядами, освященными преданіемъ, приносились жертвы хранителямъ—богамъ, которыхъ почитали особенно благоклонными къ себѣ. Эти святилища часто бывали очень обширны: высокіе палисады окружали ихъ снаружи; внутреннія стѣны обивались обоями; вдоль стѣнъ, на скамьяхъ сидѣли боги; — знатнѣйшіе изъ нихъ на высокіхъ креслахъ; всѣ они были въ великолѣпныхъ одеждахъ, блистали серебромъ и золотомъ. Никому не дозволялось входить съ оружіемъ въ храмы, потому что предъ лицемъ боговъ человекъ долженъ быть безоруженъ. Всякая нечистота изгонялась изъ храмовъ. Въ нихъ не могли совершаться никакія насилія, ни убійства. Жилища боговъ почитались столь священными, что разбойники, убійцы и нидинги (безчестные трусы) не смѣли находиться вблизи ихъ. Оскорбившій святыню храма и нарушившій миръ и безопасность, которыми пользовались мѣста, посвященные богамъ, считался величайшимъ злодѣемъ: его называли *Varggr-veum*, и съ этимъ именемъ онъ нигдѣ не находилъ безопасности, становился бездомнымъ странникомъ, и жилища Ваггаллы были для него закрыты. Въ отчаянномъ положеніи и при всѣхъ важныхъ предпріятіяхъ спрашивали волю боговъ и приносили имъ жертвы: по крови жертвъ заключали о ихъ милости или гнѣвѣ. Также узнавали ихъ волю посредствомъ метанія священныхъ палочекъ, украшенныхъ лямками боговъ,—и самые неукротимые воины смиренно покорались велѣніямъ неба.

Отъ тѣхъ временъ сохранились каменные алтари и другіе памятники, больше или меньше искаженные; многіе изъ нихъ со-
всѣмъ исчезли, тѣмъ болѣе, что множество древнихъ храмовъ об-
ратились въ христіанскія церкви. Думаютъ, что до переселенія
Асовъ вовсе не были извѣстны особенные храмы на сѣверѣ; всего
обыкновеннѣе религіозные обряды совершались подъ открытымъ
небомъ, или для того избирались какія-нибудь освященные мѣста.
Таковы, по мнѣнію многихъ, жертвенные камни, еще теперь су-
ществующіе въ Болмсе въ Смаландѣ, въ Скани и въ другихъ
мѣстахъ Швеціи. Къ числу такихъ древнихъ святилищъ весьма
вѣроятно причисляютъ встрѣчающіеся во многихъ странахъ Скан-
динавіи круги или рундели (Rundlar) изъ камней, очень плотно и
тщательно сложенныхъ. Они разной величины, отъ 10 до 70 ар-
шинъ въ окружности, видомъ походятъ на небесный сводъ и нахо-
дятся въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другихъ. Въ ихъ срединѣ
замѣтны явные слѣды очага, на которомъ, какъ на алтаряхъ дре-
внихъ персидскихъ огнепоклонниковъ, вѣроятно, зажигался огонь,
символь первобытнаго свѣта или творящей силы природы. Встрѣ-
чаются также камни, сложенные въ видѣ квадратовъ, углы кото-
рыхъ расположены по странамъ свѣта; иногда—въ формѣ трету-
гольниковъ, въ срединѣ которыхъ утверждены также камни. На
такіе рундели для приношенія жертвъ намекаетъ шотландскій бардъ
Оссіанъ, разсказывая въ своихъ пѣсняхъ о «прибытіи сѣвернаго
короля Сварана въ Ирландію, о его войнахъ съ Кухуллиномъ и
Фингазомъ, о кругахъ Лоды и парящемъ надъ ними ужасномъ духѣ,
о камнѣ власти, предъ которымъ кланется сильному божеству
сѣверный герой Дутмаруно.» Hlod еще нынѣ называется «очагъ»
въ хижинѣ исландскаго крестьянина. Hlad называютъ въ Исландіи
мѣсто передъ домомъ, которое и теперь выкладывается камнемъ.
Археологи съ вѣроятностію предполагали, что Hladir (теперь Lade),
прежнее помѣстье короля Гаральда Гарфагера, одно изъ значи-
тельныхъ мѣстъ для жертвоприношеній въ Норвегіи, получило свое
имя отъ многихъ находящихся тамъ жертвенныхъ круговъ, по ко-
торымъ и Ярлы, послѣ жившіе тамъ, назывались Гладе-Ярлы. За-
мѣчательно, что такіе круги, сдѣланные изъ земли и камня, и
квадраты съ большими угловыми камнями встрѣчаются на азіатской

родинѣ Скандинавовъ, гдѣ уже въ XIII вѣкѣ обращали они вниманіе путешественниковъ (*).

Всего обыкновеннѣе встрѣчаются такіа святилища на высотахъ и въ роцахъ. Вокругъ нихъ камни или образуютъ низкую стѣну, или выложены въ формѣ кольца, такъ что, подобно оградѣ кладбищъ въ наше время, отдѣляютъ святилище отъ окрестности. Священное пространство на древне-шведскомъ языкѣ называлось Vi или Vc (святилище, отсюда viga святить, посвящать), а священная ограда, составлявшая его границу, называлась Vebönd (священный союзъ). Также называлась и та ограда, которая окружала мѣста, гдѣ происходили суды. Одна древняя сага сказываетъ, что въ Норвегіи, гдѣ суды происходили на открытомъ мѣстѣ, оно обносилось тыномъ изъ орѣшнѣй, перевязанныхъ священными шнурами (vebönd), для означенія, что это мѣсто объявлено мирнымъ: королева Гунгильда, лично находившаяся на одномъ изъ такихъ собраний, замѣтивъ, что дѣло, о которомъ трактовали, не обѣщало благопріятныхъ для нея послѣдствій, убѣдила нѣкоторыхъ перерѣзать священные шнуры; въ ту же минуту засѣданіе кончилось, миръ сочли нарушеннымъ, мѣсто перестало быть священнымъ, и всѣ разошлись. Такими священными мѣстами были судныя круги, остатки которыхъ находятся во многихъ мѣстахъ Скандинавіи. Они состоятъ изъ многихъ, въ продолговатой или круглой формѣ выложенныхъ на землѣ камней. Древніе судьи—вождь съ своими товарищами или король съ его совѣтниками—когда собирали тингъ и рѣшали дѣла подъ открытымъ небомъ, то помѣщались болѣею частию на пригоркахъ, чтобы народная толпа могла лучше видѣть и слышать ихъ,—или на высокихъ камняхъ, символически означавшихъ неизмѣнность судебныхъ приговоровъ. Вблизи такихъ возвышеній обыкновенно встрѣчаются древніе рундели для жертвоприношеній; тутъ же очень часто находятся могильные холмы и гробницы, сохранявшіе прахъ усопшихъ друзей, вождей и героевъ. Пржеііе такъ называемые тинги не ограничивались однимъ судопроизводствомъ; они были общими сходбищами, куда стекались, чтобы приносить жертву богамъ и вмѣстѣ судить гражданъ и се-

(* О такихъ кругахъ упоминаетъ монахъ Рубрукисъ, посѣтившій Мунгу-хана (1253 года), въ званіи посланника короля Лудовика IX.

вѣщаться о общественныхъ дѣлахъ. На тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ приносились были жертвы, разбирались тяжбы и изрекались приговоры; въ то самое время, когда благословенія и милость боговъ призывались на страну и народъ, происходили совѣщанія о безопасности страны, издавались законы, рѣшались всѣ великія и важныя дѣла. Собраніе чувствовало себя какъ бы во власти боговъ, представляло, что они присутствуютъ тутъ же и наблюдаютъ за его поступками. Судыныя и жертвенныя мѣста были одни и тѣ же, богослуженіе тѣсно связано было съ судомъ, производствомъ, то и другое сопровождалось символическими обрядами, производившими сильное впечатлѣніе на чувство. Все это придавало общественнымъ дѣламъ торжественность и святость, и только такими средствами древніе законодатели могли обуздывать дикую силу и свободныхъ людей того времени удерживать въ предѣлахъ законнаго порядка.

Чтобы упрочить между племенами это единство, образуемое религіею, и вкоренить въ нихъ памяти и сердца ту мысль, что всѣ они находятся подъ покровомъ однихъ и тѣхъ же боговъ и составляютъ одну націю, — для этой цѣли и для сохранения преданій древности, Оденъ учредилъ три ежегодные народныя праздники. На эти праздники, особливо на великое жертвоприношеніе въ февралѣ, должны были собираться всѣ въ главное святилище для принесенія общенародной жертвы.

Нинге Фрей, второй изъ шведскихъ дроттеновъ (жрецовъ) послѣ Одена, когда поселенія больше и больше распространялись, задумалъ перенести главное капище изъ Сигтуны въ другое, удобнѣйшее мѣсто. Чтобы придать больше великолѣпія народному святилищу, прилично его высокому значенію, онъ велѣлъ выстроить огромный, блестящій храмъ, великолѣпнѣе котораго не видали на сѣверѣ. Мѣстомъ для него выбралъ онъ красивую равнину въ герадѣ Ваксалѣ: тамъ, на небольшомъ пригоркѣ, воздвигнуть былъ, посвященный Одену, славный на сѣверѣ храмъ: во все время язычества, въ теченіе почти 1000 лѣтъ, это зданіе было средою, вокругъ которой собиралась нація для празднованія торжественныхъ дней, учрежденныхъ Оденомъ, и для совѣщаній о государственныхъ дѣлахъ. Къ западу отъ храма находился посвященный Одену гѣсъ. Храмъ блисталъ азіатскою пышностію: стѣны и кровля, по древнимъ сказаніямъ, были обложены золотомъ; съ зубчатыхъ вершинъ

храма спускалась золотая цѣпь, обвивавшая наружныя стѣны въ видѣ кольца, такъ что все зданіе горѣло золотомъ и блескъ его отражался по всей окрестности. Дошедшія до насъ описанія различныхъ сѣверныхъ храмовъ доказываютъ, что эти храмы, подобно индійскимъ, были очень огромны: главное зданіе (въ христіанскихъ церквахъ трапеза) составляло переднюю залу, отдѣленную стѣною съ дверью отъ капища, походившаго на небольшую капеллу (часовню). Передняя зала назначалась для народа, капелла—для ждоловъ. По срединѣ капеллы находился алтарь, изъ дерева или изъ камня, часто съ большимъ искусствомъ сдѣланный и сверху обитый желѣзомъ; за алтаремъ и впереди его главные изъ боговъ стояли на возвышеніяхъ или сидѣли на высокихъ креслахъ; по обѣимъ сторонамъ ихъ, толпа другихъ боговъ на низкихъ скамьяхъ составляла полукружіе около алтара: всѣ божества были колоссальнаго или обыкновеннаго роста, въ драгоцѣнныхъ одеждахъ, богато украшенныхъ золотомъ и серебромъ. На алтарѣ лежало священное кольцо, предъ которымъ произносились клятвы; тутъ же стоялъ жертвенный сосудъ, называвшійся на древне-сѣверномъ языкѣ «Houtholle», большая мѣдная чаша, въ которую вливали кровь принесенныхъ въ жертву животныхъ; какъ принадлежность чаши, возлѣ нея лежала кропильница, кисть, укрѣпленная на длинной палкѣ: она называлась «Hauttein» и употреблялась для окропленія жертвенною кровію. Для жертвъ назначались волы, лошади и кабаны. Пышно украшенные, они приводились къ алтарю, посвящались богамъ и убивались въ присутствіи народа. Кровь собирали въ чашу, — въ которую опускали кропильницу и потомъ кропили сѣдалища боговъ, наружныя и внутреннія стѣны храма и наконецъ народъ. Но мясо жертвъ употреблялось на большомъ праздничномъ пирѣ, который за тѣмъ слѣдовалъ. Этотъ пиръ происходилъ въ передней залѣ храма: тамъ, вокругъ стѣнъ стояли скамьи для народа и высокія кресла для королей и вождей; предъ скамьями поставлены были столы; на полу, по срединѣ горѣлъ огонь, на который ставили котелъ съ мясомъ жертвенныхъ звѣрей. Наполненные медомъ рога подавались черезъ огонь; они и всѣ кушанья освящались сначала королемъ или вождемъ, главнымъ лицомъ при жертвоприношеніи. Потомъ пили въ честь боговъ: сначала Одена за побѣды короля, за благоденствіе страны; потомъ въ честь Нюрда и Фрея за хо-

рошій урожай и миръ; наконецъ осушали обѣтную чашу «Bragafull» въ честь знаменитыхъ героевъ, падшихъ на войнѣ; пили также въ воспоминаніе усопшихъ родственниковъ, свершившихъ великія дѣла во время жизни. Пить въ честь кого-нибудь называлось minnen (*). При великихъ жертвоприношеніяхъ въ Упсалѣ соблюдался обычай, чтобы непременно девять животныхъ мужескаго пола принесены были въ жертву. Только кровію, думали Скандинавы, омываются преступления людей, укрощаются боги и снискивается ихъ милость: оттого, при великихъ жертвоприношеніяхъ закаляли также людей для укрощенія гнѣвныхъ боговъ; обыкновенно выбирали для того рабовъ и злодѣевъ; но при общемъ какомъ-нибудь бѣдствіи приносили на жертву и самую благородную жизнь (**). Обреченные на

(*) Minne означаетъ любовь и почтеніе (не воспоминаніе); въ этомъ значеніи Minne встрѣчается не только въ Нѣмецкомъ и Голландскомъ языкахъ, но также Шведскомъ и Датскомъ. «Пить чью-нибудь Minne» значитъ пить въ честь кого-нибудь, или оказывать ему почтеніе, любовь и преданность.

(**) Такъ принесенъ былъ въ жертву, послѣ долгаго неурожая, жрецъ Домальдеръ, изъ благодарности за одинъ хлѣбодородный годъ. Въ «Hervara Saga» встрѣчается разсказъ, что во время чрезвычайной дороговизны въ Рейготландѣ народъ собрался на тингъ, и по мѣтнію мудрыхъ мужей определено было принести въ жертву ювошу самаго знатнаго рода.

Eybyggja Saga разсказываетъ, что на тингъ въ округѣ Торнесъ въ Исландіи было кольцо Сада, въ которое вводились назначенные въ жертву богамъ, и что тамъ лежалъ камень, на которомъ ихъ убивали: «еще нынѣ, прибавляетъ сага, (авторъ ея жилъ въ XIII вѣкѣ), видны признаки крови на этомъ камнѣ». Вѣроятно, ту же цѣль имѣли многія такіа кольца или круги, такъ часто встрѣчаемые возлѣ древнихъ языческихъ алтарей: они обыкновенно состоятъ изъ 5, 7 или 9 большихъ, сложенныхъ въ кругъ камней; изъ которыхъ изъ нихъ имѣютъ ту особенность, что каждый изъ большихъ камней лежитъ на семи маленькихъ: это священное число. Близость такихъ круговъ къ древнимъ алтарямъ означаетъ, что въ нихъ совершались какіе-нибудь священные обряды.

Остманские Викинги увелъ сына и дочь у Ламора, короля Семинскаго, (Ульстеръ въ Ирландіи) на Скандинавскіе острова. Ламоръ старался освободить дѣтей, но и самъ попалъ въ плѣнъ; побѣдитель нехотѣлъ предъ глазами несчастнаго отца принести на жертву его сына, Морана. Эту сцену изображаетъ Осегіанъ и заставляетъ говорить Ламора слѣдующимъ образомъ:

«Крѣпко связанный ремнями, лежалъ я въ страшномъ кругѣ Удана. Сквозь темныя, мимолетныя облака изредка проглядывалъ блѣдный ликъ мѣсяца. Звѣзды чуть-чуть горѣли красноватымъ свѣтомъ, и изъ-за мрачныхъ камней я слышалъ звыванія духовъ. Возлѣ камня вѣсти, преклонивъ голову, стоялъ палецъ Муркуръ Его тихій попочъ слѣдилъ съ глухимъ ревомъ Удана. Вдругъ онъ обнажилъ мечъ и трижды вмахнулъ имъ надъ головою. Потомъ приказалъ зашить пѣсню смерти. Печальные звуки,

жертву вводились въ кругъ или кольцо суда и формально осуждались на жертвоприношеніе: ихъ убивали или на камнѣ предъ капищемъ (можетъ быть, тотъ камень смерти, камень ужаса, о которомъ говоритъ Оссианъ), или свергали съ утеса, или бросали въ жертвенный ручей, или вѣшали въ лѣсу на деревьяхъ. Въ священной рощѣ близъ Упсалы не было ни одного дерева, не освященнаго жертвою, животною или человѣческою: ихъ вѣшали тамъ въ даръ Одну. Даже во времена Адама Бременскаго, въ половинѣ XI вѣка, тамъ видны были 72 трупа животныхъ и людей, потому и эта роща весьма уважалась на сѣверѣ.

На праздники, отправляемые націею въ общенародномъ краѣ, являлись короли, вожди, свободные домовладѣльцы, и всѣ принимали участіе въ великихъ жертвоприношеніяхъ богамъ страны своей. Тутъ, подъ защитой религіи, занимались они торговлею и разными воинскими играми, выдались съ отдаленными родными и друзьями, уговаривались на смѣлый походъ Викинговъ или на жирное торговое предпріятіе, такъ что эти народныя празднества всего болѣе поддерживали взаимное согласіе и дружбу между племенами, селившимися въ странѣ Свеоновъ и Готовъ. Съ обязанностию надзора за главнымъ храмомъ соединялся высокій авторитетъ въ государствѣ. Жрецъ (Дроттъ) Упсалы или «высокихъ жилищъ», какъ

жалобныя стenanія, зловѣщіе тоны пронеслись. неодолимымъ ужасомъ по всей окрестности. Потомъ наступила могильная тишина. Наконецъ явилась страшная процессія: она вела въ цѣпяхъ моего сына. Безцѣнный юноша, моя важная любовь! Твоя участь терзаетъ бѣдное сердце отца: ты хотѣлъ поговорить со мною, — я готовъ былъ броситься на помощь къ тебѣ... Неправсы были наши усилія, бесполезны наши мольбы. Муркуръ схватилъ юношу за кудрявые волосы и повлекъ къ угловатому камню смерти. Съ пвниою на устахъ отъ дикаго бвшества, онъ проревѣлъ эти слова: «Уданы! прими эту юную кровь: ты доровалъ побѣду моему мечу, и въ благодарность онъ проливаетъ эту кровь на жертву тебѣ.» «Чудовище! вскричала я въ сильномъ гнѣвѣ, въ совершенномъ отчаяніи: убей меня! отъ моего копья пали твои герои, — Моранъ не нанесъ вамъ ни одной раны, сынъ мой не оскорблялъ тебя!» Не внимая мольбамъ, онъ убилъ Морана и подошелъ ко мнѣ. чтобы поразить и меня.» Ламоръ однакожъ спасенъ былъ своею дочерью.

«Finn Magnussen» очень вѣроятно полагаетъ, что жертвы повѣшенные посвящались Одну, убитыя на камнѣ, или сброшенныя съ утеса посвящались Тору, а утопленныя въ ручьи — Глеру, Нюрду и другимъ божествамъ воль.

потомокъ боговъ, имѣлъ исключительное преимущество приносить имъ общую жертву за благоденствіе всего народа: потому-то, въ званіи верховнаго жреца, онъ былъ первымъ лицомъ при великихъ жертвоприношеніяхъ. Думали, что люди, привыкшіе заниматься священными дѣлами, имѣвшіе глубокія свѣдѣнія не только о богахъ, но и о природѣ и человѣкѣ, притомъ недоступныя, по своему высокому призванію, обыкновеннымъ страстямъ, были достойнѣе-всѣхъ управлять народомъ, судить и наказывать виновныхъ: оттого-то дроттъ Упсалы предѣдательствовалъ въ судѣ и говорилъ рѣчи на общенародномъ тингѣ. Потомокъ обожаемыхъ героевъ, приведшихъ народъ въ его новое отечество, онъ былъ натуральный вождь народныхъ силъ: такъ основаніемъ его высокаго авторитета было общее мнѣніе, что онъ верховный жрецъ страны и имѣетъ своими родоначальниками боговъ.

Но на сѣверѣ не могъ установиться гіерархическій образъ правленія: жрецы не составляли тамъ особенной, отдѣльной отъ народа касты. Вліяніе религіи на народъ и государство тѣсно связано съ тѣми отношеніями, въ какихъ находятся къ гражданскому обществу лица, назначенныя для служенія богамъ. Въ Скандинавіи жрецы не составляли особеннаго сословія, подобно магамъ въ древней Персіи и друидамъ въ Галліи: они не отдѣлялись такою недоступною границею отъ остальнаго народа, какъ индійскіе брамины и египетскіе жрецы; они не походили и на авгуровъ римскихъ, которые хотя принадлежали къ гражданамъ, но составляли особыя collegii. На сѣверѣ лица, приносившія жертвы богамъ, были вмѣстѣ начальниками народа въ мирное время и его полководцами на войнѣ. Друиды сохраняли втайнѣ свое ученіе: сѣверные скалды публично воспѣвали боговъ, ихъ дѣла и судьбы. При такихъ обстоятельствахъ не могла образоваться ни духовная власть, ни гіерархія. Тому препятствовало также воинственное ученіе, служившее основаніемъ законовъ Одена и внушавшее народу духъ героизма. Кромѣ того, все государство имѣло воинское устройство. Даже въ верховныхъ жрецахъ преобладалъ воинственный характеръ: Дигтве, осьмой послѣ Одена, промѣнялъ патриархальное имя дротта на бо-
гѣ воинственное титуло короля, но продолжалъ оставаться стра-
жемъ священнаго олтара Упсалы.

По смерти Агне, втораго послѣ Дигтве упсальскаго короля,

королевство раздѣлилось между двумя братьями. Сыновья одного отца имѣли одинаковыя права и вмѣстѣ получали наслѣдство. Было въ обыкновеніи оставлять нераздѣльнымъ наслѣдство и жить вмѣстѣ на отцовскомъ дворѣ: считали особеннымъ уваженіемъ къ памяти добраго отца, если братья жили вмѣстѣ, въ полномъ согласіи, и общими силами умножали имѣніе, скопленное отцовскою заботливостію; впрочемъ, въ случаѣ желанія одного изъ наслѣдниковъ—имѣть свою долю отдѣльно отъ прочихъ, его требованіе уважалось, и тогда происходилъ законный дѣлежъ наслѣдства. У Бургундовъ и Франковъ, соплеменниковъ Скандинавамъ на югѣ, эти равныя права сыновей на наслѣдство имѣли одинаковую силу въ королевскихъ фамиліяхъ и подали поводъ къ столь обыкновеннымъ въ тѣ времена удѣламъ въ королевствахъ и княжествахъ. Однакожъ такіе удѣлы не раздробляли королевства: на нихъ смотрѣли, какъ на отдѣльное управленіе странною, королевскими имѣніями и доходами — единственное средство, какое знали тогда для удовлетворенія правъ принцевъ и ихъ приличнаго содержанія. Тоже было и на сѣверѣ. Въ тѣ времена еще не было государственнаго права: все находилось подъ общими гражданскими законами. Оттого-то, во всей Инглинга-сагѣ вступленіе на престолъ новаго короля означается только словами: «сынъ наслѣдовалъ отцу». Это было тѣмъ натуральнѣе, что главная часть королевскихъ доходовъ получалась съ упсальскихъ имѣній, первоначальной собственности вождей изъ рода Инглинговъ, которую они присвоили себѣ при поселеніи въ Свитюдѣ и которую умножили ихъ потомки посредствомъ заселенія необитаемыхъ земель. Эти имѣнія потому и называются въ сагахъ собственностью короля Свеоновъ. Согласно съ тѣмъ отправлялось и торжество, служившее какъ-бы законнымъ освященіемъ правъ новаго короля на престолъ и замѣнявшее коронованіе и присяги нашего времени. Оно называлось наслѣдный пиръ или поминки (Arföl), на который, по приглашенію новаго правителя, собирались всѣ его родственники и своимъ присутвіемъ какъ бы доказывали, что онъ имѣетъ ближайшія права на наслѣдство. Законъ, равносильный для всѣхъ, предписывалъ, чтобы до этого пира никто не вступалъ во владѣніе наслѣдствомъ. Тому же закону подчинялся и король, почитавшійся только первымъ домохозяиномъ въ государствѣ. Такія правила произвели наслѣдственность королевской власти и общее управленіе многихъ лицъ,

о которомъ упоминають древніе памятники. Только этими правилами объясняются слова саги, что королевство и королевская власть распространялись въ поколѣніяхъ, по мѣрѣ того, какъ эти послѣднія раздѣлялись на отрасли. Но отъ частыхъ раздѣловъ уменьшались королевскіе доходы и предѣлы населенной земли становились тѣснѣе. Тогда многіе короли стали обрабатывать большія лѣсистыя страны, селились тамъ, и такимъ образомъ умножали свои области.

Отъ того возникло множество малыхъ королевствъ и королей, упоминаемыхъ въ сагахъ. Эти короли устроивали свой дворъ по образцу двора упсальскаго короля; вокругъ нихъ явились новыя поселенія и новыя государства; сюда стекались желавшіе новыхъ, удобнѣйшихъ жилищъ, искатели службы, почестей и счастья,—однимъ словомъ, всѣ, кого привлекала надежда лучшихъ выгодъ. Съ приращеніемъ народной массы умножалась населенность: въ странахъ дикихъ и невоздѣланныхъ чаще стали появляться дворы и деревни, изъ нихъ поселенія распространялись далѣе, изъ лѣса въ лѣсъ, изъ пустыни въ пустыню; новые герады возникали возлѣ старыхъ. Такъ многія изъ теперешнихъ областей скандинавскаго сѣвера обязаны своимъ происхожденіемъ тому вѣку, когда эти малые короли, подобно другимъ домовладѣльцамъ, старались умножать свои доходы и забывали мечъ для плуга, чтобы собственными силами воздѣлывать пустынную землю.

Эти малые короли имѣли полную королевскую власть, собирали налоги, созывали общій тингъ, вели войну и наследовали свои королевства по прямой линіи отъ отца къ сыну. Всѣ собирались однакожъ въ Упсалу на великіе праздники воспоминанія, оживлявшіе въ нихъ ту мысль, что всѣ они суть члены великой семьи, которой верховный глава—король Упсалы. По крайней мѣрѣ такъ было въ собственножъ Свитиодѣ (землѣ Свеоновъ), какъ сказывается Инглинга-сага. Но неопредѣленны отношенія Готовъ къ Свитиоду и ихъ зависимость отъ верховнаго короля Упсалы. Въ древнихъ сагахъ они являются какъ независимый народъ, подъ властію особеннаго королевскаго дома; о Готской землѣ упоминають саги въ такихъ выраженіяхъ, которыя ясно даютъ разумѣть, что она не принадлежитъ къ королевству Инглинговъ: изъ этого можемъ заключить, что Готы составляли самобытное государство, вовсе независимое

отъ uppsальскаго короля. Но въ такомъ случаѣ Готское и Свевское государства представляли-бы примѣръ, единственный въ исторіи: они, совершенно независимы одно отъ другаго, въ продолженіи 700 лѣтъ существуютъ безъ взаимной зависти, въ согласіи, въ дружбѣ и мирѣ, безъ покушеній со стороны одного—покорить своего сосѣда, и не имѣя другихъ узъ, кромѣ дружбы! Исторія, опытъ, страсть къ завоеваніямъ ясно говорятъ противъ вѣроятности подобныхъ отношеній. Притомъ, самыя саги приводятъ насъ къ другому мнѣнію: онѣ говорятъ, что Оденъ и Гильфе, вмѣстѣ съ своими людьми, состязались въ разныхъ искусствахъ и волшебствѣ, но что Асы всегда оставались побѣдителями. Этотъ обычай Норманновъ символически изображать великія событія подъ формою самыхъ обыкновенныхъ между ними, намекаетъ на верховную власть Одена, утвержденную имъ на сѣверѣ; о Гильфе говорится въ сагахъ, что онъ призналъ свое безсиліе противъ Одену и заключилъ съ нимъ союзъ. Съ прибытіемъ Асовъ, выдававшихъ себя за древнихъ боговъ и принявшихъ ихъ имена, по словамъ сагъ, совершился великій переворотъ на сѣверѣ. Гильфе, верховный жрецъ и правитель Готовъ, исчезаетъ въ сагахъ; напротивъ Свены во всѣхъ древнихъ памятникахъ являются господствующимъ народомъ.

Если нельзя открыть никакихъ слѣдовъ несогласій и раздоровъ между Свенонами и Готами, то, конечно, одна религія была причиною столь долговременнаго мира между ними. Оттого, когда съ христіанствомъ явилась новая религія и рушилось основаніе, утверждавшее священную власть uppsальскаго короля, тогда разорвались и связи, соединявшія оба народа: Готы болѣе не хотѣли признавать первенства Свеноновъ въ народныхъ дѣлахъ, и между ними возгорѣлась война.—Государства, незначительныя по обширности, между которыми взаимныя нужды сами собою уже вызываютъ постоянный миръ, не столько еще требуютъ участія религіи для прочности своего союза: ея высокое достоинство, ея важность и необходимость являются въ полномъ блескѣ преимущественно тогда, когда союзы заключаются между могущественными народами. Такъ и между Свенонами и Готами основаніемъ союза была религія Одена. Но всякое религіозное законодательство въ древности обнимало и политическую жизнь,—такъ что мѣсто главнаго святилища было

резиденцію политической власти. Вотъ почему вожди, жившіе въ Упсалѣ, называются въ сагахъ самодержавными.

Впрочемъ одно титуло безъ существенной силы не даетъ власти надъ воинственными людьми, и Готы оставались свободнымъ, непокореннымъ народомъ. Они имѣли своихъ королей древне — Готскаго племени; огромные лѣса отдѣляли ихъ отъ резиденціи верховнаго короля Упсалы, и окруженные воинственными сосѣдями, они, въ опасныхъ случаяхъ, могли полагаться только на свои собственные силы. Такія обстоятельства дѣлали очень возможнымъ, что Готы были гораздо независимѣе отъ упсальскаго короля, нежели другое главное племя союза, жители собственно Святиода, гдѣ находилась народная святыня и резиденція верховной власти. Даже и эти послѣдніе, раздѣлявшись, въ теченіи времени, на мелкія, независимыя государства, подъ властію особенныхъ королей, больше и больше освобождались отъ политическаго вліянія упсальскаго короля. Наконецъ, эта власть обратилась въ ничтожное титуло. Многіе вожди Викинговъ могли селиться въ городахъ упсальскаго короля и заступать его мѣсто: такъ Гаке три года былъ королемъ Упсалы, а Сольве долгое время владѣлъ Сигтуною.

Возстановленіе древняго авторитета упсальскаго короля было дѣло Ингяльда Илльрады. Онъ былъ виновникомъ того перваго переворота, о которомъ говорятъ древніе памятники. Этотъ сынъ Браут — Анунда и послѣдній упсальскій король изъ поколѣнія Анунговъ имѣлъ высокія понятія о своемъ санѣ: онъ вѣрилъ, что долженъ царствовать съ тою же властію, какою прежде пользовались его предки, дротты, и первые упсальскіе короли. Препятствіе тому онъ видѣлъ въ независимыхъ короляхъ, ограничивавшихъ власть и доходы упсальскаго короля и нарушавшихъ единство правленія. Но безъ насильственныхъ мѣръ нельзя было устранить это препятствіе. Ингяльдъ не могъ однакожъ противопоставить королямъ превосходнаго числомъ войска: силы ихъ были одинаковы. Ему оставались средства другаго рода, всего больше сообразныя съ его положеніемъ и характеромъ вѣка. Онъ сдѣлалъ великія приготовленія для наслѣднаго пира или поминокъ по своему отцѣ: выстроилъ новую залу нисколько не хуже старой, — и въ ней поставилъ семь троновъ, почему она и получила названіе залы семи королей. По всему Святиоду разославы гонцы приглашать на пиръ королей, ярловъ и другихъ знатныхъ людей.

Шесть королей явились; седьмой, Гранмаръ зюдерманландскій, не пришелъ. Гости введены были въ новую залу: короли заняли приготовленные имъ мѣста; ихъ вассалы размѣстились на скамьяхъ. Придворные Ингιάльда и его воины помѣщены въ старой залѣ. Если «наследный пиръ» собирался по смерти королей и ярловъ, то древній обычай требовалъ, чтобы наследникъ сидѣлъ на скамьѣ предъ пустымъ трономъ до тѣхъ поръ, пока станутъ подавать «чашу воспоминанія» «Bragafull». Тогда онъ долженъ былъ вставать передъ чашей, произносить какой-нибудь обѣтъ и пить. Потомъ возводили его на отцовскій тронъ, и онъ становился полнымъ владѣтелемъ наследства. Когда пришло время «чаши воспоминанія», Ингιάльдъ всталъ, взялъ большой рогъ съ виномъ, служившій вмѣсто кубка, и произнесъ обѣтъ, что онъ или погибнетъ, или цѣлою половиною увеличитъ свое королевство, со всѣхъ четырехъ сторонъ его; потомъ выпилъ кубокъ. Свой великій обѣтъ онъ выполнилъ въ ту же ночь: онъ велѣлъ зажечь новую залу: въ ней сгорѣли шесть королей и ихъ вассалы, а выбѣжавшіе были изрублены. Потомъ овладѣлъ королевствами погибшихъ.

Побѣдивъ седьмого короля, Гранмара зюдерманландскаго, Ингιάльдъ могъ считать себя обладателемъ всего Святиода. Великія жертвоприношенія въ Упсалѣ еще сохраняли въ народной памяти высокое значеніе упсальскаго короля: оттого-то и Готы, и Свеоны, какъ ни велико было ихъ неудовольствіе на вѣроломный поступокъ Ингιάльда съ ихъ королями, однакожь покорились ему безъ сопротивленія. Но въ ту самую минуту, когда власть его, казалось, утвердилась на прочномъ основаніи, онъ палъ отъ собственной руки, будто повинуваясь приговору «мстительнаго рока», какъ выразились бы древнія саги. Не имѣя въ готовности войска, Ингιάльдъ, вмѣстѣ съ дочерью, Асою, не уступавшею ему въ свирѣпости, наполнилъ до-пьяна своихъ вассаловъ и потомъ зажегъ королевскую залу. Онъ, Аса, спящіе вассалы погибли въ пламени. Съ нимъ пресѣклась царствующая фамилія Ингліанговъ.

По пресѣченіи рода Ингліанговъ, начались въ ихъ землѣ смутенія и безпокойства. Короли болѣе старались увеличивать власть свою, нежели утвердить, рѣдко жили дома, но постоянно разъѣзжая по морямъ, искали себѣ новыхъ владѣній; подстрекаемые

желашемъ, столь же безпокойнымъ, какъ и море, по которому плавали, эти короли вовсе пренебрегали дѣлами правленія. Въ ихъ отсутствіе часто являлись изгнанные короли изъ рода Инглинговъ, на нѣкоторое время усиливались въ покинутыхъ королевствахъ; потомъ, или опять изгонялись, или становились королями—данниками законному королю.

Только спустя 200 лѣтъ по смерти Ингιάльда, въ половинѣ IX вѣка, мы нѣсколько яснѣе узнаемъ состояніе Скандинавіи. Въ это время малыхъ королей уже нѣтъ: власть надъ герардами находится въ рукахъ лагманновъ, заступившихъ мѣста этихъ королей; ихъ прежнія королевства составляютъ единое союзное государство, котораго верховный глава—упсальскій король. Потомки прежнихъ малыхъ королей встрѣчаются только на морѣ, подъ именемъ «морскихъ королей», безъ земли и владѣній: вдалекѣ отъ отечества ищутъ они приключеній, славы, богатства и власти въ такъ называемыхъ морскихъ походахъ «Виккинговъ.»

ОХОТА ЗА КАБАНАМИ, ЗА ЛЬВОМЪ И ЗА БОЛОТНОЙ ДИЧЬЮ.

(Изъ записокъ Жакова Бивлюофия объ Африкѣ.)

Алжирь. 22 марта.

Сегодня мы охотились съ офицерами перваго егерскаго полка за кабанамн.

Отправились мы вчера въ линейкѣ, запряженной четвернею красивыхъ лошадей. Кучеромъ былъ у насъ Карайонъ-Датуръ, поручикъ перваго полка. Ночевали мы въ Буфарикѣ, гдѣ ожидала насъ дюжина унтеръ-офицеровъ, бывшихъ въ восторгѣ подраться хоть съ кабанамн.

На разсвѣтѣ другаго дня мы, въ числѣ двадцати всадниковъ, были уже въ полѣ.

Арабы должны были отправиться въ болота и выгнать на насъ звѣра. Въ чистомъ же полѣ его должны были перенять наши гончія.

Насъ разставили вокругъ огромнаго болотнаго пространства, заросшаго кустамн, и мы, молча, ожидали исхода облавы.

Едва разстановились мы по мѣстамъ, какъ я уже услыхалъ дикій крикъ нашихъ загонщиковъ. Минуту спустя, я увидѣлъ въ дали двѣ огромныя черныя массы, двигавшіяся съ необыкновенною быстротою.

Пустили гончихъ, поскакали охотники.

Я былъ на самомъ концѣ облавы и съ трудомъ догналъ своихъ товарищей. Сначала я даже потерялъ ихъ изъ виду, и только спустя четверть часа увидѣлъ, что капитанъ Видаленкъ несется по оврагу и кричитъ во все горло:

— Онъ раненъ!... раненъ!

Я не слыхалъ ни одного выстрѣла и не могъ понять, какимъ образомъ звѣръ могъ быть раненъ. Но скоро все объяснилось.

Впереди капитана между пальмовыми кустами двигалась довольно длинная палка, точно мачта небольшой лодки, несомой волнами. Эта мачта, или лодка, подавалась вперед очень быстро, но не прямо, а шаталась из стороны въ сторону.

Я догналъ капитана, и мы вмѣстѣ въѣхали въ кусты болѣе частые. Здѣсь я уже ясно разсмотрѣлъ красиваго кабана, а между плечъ его пику, всаженную туда капитаномъ. Г. Видаленкъ всегда бьетъ такъ кабановъ и приобрѣлъ большую извѣстность своею смѣлостію и ловкостію въ нанесеніи этихъ опасныхъ ударовъ.

Скоро подвалили собаки и окружили раненаго звѣря.

Подоспѣвшій арабъ перерѣзалъ ему безъ дальнихъ околичностей горло своимъ коротенькимъ ножомъ.

Кромѣ этого кабана еще двое его собратій достались намъ въ эту охоту. Одинъ былъ убитъ изъ карабина, другаго растянули гончія. Послѣдній пробѣжалъ мимо моей лошади такъ близко, что я выстрѣлилъ въ него изъ пистолета у самой ноги и далъ отличный промахъ.

Я не могу достаточно надивиться арабскимъ лошадямъ, особенно, когда на нихъ ѣду верхомъ. Моя лошадь неслась съ быстротою и легкостію птицы черезъ кусты, черезъ камни и черезъ рвы. Мы проѣхали очень много пространства. Дорогой поднимали пропасть всякой дичи, куропатокъ, перепеловъ, и напугали многихъ шакаловъ.

Въ два дня я пробылъ осьмнадцать часовъ на лошади, но охота доставила мнѣ такъ много удовольствія, что я не чувствовалъ ни малѣйшей усталости.

Возвращеніе наше домой совершилось тѣмъ же самымъ порядкомъ. Убитыхъ кабановъ раздѣляли въ лагерѣ, и егеря 1-го полка скушали ихъ за наше здоровье.

Алжиръ 4 апрѣля.

Еще разскажъ объ охотѣ. Но такъ какъ я пишу его для охотниковъ, то и не извиняюсь передъ ними въ болтливости. На этотъ разъ дѣло идетъ объ охотѣ за львомъ; но по скромности я предварю, что какъ звѣрь, такъ и охотники живы и здоровы.

Съ нѣкоторыхъ поръ рабочіе въ Рассаутѣ, находящейся на берегу Гамиза, текущаго у подошвы Атласа и впадающаго близъ

мыса Матифу въ море, стали жаловаться на появленіе громаднаго льва и говорили, что это сосѣдство имъ вовсе не по сердцу. Въ горахъ онъ съѣлъ двонхъ туземцевъ и сошелъ наконецъ въ долину, гдѣ присутствіе скота обѣщало ему возможность имѣть болѣе правильные и болѣе разнообразныя обѣды и ужины.

На прошлой недѣлѣ солдаты перваго полка видѣли, какъ онъ пожиралъ убитаго имъ кабана. А убилъ онъ его очень просто: расплюснулъ ему голову однимъ ударомъ лапы

Дня три назадъ тотъ же левъ утащилъ осла въ глазахъ колонистовъ и несъ его въ своей пасти такъ же легко, какъ таскаетъ волкъ ягненка или собака зайца. Словомъ, звѣрь напустилъ такой страхъ, что никто не осмѣливается выходить изъ дома безъ провожатаго.

Губернаторъ, узнавши объ этомъ, рѣшилъ, что нужно сдѣлать общую облаву; но желая сколь возможно сдѣлать охоту безопасною и избѣжать ответственности, онъ не позволялъ участвовать въ ней войскамъ регулярнымъ, а поручилъ полковнику 1-го егерскаго полка г. Домасу, завѣдывающему дѣлами арабовъ, предупредить кочевья и пригласить охотниковъ.

Третьяго дня въ цѣломъ Алжирѣ только и было разговора, что объ охотѣ на льва. Многіе любители обѣщали присоединиться къ охотникамъ. Мнѣ самому очень хотѣлось участвовать въ этомъ подвигѣ, но я не иначе рѣшился пуститься какъ въ большой и надежной компаніи. Пока я находился въ нерѣшимости, командиръ дежурнаго корабля далъ мнѣ знать, что онъ возьметъ съ собою десять человекъ матросовъ и вооружитъ ихъ пиками и карабинами, и что кромѣ этого съ нимъ будутъ многіе его пріатели, что составятъ человекъ двадцать стрѣлковъ. вмѣстѣ съ этимъ извѣстіемъ онъ приглашалъ меня на охоту.

Было рѣшено, что стрѣлки станутъ позади людей, вооруженныхъ пиками. Эта мѣра предосторожности заставила меня рѣшиться, и я сталъ готовиться.

Къ кочевью на Гамизѣ начали съѣзжаться охотники верхами и въ экипажахъ. У насъ были двѣ повозки, въ одной помѣщались стрѣлки, въ другой матросы; удамой видъ послѣднихъ ободрялъ насъ на случай опасности.

Уже мы готовы были тронуться съ мѣста, какъ адмиралъ прислалъ сказать командиру корабля, что онъ не позволяетъ брать на охоту матросовъ, и что, если губернаторъ разсудилъ неудобнымъ рисковать войсками сухопутными, то и онъ не желаетъ подвергать опасности моряковъ.

Это приказаніе страшно насъ переконфузило.

Мы отпустили матросовъ, которые остались весьма недовольны, а за ними сошли съ повозки трое изъ охотниковъ, вѣроятно сильно расчитывавшіе на помощь пикъ. Эти охотники нашли разные предлоги, чтобы возвратиться домой.

Мы взяли съ собою пять пикъ и отправились.

Дорогой намъ попадались толпы арабовъ и офицеровъ, но всѣ были верхами, что означало, что они ненамѣрены охотиться пѣшкомъ. Сколько ни ѣхали, нашего полку не прибывало, и насъ это очень досадовало.

Когда мы подъѣхали къ палаткамъ кочевья, къ намъ подошелъ одинъ изъ спаговъ и доложилъ, что полковникъ Домасъ ожидаетъ насъ въ нарочно-устроенной палаткѣ.

Мы съ радостію приняли это предложеніе, потому что до этого расчитывали ночевать подъ открытымъ небомъ.

Арабы приняли насъ съ своимъ обычнымъ хлѣбосольствомъ. Одинъ изъ Кандовъ очистилъ свою полатку и объявилъ, что она принадлежитъ намъ. За этимъ велѣлъ внести два огромныя деревянные блюда; на одномъ изъ нихъ была цѣлая половина зажареннаго барана, на другомъ цѣлая гора кускусу, туземнаго кушанья, состоящаго изъ небольшихъ шариковъ тѣста съ виноградомъ, вареной бараньей и молокомъ. Я попробовалъ этого кушанья, чтобы не обидѣть Канда, но признаюсь, оно мнѣ пришлось не по вкусу; да и не очень понравилось мнѣ то, что его надо ѣсть просто руками. Конечно мнѣ пришлось ѣсть руками и жареную баранину; но все какъ-то это сносѣе.

Послѣ ѣды,—а это было часовъ въ восемь вечера,—общество собралось вокругъ огня, и стали пить кофе и курить.

Въ девять часовъ полковникъ Домасъ собралъ старѣйшинъ разныхъ племенъ и усадилъ ихъ вокругъ большого костра. Необходимо было условиться на счетъ завтрашняго дня и рѣшить, какъ и гдѣ сдѣлать на льва нападеніе.

Г. Домась говоритъ прекрасно по-арабски и переводилъ намъ замѣчанія и отвѣты туземцевъ.

Въ этомъ кружкѣ, составленномъ изъ старшинъ арабскихъ, и окруженномъ толпою туземцевъ, просовывавшихъ съ любопытствомъ головы, было что-то величественное и торжественное. Офицеры, охотники въ разнообразныхъ костюмахъ довершали картину, освѣщенную съ одной стороны багровымъ свѣтомъ костра, а съ другой блѣдными лучами луны.

Я не стану надоѣдать читателю повтореніемъ тысячи мелкихъ вопросовъ, сдѣланныхъ нами арабамъ, и ихъ отвѣтовъ. Большая часть совѣтниковъ была въ томъ убѣжденіи, что въ открытомъ мѣстѣ левъ опаснѣе, чѣмъ въ горахъ.

Одинъ изъ нихъ видѣлъ льва наканунѣ, и когда его спросили, гдѣ, полагаетъ онъ, можно встрѣтить звѣря, то онъ отвѣчалъ:

— Левъ то здѣсь, то тамъ; никто не знаетъ, гдѣ онъ.

Другаго спросили, гдѣ, по его мнѣнію, расположить стрѣлковъ; онъ значительно посмотрѣлъ на малое число пѣшаго народа и сказалъ:

— Я никогда не трачу словъ даромъ. Когда у тебя будутъ стрѣлки, я тебѣ скажу, что съ ними дѣлать!

Третьяго спросилъ г. Домась, полагаетъ ли онъ, что можно убить льва не рискуя жизнію человѣка.

Онъ отвѣчалъ:

— Левъ тѣмъ менѣе ищетъ спасенія въ бѣгствѣ, чѣмъ болѣе для него опасность. Я живу въ горахъ, гдѣ женщины преслѣдуютъ льва съ палками, когда онъ утащитъ скотину изъ ихъ стада, и добиваются того, что звѣрь бросаетъ добычу. Но здѣсь левъ увидитъ себя окруженнымъ всадниками, онъ свернется какъ кошка, выждетъ удобную минуту и однимъ прыжкомъ достигнетъ своей жертвы. Его можно будетъ стрѣлять только на трупъ человѣка, и, если не убьютъ его, онъ отправится не спѣша. Во всякомъ случаѣ добрый конь скачетъ шибче его, и звѣря можно всегда догнать.

Эти справки заставили насъ призадуматься.

Пока мы продолжали рассуждать, одинъ изъ туземцевъ пришелъ къ намъ и объявилъ, что одинъ изъ его товарищей видѣлъ льва въ тотъ же вечеръ, что онъ стрѣлялъ по нему, но вѣроятно не попалъ.

Велѣдствіе этого было рѣшено сдѣлать нападеніе на льва на другой день въ пять часовъ утра, между водяною крѣпостію и квадратною фермою не далѣе одной мили отъ того мѣста, гдѣ мы находились. Мы разошлись, и всякой старался о томъ, какъ бы спокойнѣе провести ночь.

Палатки были рѣдки.

Насъ помѣстили въ той, которую уступилъ намъ кандъ, но я никакъ не могъ протянуть въ ней ногу. Я старался уснуть, но старанія мои оказались напрасными.

Шакалы испускали неистовые крики, а собаки кочевья вторили имъ своимъ лаемъ; лошади, привязанныя къ палаткамъ, ржали и бились; арабы болтали какъ сороки. Я помирился наконецъ съ своимъ положеніемъ, всталъ, закурилъ сигару и пошелъ гулять.

Я потерялъ немного.

Никогда не забуду я чудной ночи, проведенной въ этомъ кочевьѣ. Кое-гдѣ видѣлись гаснувшіе костры, а съ ними блѣдныя лучи луны достаточно освѣщали окрестность. Арабы, завернутые въ свои широкіе бурнусы, лежали у ногъ коней своихъ. Нѣкоторые курили молча трубки у погасающихъ костровъ. Другіе собрались вокругъ палатки канда Бенн-мусса, красиваго молодаго человѣка, блѣдной и задумчивой наружности, который, лежа на турецкомъ коврѣ, равнодушно проигрывалъ золотыя и серебряныя монеты друзьямъ своимъ.

По временамъ прѣзжали всадники изъ сосѣднихъ кочевьевъ, втыкали колы, привязывали къ нему свою лошадь и ложились у ногъ ея.

Изъ Алжира прѣзжали тоже любители... но только одна повозка привезла пять человѣкъ въ подкрѣпленіе пѣшимъ стрѣлкамъ. По странному случаю эта повозка принадлежала гг. Франлье и съ ними былъ г. де-Босъ, двоюродный братъ жены моей. Мы оба были очень удивлены, что намъ пришлось въ первый разъ встрѣтиться въ Африкѣ и на охотѣ за львомъ.

Спали не многіе. Часа въ два утра встали болѣе ретивые и подняли остальныхъ. Скоро всѣ были на ногахъ и помѣстились вокругъ огня пить кофе, въ которомъ не было недостатка.

Первою заботою настоящихъ охотниковъ было высунуть свое оружіе, потому что ночью роса была такъ обильна, что дотронув-

иаясь до моей фуражки, я подумалъ, что какъ-нибудь урониъ ее въ воду.

Въ три часа вернулись всадники, отправлявшіеся въ Рассату, и было рѣшено, что черезъ часъ будетъ общій подъемъ.

Надо было счесть народъ, чтобы устроить планъ атаки.

Оказалось около двухъ-сотъ всадниковъ, считая тутъ и Европейцевъ; а насъ, пѣшихъ стрѣлковъ, было только двадцать четыре человѣка.

Г. Домасъ казался очень недовольнымъ; онъ рассчитывалъ на большое число людей, особенно пѣшихъ, потому что они только могли проникнуть въ чащобы, гдѣ обыкновенно держится левъ. Онъ послалъ сейчасъ же въ квадратную ферму потребовать отрядъ стрѣлковъ и назначилъ мѣсто, куда придти имъ.

Наконецъ мы тронулись.

Одинъ изъ нашихъ друзей, командиръ де-Ну, думалъ сначала присоединиться къ нашему стрѣлковому взводу; но когда увидалъ, что насъ очень мало, то совѣтовалъ мнѣ сѣсть на лошадь. Но у него была лошадь, а у меня ея не было. При-томъ же со мной былъ Кодрози: онъ вовсе не былъ охотникомъ и пріѣхалъ по моимъ убѣжденіямъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы онъ, хоть разъ въ жизни побывалъ на охотѣ за львомъ. Оставить его я не могъ. Де-Ну пожалъ мнѣ руку, посоветовалъ быть осторожнымъ и уѣхалъ вмѣстѣ со всадниками.

Когда весь нашъ отрядъ пѣшихъ стрѣлковъ былъ собранъ, то я объявилъ во всеуслышаніе, что не намѣренъ быть загонщикомъ или выслѣдчикомъ, какъ думали употребить насъ распорядители охоты, и совѣтовалъ не раздѣляясь занять одну позицію.

Предложеніе мое было принято единодушно.

Никто изъ насъ не чувствовалъ въ себѣ особеннаго желанія послужить завтракомъ льву, который скорѣе бросается на пѣшаго, ни сдѣлаться посмѣшищемъ для арабовъ, которые очень не скоро рѣшаются на борьбу съ этимъ звѣремъ.

Не разразниваясь, мы прошли довольно большое пространство. Взойдя на одну возвышенность, мы могли окинуть глазомъ всю равнину, гдѣ думали мы подступить къ лютому животному.

Вся равнина заросла лѣсомъ и кустарникомъ всевозможныхъ породъ. Мѣстами эти деревья и кусты такъ были часты и такъ

переплелись между собою, что едва можно было разглядѣть бѣлые бурнусы, слѣдовавшіе тихо одинъ за другимъ.

Пришли и стрѣлки изъ квадратной фермы; но когда имъ сказали, что ихъ хотятъ посылать въ такія труппы, куда нельзя проѣхать на лошади, они разбѣжались и ничто не могло остановить ихъ.

Въ это время два араба, шедшіе впередъ, подозвали насъ и показали намъ только что убитаго кабана и вполонину съѣденнаго. Земля вокругъ была истоптана и слѣды лапъ льва отпечатаны такъ же ясно, какъ это бываетъ съ слѣдами зайца по порошѣ. По этимъ слѣдамъ, попадавшимъ намъ еще нѣсколько разъ въ продолженіе охоты, мы видѣли, что имѣемъ дѣло со львомъ большаго размѣра.

Послѣ недолгихъ переговоровъ было рѣшено, что надо проникнуть сейчасъ же въ ближайшую чашу.

Полковникъ Домасъ отдавалъ приказанія, разставлялъ людей; но, видя наше небольшое число, не рѣшался предложить намъ идти въ кустарники.

Пока онъ раздумывалъ, раздалось страшное рыканіе и за нимъ послѣдовала глубокая тишина.

Всѣ какъ-будто онѣмѣли, смотрѣли съ ужасомъ другъ на друга и не смѣли шевельнуться.

Лошади дрожали подъ всадниками, а собаки, опустивъ хвосты, въ страхѣ прятались за нами.

Когда миновала минута неожиданнаго испуга, всѣ переглянулись болѣе спокойно, и каждый, казалось, говорилъ:

— Левъ здѣсь.

Сомнѣваться было нечего. Но какъ проникнуть въ эту чашу на лошадяхъ?... И пѣшіе могли пробраться туда съ трудомъ. Никакія убѣжденія и угрозы полковника Домаса не могли принудить арабовъ и нѣсколькихъ туземныхъ стрѣлковъ податься впередъ.

Разбѣшенный при видѣ ихъ трусости, полковникъ поступилъ молодецки; но къ-несчастью причѣръ его увлекъ только двоихъ начальниковъ арабовъ; а насъ заставилъ забыть наши мѣры предосторожности.

Онъ сошелъ съ лошади, взялъ карабинъ и сказалъ намъ:

— Господа!... Левъ здѣсь, это ясно; но добраться до него можно только пѣшкомъ. Сколько васъ?

— Семнадцать. Остальные поотставали дорогой.

— Ну, пусть восемь человѣкъ идутъ со мною, а девять составляютъ второй взводъ. Мы сдѣлаемъ такимъ образомъ два обхода въ чащѣ. Пусть всадники окружатъ чащу, и, если левъ на нихъ выйдетъ, они сдѣлаютъ свое дѣло.

Надо отдать намъ честь, минуты нерѣшимости почти не было. Признаюсь, что мнѣ вовсе не хотѣлось быть растерзаннымъ; но когда я увидѣлъ, что полковникъ подаетъ такой благородный примѣръ, тогда какъ въ качествѣ начальника охоты онъ легко могъ остаться на лошади, я нисколько не задумался, и мы вошли или лучше исчезли въ чащѣ.

На первыхъ порахъ сучья, корни и трава такъ запутали намъ ноги, что если бы господинъ левъ предсталъ предъ насъ, то конечно никто бы не выстрѣлилъ.

Мы шли гуськомъ другъ за другомъ и старались какъ можно меньше шумѣть, чтобы не разбудить уснувшей кошки.

Бѣдный Кодрози, котораго я затянулъ на эту охоту, насильно вытаскивалъ свои длинныя ноги, пыхтѣлъ подъ ношею ружья и говорилъ мнѣ тономъ упрека, попадавшего мнѣ прямо въ сердце:

— А! другъ мой, зачѣмъ вы меня сюда затащили?

— Ничего, смѣлѣе, отвѣчалъ я ему; повѣрьте, что если суждено кому изъ насъ быть съѣдену, такъ это ни мнѣ, ни вамъ.

И я показалъ ему пальцемъ на одного несчастнаго нашего товарища, толщина котораго лишила его возможности двигаться, и который конечно долженъ былъ показаться леву вкуснѣе насъ.

Нѣсколько разъ нападали мы на слѣдъ льва; было очевидно, что штабъ-квартира его въ нашемъ сосѣдствѣ.

Въ эти минуты мы удвоявали осторожность, и, кажется, готовы были идти на цыпочкахъ.

Наконецъ—то вышли мы изъ чащи, а вслѣдъ за нами вышелъ и полковникъ съ товарищами.

Когда всадники расположились какъ слѣдуетъ, мы отправились на вторичный поискъ.

Мы не сдѣлали и двухъ-сотъ шаговъ, какъ на опушкѣ раздались выстрѣлы. Оказалось, что арабы выстрѣлили по гивнѣ, дали

время, и она бросилась въ ту часть лѣса, по которой мы шли. Признаюсь, она меня вовсе не испугала. Ощущеніе, которое овладѣло мною при началѣ поиска, было слишкомъ сильно, чтобы прибавиться появленіемъ гіены или чѣмъ-нибудь подобнымъ.

Второй поискъ, благодаря Бога, — и я говорю это не крестя, — кончился какъ и первый.

Мы взмурились до крайности. Г. Домасъ сѣлъ на лошадь, пригнанная насъ слѣдовать за всадниками.

Прошедшую нами дорогу можно назвать чисто адскою; на пути намъ попадались не разъ свѣжіе слѣды отыскиваемого нами звѣря. Впрочемъ мы были всё увѣрены, хотя и не сообщали этого другъ другу, что левъ остался въ той чащѣ, гдѣ мы дѣлали первые поиски. Если бы мы прошли отъ него въ двадцати шагахъ, онъ и тогда бы не тронулся. Чтобы поднять его, надо было человѣкъ двѣсти нѣскаго народа, а насъ было только осьмнадцать.

Къ полудню усталость и изнуреніе дошли до крайности. Я предложилъ товарищамъ вернуться домой, и никто мнѣ не противорѣчилъ.

Дорогой мы видѣли, какъ всадники стрѣляли и нападли на какого-то звѣря. После мы узнали, что убили двухъ кабановъ.

Оставивъ въ лѣсу кавалерію, мы вернулись къ палаткамъ, гдѣ ожидала насъ вкусная провизія. Всадники пріѣхали часа черезъ два съ гіеной и двумя кабанями.

Въ четыре часа мы ѣхали уже назадъ въ Алжиръ, очень довольные исходомъ охоты, потому что, еслибъ пришлось встрѣтить льва, не обошлось бы безъ несчастія, и конечно жертвою звѣря былъ бы кто-нибудь изъ насъ, потому что арабы не очень сумели къ головному животному.

Что касается до меня, то я былъ доволенъ совершенно. Я имѣлъ достаточно тревожныхъ ощущеній. Увѣренный, что нашъ взводъ или взводъ полковника пробудитъ льва, я не могъ спокойно думать о послѣдствіяхъ этого побужденія. Словомъ — охота за львомъ для меня кончена; а если я когда и отправлюсь на нее, то верхою и въ качествѣ любителя. Вместо оружія со мною будетъ зрительная трубка.

Де-Ну былъ и верхомъ, а перечувствовалъ побольше моего, хотя храбрость этого офицера известна всѣмъ. Видя безуспѣшность

нашего второго поиска, онъ толкнулъ свою лошадь на нѣсколько шаговъ въ чащу. Но едва вѣхалъ онъ въ кусты, какъ лошадь его взвилась на дыбы и грива ея ощетинилась. Отрывистый глухой ревъ послышался за кустомъ, и огромное животное краснорыжаго цвѣта стало подыматься на ноги.

Де-Ну не могъ дать себѣ вдругъ отчета въ этомъ явленіи, повернулъ лошадь и поскакалъ назадъ, увѣренный, что его преслѣдуетъ чудовище. Выѣхавъ изъ чащи, онъ остановился и увидѣлъ, что его напугалъ бѣдный верблюдъ, заревѣвшій вѣроятно потому, что его обезпокоили. Но де-Ну увѣрялъ меня, что онъ никогда не пугался до такой степени.

Впрочемъ, кромѣ раны въ лобъ ложей пистолета, полученной однимъ офицеромъ при выстрѣлѣ и отдачѣ давно заряженнаго оружія и паденія съ лошади одного любителя, который раскроилъ себѣ голову, другихъ несчастій не приключилось. Я надѣюсь, что послѣдній останется живъ, и наша львиная охота окончится совершенно невинно.

Октября 22.

Я все еще въ Алжирѣ, и право не жалею на судьбу свою. Я боюсь какъ огня Орана, и по возможности отлагаю поѣздки въ это новое мѣсто моего назначенія.

Работаю я весьма прилежно и добросовѣстно. Еще никогда не было сдѣлано такого подробнаго донесенія о лѣсахъ Алжира, какъ то, которое лежитъ у меня на столѣ; и вѣроятно бѣдные смотрители лѣсовъ не подвергались такимъ строгимъ преслѣдованіямъ, какимъ подвергаю ихъ я.

Время благоприятствуетъ моимъ разъѣздамъ. Солнце палитъ не такъ сильно, а небо самаго яркаго голубаго цвѣта; на всемъ горизонтѣ ни одного облачка.

Невозможно, чтобы душа не сочувствовала этой ясности неба, и потому я нисколько не удивляюсь, что сплинъ и меланхолія развились въ туманномъ климатѣ Шотландіи и Англіи, жилищахъ бардовъ и утокъ.

Впрочемъ, если здѣсь нѣтъ бардовъ, то довольно утокъ и болотныхъ птицъ всякой породы.

Недавно сказала мнѣ, что безчисленныя стада бекасовъ посяи въ Метиджѣ. Охота въ болотѣ имѣетъ свою особенную пре-

лесть, которая всегда увлекает меня. Я сговорился съ тремя городскими охотниками. и мы условились о полеваниі.

Одинъ господинъ, пріѣхавшій въ Алжиръ очень недавно и занимающій тамъ довольно видное мѣсто въ администраціи, авторъ книги объ охотѣ съ борзыми, просилъ у насъ позволенія присоединиться къ нашему обществу.

Не только борзая, но и всѣ прочія охоты были, по словамъ его, ему извѣстны. Подвиги его были многочисленны, ловкость его вошла въ пословицу, а хладнокровіе въ опасности считалось его неотъемлемымъ качествомъ.

Мы были очень рады сообществу такой знаменитости.

Такъ какъ мы отправлялись въ болота Метиджи за Хад-желъ-бей, то надо было выѣхать рано, и мы условились выѣхать въ первомъ часу утра.

Въ назначенный день мы усѣлись на лавочки кареты и сейчасъ же всѣ заснули.

Около трехъ часовъ утра мы переѣхали бродъ у Константины и очутились въ серединѣ Метиджи. Тишину этой обширной пустыни нарушали только мѣрный звукъ колокольчиковъ нашихъ лошадей и періодическіе возгласы нашего возницы.

Вдругъ сильный толчокъ отбросилъ насъ въ правую сторону, потомъ въ лѣвую, и мы, поподавши другъ на друга, проснулись.

Вокругъ насъ раздавались крики, стоны и какой-то ревъ.

Нашъ экипажъ лежалъ на боку и конечно не двигался. Наслу освободились мы отъ нашихъ ружей и ягдташей, вытащили ноги изъ-подъ собакъ и добрались до окошка. Здѣсь увидѣли мы какія-то движущіяся фантастическія фигуры, число ихъ безпрестанно увеличивалось, и мы долго не могли понять, что вокругъ насъ происходитъ.

Наконецъ кое-какъ освободились мы изъ нашего заключенія и выкарабкались вонъ изъ экипажа. Тутъ только разглядѣли мы, что попали въ середину каравана, состоявшаго изъ верблюдовъ, ословъ и муловъ. Арабы гнали ихъ въ городъ.

Былъ день торга, и бѣдныя животныя были нагружены всевозможными припасами, которые подгородные арабы возятъ обыкновенно продавать въ Алжиръ.

Передовой верблюд попалъ въ колесо нашего экипажа, другой, нагруженный курами, полетѣлъ къверху ногами; за этимъ послѣдовалъ въ цѣломъ караванѣ страшный шумъ и смятеніе, темнота увеличивала безпорядокъ вдвое.

Арабы бѣгали за курами, поднимали мѣшки, били палками испуганныхъ животныхъ; женщины и дѣти, бывшія мозади каравана, подумали, что на нихъ напали разбойники, и кричали во все горло.

Кучеръ нашъ тоже кричалъ и отмахивался отъ тронхъ арабовъ, разсерженныхъ до бѣшенства. Уже большая толпа окружила насъ съ угрозами, и дѣло могло кончиться худо. По счастью одинъ изъ нашихъ товарищей зналъ хорошо по-арабски и вступилъ съ арабами въ переговоры.

Мы сами помогли имъ поднять двухъ упавшихъ верблюдовъ, и тишина, или лучше порядокъ, водворились въ караванѣ.

Мы пропустили людей и животныхъ мимо себя. Людей было человекъ сотъ шесть, и это заставило насъ подумать, что мирные переговоры никогда не лишніе. По уходѣ каравана мы подняли экипажъ нашъ и поѣхали маленькой рысью къ Хаджель-бею.

Солнце бросило первые лучи изъ-за вершинъ Атласа, и скоро сдѣлались намъ видны всѣ окружающіе насъ предметы. Мы воспользовались этимъ временемъ, чтобы возстановить порядокъ въ нашей клажѣ, разстроенной при паденіи.

Оказалось, что все было цѣло, и оригинальный эпизодъ поѣздки доставилъ намъ поводъ къ продолжительному смѣху. Вдругъ замѣтили мы, что у насъ не доставало товарища. Новаго знакомаца нашего не было въ экипажѣ.

Мы остановились, вышди, стали кликать, — никакого отвѣта.

Намъ стало овладѣвать невольное безпокойство. Что съ нимъ сдѣлалось? гдѣ онъ? Не ушибся ли при паденіи? Не заблудился ли въ темнотѣ? Или, какъ новый Паладинъ, не вздумалъ ли онъ бороться одинъ съ толпою невѣрныхъ и не захваченъ ли ими въ пленъ?

Мы рѣшительно не знали на что подумать.

Во всякомъ случаѣ ѣхать далѣе, не употребивши всѣхъ средствъ къ его отысканію, было невозможно, и мы велѣли кучеру ждать насъ, а сами пошли назадъ, стараясь гдѣ-нибудь отыграть пропавшаго.

Когда мы вернулись на то мѣсто, гдѣ происходила сумятица, то увидѣли въ лѣвой сторонѣ, между кустами кактуса и алое, человека, въ которомъ скоро узнали нашего товарища.

Онъ шелъ какъ человекъ послѣ какой-нибудь болѣзни.

— Куда вы пропали? стали мы кричать ему. Что, вы больны или ушибены? Что съ вами случилось?

— Ничего, ничего, отвѣчалъ онъ намъ, сконфуженный; я не видалъ, какъ вы тронулись съ мѣста, и, боясь заблудиться въ темнотѣ, ждалъ разсвѣта, чтобы разглядѣть дорогу.

Это объясненіе показалось намъ такъ страннымъ, что мы всѣ замолчали, и, переглянувшись съ усмѣшкой, отправились къ нашему экипажу.

Черезъ часъ мы были на мѣстѣ.

Экипажъ былъ отправленъ въ Хаджель-бей, а двое арабовъ съ фермы, взятые нами въ проводники, ввели насъ въ болота. Ростіе тамъ кустарники были мѣстами на два метра выше человѣческой головы.

Какая пальба!

Бекасы вскакивали у насъ изъ-подъ ногъ, направо, налево, спереди, сзади. Выстрѣлы слѣдовали одинъ за другимъ почти безъ перерыва, охота шла на славу.

Когда охотники проникли далѣе въ болото, гдѣ кусты становились все чаще и чаще, выстрѣлы сдѣлались, разумѣется, рѣже. Нужно было одною рукою прокладывать себѣ дорогу и безпрестанно смотрѣть подъ ноги, чтобы не завязнуть. Я долженъ признаться, что, не смотря на всю мою привычку къ болотной охотѣ и къ путешествію по этой зыбкой почвѣ, я пропустилъ многихъ бекасовъ безъ выстрѣла, хотя они и поднимались очень близко.

Не безъ труда и не разъ погрянувъ выше колѣнъ, добрался я до небольшого островка. Отеръ потъ съ лица и сталъ оглядываться вокругъ, чтобы выбрать себѣ дорогу, какъ вдругъ услышалъ шагахъ въ пятьдесятъ отъ себя два выстрѣла, а за нимъ крики:

— Пантера! пантера!

Въ одну секунду схватилъ я въ карманѣ пулю, опустил ее въ стволъ и затаилъ дыханье, какъ это обыкновенно бываетъ на облавѣ, когда слышишь, что недалеко отъ тебя трещать сучья, и ожидаешь появленія звѣря.

Я въ самомъ дѣлѣ слышалъ трескъ сучьевъ, видѣлъ, какъ шевелились верхушки кустарниковъ, и наконецъ, какъ пронесся межъ ними звѣрь. Онъ мелькнулъ такъ быстро, что я не успѣлъ приложиться. Мой выстрѣлъ заставилъ однако же пантеру обернуться, и она, взглянувъ на меня, вѣроятно, съ презрѣніемъ, однимъ прыжкомъ скрылась съ глазъ моихъ.

Я подозвалъ товарищей, которымъ было очень любопытно узнать результатъ нашихъ пяти выстрѣловъ.

— Она ранена! кричалъ одинъ.

— Надо ее преслѣдовать, говорилъ другой.

— Куда она побѣжала?

— Сюда, туда.

Всѣ мы были очень взволнованы и не могли образумиться.

Я предложилъ прежде всего выйти изъ топи, чтобы можно было разсуждать на свободѣ.

Едва перешли мы топкое мѣсто, какъ услышали чьи-то крики и стоны. Мы стали прислушиваться и пошли къ тому мѣсту, откуда раздавались жалобы.

Съ трудомъ пробирались мы межъ кустами и пришли къ мѣсту, гдѣ болото хотя подернулось зеленымъ мхомъ, но было такъ зыбко, что опасно было идти по немъ.

Охотникъ, привыкшій къ болотамъ, знаетъ эти предательскія зыби, которыя всегда раздаются подъ его ногою. Мы хотѣли уже вернуться назадъ, какъ услышали голосъ изъ середины топи.

Скоро разглядѣли мы, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ раздвигается трава и подъ нею вытягивается черная рука, которую мы сочли принадлежащею негру. При второмъ крикѣ мы узнали голосъ нашего несчастнаго товарища. Это былъ нашъ новый Немвродъ.

Надо было поторопиться освободить его, потому что чѣмъ болѣе усиливался онъ выйти изъ тины, тѣмъ болѣе уходилъ въ нее.

Мы закричали ему, чтобы онъ не трогался и раздвинулъ руки, вмѣсто того, чтобы держать ихъ надъ головою подобно пловцу, который испытываетъ глубину рѣки.

Сейчасъ же наломали мы кустарнику, вѣтвей, травы, разбросали ихъ наподобіе мостика, взяли другъ друга за руки, и держась такимъ образомъ, дошли до утопающаго. Мы пришли въ время.

Несчастный ушел уже въ тину по грудь. Когда мы его вытащили и положили на траву, то никто не могъ удержаться отъ хохота при видѣ странной обертки, его покрывавшей.

Онъ принужденъ былъ взять вторую ванну, только уже въ чистой водѣ ручья.

Послѣ этого подвига, мы выбрались на болѣе твердую почву и увидѣли, что мы почти на краю Метиджи, у западной подошвы Атласа.

Пантера должна была бѣжать этимъ же путемъ въ горы.

Мы могли бы отправиться въ ближайшую разсѣлину, гдѣ вѣроятно она нашла себѣ убѣжище; но насъ остановила мысль, что тутъ же вблизи живутъ наши друзья кабилы. Вдали видѣлись уже ихъ сады и домики.

Вслѣдствіе этого, и вѣроятно къ великому прискорбію нашего новаго знакома, было рѣшено вернуться назадъ. На обратномъ пути мы старались обходить топкія мѣста и застрѣлили еще нѣсколько бекасовъ.

Передъ фермою подняли мы куропатокъ, и шесть штукъ изъ нихъ попали въ наши суки, которыя были помѣщены на плечи арабамъ, и красовались своей почтительной полнотою.

Съ сигарами во рту и съ ружьями черезъ плечо шли мы, вспоминая дневныя походы. Арабы отправились впередъ, чтобы приготовить экипажъ, усталыя собаки шли по узенькой дорожкѣ у ногъ нашихъ.

Вдругъ шагахъ въ сорока впереди насъ увидѣли мы черную массу, пробѣжавшую черезъ тропинку. День вечерѣлъ, и мы не могли хорошенько рассмотреть ее.

Это заяцъ! это шакалъ!... раздались у насъ восклицанія, и каждый думалъ, что рассмотрѣлъ и угадалъ лучше другаго.

Мы прибавили шагу и повели собакъ на слѣдъ.

Собаки сейчасъ же прихватили и привели насъ къ норѣ. Какой звѣрь тамъ скрылся, намъ было неизвѣстно, но мы рѣшились привести это въ ясность.

Собаки нюхали и рыли нору, мы совали туда палки; но нора шла уступомъ, и надо было придумать другое средство. Конечно можно было звѣря выкурить дымомъ, но мы были подлѣ поля пшеницы и рисковали зажечь его.

Въ это время подошелъ къ намъ одинъ изъ арабовъ съ извѣстiемъ, что экипажъ нашъ готовъ, а я предложилъ послать его на ферму за заступомъ и за лопатой.

Онъ скоро вернулся съ этими оружіемъ и съ товарищемъ; мы отозвали собакъ и начали рыть.

Когда дыра сдѣлалась пошире, мы пустили въ нее одну собаку. Она туда бросилась, но сейчасъ же выскочила назадъ съ визгомъ, и морда ея оказалась вся въ крови. Въ то же время услышали мы въ норѣ шумъ, похожій на оборотъ колеса.

Наши старанія добраться до звѣря еще болѣе усилились желанiемъ отмстить за раненую собаку. Скоро они увѣщались усилiемъ

Нора разрыта до основанiя, и звѣрь явился наружѣ. Сначала онъ намъ показался величиною съ зайца; но сейчасъ же надулся и покрылся цѣлымъ лѣсомъ острыхъ иголокъ.

Тутъ мы поняли, что это было нечто иное, какъ Бжъ и Бжъ разсвирѣпѣвшiй.

Сцена произошла презабавная.

Арабы испускали дикiе и радостныя крики, собаки, получавшiя раны при каждомъ нападенiи, выли и лаiali, игры звѣря поднимались и опускались съ шумомъ особаго рода. Мы были въ нерѣшимости, какъ окончить эту охоту, спорили другъ съ другомъ, и вся эта комедiя ужасно забавляла меня.

Но надо жъ было чѣмъ-нибудь кончить. Собаки были все въ крови и могли наколоть себѣ глаза. Я взялъ ружье и постарался прицѣлиться въ голову звѣрка, чтобы не попортить его оригинальной брони. Дѣло было не легкое, но, когда я выстрѣлилъ, иглы опустились одна за другой, и жертва наша могла быть легко поднята и съ торжествомъ отнесена въ экипажъ.

Мы прiѣхали въ Алжиръ часамъ къ десяти. Минъ будетъ долго памятенъ этотъ день охоты, полный самыхъ прiятныхъ ощущенiй.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Что новаго въ свѣтѣ? — одни утраты. Смерть шведскаго скульптора Фогельсберга, его жизнь и произведенія. Потера въ міръ литературномъ — смерть г-жи Жирарденъ. Честолюбіе ребенка, талантливость дѣвушки и значеніе женщины. Значеніе супруги журналиста. Новости заграничной литературы. Дѣлами маршала Сентъ-Арно. Комедія свѣта, господь Ессары. Новое произведеніе г-жи Мелани Вальморъ. Серафима — уроки среди цвѣтовъ, соч. г-жи Деренъ. Основаніе садовой и полевой флоры, Девеня. Римскій міръ — Ваханалія, — Артура Понроя. Театральныя новости: новыя шпэсы: *Помбаль у себя въ домѣ*, комедія Октава Фелье; *Медел*, трагедія Ипполита Люка; *Бракъ Олимпіи*, драма Ожье. Возвращеніе старой знакомки въ старый свѣтъ. Законъ о пенсіи стариковъ. Самоубійство въ госпиталѣ. Богатство бѣлыя у художника. Непріятность случившаяся, вслѣдствіе посвѣщенія парижскихъ гешетъ, съ мастеромъ Кастономъ, членомъ общества воздержанія. Клубъ чудаковъ въ Лондонѣ. Неохотникъ убивать людей. Неподвижной мостъ черезъ Беринговъ проливъ. Ответъ актрисы. Букетъ актрисы. Предсказаніе композитора о болѣзни танцовщицы. За что Клаписонъ избранъ въ члены Парижской Академіи Художествъ. Физиогномія парижской улитки и парижскаго олавера. Женщина брадобрій. Мелочныя лавочки послѣдняго разбору. Модные магазины съ третьягодними шляпами. Гостиницы: *Провиднiе* и *Пассажъ кондукторовъ*. Прачешная Ефрозини. Домъ Корнеля. Печальное существованіе автора Снда. Посланія Корнеля къ Людовику XIV. Публичная продажъ картинъ въ Парижѣ, принадлежавшихъ коммерческому и ссудному Кассельскому банку. Искушеніе Спасителя, картина Ари Шеффера. Гидротерапевческія и неотермическія купальни. Дымъ уничтожаетъ холеру. Цейланскіе чародѣи.

Что новаго въ мірѣ? Вотъ вѣчный вопросъ любопытнаго человечества. А когда-же и гдѣ-же оно не было любопытно? Когда оно за эту ненасытную жажду новаго не платило цѣною своего спокойствія и даже благополучія, начиная съ Адама и до нашихъ временъ? Что новаго? раздается со всѣхъ сторонъ свѣта, и на вопросъ отвсюду возникаютъ отвѣты, — отвѣты печальные, многознаменательные, заставляющіе задуматься мыслящаго человѣка. Тамъ вспыхнула война изъ темныхъ причинъ западной политики, и кровь человѣка льется какъ свадебное пиво вслѣдствіе адскихъ происковъ какого-нибудь англійскаго министра, смерть на тѣс-

номъ пространствѣ широко раскидываетъ владѣніе свое и похищаетъ каждый день сотнями и тысячами могучихъ бойцовъ, горько оплакиваемыхъ въ родномъ краю тѣми, сердцу которыхъ они были близки. Въ другомъ мѣстѣ народъ, умирая съ голоду, требуетъ хлѣба, и ему не позволяютъ покупать его въ той странѣ, которая издавна была кормилицей цѣлой Европы; а тамъ христіанскими народами, потомками Крестonosцевъ, поддерживается исламизмъ къ утѣсенію порабощенныхъ христіанъ! Далѣе образованность протягиваетъ дружескую руку горнымъ разбойникамъ, возбуждая ихъ къ грабежу и хищничеству, и наконецъ понявши, что нельзя управлять своеволіемъ кровожадныхъ дикарей, сознается въ своей ошибкѣ и пытается сдѣлать ту же ошибку на другомъ поприщѣ. Даже народъ, котораго спокойствіе было невозмутимо цѣлыя столѣтія, который, боясь волненій, загородился каменною стѣною и закономъ ото всѣхъ нововведеній, главныхъ причинъ волненій, мятется безотчетно, какъ волны океана, потрясаемаго неожиданнымъ землетрясеніемъ. Вотъ новости, ихъ ли подробности хотите знать вы?—читайте политическіе журналы, пробѣгайте безконечные столбцы иностранныхъ газетъ, запаситесь сотнями брошюръ, написанныхъ политиками всѣхъ націй, всѣхъ лѣтъ, всѣхъ оттѣнковъ мнѣній; изучите, если можете, по этой массѣ печатной бумаги человѣка, и вы узнаете, что онъ далекъ еще отъ того блаженнаго времени, когда повсемѣстно разумъ возьметъ волю надъ страстями, порядокъ надъ своеволіемъ, братская любовь надъ ненавистью, и когда люди, постигнувъ завѣтъ Спасителя, будутъ жить подъ Его державою, «какъ единое стадо подъ властью единаго пастыря».

Да, грустно становится, когда подумаешь о всѣхъ кровавыхъ дѣлахъ политическаго міра, отвратишь свои духовныя очи, мысли, отъ этого міра и спѣшишь вступить въ другой міръ, тихій, безмятежный міръ науки, искусствъ и художествъ, думаешь отдохнуть среди него — и ошибешься: и здѣсь приходится описывать преждевременныя утраты и сожалѣть о неконченномъ развитіи человѣческаго духа. Сколько примѣчательныхъ личностей сходятъ на полъ-пути своей жизни, не довершивъ своего назначенія, въ ничего невозвращающую могилу.

Такъ, въ прошломъ году, міръ изящныхъ художествъ потерялъ одного изъ своихъ примѣчательныхъ дѣятелей, о которомъ

ни одинъ русскій журналъ не удостоилъ и вспомннуть, я говорю о шведскомъ скульпторѣ Фогельбергѣ.

Бенуа Фогельбергъ родился въ 1787 году, въ городѣ Готтенбургѣ. Отецъ его былъ литейщикъ. Страсть къ ваянію у него проявилась съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Будучи еще ребенкомъ, онъ, къ огорченію своей матери, которая, какъ домовитая хозяйка, завѣдывала кухней, похищалъ морковь, рѣпу, свеклу, и вырѣзывалъ изъ нихъ фигурки. Отецъ его понялъ предназначеніе сына и всѣми средствами старался облегчить ему вступленіе на поприще изящныхъ художествъ. Четырнадцать лѣтъ Фогельбергъ, оставя школу, вступилъ въ Стокгольмскую академію изящныхъ искусствъ. Въ то время шведскіе художники находились подъ вліяніемъ неглаго, чопорнаго вкуса эпохи Людовика XV, эпохи подарившей насъ пейзажами, гдѣ красуются пастушки въ фижахъ передъ искривлявшимися предъ ними пастушками или нарумяненными героями, которые съ ловкостью и манерами танцовщиковъ предлагаютъ имъ букеты фялокъ и незабудокъ. Фогельбергъ скоро постигъ, что наставники его, потерявъ пониманіе истинно прекраснаго, уклонившись съ пути древняго классицизма, идутъ неправильною дорогою приторной лжи, дорогою самою губительной для искусства. Онъ высказывалъ откровенно свое мнѣніе и этимъ нажилъ много враговъ; никто изъ достопочтенныхъ профессоровъ не хотѣлъ его имѣть ученикомъ въ своей мастерской.

Одинъ только Сергель, талантъ котораго не обращалъ на себя почти ничего вниманія, потому что не соответствовалъ господствующему вкусу, принялъ радушно молодаго ученика, который въ свою очередь привязался всею душею къ своему наставнику. Сергель умеръ на рукахъ Фогельберга, и послѣднія слова его были къ нему слѣдующія: «Бенуа, ежели ты хочешь вполнѣ постигнуть совершенство искусства, то тебѣ надобно его видѣть и изучать въ Италіи, тамъ ты найдешь остатки великой Греціи, соединенные вмѣстѣ съ остатками великаго Рима, и только тамъ, когда по безжизненнымъ статуямъ ты изучишься постигать прекрасное, можешь найти вполнѣ дивныя произведенія, сотворенныя Вседержителемъ въ образѣ челоуѣка, которыя, ежедневно обращаясь передъ тобою, дополняютъ собою объясненіе, къ чему долженъ стремиться совершенный ваятель».

Эти слова умирающаго учителя глубоко врѣзались въ память Фогельберга. Онъ хотѣлъ видѣть Италію, и судьба благопріятствовала ему. Профессоры Стокгольмской академіи хотѣли избавиться отъ мальчика, который такъ явительно издѣвался надъ ихъ вычурными произведеніями, и присудили отправить его въ Италію. Это было въ 1818 году; послѣ семнадцати-лѣтней борьбы съ варварскимъ вкусомъ своихъ наставниковъ, Фогельбергъ узрѣлъ голубое небо Италиі, вѣчно праздничную природу юга, это народонаселеніе, которое поражало его красотой своихъ формъ, и наконецъ онъ отбѣгъ отъ восторга при созерцаніи произведеній древняго рѣзца.

Но прежде нежели онъ вступилъ въ эту завѣтную страну, — посѣтивъ мастерскія Германіи, долго пробылъ во Франціи, надѣясь здѣсь встрѣтить какого-нибудь великаго мастера, который своими бесѣдами и примѣромъ достаточно бы его приготовилъ для вступленія въ классическую Италію и для полнѣйшаго пониманія тѣхъ великихъ образцовъ, которые его тамъ ожидали. Желаннаго учителя среди Парижа онъ нашелъ въ Петрѣ Геренѣ. Этотъ художникъ былъ одинъ изъ тѣхъ дѣятелей, которые разорвали поштыя герлянды манерности, наложенныя на искусства, какъ на пьяную вакханку, растлѣннымъ вкусомъ регентства, временъ г-жи Помпадуръ, неистовыми революціонерами и не очень нравственными солдатами временъ Имперіи. Конечно Геренъ не совсѣмъ еще освободился отъ неестественности, но онъ понималъ уже *ложь* тогдашняго современнаго искусства, громко проповѣдывалъ противъ нее, и первый шагъ къ *правдѣ* былъ сдѣланъ — заслуга его была велика. Еще большая заслуга Герена была въ томъ, что изъ его мастерской вышли такіе ученики, какъ Жерико и Фогельбергъ. Послѣдній восемнадцать мѣсяцовъ посѣщалъ мастерскую Герена, работалъ неутомимо, передѣлывая одну и ту же работу нѣсколько разъ, ежели не получалъ одобренія своего наставника. Способность владѣть карандашомъ у него развилась въ высшей степени. Но онъ понималъ, что этого мало — ему надобно было приучиться лѣпить съ натуры, и онъ адресовался къ знаменитому тогда Бозіо, который былъ въ то время придворнымъ скульпторомъ. Бозіо принадлежалъ къ тѣмъ поклонникамъ сластолюбивыхъ типовъ, къ тѣмъ манернымъ скульпторамъ, которые въ большомъ количествѣ и охотно

производить пляшущих вакханокъ, обнаженных нимфъ и безстыдныхъ сатировъ, забавляющихся съ послѣдними. Всѣ эти фигуры поражаютъ взоръ, производя цинизмъ мысли, и преисполнены не движенія и граціи, а какого-то коверканія и безстыдства. Бозіо не могъ быть достойнымъ учителемъ Фогельберга, но онъ имѣлъ возможность дать ему лѣпить съ прекрасной природы, и молодой шведъ воспользовался этимъ случаемъ, даже до того, что одна знаменитая дама, которая до того постоянно служила натурщицей Бозіо, съ тѣхъ поръ позировалась только передъ молодымъ шведомъ, и Фогельбергъ вылѣпилъ съ нея *отдыхающую Діану*. Здѣсь въ первый разъ выразилось вполнѣ направленіе Фогельберга; правда, хотя его Діана не вполнѣ античная статуя, но въ ней, не смотря на ея наготу, столько приличія, какой-то спокойной невинности, что она не оскорбитъ и цѣломудренныхъ взоровъ дѣвственности.

Въ 1820 году, Фогельбергъ достигъ до цѣли своихъ желаній: онъ увидѣлъ передъ собою Римъ съ обломками его древняго величія и новымъ его значеніемъ, новою славой, какъ центра великихъ художественныхъ произведеній знаменитѣйшихъ мастеровъ. Долго пылкій художникъ не могъ совладѣть съ собою: ему хотѣлось все увидать, всѣмъ насладиться разомъ, и вниманіе его, разбитое на разные предметы, не могло сосредоточиться и вполнѣ представить каждый предметъ отдѣльно. Наконецъ мало по малу онъ овладѣлъ своими чувствами и постепенно предался изученію своего искусства;—это изученіе продолжалось долго, вплоть до его смерти, съ 1820 года до 1854 г. Фогельбергъ достигъ повидимому полнаго развитія своего таланта: какъ Торвальдсенъ близко подошелъ къ громаднымъ произведеніямъ Микель-Анжело, и какъ Канова усвоилъ себѣ духъ римскихъ скульпторовъ великой эпохи древнихъ римскихъ искусствъ, эпохи Августа, такъ и шведскій ваятель приближился къ произведеніямъ классической Греціи. Вся римская жизнь его проходила въ созерцаніи великихъ образцовъ и въ произведеніяхъ, достойныхъ стать рядомъ съ ними.

Всѣ произведенія Фогельберга должно раздѣлять на три разряда. Къ первому относятся изображенія, заимствованныя изъ греческой мифологіи; въ этихъ произведеніяхъ, исполненныхъ съ крайнею тщательностію, Фогельбергъ слѣдовалъ наставленіямъ Сергеля, Гереня, и безмолвнымъ урокамъ, преподааннымъ ему античнымъ

искусствомъ въ своихъ образцахъ. Здѣсь геній его является подѣ влияніемъ постороннимъ, не смѣетъ предаться вполне своему творчеству, хотя уже явственно видно, что художникъ стоитъ высоко на ступени славы.

Но этого для Фогельберга мало, онъ чувствуетъ силы творить независимо ни отъ кого, ему становится тѣсно въ классическомъ мірѣ греческой и римской мифологіи, онъ тамъ ничего не можетъ произвести новаго, не смѣетъ уклониться отъ сказанія мифа, которому слѣдуетъ буквально, а его мысли надобно просторъ, надобно предметы нетронутые никѣмъ, и мифологія его родины, угрюмое баснословіе сѣвера, выразившееся въ сагахъ и эдахъ, открываетъ обширное поприще его дѣятельности, и Фогельбергъ, торжествуя надъ всѣми препятствіями, создавая новые образцы, выходитъ побѣдителемъ надъ всѣми трудностями.

Однако же баснословная жизнь прошедшаго не удовлетворяетъ вполне требованіямъ творческаго духа великаго артиста: онъ чувствуетъ потребность воспроизводить не только однихъ Юпитеровъ, Венеръ, Вакханокъ, Одиновъ, Фрей и всю демонологию сѣвера, нѣтъ, онъ хочетъ представить личности дѣйствительно существовавшія; если нѣтъ ихъ точныхъ изображеній, то въ волѣ художника дать имъ обликъ, соответствующій ихъ историческому характеру, одѣтъ ихъ въ платье той эпохи, къ которой они принадлежали, выразить въ нихъ ту мысль, которая руководила ихъ поступками въ продолженіе ихъ жизни. Задача трудная, требующая глубокаго изученія исторіи и сердца человѣческаго, и въ этомъ третьемъ разрядѣ своихъ произведеній Фогельбергъ вышелъ съ такою же честію, какъ и въ предшествующихъ двухъ отдѣленіяхъ.

Кинувши общій взглядъ на произведенія Фогельберга, поговоримъ подробно о замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ.

Къ первому разряду, т. е. къ произведеніямъ, сюжетъ которыхъ почерпнуть изъ греческой мифологіи, принадлежатъ: Амуръ въ раковинѣ, спящая Діана, Геба, Венера, Купальщица (*Baigneuse*), Аполлонъ лиродержатель, Меркурій, готовящійся умертвить Аргуса, и Венера съ яблокомъ.

Первое его произведеніе есть Амуръ въ раковинѣ. Онъ сдѣлалъ эту статую, находясь еще въ мастерской Бозіо. Глядя на это произведеніе только лишь начинающаго молодого человѣка и на

последнюю статую Бозіо, Нимфу Салмадію, вы видите огромную разность между ученикомъ и учителемъ. У перваго при самомъ изысканномъ предметѣ вы встрѣчаете выраженіе тихой веселости, какого-то спокойствія и граціи, тогда какъ нимфа Бозіо поставлена манерно, какъ-будто бы она не можетъ постоять спокойно минуты, физиогномія ея выражаетъ гримасу сладострастія, и нѣкоторые члены тѣла какъ-будто нарочно выставлены на-показъ. Глядя на этого Амура, понимаешь, почему одна извѣстная женщина была поражена богомъ любви и позволила счастливому Фогельбергу созерцать сокровеннѣйшія свои прелести, копируя съ нея спящую Діану. Еслибъ вы и не знали, что эта Діана лѣплена съ женщины близкой артисту, то вы поняли бы это при внимательномъ воззрѣніи на статую: кажется, ревность счастливаго обладателя этихъ формъ хочетъ скрыть ихъ отъ постороннихъ взоровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ восторгъ любовника, напоминая артисту объ этихъ прелестяхъ, заставляетъ невольно воспроизводить ихъ. Геба, Венера и Купальщица сдѣланы подъ влияніемъ высокихъ образцовъ греческаго художества, которыми, кромѣ драпировки, онѣ даже ничѣмъ не уступаютъ. Въ Гебѣ вы видите то цѣломудріе и самосознаніе своихъ достоинствъ, которыя прельстия безсмертныхъ обитателей Олимпа. Венера типъ красоты, кажется дышетъ сладострастіемъ, но въ порывѣ этого чувства она не забываетъ, кажется, что она богиня. Не знаю, много ли натурщицъ служили Фогельбергу образцами его Купальщицы, но по крайней мѣрѣ формы этой статуи гармонируютъ между собою, тогда какъ въ произведеніяхъ современныхъ ему ваятелей нѣрѣдко встрѣтишь вполне развившуюся грудь при лицѣ пятнадцати-лѣтней дѣвушки, или торсъ совершенно сложившейся женщины, имѣющей тонкую шею и руки полуробенка.

Аполлонъ лиродержатель хуже предшествующихъ произведеній, можетъ быть потому, что мы освоились съ прекраснымъ типомъ Аполлона Бельведерскаго и не хотимъ знать никакихъ болѣе Аполлоновъ. Къ-тому же въ этомъ изваяніи виденъ общій недостатокъ всѣхъ подобныхъ статуй Фогельберга, недостатокъ драпировки: мантия его Аполлона кажется узка, тогда какъ хламида Аполлона Бельведерскаго падаетъ роскошными складками, да и самыя формы его болѣе приличны юному Ганнмеду, чѣмъ вполне сложившемуся Фебу.

Статуя Меркурія, приготовляющагося умертвить Аргуса, гораздо выше по исполненію, чѣмъ Аполлонъ. Кажется нельзя лучше изобразить выраженіе лица, какъ у этой фигуры, одушевленной гнѣвомъ и вѣсть съ тѣмъ стареющей изъ осторожности скрыть свой замыселъ подъ маскою равнодушія.

Венера съ яблокомъ лучше всѣхъ помянутыхъ произведеній Фогельберга. Аферодита въ правой рукѣ держитъ яблоко, врученное Парисемъ, лѣвою она придерживаетъ одежду, которая упала съ плечъ ея. Въ лицѣ богини торжество, въ позѣ и форматѣ дышетъ сладострастіе; глядя на нее, вы увѣрены, что соперницы ея не могутъ быть ея лучше. Строгіе знатоки осуждаютъ художника за расположеніе одежды, которое не живописно виситъ, спускаясь по лѣвому бедру; дѣйствительно въ этомъ видна натяжка: кажется художникъ увлекся желаніемъ показать свое мастерство и изученіе природы въ отдѣлкѣ передней части ноги выше колѣна и круглыхъ локтей талии и живота.

Однако, какъ мы говорили выше, всему этому могли найтись образцы въ произведеніяхъ античной скульптуры, хотя исполненіе ихъ требовало изученія, способности переимаченія и тонкой поддѣлки, чтобъ старое казалось новымъ. Фогельберга ждало другое поприще, поприще, на которое онъ выдвинулся первый. Живя еще въ Стенгольмѣ, одушевленный идеологіей роднаго сѣвера, онъ хотѣлъ воспроизвести изображенія древнихъ боговъ Скандинавовъ. Но гдѣ было молодому художнику взять образцы для этихъ грозныхъ идоловъ родной его стороны? Онъ только могъ прибѣгнуть къ внутреннему своему указанію, но для полнота усвоенія своей фантазіи, для окончательнаго выраженія ея, талантъ его еще не доросъ, и только послѣ долгой работы, послѣ многихъ совершенныхъ уже трудовъ, Фогельбергъ почувствовалъ, что его рѣзецъ можетъ представить Тора, Бальдера и Одина.

Его Меркурій, присланный въ Швецію, побудилъ короля заказать ему изображеніе Одина. Трудъ былъ тяжелый; Фогельбергъ рѣзвостно началъ изученіе сагъ, и чѣмъ онъ болѣе читалъ ихъ, чѣмъ болѣе вдумывался въ характеръ и значенію Одина, тѣмъ болѣе убѣждался, что его изображеніе не можетъ подходить ни подъ одинъ, уже усвоенный искусствомъ, типъ греческихъ и римскихъ боговъ; это былъ не громовержецъ Юпитеръ, въ немъ было

болѣ воинственнаго, чѣмъ въ могущественномъ повелителѣ Олимпа; это также не былъ и Марсъ, ибо въ Одинѣ вмѣстѣ съ воинственностью сочетавалась и верховная повелительность; не былъ это и Аполлонъ, ибо съ красотой послѣдняго надобно было соединить могущество Геркулеса, и на все это накинуть покрывало той сѣверной, неопредѣленной грусти, которою преисполнены сказанія сагъ. Многіе пророчили, что тщетны будутъ соображенія и труды художника, онъ будетъ не въ состояніи рѣшить принятой на себя задачи, и Фогельбергъ отвѣчалъ тѣмъ, которые сомнѣвались въ его гениальномъ творчествѣ, статуей Одина. Всѣ сознались единогласно, что нельзя представить вѣрнѣе изображеніе первенствующаго бога скандинавской мифологіи. Одинъ Фогельберга — мужественный воинъ во цвѣтѣ лѣтъ, у него могущественныя мышцы какъ у Геркулеса, повелительное лицо какъ у Юпитера, съ тою только разницею, что въ немъ видна и восторженность Аполлона, что выражается немного поднятою вверхъ головою и рассыпавшимися въ беспорядкѣ длинными локонами. Станъ у этой фигуры столько же гибокъ и могущественъ, какъ станъ бога войны, прельстившаго своею ловкостью всепрельщавшую Венеру.

Какъ ни хороша фигура Одина, но изображенія Тора и Бальдера, которыя сдѣланы были послѣ, явно говорятъ, что талантъ художника болѣе и болѣе совершенствовался. Могущественный Торъ обуть въ кожу оленя, на плеча его накинута шкура волка, въ рукѣ у него всеокрушающій молотъ, лице его дышетъ войною, раздоромъ и убійствомъ; могущественный корпусъ, кажется, отвѣчаетъ за силу, вамъ становится страшно, когда вы кинете первый взглядъ на эту фигуру, и потомъ, когда вы долго смотрите на нее, вы успокоиваетесь совершенно, понимая, что могущественный богъ не удостоитъ васъ своей ярости, что не противъ такого пигмея какъ вы будутъ устремлены удары его грознаго молота. Въ другомъ родѣ статуя Бальдера: онъ весь кротость и милосердіе, этотъ прекрасный юноша обнажилъ грудь свою, онъ, кажется, подставляетъ ее врагамъ своимъ, онъ, кажется, говоритъ: «Враги мои, поражайте меня, я впередъ дарую вамъ мое прощеніе, пусть течетъ кровь моя, пусть стрѣлы вопьются въ мое тѣло, я не произнесу проклятія.» Глядя на Бальдера, понимаешь, что художникъ хотѣлъ представить типъ кротости, и понимаешь, что рѣзецъ Фогельберга могъ бы осмѣлиться изобразить Спасителя.

Изъ историческихъ статуй Фогельберга, три заслуживаютъ особенное вниманіе знатока. Я хочу говорить объ изображеніяхъ Биргеръ-Ярла, Густава Адольфа и Карла XII. Первые двѣ были отлиты, третья по сію пору еще находится въ слѣпкѣ. Биргеръ-Ярль, основатель Стокгольма, представленъ въ полномъ вооруженіи. Лице его выражаетъ мужество и рѣшимость, которыя были постоянными его достоинствами. Чтобъ скрасить какъ-нибудь прямыя и неподвижныя линіи кованнаго вооруженія, художникъ накинулъ на него волнующійся плащъ, который однако не скрываетъ ни его широкой груди, ни его кольчуги, обрисовывающей стройный станъ могущественнаго витязя.

Статуя Густава Адольфа вполне напоминаетъ героя тридцатилѣтней войны, его откровенное, добродушное и вмѣстѣ повелительное лице. Одежда короля до мелочи вѣрна современному ему вооруженію, и все это преисполнено какимъ-то величіемъ и щегольствомъ; поза героя выказываетъ его мужество. Эта прекрасная статуя находится, въ настоящее время, въ Готенбургѣ.

Съ неменьшимъ успѣхомъ Фогельбергъ передалъ черты и характеръ Карла XII. Глядя на него, вы убѣждены, что передъ вами тотъ король-солдатъ, который умѣлъ завоевать царства и не умѣлъ сохранять своихъ завоеваній, который имѣлъ рѣшимость солдата, но никогда не имѣлъ величія героя; вы постигаете, что онъ могъ выиграть нѣсколько баталій у Петра, но не могъ побѣдить исполнна сѣвера.

Въ послѣдніе годы своей жизни, Фогельбергъ обратился къ любимымъ предметамъ своего вдохновенія; показавъ возможность преодолѣть величайшія трудности, рѣшить самыя мудренныя задачи искусства, онъ снова предался предести античныхъ изображеній и произвелъ двѣ дивныя группы: первый поцѣлуй Амура и Психеи и влюбленную Психею. Тщетно самый строгій судья будетъ разбирать, которому изъ двухъ этихъ произведеній отдать преимущество — онъ останется въ нерѣшимости, потому что оба они не уступаютъ Амуру и Психеѣ Кановы. Этого довольно.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

М О Д Ы.

Парижская выставка привлекла много любопытныхъ, а пріѣздъ королевы Викторіи ознаменовался множествомъ праздниковъ. И праздники, и многолюдство немного подвинули французскую мануфактуру. Во всѣхъ магазинахъ дѣятельно занимались исполненіемъ различныхъ туалетовъ, преимущественно балльных. Вотъ замѣчательнѣйшіе изъ нихъ.

— Платье изъ муару-антикъ, цвѣта чайной розы; юбка отдѣлана тремя оборками, изъ бѣлаго англійскаго кружева, которыя сверху украшены гирляндами бѣлаго и розоваго марабу; лифъ также убранъ кружевомъ и марабу.

— Платье сризоваго муару, убранное какъ и первое кружевными оборками, но черными, съ гирляндой черныхъ марабу, съ мушками изъ чернаго стекляруса.

— Платье шелковое сѣрое, съ тюникомъ изъ сѣраго же шелковаго тюлю; тюникъ этотъ убранъ двумя двойными тюлевыми же оборками, закрытыми совершенно двумя рядами богатаго чернаго кружева; лифъ отдѣланъ тюлемъ и кружевомъ.

— Платье бѣлое тюлевое; юбка убрана отъ рубца до пояса небольшими буфами, въ которыя продернуты голубыя ленты; каждая изъ буфъ, съ обѣихъ сторонъ, обшита узенькимъ гипюромъ; лифъ съ открытымъ воротомъ, украшенъ бретелями изъ буфъ.

— Платье бѣлое тарлатановое; юбка отдѣлана пятнадцатью оборочками, обшитыми чернымъ узенькимъ кружевомъ и подложенными широкой розовой лентой; на головѣ живыя розы.

— Платье бѣлое тюлевое, съ оборками вышитыми гирляндой полевыхъ цвѣтовъ, перемѣшанныхъ съ колосьями; головной уборъ также изъ полевыхъ цвѣтовъ.

— Платье голубое шелковое, въ двѣ юбки; верхняя приподнята двумя гирляндами бѣлыхъ нарцисовъ; лифъ съ открытымъ воротомъ и драпри изъ бѣлаго шелковаго тюлю, убраннымъ блондой и посрединѣ букетомъ нарцисовъ.

— Въ мантильяхъ и пардесю нѣтъ ничего новаго; самыя нарядныя дѣлаются изъ чернаго кружева.—Кисейныя мантильи, какъ бы богато ни были онѣ вышиты, надѣваются только за просто и то очень молодыми особами.

— Форма шляпъ все таже; цвѣты замѣняютъ фруктами—вотъ единственная перемѣна въ украшеніи ихъ.

ОПИСАНІЕ КАРТИНКИ.

— Нарядъ для обѣда: — платье муаровое, обшитое бахромой moussé; куафюръ блондовый съ цвѣтами. Бальное платье тюлевое, въ три юбки, подобранныя букетами; такіе же букеты украшаютъ драпировку лифа; тѣ же цвѣты въ волосахъ.

FEB 21 1962

